THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

D59
.V56
1911

a 00003 009568

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/uchebnikdrevneis00vipp

Проф. Р. Випперъ.

D59
.V56
1911

УЧЕБНИКЪ
ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

СЪ РИСУНКАМИ и ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

Восьмое дополненное и исправленное изданіе.

Цѣна 1 р.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1911.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Изъ предисловія къ первому изданію.

Первый курсъ древней исторіи въ средней школѣ въ его современной постановкѣ занимаетъ особое, весьма трудное положеніе. Онъ долженъ ввести въ науку, т.-е. познакомить учащагося съ общими понятіями, историческими и соціологическими, объяснить ему элементы исторической жизни. Между тѣмъ эту работу приходится исполнять на матеріалѣ, который заключаетъ въ себѣ своеобразныя, большею частью чуждыя намъ явленія общественной и культурной жизни. Новую трудность вноситъ еще необходимость приспособиться къ тому возрасту, въ которомъ обыкновенно проходится этотъ отдѣлъ исторіи.

Составитель думаетъ, что прежде всего желательно высвободить ранній курсъ исторіи отъ какихъ-либо постороннихъ ему самому задачъ. Надо заранѣе отказаться отъ мысли, что первый курсъ долженъ заложить въ голову учащагося какой-то предварительный общій остовъ исторіи, который послѣ заполнится плотью и кровью. Надо отдать побольше вниманія содержанію курса и разсматривать его, какъ вполнѣ законченный и самостоятельный кругъ знанія. Отсюда вытекаетъ необходимость устранить изъ него все, что составляетъ внѣшнее загроможденіе, всѣ слишкомъ дробныя рамки преемственности явленій, все обиліе именъ, цифръ, событій, подъ которыми кроется мало реальнаго содержанія, и которыя вводятся только для того, чтобы закрѣпить въ памяти подробную схему, внушить побольше опоръ для какой-то будущей картины. Вѣдь никто не будетъ спорить, что историческій, матеріалъ въ школѣ важенъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ производитъ впечатлѣніе и даетъ основу для мысли, для сравненій и заключеній. Надо постараться поэтому, чтобы изложеніе—все равно, письменное или устное—было выпукло, представляло простую и ясную систему, наиболѣе естественный порядокъ послѣдовательности. Пусть ассоціаціи, внушенныя преподавателемъ или книгой, замѣнятъ всякую необходимость повтореній, новыхъ систематическихъ размѣщеній и т. п. При отчетливомъ и послѣдовательномъ распредѣленіи многое само собою запомнится. Что не запоминается, то, очевидно, не производитъ впечатлѣнія; но какая цѣна, если на пустомъ мѣстѣ будетъ красоваться значокъ въ видѣ даты, имени и пр.?

Для того, чтобы достигнуть въ учебникѣ указанной цѣли, мало одного отрицательнаго пріема, т.-е. устраненія лишнихъ данныхъ, промежуточныхъ ступеней и событій, способныхъ давить память и придавать всему излагаемому процессу однообразный отпечатокъ. Необходимо также, по мнѣнію составителя, выдѣлить въ изложеніи нѣсколько крупнѣйшихъ моментовъ, а ради этого раздвинуть картины и характеристики въ ширь, т.-е. притянуть по возможности къ немногимъ группамъ событій разнообразныя явленія. Такими группами въ учебникѣ составитель старался сдѣлать, помимо характеристики ранней культуры, общія изображенія египетской и вавилонской жизни, гомеровскаго общества, Аѳинъ V в., Рима въ началѣ большихъ завоеваній и въ эпоху имперіи.

Но особенно важенъ выборъ основныхъ темъ, которыя могутъ быть поставлены въ центръ характеристикъ. Спрашивается, доступно ли въ школѣ то, что мы изучаемъ въ наукѣ въ качествѣ основныхъ элементовъ исторической жизни, т.-е. возможно ли ознакомить учащихся съ главными типами общественныхъ формъ и главными моментами общественнаго развитія? Составитель думаетъ, что эта задача вполнѣ достижима. Но необходимымъ условіемъ ея выполненія должно быть возможно болѣе конкретное описаніе явленій.

Отсюда вытекаютъ въ свою очередь ясныя требованія для формы изложенія учебника. Необходимо устранить въ немъ всѣ тѣ опредѣленія, факты и оттѣнки, которые могутъ затруднять своею отвлеченностью или тяготить сухой схематичностью. Къ числу самыхъ трудныхъ вещей въ историческомъ курсѣ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, изображенія политическихъ эволюцій, детали законодательствъ и терминологія политическихъ формъ. Обычное перечисленіе учрежденій, при чемъ они еще обозначаются неупотребительными у насъ древними названіями (гегемонія, булэ и пр.), не вызываетъ никакихъ представленій и слѣд. едва ли прибавляетъ какое-либо знаніе. Повидимому, лучше постараться собрать такія данныя, которыя могутъ составить простую реальную картину. Вмѣсто опредѣленія, формулы лучше поставить конкретное описаніе политической практики, схваченной на какомъ-либо учрежденіи, типичномъ для эпохи и мѣста.

Конкретность и обстоятельность описаній поможетъ не только лучшему закрѣпленію того или другого историческаго момента въ памяти и воображеніи. Составителю кажется, что только такія подробныя характеристики группъ дадутъ учащемуся возможность дѣлать заключенія и выяснять себѣ связь фактовъ; онъ долженъ самъ имѣть въ рукахъ всѣ элементы, нужные для сужденія о той или другой затронутой темѣ. Если же вмѣсто реальныхъ данныхъ стоитъ формула, она все равно не соединяетъ ничего въ умѣ; ее можно усвоить только внѣшнимъ образомъ, какъ новый отвлеченный фактъ.

Все той же цѣли конкретности должны, по мнѣнію составителя, служить рисунки и карты, образуя собой нѣкоторыя поясненія и дополненія текста. Конечно, здѣсь неизбѣжно извѣстное ограниченіе, чтобы не превращать книги въ атласъ; иллюстраціи могутъ быть только толчками или привязками къ дальнѣйшему ознакомленію съ художественно-реальной стороной исторической жизни.

При выполненіи указанныхъ условій учебникъ долженъ былъ отклониться неизбѣжно отъ наиболѣе обычной формы конспекта и приблизиться къ формѣ хотя бы краткой книги для чтенія. Едва ли нужно поэтому прибавлять, что составитель и не думалъ предназначать все содержаніе своего учебника для заучиванія или подробнаго пересказа. Извѣстные его отдѣлы, конечно, достаточно дать прочитать и ограничиться общимъ отчетомъ о нихъ. Но это дѣло уже преподавателя: какъ лучше распредѣлить текстъ, что дополнить, на чемъ остановиться, о чемъ побесѣдовать, какой матеріалъ предоставить на долю нѣкотораго размышленія и т. п.

Составитель не считаетъ нужнымъ подробно объяснять программу учебника, надѣясь, что главныя линіи изложенія выступятъ сами собою при чтеніи или изученіи книги. Курсъ древней исторіи даетъ возможность подвигаться по естественнымъ географическимъ районамъ и разсматривать общественно-историческія явленія въ опредѣленной обстановкѣ физическихъ условій. Съ другой стороны, этотъ порядокъ болѣе или менѣе отвѣчаетъ и задачѣ эволюціоннаго изображенія. Сначала—старинная Европа и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе ранній общественный типъ. Затѣмъ—двѣ большія культуры рѣчныхъ равнинъ Сѣверной Африки и Передней Азіи въ видѣ географическаго и общественно-культурнаго контраста первой группѣ, но въ то же время и въ качествѣ слѣдующей высшей ступени. Далѣе (при посредствѣ характеристики финикіянъ)—переходъ къ району и культурѣ Средиземнаго моря. Слѣдующая затѣмъ характеристика—старинной Греціи—примыкаетъ опять къ изображенію перваго процесса, но служитъ для дальнѣйшаго выясненія совершенно новаго высшаго типа: во-первыхъ, городской общины; во-вторыхъ, крайне подвижной и разносторонней культурной среды. Характеристика Рима—въ предѣлахъ новаго западнаго района—лишь немного возвращаетъ назадъ въ смыслѣ эволюціоннаго порядка изложенія. Центръ тяжести этого отдѣла лежитъ въ изображеніи большого сложнаго общественно-политическаго союза, который потомъ объединяетъ весь Средиземноморскій міръ и подводитъ итоги всего предшествующаго развитія въ его кругу. Слѣдующій моментъ—разрушеніе этого огромнаго союза и движеніе культуры назадъ, отчасти подъ давленіемъ новыхъ силъ, которыя въ свою очередь впервые вступаютъ на путь культурнаго развитія. Составитель считалъ необходимымъ присоединить изображеніе этого процесса на всемъ его протяженіи къ курсу древней исторіи. Отсюда—составъ двухъ заключительныхъ главъ учебника,

изъ которыхъ послѣдняя содержитъ въ себѣ матеріалъ, обыкновенно относимый къ курсу Среднихъ вѣковъ.

Еще одно частное замѣчаніе. Хронологія, введенная въ учебникъ, какъ это легко можно замѣтить, почти вся приблизительная; ея значеніе исключительно въ томъ, чтобы помочь учащемуся установить послѣдовательность эпохъ, облегчить ему распланировку матеріала. Ни въ какомъ случаѣ она не должна оказаться новой тягостью въ видѣ объекта для заучиванія. Хронологическая память составляетъ рѣдкую спеціальную способность: въ отношеніи же огромнаго большинства учащихся внушеніе хронологіи—занятіе совершенно безплодное. Притомъ если мы считаемъ важнымъ усвоеніе крупныхъ и общихъ историческихъ моментовъ, историческихъ полосъ и общественно-культурныхъ типовъ, то всѣ эти точныя и дробныя даты утрачиваютъ значеніе; важно только основное размѣщеніе, только главная очередь явленій. Въ этомъ смыслѣ въ учебникѣ только одна основная хронологическая дата: это—порядокъ его изложенія.

Предисловіе къ восьмому изданію.

Составитель считалъ возможнымъ внести въ новое изданіе нѣсколько добавленій, преимущественно по исторіи поздняго Востока и городской Греціи. Расширенъ отдѣлъ греческой миѳологіи. Введена болѣе подробная характеристика персидской державы и обстоятельнѣе изложенъ ходъ греко-персидскихъ войнъ. Это было сдѣлано во вниманіе къ замѣчаніямъ преподавателей, затруднявшихся согласовать данныя учебника съ требованіями оффиціальной программы. Съ тою же цѣлью, рядомъ съ приблизительной хронологіей, поставленной въ заголовкахъ, введена другая, точная и дробная для отдѣльныхъ событій или для опредѣленія жизни историческихъ дѣятелей. По мысли составителя, хронологическія даты послѣдняго рода не подлежатъ заучиванію: онѣ пригодны для справокъ, а также для мысленнаго размѣщенія матеріала внутри тѣхъ большихъ рамокъ, которыя намѣчены въ заголовкахъ.

На нѣкоторыхъ особенностяхъ своего плана составитель считаетъ нужнымъ остановиться. 1. Персидская держава отнесена не въ главу о Востокѣ, а помѣщена въ связи съ одновременными событіями въ Греціи. Оправдывается это, во-первыхъ, соображеніями хронологическими: гдѣ только возможно, желательно не разъединять одновременныя явленія, а трактовать ихъ параллельно. Другое основаніе, болѣе важное, состоитъ въ томъ, что на всемъ своемъ протяженіи исторія персидскаго государства тѣсно сплетается съ исторіей независимой Греціи. Почти всѣ внѣшніе факты исторіи персовъ, о которыхъ приходится говорить въ учебникѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ суть и факты греческой исторіи; зачѣмъ же отдѣлять описательную характеристику персовъ отъ повѣствовательной?

2. Составитель не ввелъ въ учебникъ судебъ Греціи и Македоніи отъ Александра до завоеванія ихъ римлянами: исторія этого времени представляетъ слишкомъ спеціальный интересъ, чтобы быть пригодной для курса III и IV классовъ и не оказаться простымъ загроможденіемъ памяти. Составитель сомнѣвается, чтобы фактически этотъ отдѣлъ проходился когда-либо въ соотвѣтствующихъ классахъ.

3. Попрежнему въ учебникъ не введена исторія царскаго періода Рима, а также детали борьбы патриціевъ съ плебеями, въ родѣ закона Канулея и т. п. Послѣ того критическаго анализа, которому наука подвергла традицію о римской старинѣ, невозможно изображать «государственное и общественное устройство Рима въ періодъ царей» или «законодательство Сервія Туллія». Въ самомъ дѣлѣ, неужели полезно сообщать учащимся рядъ данныхъ для того только, чтобы, непосредственно послѣ этого или нѣкоторое время спустя, они узнали, что такіе-то разсказы лишены достовѣрности?

При составленіи учебника древней исторіи возникаетъ особое затрудненіе изъ того обстоятельства, что курсъ древней исторіи проходится въ мужскихъ гимназіяхъ въ двухъ классахъ (III и IV) при 2+3 годовыхъ урокахъ, а въ женскихъ гимназіяхъ (IV) и реальныхъ училищахъ (III) въ одномъ классѣ при 2 урокахъ. Составлять въ виду этого два разные текста, полный и сокращенный, казалось излишнимъ. Можно ожидать, что преподаватели, вынужденные проходить древнюю исторію въ теченіе одного года, обойдутъ при изученіи главу I (Старинная Европа) и главу XII (Варвары на западѣ 400—700 гг. по Р. Х.—отнеся эту главу къ курсу среднихъ вѣковъ). Въ тѣхъ же видахъ возможно обойти рядъ разсказовъ, содержаніе которыхъ преподаватель или самъ кратко передастъ, или предложитъ ученикамъ къ внѣклассному чтенію. Въ качествѣ таковыхъ составитель намѣчаетъ: въ *главѣ II:* Рѣчныя равнины на Востокѣ. Раздѣленіе богатства и труда въ древнемъ Египтѣ. Управленіе. Большіе города. Письмо. Торговля Вавилона. Деньги. Священная наука вавилонянъ. Языкъ и сношенія вавилонянъ. Средиземное море; *гл. IV:* Промышленность. Рабы; *гл. VI:* Аѳинскій народъ. Новыя понятія о богахъ. Діонисовы праздники и мистеріи. Обученіе. Ученые и софисты; *гл. VII:* Наемники. Военная монархія въ Сициліи. Противники демократіи; Платонъ. Наука грековъ. Нравственныя понятія; *гл. VIII:* Римскіе откупщики. Нобили. Большія имѣнія. Рабы. Возстанія рабовъ. Городъ Римъ. Народъ въ Римѣ. Чужіе обычаи и вѣра. Греческое образованіе; *гл. X:* Принцепсъ и народъ. Германцы. Германцы и римляне. Военная граница Рейна и Дуная. Второе возстаніе въ Іудеѣ; *гл. XI:* Прикрѣпленіе людей къ службѣ. Прикрѣпленіе крестьянъ. Чужіе обычаи въ имперіи. Погребальныя общества; катакомбы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Старинная Европа . . . . . 1— 18
II. Востокъ отъ 3000 до 600 гг. до Р. Х. . . . . 18— 57
III. Греческая старина. 1000—700 гг. до Р. Х. . . . . 57— 68
IV. Греческіе города и персидская держава. 700—480 гг. до Р. Х. . . 69— 83
V. Аѳины. 480—400 гг. до Р. Х. . . . . 83—111
VI. Греки на востокѣ. 400—100 гг. до Р. Х. . . . . 111—123
VII. Италія и Римъ. 500—270 гг. до Р. Х. . . . . 123—132
VIII. Римъ въ началѣ большихъ завоеваній. 270—130 гг. до Р. Х. . . 133—149
IX. Конецъ республики въ Римѣ. 130—30 гг. до Р. Х. . . . . 149—160
X. Римская имперія. 30 г. до Р. Х.—200 г. по Р. Х. . . . . 161—182
XI. Имперія и варвары. Христіанство. 200—400 гг. по Р. Х. . . . . 182—198
XII. Варвары на западѣ. 400—700 гг. по Р. Х. . . . . 199—212

Карты.

1. Поселенія и торговля финикіянъ и грековъ 64
2. Аѳины и Спарта и ихъ союзники 96
3. Персидская держава и походъ Александра 112
4. Римъ и Карѳагенъ во время пуническихъ войнъ 144
5. Римская имперія при Траянѣ 176

I.

Старинная Европа.

Изученіе старины. *Исторіей* мы называемъ науку о судьбахъ рода человѣческаго на землѣ. Наукѣ этой легко собрать множество свѣдѣній о временахъ, ближайшихъ къ нашему. Въ обществѣ образованномъ заботятся о томъ, чтобы осталась память о прожитомъ, ведутъ записи о событіяхъ и человѣческихъ порядкахъ. Но чѣмъ дальше назадъ, въ прошлые вѣка, тѣмъ меньше встрѣтимъ мы такой заботы, тѣмъ меньше записей.

За 3000 лѣтъ до нашей поры, т.-е. за 1000 лѣтъ до Р. Х., въ Европѣ никто не составлялъ никакихъ замѣтокъ о событіяхъ или образѣ жизни своихъ современниковъ. Если мы хотимъ узнать что-нибудь объ этомъ времени и о вѣкахъ, еще болѣе старинныхъ, намъ нужно рыться въ землѣ, поднимать засыпанные сверху слои ея, на которыхъ жили люди нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ. Тогда передъ нами открываются остатки жилищъ и могилъ, орудій и оружія, утвари, платья, украшеній, игрушекъ старинныхъ людей, наконецъ останки ихъ самихъ и тѣхъ животныхъ и растеній, которыя служили имъ. По этимъ слѣдамъ жизни можно представить себѣ, какова была природа, окружавшая человѣка, какое онъ велъ хозяйство, какъ одѣвался, какъ работалъ и развлекалъ себя.

Науку, изучающую эти остатки, мы называемъ *археологіей* (т.-е. наукой о старинѣ). Она помогаетъ исторіи, но не вполнѣ. По остаткамъ почти вовсе нельзя судить о многихъ обычаяхъ людей старины: напр., о томъ, какъ была устроена у нихъ семья, какіе они составляли между собою союзы, какъ разбирали споры, какъ и чему молились, какъ совершали празднества и т. п.

Чтобы составить себѣ понятіе обо всемъ этомъ, надо обратиться къ помощи другой науки, народовѣдѣнія (*этнологіи*), которая изучаетъ бытъ современныхъ намъ народовъ разныхъ частей свѣта. Особенно важно узнать устройство и понятія тѣхъ изъ нихъ, которые

отстали въ своемъ развитіи, находятся въ дикомъ, или варварскомъ, состояніи. Не трудно замѣтить, что остатки старины въ Европѣ очень похожи на предметы обихода нынѣшнихъ дикарей и полудикарей Австраліи, Америки, Африки; можно думать, что такъ же похожи между собою оказались бы понятія, устройство, обычаи тѣхъ и другихъ. Можно заключить, что у старинныхъ европейцевъ были тѣ самые порядки и вѣрованія, какіе встрѣчаются у краснокожихъ Америки, у австралійцевъ и др.

Пещерные люди. Самыя старинныя поселенія отстоятъ отъ нашего времени на многіе десятки тысячъ лѣтъ. Сначала въ Европѣ былъ теплый и влажный климатъ. О людяхъ этой поры мы почти ничего не знаемъ: въ глубокихъ слояхъ земли находятъ груды заостренныхъ камешковъ, похожихъ на орудія, но еще не открыли человѣческихъ останковъ. Позднѣе громадные льды надолго закрыли больше половины Европы; остатки ледниковъ до сихъ поръ лежатъ на высокихъ гребняхъ Альпъ.

Когда ледъ отступилъ къ сѣверу, въ нашихъ странахъ еще нѣсколько тысячелѣтій стояли холода. Въ эту пору въ Европѣ водились крупные звѣри, которые теперь исчезли или стали очень рѣдки: носорогъ, мамонтъ, т.-е. слонъ съ густой длинной шерстью и сильно загнутыми клыками, бизонъ, громадный древній быкъ, кабанъ, крупный (такъ наз. теперь сѣверный) олень, пещерный левъ и пещерный медвѣдь.

О дикаряхъ этого времени можно составить себѣ понятіе. Въ глубокихъ засыпанныхъ пещерахъ откапываютъ ихъ скелеты, груды осколковъ, служившихъ имъ орудіями, отбросы, по которымъ видно, что́ они употребляли въ пищу. Жизнь этихъ людей была окружена опасностями; средства ихъ пропитанія были очень скудны. Мужчины выходили на охоту, выстерегали звѣря, загоняли и убивали дубиной, коломъ, острой костью или камнемъ. Они бросались на свѣже убитую дичь, вырѣзывали кости и жадно высасывали изъ нихъ теплый мозгъ. Женщины оставались около жилищъ, собирали ягоды, дико растущіе плоды и сѣмена, выкапывали изъ земли коренья. Сами пещеры, гдѣ укрывался человѣкъ отъ холода и непогоды, были небезопасны: иногда ему удавалось отбить жилище у звѣря, но нерѣдко и самъ онъ долженъ былъ уступать мѣсто болѣе страшному сопернику. Пещерный человѣкъ не зналъ одежды. Отъ холода онъ укрывался содранной съ животнаго шкурой; длинные волосы его развѣвались по вѣтру. Свое тѣло онъ натиралъ краской или накалывалъ на немъ рисунки. Въ жизни его не было постоянства: истребивши дичь въ сосѣднемъ лѣсу, онъ вынужденъ былъ бросать жилище и искать новаго. Часто онъ подолгу

голодалъ; зато, когда доставалась богатая добыча, онъ поѣдалъ её съ дикой жадностью, забывая сдѣлать запасъ. Сонъ его былъ мутный и тяжелый. Онъ мало и отрывисто говорилъ; небесныя явленія не занимали его. Онъ не различалъ добрыхъ и злыхъ поступковъ, не помышлялъ о карающемъ божествѣ, не задавалъ себѣ вопроса, откуда происходитъ все окружающее, кто правитъ видимымъ ему міромъ. Онъ умѣлъ только шумно радоваться, когда была удача, и тяжело стонать, когда его постигало несчастье.

Одно великое преимущество было у него передъ животными. Онъ зналъ *огонь* и умѣлъ его производить посредствомъ тренія сухихъ сучьевъ. До сихъ поръ не нашли слѣдовъ такого дикаго быта, въ которомъ люди не были бы знакомы съ огнемъ. Костеръ, разведенный въ серединѣ пещеры, собиралъ семью послѣ трудной охоты; около него грѣлись и проводили ночь; на огнѣ приготовляли пищу.

Старый каменный вѣкъ. Очень плохи и слабы были орудія, которыми располагалъ человѣкъ; они были точно повтореніемъ или продолженіемъ его рукъ и ногъ, пальцевъ и кулаковъ. Онъ отыскивалъ острыя и крѣпкія кости животныхъ и рыбъ, бралъ себѣ рога большого оленя и зубы кабана, набиралъ остроконечные и тонкіе обломки кремня.

Постепенно онъ сталъ обдѣлывать орудія: ударяя о край камня другимъ камнемъ, онъ отсѣкалъ отъ перваго мелкіе неправильные кусочки и такимъ образомъ заострялъ конецъ или ребро кремня. Смотря по величинѣ камня, онъ получалъ подобіе топора, ножа, скребка. При помощи этихъ орудій можно было наносить болѣе тяжкіе удары на охотѣ, рѣзать мясо, скоблить шкуру животнаго, прокалывать кожу его, снимать кору съ дерева. Однѣ и тѣ же вещи были инструментами и оружіемъ для человѣка. Старинный топоръ былъ только клинкомъ безъ рукоятки: человѣкъ схватывалъ его крѣпко между пальцами и ладонью и усиливалъ имъ удары своей руки въ родѣ кастета.

Прошли еще долгіе вѣка. Въ выдѣлкѣ камня человѣкъ достигъ большого мастерства. При помощи тонкаго лезвія, острія или бурава изъ камня онъ могъ строгать, заострять и сверлить кости и рога животныхъ. У него былъ теперь подборъ разнообразныхъ орудій. Еще одну удивительную способность выказалъ человѣкъ древняго каменнаго вѣка. На костяхъ и рогахъ, которые служили ему орудіями, на скалахъ и внутреннихъ стѣнахъ пещеръ онъ чертилъ какимъ-нибудь остріемъ рисунки, большею частью изображенія животныхъ: мамонта, оленя, бизона, дикой лошади. Эти рисунки очень хороши; они показываютъ наблюдательность и вѣрный глазъ. Вотъ два оленя угрожающе наставили рога другъ на друга; вотъ бѣше-

ный бизонъ ощетинилъ шерсть и выгнулъ свою огромную горбатую спину. Или еще: изъ кости, изъ клыка мамонта, изъ камня вырѣзана фигура человѣка, ржущей дикой лошади, присѣвшихъ къ землѣ оленей. Въ этихъ рисункахъ и фигурахъ — начало человѣческаго *искусства*. Оно не служило какой-либо пользѣ: дикарь забавлялся,

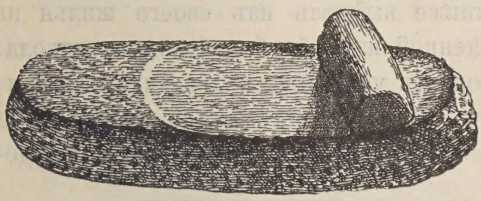
Орудія стараго каменнаго вѣка: скребокъ, топоръ; голова человѣка, вырѣзанная изъ оленьяго рога; просверленный оленій рогъ съ изображеніемъ на немъ лошадей.

развлекалъ себя, красилъ чѣмъ могъ свою скучную жизнь; примѣтливый и смѣлый охотникъ изображалъ то, что стояло передъ его глазами.

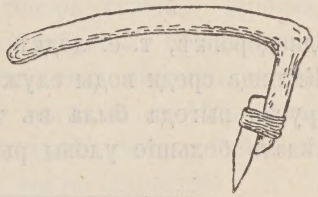
Начало скотоводства и обработки земли. Такъ прошли тысячелѣтія. Климатъ въ Европѣ опять перемѣнился. Стало нѣсколько теплѣе и сырѣе. Исчезли многія породы крупныхъ звѣрей, мамонтъ, пещерный медвѣдь, древній большой быкъ, и размножились животныя,

свойственныя нашему времени. Люди стали жить на открытыхъ мѣстахъ, въ долинахъ рѣкъ, богатыхъ растительностью, на окраинахъ лѣсовъ, на берегу моря. Они не бродили болѣе, разыскивая мѣста, обильныя дичью. Они старались сѣсть прочнѣе и сдѣлать запасы на голодное время года. Съ этою цѣлью человѣкъ началъ загонять звѣрей и птицъ, которые были ему нужны, держать ихъ за изгородями, а иныхъ сталъ приручать. Первая приручилась собака, которая сама пристала къ человѣку и сдѣлалась его товарищемъ на охотѣ. Позднѣе приручили овецъ, козъ, свиней. Прирученныя животныя вначалѣ были мелки и плохи; ихъ большею частью держали лишь для убоя. Такимъ образомъ рядомъ съ охотой появилось *скотоводство*.

Двинулось впередъ также и старинное женское занятіе—добываніе растительной пищи. Вмѣсто того, чтобы ходить и разыскивать случайно выросшія травы, коренья, женщины стали пересаживать и разводить вблизи дома тѣ породы, отъ которыхъ болѣе всего питались:



Ручная мельница для растиранія зерна.

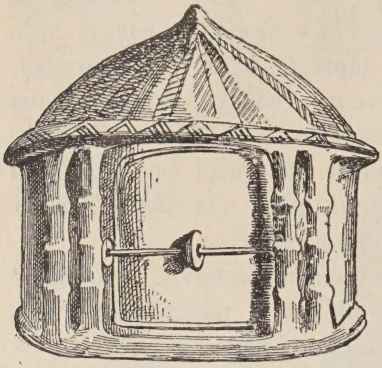


Мотыка изъ остраго камня, привязаннаго къ загнутой палкѣ.

плодовыя деревья, а особенно хлѣбные злаки, ячмень, просо, пшеницу. Чтобы злаки лучше росли, землю взрыхляли *мотыкой*, т.-е. палкой съ загнутымъ назадъ краемъ или съ крюкомъ на концѣ; сохи и плуга еще не знали, и животныхъ не употребляли для работы. Это еще не было земледѣліе; вѣрнѣе назвать такое хозяйство *огороднымъ*. Вначалѣ не умѣли печь хлѣбъ. Зерно либо поджаривали, или размягчали на ручной мельницѣ, состоявшей изъ двухъ камней, одного надъ другимъ, и варили эту плохо растертую муку. Попрежнему трудъ добыванія пищи, кухня и обѣдъ были раздѣлены: мужчины жарили мясо, женщины отдѣльно отъ нихъ готовили вареные овощи и кашу. Въ то время какъ въ могилу мужчинъ клали охотничьи клинки, съ женщиной хоронили ея мельницу.

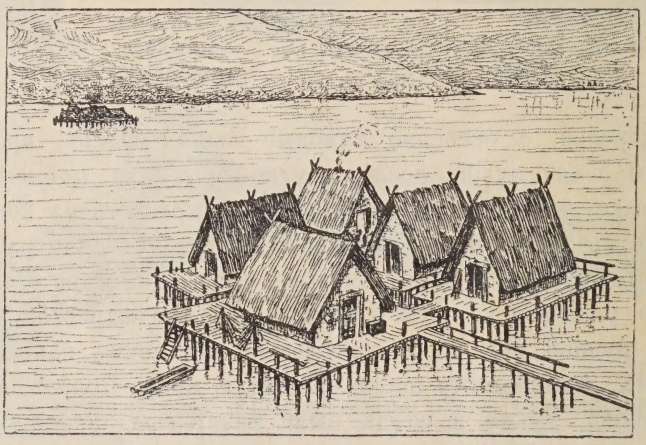
Свайныя постройки. Совершенно измѣнилось и жилище человѣка. Онъ уже не искалъ случайнаго притона въ скалахъ и на деревьяхъ. Онъ сталъ строить *дома* наподобіе тѣхъ убѣжищъ, какія находилъ въ природѣ. Или складывалъ самъ изъ крупныхъ камней пещеру,

или выкапывалъ яму, землянку, и ставилъ надъ нею круглую крышу изъ плотно переплетенныхъ вѣтокъ и хвороста. Или, наконецъ, онъ строилъ деревянную избу на сваяхъ среди воды озеръ и болотъ. Одинъ видъ построекъ показываетъ, какъ далеко эти люди ушли отъ пещерныхъ жителей.



Сосудъ для храненія праха, имѣющій видъ старинной хижины.

Въ дно недалеко отъ берега вбивали сваи; ихъ концы выше воды соединяли поперечными брусками и на нихъ настилали помостъ изъ балокъ; этотъ неровный полъ покрывали глиной, пескомъ и булыжникомъ, а на немъ ставили нѣсколько хижинъ. Свайную деревушку соединяли съ берегомъ лавы или плотинка, но такъ, что ихъ легко было разнять. Человѣкъ могъ также выѣхать изъ своего жилья на однодеревкѣ, т.-е. лодкѣ, выдолбленной изъ обрубка большого ствола. Жилища среди воды служили хорошимъ убѣжищемъ отъ дикаго звѣря; другая выгода была въ томъ, что тутъ же подъ рукой можно было дѣлать большіе уловы рыбы. На берегу озеръ противъ свайныхъ де-



Видъ свайныхъ построекъ на озерѣ.

ревень лежали лѣса и пастбища, въ которыхъ жители охотились и пасли свой скотъ, а среди обширныхъ зарослей тянулись узкія полоски ихъ огородовъ и полей.

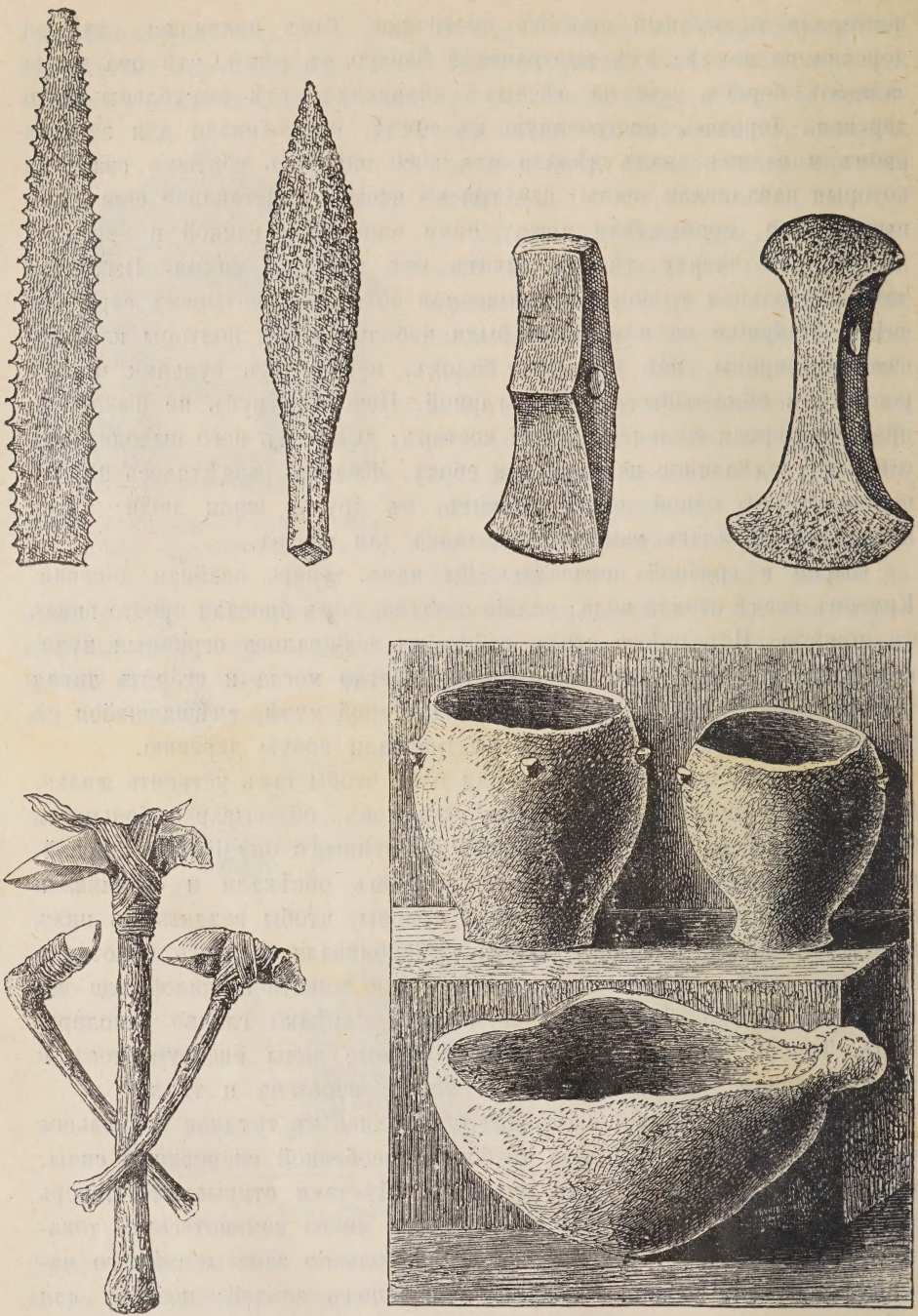
Не вездѣ встрѣчаются значительныя озера; если однако же люди селились въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не было большой воды, они

повторяли привычный способъ постройки. Такъ появились свайныя деревни на землѣ: ихъ выстраивали близко къ рѣкѣ, гдѣ она могла заливать берегъ, или на лѣсныхъ полянкахъ, гдѣ вырублены были деревья. Деревню, построенную на землѣ, огораживали для защиты рвомъ и валомъ; валъ дѣлали изъ косо накрестъ вбитыхъ свай, на которыя наваливали землю; изнутри къ насыпи приставляли еще длинные бруски, промежутки между ними наполняли глиной и связками хвороста, а сверху дѣлали накатъ изъ песку и камня. Выходила четырехугольная крѣпость, обращенная боками къ четыремъ странамъ свѣта. Избушки на помостахъ были небольшія, въ полторы или двѣ сажени ширины, изъ прямыхъ балокъ, перевитыхъ сучьями и хворостомъ и обмазанныхъ сырой глиной. Печей и трубъ не было; попрежнему среди жилья зажигали костеръ; дымъ отъ него выходилъ въ отверстіе, сдѣланное наверху или сбоку. Жилище раздѣлялось на двѣ половины; въ одной держали скотъ, въ другой жили люди; здѣсь посрединѣ дѣлалась каменная настилка для костра.

Сырой и грязной показалась бы намъ теперь свайная деревня. Кругомъ вездѣ стояла вода; всякіе остатки, соръ бросали просто внизъ съ помоста Изъ всѣхъ этихъ отбросовъ собирались огромныя кучи, которыя поднимались до самаго полу. Легко могла и сгорѣть такая тѣсная хворостяная деревня; тогда на старой кучѣ, смѣшавшейся съ золой, укрѣпляли опять сваи и выстраивали новую деревню.

Новый каменный вѣкъ. Но и для того, чтобы такъ устроить жилье, нужно было много умѣнія. Рубка деревьевъ, обтесыванье большихъ брусковъ требовали болѣе крѣпкихъ и крупныхъ орудій. Люди свайныхъ построекъ съ большимъ искусствомъ обсѣкали и обтачивали камни; они просверливали каменные топоры, чтобы всадить въ нихъ рукоятки изъ кости, рога, дерева, выдалбливали кругомъ молотковъ бороздки, чтобы подвязать къ нимъ ручки животной жилой или волокнистой травой. Большіе клинки были нерѣдко гладко отполированы. Теперь имѣлись самые разнообразные виды инструментовъ и оружія: пилки, кинжалы, стрѣлы, копья, веретена и т. д.

Приготовленіе орудій и стройка обратились въ трудное правильное занятіе, въ *ремесло,* которое требовало особенной сноровки и силы; этими работами заняты были мужчины. Мѣстами открываютъ теперь слѣды мастерскихъ, гдѣ работало вмѣстѣ много каменотесовъ, токарей и оружейниковъ. Имъ нужны были большіе запасы свѣжаго матеріала. Лучшій кремень лежитъ внизу подъ землей; поэтому для добыванія его рыли глубокіе колодцы или шахты. На ряду съ мужскими ремеслами появились другія—женскія. Женщины плели корзины и готовили посуду изъ глины. Сначала придумали обмазывать



Орудія новаго каменнаго вѣка: каменная пилка; каменное остріе копья; каменные обтесанные топоры; топоры, привязанные къ палкамъ; глиняная посуда, сдѣланная отъ руки.

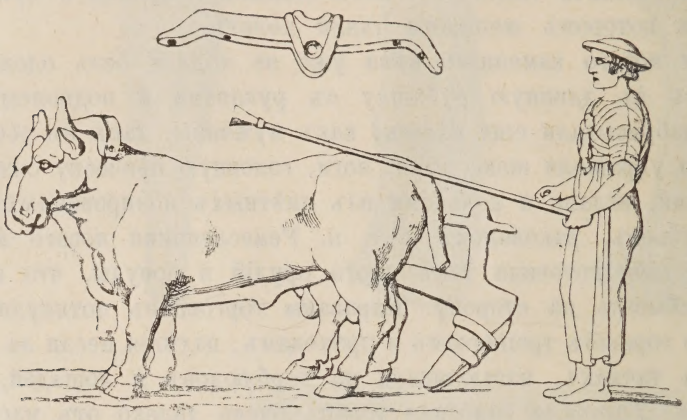
вязкой глиной плетушку, чтобы можно было ставить ее на огонь. Потомъ стали складывать горшки, кувшины, миски и т. д. изъ однихъ глиняныхъ комьевъ или слоевъ; ихъ высушивали затѣмъ на солнцѣ. Гораздо позднѣе стали вертѣть посуду на гончарномъ колесѣ и обжигать на огнѣ. Еще на другое ремесло натолкнуло женщинъ ихъ знакомство съ растеніями. Онѣ замѣтили волокнистые стебли льна и конопли, научились добывать пряжу, тянуть нитки и вертѣть веревки, наконецъ готовить ткани. Въ избѣ появились прялка и прямой станокъ, на которомъ женщины ткали холстъ.

Люди новаго каменнаго вѣка уже не ходили безъ одежды. Они одѣвались въ длинную рубашку съ рукавами и подпоясывали ее; сверху набрасывали еще плащъ; какъ мужчины, такъ въ особенности женщины украшали шею, руки, ноги, головную прическу ожерельями, браслетами, иглами и кольцами изъ цвѣтныхъ полированныхъ камешковъ, зубьевъ, раковинокъ и т. п. Ремесленники новаго каменнаго вѣка мѣстами готовили такъ много орудій и посуды, что излишекъ начали сбывать на сторону. Караваны торговцевъ потянулись вдоль рѣкъ, по горнымъ тропинкамъ и проходамъ; издѣлія несли на плечахъ, везли на тачкахъ, навьючивали на верблюдовъ и лошадей, грузили въ лодки. *Торговля* заносила товаръ очень далеко отъ мастера. Въ свою очередь издалека привозили красивыя породы камней, служившія матеріаломъ для выдѣлки.

Начало земледѣлія. Бронзовый и желѣзный вѣка. Еще дальше двинулся человѣкъ къ своей работѣ. Замѣтивъ, что хлѣбъ растетъ лучше, если глубже вскопать землю, онъ увеличилъ мотыку, сдѣлалъ крѣпче крюкъ и удлинилъ ручку: получился *плугъ*. Плугъ надо тащить, не останавливаясь, черезъ все поле; вмѣсто короткой грядки получится длинная борозда. Сначала люди сами тащили плугъ. Потомъ стали впрягать спереди сильнаго вола, а человѣкъ сталъ позади, чтобы направлять плугъ по прямой линіи и, надавливая на него, углублять борозду. Этотъ способъ работы съ сильнымъ орудіемъ и съ рабочимъ животнымъ уже есть наше *земледѣліе*. Не скоро укротили быка; но разъ его одолѣлъ человѣкъ, на быкѣ стали перевозить тяжести, впрягать животное въ телѣгу. Для той же цѣли человѣкъ захватилъ и быструю лошадь. Эти работы, примыкавшія къ ловлѣ животныхъ и пастушеству, большею частью были не по силамъ женщинъ, которымъ въ старину принадлежала обработка земли; но нерѣдко скотоводъ считалъ трудъ, пригибающій къ землѣ, низкимъ и обиднымъ для вольнаго человѣка и посылалъ на поле слабыхъ женщинъ, подростковъ, стариковъ.

Вмѣстѣ съ земледѣліемъ двинулось впередъ и скотоводство. Еще

новый предметъ пищи открылъ человѣкъ. У дикой телки молока едва хватало на теленка; въ неволѣ отъ улучшеннаго корма сталъ получаться излишекъ молока, который люди брали себѣ. Память объ этомъ нововведеніи сохранилась надолго: молоко осталось праздничной пищей, которую дѣлили съ божествомъ, выливая ему часть на землю. Новое примѣненіе нашли и мелкому скоту, овцамъ и козамъ: съ луч-



Старинный плугъ; наверху отдѣльно ярмо.

шихъ породъ начали стричь шерсть и приготовлять изъ животнаго волоса прочныя и красивыя ткани. Во всемъ обиходѣ человѣка произошла большая перемѣна, и онъ сознавалъ, какъ много новаго богатства принесло прирученье животныхъ. Во многихъ мѣстахъ поэтому стали чтить быка, или тельца, какъ божью силу, представляя себѣ, что божество вселяется въ это могучее и благодѣтельное животное.

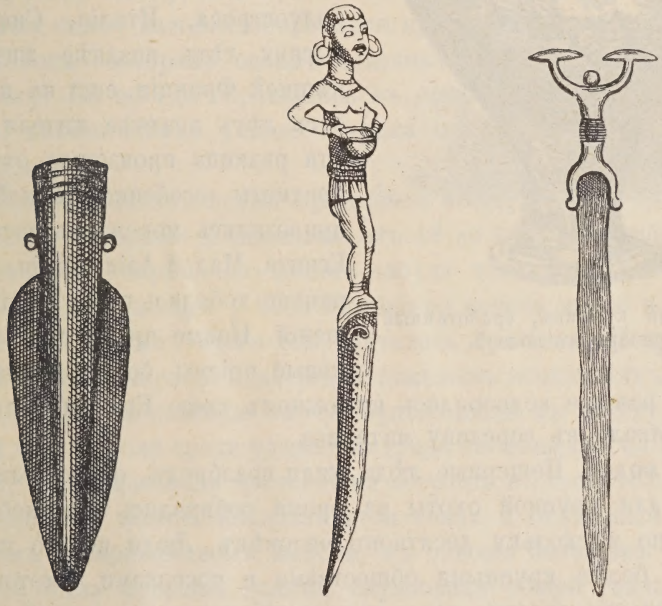
То же, что съ животными, человѣку удалось сдѣлать и съ нѣкоторыми дикими растеніями: онъ улучшилъ ихъ породу, перенесши ихъ изъ лѣсу или со степи къ себѣ за ограду, выпалывая на грядахъ сорныя травы, прививая вѣтки хорошихъ кустовъ къ худшимъ. Изъ привитыхъ растеній самыми важными сдѣлались виноградъ и оливка.

Въ большихъ хозяйствахъ стали нужны загоны для скота, амбары для хлѣба, кладовыя для плодовъ и овощей. Каменныя орудія были слишкомъ мелки и ломки для новыхъ работъ. Нужно было найти очень прочный матеріалъ, чтобы готовить изъ него большія крѣпкія лезвія для плуговъ, тяжелые топоры и молоты, большіе заступы. Такимъ матеріаломъ оказались *металлы*. Рѣдко металлы попадаются въ видѣ самородковъ; обыкновенно они смѣшаны въ рудѣ съ другими породами камней и земли. Нужно большое умѣніе, чтобы различить руду, вы-

плавить металлъ изъ смѣси и придать ему разныя формы; для этого необходимо примѣнять огонь.

Легче всего дается въ плавку *мѣдь*. Она и была первымъ металломъ, который сталъ употреблять человѣкъ. Но мѣдь слишкомъ мягка; мѣдное остріе или лезвіе скоро загибается и тупѣетъ. Поэтому къ мѣди для твердости стали прибавлять олово; эта смѣсь—*бронза*. Для приготовленія бронзовыхъ вещей надо было либо сдѣлать форму изъ камня и глины и вливать въ нее расплавленный металлъ, или бить горячія мягкія полосы молотомъ и придавать имъ видъ лезвій, гвоздей, остроконечныхъ палочекъ и т. д.

Позднѣе люди научились добывать и обдѣлывать *желѣзо*: орудія стали еще крѣпче. Возникли большія мастерскія металлической выдѣлки: до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны слѣды старинныхъ большихъ кузницъ. Онѣ должны были находиться вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ добывали руду. Если народъ переходилъ на другое посе-



Орудія бронзоваго и желѣзнаго вѣка: бронзовый наконечникъ копья; бронзовый ножикъ; желѣзный мечъ съ бронзовой рукояткой.

леніе, кузнецы и литейщики оставались на старомъ мѣстѣ; имъ приходилось уже работать на чужихъ людей. Въ качествѣ иноплеменниковъ кузнецы у однихъ народовъ были въ презрѣніи; другіе, напротивъ, высоко чтили ихъ, считали вѣщими людьми, такъ какъ ихъ тяжелое дѣло казалось въ то же время хитрымъ и таинственнымъ.

Вмѣстѣ съ издѣліями изъ металла появился особый видъ роскоши и богатства. Блестящія, гладкія и звонкія желтыя, бѣлыя и красноватыя вещи изъ металловъ очень нравились людямъ; за ними жадно всѣ тянулись. Лучшимъ украшеніемъ считали браслеты, ожерелья, наручни, кольца, серьги, застежки изъ бронзы, золота и серебра. Металлическими полосами стали обивать верхи домовъ и внутреннихъ стѣнъ, пороги и косяки дверей. Покойникамъ клали на лица маски изъ тонкихъ золотыхъ листовъ. Кто хотѣлъ похвастать, говорилъ, что у него дома много всякаго металла.

Разрисованный кувшинъ, сработанный на гончарномъ колесѣ.

Люди разныхъ странъ Европы не въ одно время поднялись на такую степень богатства и мастерства. Раньше всего перешли къ бронзѣ и желѣзу жители юга, Балканскаго полуострова, Италіи, Сициліи; на тысячу лѣтъ позднѣе жители нынѣшней Франціи, еще на нѣсколько сотъ лѣтъ позднѣе жители Швеціи. Эта разница произошла оттого, что предметы особенно тонкой работы привозились моремъ съ востока, изъ Египта, Малой Азіи, Сиріи, гдѣ люди раньше добились изобрѣтеній и улучшеній. Новые предметы, а съ ними новые пріемы болѣе искусной работы всего раньше водворились на южномъ краю Европы и лишь медленно проникали въ середину материка.

Союзы людей. Пещерные люди жили вразбродъ, одиночными семьями. Лишь для крупной охоты на время собирались они небольшими отрядами, по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Люди новаго каменнаго вѣка жили болѣе крупными обществами и поселками. Скотоводы составляли большіе лагери; когда истощался кормъ въ округѣ, весь лагерь передвигался вмѣстѣ. Земледѣльцы составляли *общину* и раздѣляли между собою большую поляну, окруженную лѣсомъ, или часть рѣчной долины; они строились или сплоченной деревней, кругомъ которой лежали поля, луга и выгоны, или хуторами, при каждомъ хуторѣ свое поле и огородъ, но съ общими выгонами. Скотоводы, суровые и задорные, нерѣдко поднимали ссоры съ сосѣдями, дѣлали набѣги на нихъ, чтобы отобрать добычу. Земледѣльцы были мягче нравомъ

и боялись войны, во время которой растаптывались поля и огороды и погибалъ трудъ многихъ лѣтъ. Однимъ для нападенія, другимъ для защиты нужно было соединяться въ союзы. Вступавшіе въ союзы выбирали *вождемъ*, на время набѣга или обороны, какого-либо человѣка, извѣстнаго силой и ловкостью. Его слушались только во время боя; когда потомъ расходились опять по домамъ, бывшій вождь становился обыкновеннымъ обывателемъ.

Союзы эти были очень невелики сравнительно съ государствами и даже областями нашего времени. Торговля и странствованіе ремесленниковъ сближали, правда, людей разныхъ мѣстностей; они привыкали объясняться между собою, у нихъ появлялся общій *языкъ*. Люди одинаковаго говора и сходныхъ обычаевъ составляли одно *племя*, сознавали свою близость другъ къ другу. Но племя большею частью не подчинялось одному приказу. Въ мирное время каждая деревня вела свою замкнутую жизнь. Если поднимался между сосѣдями споръ, или одинъ человѣкъ наносилъ другому обиду, поссорившіеся могли разсчитывать только на собственныя силы; каждый оборонялся противъ обидчика или соперника, какъ могъ: собиралъ своихъ близкихъ, мстилъ, старался нанести вредъ врагу. Но иногда обращались къ совѣту, или *суду* мирнаго посредника, какого-нибудь умнаго старика или человѣка, котораго считали вѣщимъ.

Нерѣдко возникали тѣсныя *братства* между людьми одного возраста, особенно молодыми и сильными, отъ 18 до 30 лѣтъ приблизительно. Союзъ свой они скрѣпляли какимъ-нибудь таинственнымъ обрядомъ, напр., выпускали каждый у себя нѣсколько капель крови и смѣшивали въ одной ямкѣ: послѣ этого они считались братьями. Подраставшихъ юношей старшіе товарищи подвергали тяжелымъ испытаніямъ: отправляли въ одиночку на опасную охоту, привязывали къ дереву и осыпали стрѣлами и т. п. Если среди ударовъ и града насмѣшекъ они выказывали мужество, ихъ признавали достойными вступить въ братство. Названные братья большею частью покидали свои семьи и отдѣльныя жилища и жили всѣмъ товариществомъ вмѣстѣ, въ одномъ большомъ *мужскомъ домѣ*. Это была большая палата, служившая общей спальней и трапезной, окруженная навѣсомъ и нерѣдко укрѣпленная; въ ней хранилось и оружіе. Отдѣльный членъ союза во всемъ долженъ былъ подчиняться общему желанію товарищей; часто, напр., онъ не смѣлъ жениться и заводить семью, пока оставался въ братствѣ.

У братства, или дружины, былъ обыкновенно свой выборный начальникъ. Иногда способный, предпріимчивый атаманъ привлекалъ много новыхъ людей въ дружину; послѣ удачныхъ набѣговъ у него съ товарищами накоплялась большая добыча. Молва о немъ проходила по всей

странѣ. Его старались задобрить; отовсюду посылали ему поклоны и подарки. Онъ могъ увлечь за собою цѣлое племя, если, напр., оскудѣвала пища въ округѣ. Тогда поднималось сильное возбужденіе: множество семей съ женами и дѣтьми снимались съ мѣста, собирали свой скарбъ на телѣги и пускались въ путь за могучимъ вождемъ: происходило *переселеніе* народа.

Устройство семьи. Различіе въ нравахъ охотниковъ, скотоводовъ и земледѣльцовъ замѣтно на характерѣ семейной жизни. У охотниковъ мужчины и женщины жили почти врозь, сильно отличаясь въ занятіяхъ и во всемъ обиходѣ. Мужчина ходилъ въ лѣсъ, бродилъ, разбойничалъ, пропадалъ по днямъ и недѣлямъ; въ такихъ семьяхъ женщина можетъ получить силу въ домѣ; она распоряжается судьбой дѣтей, пока они не подрастутъ и не уйдутъ сами. Защищать мать могъ или младшій братъ ея, дольше другихъ остававшійся дома, или ея отецъ, и тогда дѣти ея привыкали къ дядѣ или дѣду больше, чѣмъ къ своему отцу. Въ такихъ семьяхъ родство считалось только по матери; напр., братъ отца не считался родственникомъ его дѣтей.

Родственники звались общимъ именемъ какого-нибудь звѣря или птицы: «оленями», «соколами», «волками». Можетъ быть, при этомъ они воображали, что происходятъ отъ этихъ животныхъ или получили отъ нихъ силу. Родственники не могли вступать въ бракъ между собою. Напр., мужчина «соколъ» не могъ жениться на женщинѣ того же имени. Если же мужчина «олень» бралъ жену изъ «соколовъ», то дѣти ихъ считались «соколами».

Совсѣмъ иначе устраивалась семья тамъ, гдѣ мужъ бралъ въ свои руки домовое хозяйство. У скотоводовъ мужчины прочнѣе садились около дома, и отецъ забиралъ себѣ большую власть надъ дѣтьми; ихъ самихъ и жену, ихъ мать, онъ считалъ своею собственностью, своими рабочими, даже взрослыхъ сыновей онъ продолжалъ держать при себѣ въ подчиненіи.

Молодой человѣкъ, желавшій завести себѣ домъ, похищалъ жену, увозилъ ее изъ чужого селенія, отнималъ у чужого племени; или чтобы избѣжать ссоры, женихъ уговаривался съ родными дѣвушки насчетъ ея цѣны и покупалъ жену. Во всякомъ случаѣ женщина въ такой семьѣ была плѣнницей, рабой: ее заставляли исполнять самую тяжелую, самую черную работу. Могло случиться, что мужъ опять ее продавалъ, или онъ пріобрѣталъ себѣ нѣсколькихъ женъ. Женщинъ цѣнили не высоко въ такихъ семьяхъ. Когда хозяинъ богатѣлъ, т.-е. когда у него разрасталось стадо, ему нужно было побольше крѣпкихъ пастуховъ и сторожей, значитъ больше сыновей. Въ рождающихся дѣвочкахъ видѣли, напротивъ, нерѣдко только обузу, и случалось, что ихъ убивали.

Въ такихъ семьяхъ родство считалось только по отцу. Отецъ былъ тутъ владыка, господинъ. Большая семья, служившая подъ его приказомъ, могла своей силой равняться цѣлому селенію; она могла взять власть надъ многими мелкими семьями, заставить ихъ работать на себя. Чужіе старались получить покровительство ея и быть усыновленными владыкой. Все это соединеніе родныхъ по крови, принятыхъ въ родство и подчиненныхъ, составляло *родъ*. Въ немъ выдѣлялась главная семья, въ которой власть переходила отъ отца къ старшему сыну. Семья эта считалась *знатной*, вызывая къ себѣ страхъ и почтеніе.

Старинныя вѣрованія и обряды. Древнѣйшіе люди хоронили умершихъ около своихъ очаговъ въ пещерахъ и вѣроятно скоро забывали о нихъ. Могилы новаго каменнаго вѣка занимаютъ особыя мѣста отдѣльно отъ дома и выложены очень тщательно. Скелетъ похороненнаго нерѣдко находится въ сидячемъ положеніи съ пригнутыми къ подбородку колѣнами; кругомъ положены въ порядкѣ различныя вещи. Видно, что у хоронившихъ были опредѣленныя представленія о жизни за гробомъ.

Явленіе смерти всего сильнѣе поражало людей. Оно наводило ихъ на слѣдующія мысли. Человѣкъ, котораго постигла смерть, еще недавно двигался, говорилъ, ѣлъ, трудился. Теперь его тѣло неподвижно лежитъ и охладѣло. «Онъ ушелъ», говорилъ себѣ близкій: осталось только жилище, въ которомъ «онъ» жилъ. Но въ чертахъ мертваго сохранилось сходство съ живымъ. Изъ этого выводили, что ушедшій былъ *двойникомъ* того существа, которое осталось теперь неподвижнымъ тѣломъ. При жизни двойникъ былъ внутри тѣла; отъ него шло теплое дыханіе, онъ былъ «духъ». Поэтому думали, что двойникъ, или духъ, похожъ на паръ и, какъ паръ или вѣтеръ, легко улетаетъ.

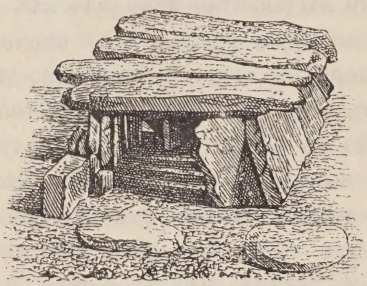
При наступленіи смерти духъ или душа совсѣмъ уходитъ изъ тѣла. Но духъ можетъ также уходить изъ тѣла временно. Онъ блуждаетъ во время сна: сновидѣніе—это то, что онъ видитъ въ своемъ скитаніи, пока тѣло лежитъ неподвижно на мѣстѣ. Духъ выходитъ также, когда человѣкъ въ ярости, въ безуміи (мы и теперь еще говоримъ въ такихъ случаяхъ: «онъ внѣ себя»).

Духъ можетъ уходить отъ тѣла, но безъ тѣла жить не можетъ. Потерявъ свое прежнее тѣло, онъ ищетъ другого. Изъ человѣка онъ можетъ перейти въ звѣря, птицу. Бѣда ему, если нѣтъ пріюта, если онъ долженъ долго скитаться. Но бѣда тогда и близкимъ людямъ умершаго: онъ будетъ ихъ мучить, «душить» по ночамъ, пугать во снѣ, во время бури, выть вѣтромъ надъ домомъ и т. д.

Поэтому надо или избавиться отъ него, т.-е. запереть ему входъ назадъ въ домъ, отогнавъ его шумными криками или хитрымъ обманомъ, или надо о немъ позаботиться, успокоить его, т.-е. дать ему

снова жить въ прежнемъ тѣлѣ. Для этого слѣдуетъ хорошо схоронить тѣло въ землѣ или подъ сводами крѣпкихъ камней. Но тамъ умершему надо дать все, что требуется человѣку въ обыкновенной жизни, положить туда орудія, платья, украшенія; надо время отъ времени дѣлиться съ душой умершаго пищей и питьемъ, т.-е. либо носить ихъ на могилу, выкладывать и выливать тамъ, либо въ особые дни отдѣлять часть изъ домашней ѣды, выставлять наружу и вспоминать умершаго за столомъ. Умершаго кладутъ въ согнутомъ положеніи, въ какомъ бываетъ рождающійся младенецъ, потому что вѣрятъ, что онъ снова родится.

Духи и божества. Если умершій былъ сильный человѣкъ, наприм., владыка большой семьи или вождь, то духъ его послѣ смерти получалъ особый почетъ. Его боялись теперь еще больше, чѣмъ прежде: онъ могъ теперь невидимо перелетать; всякую бѣду приписывали его гнѣву. Вѣра эта до сихъ поръ сохранилась въ понятіи о безпокойномъ «домовомъ», который живетъ въ трубѣ или подъ порогомъ дома.



Могильная галлерея изъ больш. камней.

Холмъ надъ каменной могилой.

Думали также, что духъ можно привлечь и усадить въ высокій каменный столбъ, поставленный на могилѣ или на перекресткѣ. Для могучихъ духовъ строили цѣлый каменный домъ: они должны жить гораздо дольше, чѣмъ живые люди, слѣдовательно имъ нужно и очень прочное вѣчное жилище.

Изъ громадныхъ камней, придвинутыхъ плотно, стоймя другъ къ другу, складывали большую комнату, гораздо крупнѣе жилой избы; одна изъ каменныхъ комнатъ, открытая въ наше время въ Испаніи, длиною почти 12 саженъ, шириною въ 3 сажени. Сверху клали крышу изъ тяжелыхъ камней; къ двери велъ длинный ходъ, сложенный изъ камней поменьше, по которому можно было пробираться только ползкомъ. Такія большія каменныя могилы часто засыпаны землей, которая поднимается надъ ними курганомъ. Подножіе холма бываетъ обложено кругомъ камнями. Встрѣчаются также правильные круги изъ громадныхъ

священныхъ камней и цѣлыя поля, уставленныя рядами и аллеями каменныхъ столбовъ и глыбъ.

Люди вѣрили, что кругомъ нихъ летаетъ много духовъ. Эти духи вышли не только изъ людей. Все живое человѣкъ представлялъ себѣ похожимъ на него. Духи живутъ въ животныхъ, особенно въ тѣхъ, которыя кажутся человѣку таинственными, напр., въ змѣяхъ. Но духи живутъ также въ деревьяхъ, въ ручьяхъ, рѣкахъ и даже въ камняхъ. Эти духи то добры, то злы къ человѣку, то помогаютъ ему найти что-нибудь, наприм., преслѣдуемую дичь, тропинку въ лѣсу, потерянную вещь; то они мѣшаютъ ему, наприм., сбиваютъ его съ дороги, ломаютъ брошенную въ звѣря стрѣлу, тащатъ человѣка въ омутъ, когда онъ тонетъ, и т. д. Болѣзнь объясняли тѣмъ, что злой или безпокойный духъ вселился въ человѣка.

Между духами есть болѣе сильные, *божества*. Милость божества люди старались пріобрѣсти какимъ-нибудь лишеніемъ или мученіемъ, наприм., отказомъ отъ болѣе вкусной ѣды и даже полнымъ отреченіемъ отъ пищи на нѣсколько дней или нанесеніемъ себѣ ранъ. Ему отдавали въ *жертву*, т.-е. на съѣденіе, самое лучшее, что имѣли, крѣпкаго быка или только что родившагося теленка. Кровь зарѣзаннаго животнаго, вылитая на землю, отдавалась духу. Думали, что если духъ выпьетъ теплой крови, т.-е. того, въ чемъ онъ прежде жилъ, онъ опять оживетъ, получитъ силу, чтобы говорить и открыться живымъ людямъ. Когда на людей нападалъ очень большой страхъ, они готовы были отдать духу кровь человѣческую, убить для него плѣнника или даже близкаго родственника, наприм., отецъ убивалъ своего ребенка.

Гадатели. Не всякій умѣлъ отгонять духовъ и выманивать ихъ изнутри человѣка, чтобы вылѣчить его. Когда случалась бѣда, наприм., начиналъ падать скотъ или заболѣвалъ человѣкъ, звали вѣдуна, знахаря: онъ трясъ больного, чтобы вытряхнуть духа, давалъ ему особое питье, произносилъ страшныя или таинственныя слова, которыхъ боится духъ или которыя, напротивъ, ему нравятся. Когда стояла засуха, гадателя звали «сдѣлать дождь», приманить духъ, живущій въ тучѣ.

Если не видно было, гдѣ сидитъ духъ, или было непонятно, что ему нужно, знахарь начиналъ гадать: бросалъ камешки и палочки и смотрѣлъ, какъ они ложатся; рѣзалъ животное и глядѣлъ на его внутренности,—все это для него были знаки, которые онъ одинъ умѣлъ толковать. Или знахарь самъ звалъ въ себя духа: оглушалъ себя звономъ и трескомъ бубна, бѣшено скакалъ, вертѣлся до головокруженія, падалъ изнеможенный и кричалъ въ безпамятствѣ; его крики считались вѣщею рѣчью самого духа. Такимъ способомъ можно было узнать, какую жертву слѣдуетъ принести, чтобы ублажить духа, можно было

узнать имя своего тайнаго врага или того вора, который увелъ лошадь, и т. д.

Лѣкарь-вѣдунъ часто и самъ бывалъ больнымъ человѣкомъ: иногда это былъ сумасшедшій или страдавшій падучей. Но эту болѣзнь считали за пребываніе въ немъ мудраго духа. Вѣдуномъ могъ стать также очень умный или даровитый человѣкъ: слагатель пѣсенъ, знатокъ травъ и цвѣтовъ; его особенный умъ окружающіе принимали за внушеніе духа. Вѣщій человѣкъ могъ показать путь, вдохновить въ битвѣ; онъ иногда шелъ предводителемъ.

Часто гадалъ самъ глава дома, отецъ: онъ звалъ домашняго духа или духа, ближняго по мѣсту. Вѣрили, что у костра, который горитъ въ каждомъ домѣ, живетъ духъ-покровитель этого дома. Поэтому очагъ былъ святымъ мѣстомъ. Чтобы не потерять помощи духа, человѣкъ старался сохранить на очагѣ неугасимый огонь.

Сказанія. Небесныя явленія также привлекали вниманіе человѣка. Его поражала смѣна дня и ночи. Онъ боялся мрака, ночной тишины и радовался блеску солнца и просыпавшейся съ нимъ жизни. Онъ пытался найти объясненіе этой смѣнѣ свѣта и тьмы и думалъ, что есть для нея живая причина: то борются два сильныхъ духа, свѣтлый, добрый къ людямъ, и темный, злой. Свѣтлаго богатыря подстерегаютъ его враги, убиваютъ или похищаютъ, но онъ опять поднимается или воскресаетъ и разитъ ихъ сверкающими стрѣлами, т.-е. лучами своими разсѣеваетъ ночь. Въ грозѣ, казалось, повторяется та же борьба: черный злой духъ тучи не отдаетъ живительной влаги, которой жаждетъ земля, пока свѣтлый богъ не разсѣчетъ тучу своимъ копьемъ—молніей.

Изъ этихъ объясненій слагались живые разсказы, полные дѣйствія, съ концомъ счастливымъ или печальнымъ. Въ нихъ выражались понятія о добрѣ и злѣ; они были первыми попытками найти смыслъ и связь вещей въ мірѣ, окружающемъ человѣка.

II.

Востокъ отъ 3000 до 600 г. до Рождества Христова.

Рѣчныя равнины на Востокѣ. Въ то время какъ европейцы среди суровой природы жили бѣдно и едва поднимались надъ нравами дикарей, два народа, въ сѣверо-восточной Африкѣ и въ западной Азіи, *египтяне и вавилоняне*, достигли большого богатства, искусства въ работѣ и образованности.

Природа въ этихъ странахъ совершенно иная, чѣмъ въ Европѣ. Здѣсь нѣтъ дремучихъ лѣсовъ, черезъ которые такъ трудно было пробиваться европейцамъ. Круглый годъ стоитъ тепло; лѣтомъ оно доходитъ до раскаленной жары, зимой не опускается ниже, чѣмъ въ нашемъ апрѣлѣ и маѣ; эту зиму проводятъ въ Египтѣ перелетныя птицы, которыя возвращаются весною къ намъ. Человѣку нѣтъ нужды думать о тяжелой одеждѣ для защиты отъ холода, заготовлять топливо для согрѣванія дома. Онъ свободенъ отъ многихъ заботъ и предохраненъ отъ многихъ тяжкихъ случайностей, которыя такъ затрудняли жизнь старинному европейцу. Онъ скорѣе можетъ добыть пропитаніе. Онъ можетъ вообще жить легче, безпечнѣе, отдавать досугъ на украшеніе жизни, на размышленіе объ окружающемъ.

Большой поясъ бездождныхъ пустынь, протянувшійся по сѣверной Африкѣ и серединѣ Азіи, прерывается узкимъ Аравійскимъ заливомъ; по обѣ стороны его находятся долины двухъ большихъ рѣкъ—Нила и Евфрата. Начинаясь на высокихъ горахъ, среди снѣговъ и высокихъ озеръ, обѣ рѣки несутъ весной много воды и, вступая въ низкія равнины, широко разливаются. Эти разливы замѣняютъ рѣдкіе дожди; иначе долины рѣкъ стали бы похожи на окружающія ихъ пустыни. Но, помимо того, отъ рѣкъ каждый годъ остаются наносы, изъ которыхъ составился жирный плодородный слой земли. Хлѣбные злаки приносятъ здѣсь невѣроятный урожай. Зерно пшеницы даетъ 200—300 зеренъ. Поэтому на небольшомъ пространствѣ могло прокормиться несравненно больше народу, чѣмъ въ лѣсныхъ странахъ Европы.

Египетъ. Долина Нила и въ настоящее время представляетъ ту же картину человѣческаго поселенія, что 4—5 тысячъ лѣтъ тому назадъ. Между двумя цѣпями возвышенностей тянется узкая ровная полоса длиною въ 700, шириною отъ 10 до 15 верстъ, и только у моря, гдѣ Нилъ раздѣляется на множество рукавовъ, равнина расходится на 200—250 верстъ ширины. Это и есть весь населенный Египетъ, «черная земля», какъ говорили египтяне: его площадь меньше маленькой Бельгіи, тогда какъ вся остальная страна, причисляемая къ Египту, вдвое болѣе Франціи; но эта остальная страна—камень и песокъ, «красная земля»: поселеній въ ней нѣтъ. Зато въ нильской долинѣ съ ея плодородной наносной землей народа скопилось больше, чѣмъ въ самой густонаселенной странѣ современной Европы: непрерывно тянутся по рѣкѣ города и поселки.

Разливы Нила. Вся эта полоса жива только отъ ежегодныхъ наводненій Нила. Ко времени начала нашего лѣта въ Египтѣ все замираетъ въ сухомъ и раскаленномъ воздухѣ; листва покрыта сѣрой пылью, нанесенной вѣтромъ пустыни. Нилъ лѣниво течетъ между засохшихъ

бугровъ черной грязи. Съ іюня вода начинаетъ прибывать. Цвѣтъ ея мѣняется. Лазурный Нилъ становится кроваво-краснымъ: эту окраску рѣка получаетъ отъ наноса, который она увлекаетъ съ собой. Могучій потокъ разбиваетъ одну за другой преграды на пути, переливается черезъ бугры, отрываетъ комья земли и широко раздается по всей долинѣ: старинные египтяне звали рѣку въ эту пору наводненія моремъ. Среди рѣки начинается яркая и шумная жизнь: Нилъ покрывается богатой зарослью тростниковъ, травы и цвѣтовъ; прилетаетъ множество водяной птицы, заводи обильно наполняются рыбой. Города и деревни, выстроенные на возвышеніяхъ, стоятъ островками въ этомъ морѣ: только кое-гдѣ дорогами служатъ широкія плотины; всѣ другія сношенія совершаются на лодкахъ.

Около начала сентября вода стоитъ всего выше, потомъ она начинаетъ падать, и къ ноябрю Нилъ—опять въ своихъ обычныхъ берегахъ; населеніе пашетъ и засѣваетъ поля въ теченіе слѣдующихъ 3—4 мѣсяцевъ умѣренной погоды, приходящихся на время нашей зимы; надо спѣшить, чтобы не быть захваченнымъ засухой, которая наступаетъ къ порѣ нашей весны. Тотчасъ вслѣдъ за уходомъ воды гонятъ на поля барановъ и свиней, чтобы втоптать зерна въ мягкую землю. Такъ въ Египтѣ ясно обозначены три времени года; они зависятъ отъ тѣхъ перемѣнъ, которыя Нилъ своими наводненіями совершаетъ въ жизни страны и людей. Причины благодѣтельныхъ наводненій древніе египтяне не знали; это было для нихъ чудо. Но они понимали, что Нилъ—источникъ всего ихъ существованія. Рѣка была для нихъ богомъ, къ которому они возносили молитвы: «слава тебѣ, Нилъ, приходящему въ мирѣ, чтобы дать жизнь Египту... твои волны разливаются по садамъ, которые создало солнце; ты утоляешь все, что жаждетъ, небесной влагой; когда ты спустишься на землю, богъ ея подаетъ зерно, и закипаютъ работы въ мастерскихъ. Ты—творецъ пшеницы и ячменя, тобою держатся храмы. Когда твои руки утомляются отъ труда или ты страждешь, все живое, боги и люди, гибнутъ, стада стонутъ, вся страна, всѣ великіе и малые мучатся. Когда же молитвы услышаны тобою, и ты приходишь, земля начинаетъ играть отъ радости, все смѣется... Ты даешь всякому счастіе по его желанію и никогда не отказываешь. Ты—царь, и приказы твои расходятся по всей землѣ».

Какъ ни велики благодѣянія рѣки, нужна сложная и упорная работа людей, чтобы ими воспользоваться. Если оставить водѣ полный просторъ, она образуетъ въ низкихъ мѣстахъ озера и болота, застоится и не дастъ во-время засѣять почву; въ мѣста болѣе высокія она не дойдетъ вовсе. Постепенно египтяне научились равномѣрно направлять и расходовать драгоцѣнную влагу отъ разлива своей единственной вели-

кой рѣки. Подъ прямомъ угломъ къ рѣкѣ они провели широкіе каналы, къ которымъ примыкали другіе, простиравшіеся вдоль рѣки; этимъ способомъ были устроены какъ бы новыя русла по всей долинѣ. Когда Нилъ подымался, его воды быстро вливались въ поперечныя широкія дороги; для того, чтобы вода не переливалась черезъ края, на поворотахъ и вдоль каналовъ берега были укрѣплены и приподняты плотинами. Сначала воду впускали въ ближнюю къ Нилу полосу земли, загораживали ей дальнѣйшій путь плотинами и давали разлиться по полямъ этой первой полосы; потомъ, когда Нилъ еще прибудетъ, прорѣзывали плотины и пускали воду дальше на слѣдующую полосу. Къ дальнимъ высокимъ полосамъ воду передавали черпалами, которыя опускались и поднимались на нѣсколькихъ рядахъ длинныхъ коромыслъ.

На западъ отъ Нила, недалеко отъ вступленія его въ равнину, лежитъ, врѣзываясь въ пустыню, большой оазъ Фаюмъ. Онъ ниже уровня Нила и отдѣленъ отъ рѣки скалистой стѣной. Египтяне расширили узкое ущелье въ этой стѣнѣ и провели туда воду нильскаго рукава: послѣ этого оазъ сталъ самой богатой и хлѣбородной областью во всемъ Египтѣ. Для того, чтобы привести въ ней въ порядокъ разливы, одинъ ея уголъ загородили высокими плотинами и обратили его въ огромный водоемъ: въ сильный разливъ воду отводили туда, въ слабый—водой изъ бассейна пользовались, какъ запасомъ.

Раздѣленіе богатства и труда въ древнемъ Египтѣ. Много вѣковъ прошло, пока народъ, поселившійся въ Египтѣ, научился исполнять эти большія трудныя работы. За 4000 лѣтъ до Р. Х. крупныя водныя сооруженія въ долинѣ Нила были уже въ дѣйствіи; жители Египта были знакомы съ выдѣлкой металла, хотя больше употребляли каменныя орудія очень тонкой и искусной работы; они вычисляли годовой оборотъ солнца въ $365^1/_4$ дней и примѣняли правильный календарь. За 3000 лѣтъ до Р. Х. египтяне строили изъ кирпича и камня большія жилища своимъ богамъ и своимъ земнымъ вождямъ, покрывали стѣны этихъ жилищъ яркими разнообразными рисунками, изображавшими жизнь народа, и высѣкали изъ камня фигуры боговъ и людей; они готовили тонкія ткани изъ льна и раскрашивали ихъ пестрыми узорами. Въ это время они умѣли также писать; рядомъ съ рисунками помѣщаются подробные разсказы о событіяхъ, описанія странъ и путешествій, хозяйственные счета, обращеніе къ богамъ, молитвы объ умершихъ и т. д.

Когда появится такой сложный и разнообразный трудъ, среди людей уже не можетъ сохраниться старинное равенство. Прежде всѣ одинаково умѣли ходить на охоту, копать землю, готовить незатѣйливыя орудія. Теперь въ каждомъ дѣлѣ выступили особые мастера, кото-

рые всю жизнь отдавали одному ремеслу и искусству, отстраняясь отъ другихъ занятій; каменщикъ и скульпторъ уходили навсегда отъ деревенской полевой работы и работали безпрерывно въ *городахъ*, т.-е. въ крупныхъ поселкахъ, гдѣ около большого храма или при дворѣ вождя скоплялось множество людей; писецъ отвыкалъ отъ всякой грубой ручной работы и т. д. Занятія эти переходили отъ отца къ сыну, и различіе между людьми все болѣе закрѣплялось.

Деревенскій староста въ Египтѣ (старинная статуя изъ дерева).

Помимо разницы въ занятіяхъ, должно было еще получиться различіе въ состояніи людей. Когда жизнь бѣдна, запасовъ мало, и всякой семьѣ приходится добывать на завтра пропитаніе, достатки у людей почти одинаковы. Иное дѣло, когда появится излишекъ. Кто осмотрительнѣе и смѣлѣе, у кого въ семьѣ больше сильныхъ членовъ, тотъ неизбѣжно захватитъ и сбережетъ себѣ больше; такой человѣкъ или такая семья заставятъ еще и другихъ работать на себя и, обогатившись сами, удержатъ этихъ другихъ въ бѣдности и зависимости отъ себя. Если потомки такого человѣка сохранятъ или еще увеличатъ пріобрѣтенное имъ богатство, они прослывутъ разрядомъ людей особенно счастливыхъ, взысканныхъ благодатью боговъ; потомъ начнетъ казаться, что различіе въ достаткѣ всегда было на землѣ. Такъ постепенно образовались два постоянныхъ слоя въ народѣ— богатые и бѣдные, владѣльцы и рабочіе.

Въ Египтѣ мѣстами поднимались знатные богатыя семьи, которыя имѣли большую силу кругомъ. Главы такихъ семьей были увѣрены, что они сидятъ тамъ же, гдѣ владѣли землею «ихъ отцы, создавшіе ихъ плоть, благородные съ перваго дня творенія». У нихъ были большія каменныя палаты въ городѣ; они получали доходъ съ большихъ помѣстій. На ихъ могилахъ изображено, какъ идутъ крестьяне и крестьянки на главный дворъ, нагруженные корзинками съ хлѣбомъ, плодами, овощами, виномъ, холстомъ, какъ они ведутъ ягнятъ и несутъ пищу; слуги, вооруженные палками, приводятъ деревенскихъ старостъ, которые должны отвѣтить за мужиковъ, неисправныхъ во взносѣ оброка; писцы сидятъ за сундуками, провѣряютъ принесенные запасы, записываютъ доходъ и недоимки; батраки и пастухи, выстроенные въ отряды, проходятъ съ флагами передъ господиномъ. Богатый помѣщикъ

старался прочно обезпечить себѣ трудъ и службу бѣднаго крестьянина или рабочаго; онъ требовалъ, чтобы болѣе слабые отдались ему въ опеку, признали себя «его людьми», крѣпостными, постоянно обязанными отдавать ему часть своего дохода и прибыли; онъ увѣрялъ ихъ, что за то будетъ охранять ихъ отъ всякаго врага и нападенія, разсудитъ всѣ ихъ ссоры и тяжбы, поможетъ имъ въ тяжелую годину изъ своихъ запасовъ. Онъ становился владыкой всей округи, захватывалъ часть нильской долины.

Помимо того, разбогатѣли и пріобрѣли почетъ люди, служившіе богамъ. Старинные гадатели, къ которымъ обращались въ тяжелыхъ случаяхъ жизни, были такъ же бѣдны, какъ и тѣ, кто ихъ звалъ. Иначе стало у людей, которые дѣлали большіе запасы, возводили крупныя сооруженія; они могли больше отдать тѣмъ, кто молился объ ихъ благополучіи или узнавалъ для нихъ волю и рѣшеніе боговъ. Богатый народъ могъ больше подарить и самимъ богамъ своимъ въ благодарность за ихъ дары. Богамъ также отводились большія помѣстья съ дворцами посрединѣ, со всѣми службами, полями, садами, озерами, стадами и рабочими людьми; постоянно поступали имъ еще особыя приношенія зерномъ, плодами, живностью, тонкими тканями, красивой утварью и т. д. *Жрецы*, т.-е. люди, знавшіе тайну обращенія къ богамъ, должны были всю жизнь служить богамъ, быть при нихъ, входить въ ихъ дворцы, управлять ихъ помѣстьями и держать въ порядкѣ ихъ имущество. Жрецы пользовались при этомъ дарами, приносимыми богамъ; они какъ бы кормились вмѣстѣ съ богами: считалось, что ежедневныя мелкія заботы не должны отвлекать отъ служенія богу. Гаданія, предсказанія будущаго, служба въ храмѣ,—все это стало дѣломъ очень сложнымъ; составилась цѣлая жреческая наука; для того, чтобы усвоить ее, надо было много учиться. Жрецы были прежде колдунами и знахарями; они стали теперь учеными, исполнителями обстоятельныхъ обрядовъ и многочисленныхъ молитвъ, управляющими имѣній. Они должны были вести особый образъ жизни: поститься передъ гаданіями, не ѣсть вообще «нечистаго», т.-е. неугодныхъ богу животныхъ, воздерживаться отъ грубой работы и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались полнымъ довольствомъ.

Картины, нарисованныя египтянами на стѣнахъ домовъ, изображаютъ часто тяжелую работу простого люда: какъ въ полѣ люди пашутъ на волахъ или вскапываютъ землю заступомъ; какъ собираютъ виноградъ, давятъ вино и сливаютъ его; какъ вертятъ на колесѣ посуду и обжигаютъ въ печи, выдуваютъ бутылки; какъ женщины ткутъ матерію на глазахъ надсмотрщиковъ безъ отдыха и перерыва. Залѣнившагося рабочаго на мѣстѣ били палками.

Одинъ писецъ въ наставленіи сыну своему совѣтуетъ избѣгнуть тяжелой ручной работы и изображаетъ мрачными чертами участь рабочаго: «мѣдникъ весь день въ работѣ, а когда наступитъ ночь, онъ все еще сидитъ за ней при свѣтѣ факела. Башмачникъ совсѣмъ погибаетъ; ему не выйти изъ нищеты; остается ему только глодать кожи. Погляди на каменщика: онъ вѣчно недомогаетъ, потому что ему надо работать на вѣтру, цѣпляясь за карнизы въ видѣ цвѣтковъ лотоса;

Египетскіе кирпичники.

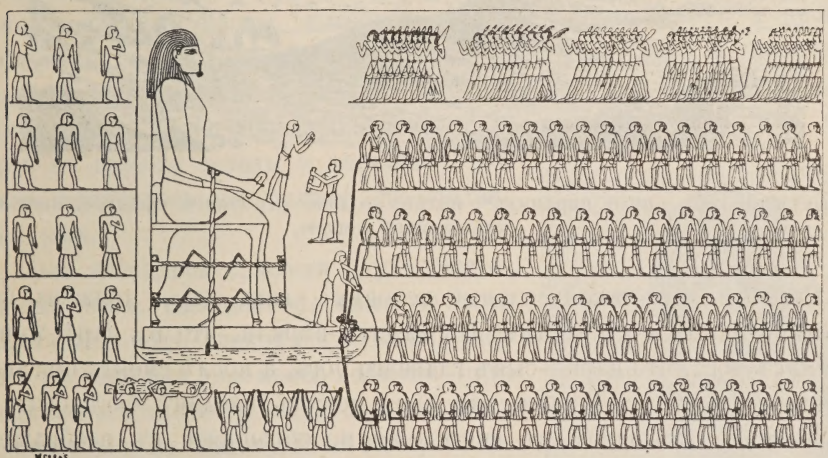
руки его опускаются отъ усталости, его платье разодрано; этотъ бѣдняга шагаетъ изо дня въ день по бревнамъ лѣсовъ; едва заработавши себѣ на хлѣбъ, онъ идетъ домой и колотитъ своихъ дѣтей. Довольно я насмотрѣлся этой работы, я видѣлъ вездѣ одну жестокость, только жестокость. Поэтому займись книгами, изучи письмо!»

Наставленіе объясняетъ дальше, какъ это благородное занятіе сберегаетъ здоровье, даетъ большую выгоду, ведетъ во дворецъ. Обученный письму человѣкъ, «писецъ», могъ въ древнемъ Египтѣ добиться любой должности, смотря по своимъ способностямъ: стать жрецомъ, генераломъ, инженеромъ, архитекторомъ, губернаторомъ, податнымъ чиновникомъ.

Государство въ Египтѣ 3300 г. до Р. Х. Сильный владыка, распоряжавшійся большимъ количествомъ подчиненныхъ людей, могъ ихъ хорошо вооружить и покорить съ ними нѣсколько областей по теченію Нила; онъ становился *царемъ*. Долгое время Египетъ былъ раздѣленъ между двумя повелителями, царемъ въ бѣломъ шлемѣ на югѣ и царемъ въ красной шапкѣ на сѣверѣ, въ Дельтѣ, т.-е. странѣ нильскихъ рукавовъ. Около 3300 г. до Р. Х. царь Менесъ соединилъ подъ своей властью всю страну, начиная съ пороговъ, отдѣляющихъ Египетъ на югѣ отъ Нубіи, и до моря. Владыки, которые господствовали въ областяхъ, подчинились ему. Изъ соединенія всѣхъ областей составилось большое *государство*. Вождь, выбранный дикарями, можетъ вести нѣ-

сколько тысячъ человѣкъ. У царя Египта было отъ семи до девяти милліоновъ подданныхъ.

Власть царя. Царями были большею частью владыки или *Мемфиса* на сѣверѣ Египта, недалеко отъ выхода Нила въ равнину, или *Θивъ*, на югѣ, въ возвышенной части страны. Царь, *фараонъ* (слово это собственно значитъ «высокій домъ»), соединялъ въ своихъ рукахъ огромныя богатства и могъ раздать много подарковъ и милостей. Въ его распоряженіе пригоняли множество рабочихъ со всего Египта, и онъ заставлялъ ихъ исполнять крупнѣйшія сооруженія: напр., одинъ изъ фараоновъ выкопалъ водоемъ въ Фаюмѣ, многіе выстроили себѣ огромныя каменныя гробницы. Самая большая гробница выстроена царемъ Хеопсомъ около 2800 г. до Р. Х. Царь держалъ въ страхѣ массу народа; онъ повелѣвалъ множествомъ хорошо вооруженныхъ воиновъ и требовалъ военной помощи отъ другихъ владыкъ. Крупные помѣщики въ областяхъ вступили къ нему на службу, стали его чиновниками.

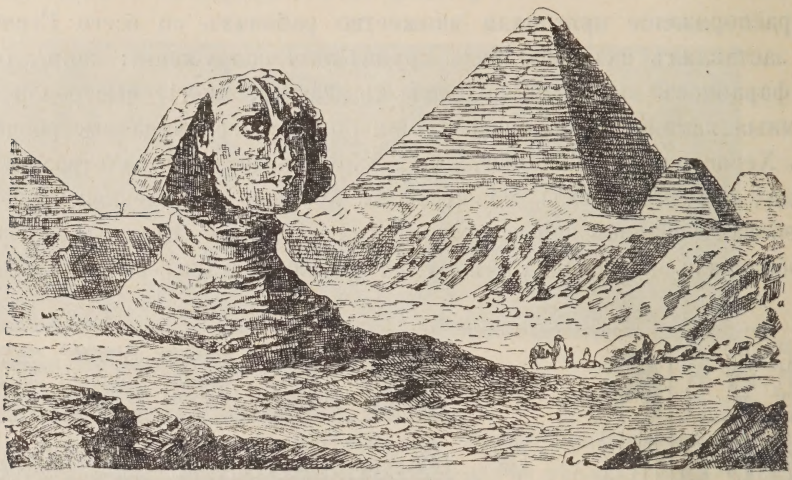


Рабочіе перевозятъ на себѣ огромную статую (ряды рабочихъ, нарисованные одинъ надъ другимъ, надо представить себѣ одинъ позади другого).

Они звались его «друзьями», «тайными совѣтниками царскихъ приказовъ или тайныхъ словъ царя» и т. п.

Царь точно поднимался надъ всѣми, какъ высшее существо. Въ знакъ своего величія онъ опоясывался львиной шкурой съ привѣшеннымъ сзади хвостомъ или надѣвалъ особую длинную развѣвающуюся одежду, обвѣшивалъ шею ожерельями, руки украшалъ браслетами, голову покрывалъ высокой бѣло-красной шапкой. Онъ принималъ людей, сидя на высокомъ креслѣ подъ навѣсомъ, обратившись лицомъ къ восходу солнца. Приходившіе предъ лицо его должны были падать

на землю, стоять на колѣняхъ, протягивать къ нему съ мольбою руки, какъ къ богу; они должны были называть его разными почетными и возвышенными именами: избранникомъ солнца, могучимъ золотымъ орломъ, сильнымъ правдой и т. д. Когда надо было нарисовать царя, его изображали втрое, вчетверо выше, чѣмъ остальныхъ людей; и не только его самого, но и колесницу, и коней его.



Нынѣшній видъ „поля пирамидъ“; налѣво голова огромнаго сфинкса, частью засыпаннаго землею.

Казалось, что такой сильный человѣкъ, какъ царь, долженъ быть особенно близокъ къ богамъ. Въ Египтѣ вѣрили, что въ царѣ живетъ двойникъ бога, что царь—сынъ главнаго бога, а послѣ смерти присоединяется къ богамъ. Думали, что царь можетъ наединѣ бесѣдовать съ богами: царь заходилъ въ святилище и, обращаясь къ изображенію бога, спрашивалъ совѣта, напр., идти ли въ походъ. Если ему казалось, что статуя киваетъ головой, это означало «да», если она оставалась неподвижной, это означало «нѣтъ». Во имя бога, своего родоначальника или покровителя, царь совершалъ походы; ему онъ посвящалъ добычу; когда царь въ ожесточеніи приказывалъ убивать плѣнныхъ враговъ, это считалось жертвой богу. Проѣзжая по улицамъ, выходя на балконъ къ народу, царь бросалъ въ толпу хлѣбъ, фрукты или золотыя колечки въ знакъ того, что отъ него, какъ отъ бога, сыплются на людей всѣ милости.

Послѣ смерти царя двойникъ его долженъ былъ получить великое вѣчное жилище. Старинные египетскіе цари обыкновенно сами строили себѣ заблаговременно *пирамиду*.

Пирамида имѣетъ видъ каменной горы съ 4 сходящимися наверху сторонами; она выложена изъ огромныхъ тесаныхъ камней; оконъ нѣтъ; узкій и темный проходъ ведетъ въ темный же залъ. Это—то же, что старинная каменная могила, только несравненно крупнѣе. Большія пирамиды сохранились до нашего времени; онѣ всѣ почти находятся около Мемфиса. Самая большая въ 70 саженъ высоты и состоитъ почти изъ $2^1/_2$ милліоновъ крупныхъ камней. Царь долженъ былъ собрать вмѣстѣ десятки тысячъ рабочихъ, чтобы построить себѣ такую могилу; подъемныхъ машинъ не знали, вся работа была отъ руки, и люди тащили или переносили на спинѣ всѣ тяжести.

Управленіе. Царь требовалъ для своей семьи, своего двора и имѣній не только работы, но и доставки разныхъ припасовъ и товаровъ.

Онъ налагалъ на области опредѣленную дань, *подать*. Собирать товары, служившіе податью, завѣдовать складами, призывать на службу воиновъ и смотрѣть за порядкомъ онъ поручалъ своимъ намѣстникамъ и приказчикамъ. При нихъ состояли, какъ въ большихъ имѣніяхъ, многочисленные писцы, которые вели подробный отчетъ и провѣрку полученію и расходамъ. Своихъ придворныхъ, слугъ и чиновниковъ царь вознаграждалъ припасами, одеждой, посудой, мебелью, украшеніями и т. д. Огромныя количества различныхъ предметовъ свозились въ царскіе склады и магазины; изъ нихъ выдавалось все нужное его подчиненнымъ.

Сфинксъ фараона Тутмеса III.

Они считались «людьми царя», состоящими подъ его опекой, какъ и самъ царь былъ подъ опекой бога. Всякій низшій по чину или положенію долженъ былъ подчиняться высшему; всякій долженъ былъ приписаться къ какому-либо опекуну, хозяину или владыкѣ. Тотъ, кто никому не былъ подчиненъ, кто не имѣлъ надъ собой владыки, оставался совершенно беззащитенъ. Иногда владыки отказывали въ подчиненіи царю, отдѣлялись отъ него, и страна снова раздроблялась на мелкіе области.

Завоеванія 1600—1100 гг. до Р. Х. Египтяне, какъ земледѣльцы, были крайне миролюбивы; къ тому же страна отовсюду замкнута; она большею частью можетъ быть спокойна отъ нападеній; жителей ея не тянетъ воевать и выселяться. На югѣ отъ Египта, гдѣ Нилъ прорывается черезъ пороги, его долина становится совсѣмъ узкой, съ запада

подходитъ совершенно безлюдная пустыня, на сѣверѣ море, котораго египтяне суевѣрно боялись. Только на востокѣ узкая полоса Суэцкаго перешейка соединяетъ Египетъ съ Сиріей, находящейся въ Передней Азіи. Отсюда по временамъ врывались разбойничьи, пастушескія племена. Разъ случилось, что они покорили Египетъ (за 1700 лѣтъ до Р. Х.); ихъ вожди, гиксы, болѣе ста лѣтъ царствовали въ нильской долинѣ.

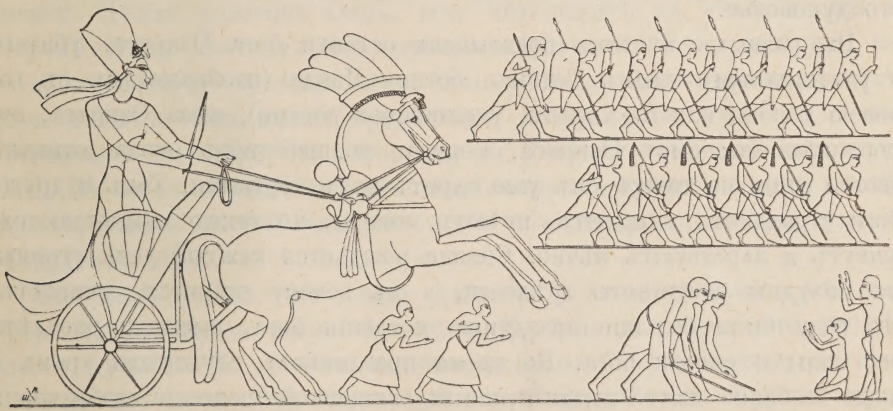
Египтянамъ удалось прогнать гиксовъ, и послѣ этого египетскіе цари сами ходили войной въ Сирію; дальше другихъ, до рѣки Евфрата, заходилъ Тутмесъ III (за 1500 лѣтъ до Р. Х.). Ему принадлежала также вся нильская долина вверхъ по огромной излучинѣ рѣки вплоть до сліянія Бѣлаго и Голубого Нила, нынѣшняя Нубія. Фараоны заставляли побѣжденныхъ платить себѣ дань товарами и писали на стѣнахъ дворцовъ и храмовъ о «великомъ страхѣ», въ которомъ склоняются передъ ними чужіе вожди и ихъ посольства. Въ своей столицѣ Оивахъ они изображали безъ конца азіатскія побѣды, особенно вновь введенные бои на колесницахъ, съ которыхъ стрѣлки, впереди всѣхъ царь, разили пѣшихъ враговъ. Чаще другихъ встрѣчается имя фараона Рамсеса II, который приказывалъ стирать имена своихъ предшественниковъ и приписывалъ себѣ ихъ завоеванія. Воины, съ которыми фараоны совершали походы, были большею частью иноплеменники: чернокожіе изъ Нубіи, полудикіе ливійцы съ запада и др. Этихъ солдатъ держали на большомъ жалованьи; имъ выдавались участки земли, которые переходили по наслѣдству къ ихъ дѣтямъ, при чемъ старшій сынъ долженъ былъ идти въ солдаты. Они знали свою силу и нерѣдко своевольно поднимались противъ самихъ царей или возводили на царство своихъ вождей.

Большіе города. Въ нынѣшней Европѣ крупный городъ образуетъ обыкновенно скопленіе высокихъ домовъ на тѣсномъ пространствѣ. Въ нильской долинѣ города были скорѣе похожи на обширныя деревни или соединенія нѣсколькихъ деревень и большихъ усадебъ, между которыми болѣе всего выдавались царскія и божія помѣстья. Внутри городскихъ стѣнъ были, кромѣ домовъ, большіе огороды, фруктовые сады, поля, луга, пастбища, пруды. Простой народъ жилъ въ низкихъ тѣсныхъ мазанкахъ; жилища служили почти только ночлегомъ: вся жизнь проходила на улицѣ, на базарахъ. Простой человѣкъ едва покрывалъ свое тѣло рубашкой безъ рукавовъ или даже только фартукомъ, на ноги надѣвалъ привязныя подошвы. Но онъ охотно разрисовывалъ лицо и тѣло татуировкой, какъ современный темнокожій. Быстро проносились по улицамъ легкія двухколесные экипажи, развозя людей царской фамиліи, знатныхъ и богатыхъ владѣльцевъ, жрецовъ

и чиновниковъ: ихъ пестрый, узорчатый костюмъ служилъ также не защитѣ отъ холода и непогоды, а главнымъ образомъ украшенію; они обвѣшивали себя бездѣлушками, царскими подарками и предохранительными средствами отъ злыхъ духовъ; на голову часто надѣвали парикъ, а къ бритому подбородку подвязывали бороду.

Тріумфальныя ворота въ Ѳивахъ.

Жилища боговъ выдавались своею обширностью и украшеніемъ. Въ настоящее время на мѣстѣ старинныхъ Ѳивъ находятся двѣ деревни; дорога между ними, около двухъ верстъ разстоянія, состоитъ изъ аллеи, образованной двумя рядами сфинксовъ, т.-е. лежащихъ львиныхъ фигуръ съ человѣческими головами. Это—остатокъ огромнаго святого мѣста, въ предѣлахъ котораго стояли храмы, священные столбы (обелиски) и изваянія. Самымъ большимъ былъ храмъ бога солнца; его окружала стѣна въ 2 версты длины; остались развалины огромной колонной залы въ 50 саженъ длины; крыша ея поддерживалась почти



Выѣздъ египетскаго царя. Направо первые два ряда наверху—его гвардія, внизу—служители, расчищающіе палками дорогу, и народъ, привѣтствующій царя.

150 столбами, которые были пестро разрисованы, имѣя верхъ въ видѣ яркихъ раскрашенныхъ цвѣтовъ.

Представленія о богахъ. Въ мысли египтянъ о богахъ соединялись остатки старинныхъ вѣрованій и новыя догадки и упованія людей. Въ каждомъ городѣ или округѣ чтился свой богъ или богиня покровители, были свои обряды для ихъ почитанія и свой способъ изображать ихъ. Одну черту старины египтяне особенно сохранили: именно—представленіе, что богъ можетъ принимать видъ животнаго, что душа его можетъ вселяться въ звѣря, птицу и т. д. Вслѣдствіе этого въ различныхъ областяхъ считали священными животными крокодиловъ, кошекъ, ибисовъ, змѣй и т. д. Наибольшимъ почетомъ пользовался въ Египтѣ черный быкъ, съ бѣлымъ пятномъ на лбу, содержавшійся въ Мемфисѣ въ особомъ святилищѣ. Боги изображались большею частью въ видѣ животныхъ или людей съ головами животныхъ, ястреба, коровы, барана, шакала и др.

Когда области соединились въ большія государства, боги главныхъ городовъ получили особенную силу. Богъ юга, Горусъ (въ видѣ ястреба), долго былъ на войнѣ съ богомъ сѣвера, Сетомъ (чудовище съ головой жираффа). Мрачный Сетъ вырываетъ у свѣтлаго Горуса глазъ (солнце), но Горусъ все-таки побѣждаетъ его. Царь объединеннаго Египта считался воплощеніемъ побѣдившаго бога. Еще другіе боги получили признаніе во всей странѣ: напр., могучій водяной духъ, принимающій видъ крокодила; лунный богъ Тоутъ, который установилъ времена года и порядокъ вещей на землѣ, изобрѣлъ языкъ и письмо, обладаетъ всѣми тайнами міра, мудро указываетъ всѣмъ богамъ и людямъ ихъ дѣло; Озирисъ, богъ подземный, дающій произрастанье травамъ и деревьямъ, чрезъ которыя выходитъ изъ-подъ земли его дуновенье.

Въ разныхъ мѣстахъ показывали останки бога Озириса, убитаго и растерзаннаго злымъ Сетомъ: богиня Изида (изображаемая съ головою коровы или въ коронѣ, украшенной рогами), жена Озириса, похоронила его; сынъ Озириса, Горусъ, волшебствовъ снова оживилъ своего отца, но теперь онъ уже царитъ надъ мертвыми. Такъ и другіе боги страдаютъ, умираютъ, имѣютъ могилы, но также возрождаются, живутъ и царствуютъ вѣчно. Солнце рождается каждый день утромъ, къ полудню достигаетъ зрѣлости, а къ вечеру старится, умираетъ. Въ году были большіе праздники рожденія бога, высшаго расцвѣта его силы и смерти бога. Во время праздниковъ служители храма и люди особенно святой жизни несли въ священной процессіи изображенія бога или катили ихъ по рѣкѣ въ изукрашенной баркѣ. Жрецы и отшельники принимали участіе въ долѣ божества, потрясали дуби-

нами въ знакъ готовности отогнать угрожающихъ ему враговъ, плакали о его страданіяхъ, вылѣчивали жертвами глазъ Горуса. Изображенія, которыя въ будни хранились въ ковчегахъ, стоявшихъ внутри храмовъ, были въ старину деревянными или каменными столбиками, перевитыми лентой; впослѣдствіи стали дѣлать статуи изъ гранита и другихъ крѣпкихъ породъ камня.

Жрецы старались примирить вѣру въ мѣстныхъ боговъ съ вѣрой въ боговъ общихъ, великихъ; они говорили: «нашъ богъ—тотъ же, что и у другихъ, лишь иначе называется». Вездѣ соединяли они вмѣстѣ трехъ боговъ: бога-отца, подъ которымъ разумѣли землю, богиню-мать, означавшую небо, и ихъ сына, означавшаго солнце. Послѣ построенія большихъ пирамидъ на первое мѣсто надъ всѣми богами поднялся богъ солнца, Ре. Его изображали въ торжественномъ царскомъ облаченіи; предъ нимъ преклоняется земной фараонъ. Высоко чтили бога Ре ѳиванскіе цари, завладѣвшіе Сиріей и Нубіей. Одинъ изъ нихъ, Аменофисъ IV (изображенный на рисункѣ стр. 29), хотѣлъ провозгласить Ре единымъ богомъ всего міра и упразднить всѣхъ другихъ боговъ Египта, обративъ ихъ святилища въ храмы солнечнаго бога; всюду онъ повелѣлъ изображать великій свѣтлый кругъ, испускающій во всѣ стороны благодѣтельные лучи, которые на концахъ своихъ переходятъ въ протянутыя, благословляющія людей руки.

Жители нильской долины думали, что ихъ страна находится въ серединѣ міра; земля плаваетъ въ большомъ океанѣ; небо—плоская крыша, краями покоящаяся на высокихъ горахъ и укрѣпленная четырьмя столбами; съ потолка въ видѣ свѣтильниковъ свѣшиваются звѣзды.

Вѣра въ загробную жизнь. По картинамъ и постройкамъ египтянъ видно, что особенно ихъ занимала мысль о продолженіи жизни послѣ смерти. Цѣлая половина Ѳивъ, все, что лежитъ на лѣвой западной сторонѣ Нила, состоитъ изъ «города мертвыхъ». Это кладбище, въ которомъ могилы—просторныя, крѣпкія жилища, болѣе прочныя, чѣмъ дома живыхъ. Они полны предметовъ, изображеній, надписей и молитвенныхъ листковъ, по которымъ мы узнаемъ о вѣрованіяхъ египтянъ. Въ этихъ вѣрованіяхъ смѣшивался страхъ живыхъ передъ покойниками, боязнь за собственную судьбу и надежды на лучшую участь въ другомъ мірѣ.

Египтяне думали, что между добрыми и злыми духами идетъ непрерывно борьба за жизнь человѣка. Болѣзнь и смерть—это побѣда злыхъ духовъ. Но демоны не окончательно берутъ верхъ; за гробомъ продолжается еще споръ добрыхъ и злыхъ силъ. Первыя охраняютъ, вторыя стараются истребить ту часть человѣческаго существа, которая покинула тѣло при смерти. Въ этой борьбѣ родствен-

ники и близкіе умершаго могутъ помочь ему такъ же, какъ помогаютъ живому при болѣзни, посредствомъ волшебныхъ словъ и молитвъ, обладающихъ таинственной силой. Тексты этихъ молитвъ лежатъ во множествѣ въ египетскихъ могилахъ.

Очень живо представляли себѣ и загробный міръ, въ которомъ странствуетъ умершій. Этотъ небесный міръ похожъ на земной. Посрединѣ его протекаетъ великій небесный Нилъ, а по рѣкѣ ежедневно проплываетъ богъ солнца, сидя въ крытой бесѣдкѣ наверху корабля; въ темнотѣ онъ возвращается по ночной рѣкѣ опять къ востоку, откуда снова на-

Дворъ египетскаго храма.

чинается его дневной путь. Путешествіе солнца казалось египтянину похожимъ на человѣческую жизнь: въ немъ также смѣняется рожденіе, жизнь и смерть. Солнце, скрывшееся ночью, это—умершій богъ, который спустился въ адъ, въ подземное царство. Корабль его ѣдетъ среди мрачныхъ береговъ, гдѣ поджидаютъ злые духи; страшнѣе всѣхъ огромная змѣя, готовящая гибель солнцу; но въ послѣднюю минуту друзья солнца бросаются на врага и заковываютъ его въ цѣпи.

Умершій человѣкъ можетъ съ помощью молитвъ и обрядовъ, исполняемыхъ живыми, раздѣлить участь солнца; душа его можетъ счастливо проскользнуть съ солнечнымъ кораблемъ сквозь ночь и возродиться къ новому утру; она можетъ также улетѣть въ видѣ птицы въ не-

бесную страну. Для того, чтобы облегчить этотъ переходъ, умершихъ хоронили на западномъ берегу Нила и клали лицомъ къ закату солнца: такъ они должны были скорѣе увидѣть тотъ свѣтъ. Далекій западъ, куда уходитъ солнце, считался блаженной страной душъ, перешедшихъ къ другой жизни. Но это вѣрованіе перебивалось и смѣшивалось со старыми понятіями о продолженіи жизни умершаго на землѣ.

Египтяне поэтому различали въ существѣ человѣка три доли: 1) тѣло, 2) духъ, или «двойникъ», изображаемый въ видѣ повторенія человѣческой фигуры рядомъ съ живымъ человѣкомъ, и 3) душу, изображаемую въ видѣ птицы. Тѣло умершаго предается землѣ и около него долженъ остаться недалеко «двойникъ» человѣка. Жизнь двойника будетъ продолжаться тутъ же. Надо обезпечить ему прочный домъ со всѣмъ убранствомъ комнатъ, одежду и утварь, свѣжую пищу и особенно питье; иначе онъ будетъ страдать отъ голода и жажды, начнетъ тревожить живыхъ людей. Поэтому кто могъ, строилъ для двойника умершаго родственника большую четырехугольную палату, «вѣчный домъ». Чѣмъ богаче былъ покойникъ, чѣмъ знатнѣе, тѣмъ крупнѣе, лучше былъ его дворецъ; царю выкладывали цѣлую каменную гору, пирамиду.

Деревянная статуя въ мѣрку человѣческаго роста, въ которую вкладывалась мумія.

Чтобы привлечь двойника, ставили каменное изображеніе умершаго; съ особымъ искусствомъ исполняли на немъ портретъ лица. Въ то же время старались сохранить тѣло, въ которомъ двойникъ долженъ былъ найти свою прежнюю обитель. Это повело къ обычаю приготовлять изъ труповъ *муміи*, т.-е. вынимать внутренности изъ тѣла умершаго, заливать асфальтомъ, обвязывать тканями и класть въ раскрашенный деревянный ящикъ, изображавшій завернутаго человѣка. Муміи совершенно высыхали; въ такомъ видѣ дошли до насъ тѣла нѣкоторыхъ египетскихъ царей. Простой человѣкъ, конечно, не имѣлъ средствъ сдѣлать все это: онъ засыпалъ тѣло умершаго солью и просто зарывалъ въ землю. На томъ свѣтѣ, казалось, родственникъ его попрежнему долженъ будетъ отставать въ благополучіи отъ болѣе богатыхъ.

Сначала въ могилу приносили настоящую пищу и другіе предметы. Но это стоило большихъ тратъ. Тогда явилась мысль замѣнить ихъ изображеніями. Въ «вѣчный домъ» ставили каменныя плиты, на которыхъ были представлены съѣстные припасы, платье и т. п. Вещи эти

заключали еще ту выгоду, что онѣ тоже были вѣчными, не портились. Богатому человѣку клали еще деревянныя или каменныя фигурки «работниковъ» съ орудіями въ рукахъ; они должны были на него пахать, возить, варить и т. п. На стѣнахъ для услады умершаго рисовали картины жизни: тутъ была изображена охота въ нильскихъ болотахъ, нагруженіе корабля, сельскія работы подъ надзоромъ старосты, приготовленіе вина, игры и танцы и т. д.. Мало-по-малу ослабѣло и самое рвеніе къ постройкѣ каменныхъ громадъ для покойниковъ.

Придумали еще болѣе простой способъ удовлетворять умершаго. Все, что желали ему доставить, выражали словами въ волшебной молитвѣ: «Да будетъ богу Озирису принесена царская жертва, чтобы онъ даровалъ покойному 1000 быковъ, 1000 гусей, 1000 хлѣбовъ и т. д.». Длинныя записи съ подробными пожеланіями клались также въ могилы.

Изображеніе загробнаго суда. Подъ балдахиномъ Озирисъ. Боги (съ головами шакала, ястреба и ибиса) ведутъ душу, записываютъ дѣла умершаго, взвѣшиваютъ его сердце. Около вѣсовъ чудовище, проглатывающее души неправедныхъ.

Благополучіе умершаго такимъ образомъ зависѣло отъ щедрости его близкихъ или отъ искусства жреца, который читалъ молитву. Но на ряду съ этимъ у египтянъ стала пробиваться и болѣе возвышенная мысль: умершему будетъ воздано на томъ свѣтѣ по его дѣламъ. Отправляясь вслѣдъ за солнцемъ, душа подвергается суду въ подземномъ царствѣ. Тамъ сидитъ справедливый судья Озирисъ, богъ, который самъ пострадалъ и умеръ. Онъ разбираетъ всю жизнь души, предстающей предъ лицо его, и произноситъ приговоръ. Поэтому въ могилу, какъ бы въ напутствіе умершему, клали особый молитвенникъ, гдѣ подробно было записано, что должна отвѣчать душа на судѣ. «Я не обманывалъ никого, я не пребывалъ въ праздности, я не отнималъ раба у господина его, не мучилъ вдовъ, не грабилъ могилъ, не охотился на священныхъ животныхъ, я чистъ, я давалъ хлѣбъ и воду нищему, одежду нагому, я приносилъ жертвы богамъ и кормилъ умершихъ». Изъ этихъ отвѣтовъ видно, какія заповѣди у египтянъ считались особенно важными.

Письмо. Рисунки на стѣнахъ большею частью снабжены объяснительными надписями. Позднѣе путешественники-греки, посѣщавшіе Египетъ, называли ихъ *іероглифами*, т.-е. священнымъ письмомъ, думая, что это какіе-то таинственные знаки, въ родѣ загадокъ скрывающіе мысль. Но въ дѣйствительности это была обыкновенная азбука египтянъ, лишь гораздо болѣе сложная сравнительно съ нашей. Ею исписаны безчисленные листки *папируса* (бумаги, сплетенной изъ волоконъ египетскаго тростника).

Титулъ египетскаго царя (старинными знаками).

Письмо началось съ того, что люди старались нарисовать вещи, о которыхъ говорили. У дикарей нерѣдко цѣлый рисунокъ долженъ передать какой-нибудь уговоръ: напр., изображеніе озера съ плавающими въ немъ рыбами и людей по обѣ стороны—означаетъ, что двѣ деревни уговорились сообща пользоваться ловлей въ такомъ-то мѣстѣ. Можно набросать немногими чертами изображенія различныхъ вещей и существъ, напр.: человѣка, птицы, льва, лопаты, звѣзды. Слова «день», «молитва», «сила» нельзя нарисовать; ихъ придется только напомнить рисункомъ: день—кружкомъ, означающимъ солнце, молитву—изображеніемъ человѣка съ поднятыми къ богамъ руками, силу—фигурой быка и т. д. Съ такой *азбуки словъ* начали египтяне. Ходьбу они изображали двумя шагающими ногами; соколъ, посвященный Горусу, означалъ вообще бога или царя (на прилагаемомъ рисункѣ соколъ въ царской высокой шапкѣ); плодородная земля изображалась въ видѣ полоски и точекъ подъ нею (кора земли и сѣмена), безплодная—въ видѣ зубчатой стѣнки (каменистые бугры). Это былъ очень несовершенный способъ письма. Приходилось придумывать очень много знаковъ—столько, сколько было словъ. Притомъ, когда эти фигуры и знаки ставили рядомъ другъ съ другомъ, чтобы выразить цѣлую мысль, связь между ними оставалась неясной; нельзя было обозначить то, что мы выражаемъ падежами, окончаніями глаголовъ, согласованіемъ словъ.

Знаками можно еще иначе пользоваться. Можно не только *видѣть* въ знакѣ фигуру предмета или замѣну понятія, можно также, произнося обозначенное знакомъ слово, *слышать* въ немъ опредѣленное созву-

чіе. Если привыкнуть связывать съ такимъ-то знакомъ такое-то созвучіе, можно будетъ употреблять тотъ же знакъ вездѣ, гдѣ это созвучіе встрѣтится, хотя бы смыслъ слова былъ другой. Такъ, напр., фигура *вола* можетъ служить для обозначенія перваго слога слова *волна*; знакъ слова «умъ» и знакъ слова «ножъ» годятся для первыхъ слоговъ слова *умножить* и т. п. При выговариваніи словъ легко замѣтить схожіе слоги: если каждому слогу дать особое обозначеніе, можно будетъ выразить всѣ обороты рѣчи. У египтянъ «гусь» ставился вмѣсто «сынъ», потому что оба слова звучали одинаково *сэ*; «лютня» (нофре) годилась для слова «добрый» и т. д. На этомъ способѣ основанъ нашъ ребусъ. Но то, что осталось теперь въ видѣ игры, было прежде общимъ пріемомъ письма. Эту *азбуку слоговъ* египтяне начали также примѣнять помимо старой азбуки словъ. Число знаковъ въ ней было гораздо меньше, чѣмъ въ первой. Еще позднѣе они раздѣлили и слоги на звуки и начали обозначать каждый звукъ особымъ знакомъ.

Но бѣда была въ томъ, что у нихъ остались знаки изъ всѣхъ трехъ азбукъ; рядомъ съ послѣдней азбукой, похожей на нашу, они продолжали примѣнять и прежніе пріемы письма. Искусство письма было и осталось у нихъ очень сложнымъ.

Въ судьбѣ этого искусства замѣтно выразилась одна черта египетскаго народа. Среди новыхъ изобрѣтеній, замѣчательнаго искусства въ постройкахъ, живописи и ваяніи, среди возвышенныхъ понятій у египтянъ оставались въ силѣ старые полудикіе обычаи и взгляды: они татуировались, примѣняли частью каменныя орудія, сберегали тѣла умершихъ и кормили ихъ, представляли себѣ боговъ въ видѣ животныхъ, примѣняли дѣтскую азбуку. Все это воспроизводилось въ теченіе сотенъ лѣтъ старательно и точно, хотя смыслъ многихъ старыхъ обычаевъ исчезъ и забылся. Причина этой вѣрности старинѣ заключалась въ томъ, что египтяне жили долгіе вѣка замкнуто въ своей долинѣ, безъ сношеній съ другими народами, не получая новыхъ впечатлѣній, не зная чужого, не испытывая нужды мѣнять свои порядки.

Передняя Азія. Въ иномъ положеніи, чѣмъ египтяне, были образованные народы, жившіе въ равнинѣ по теченію рѣкъ Евфрата и Тигра.

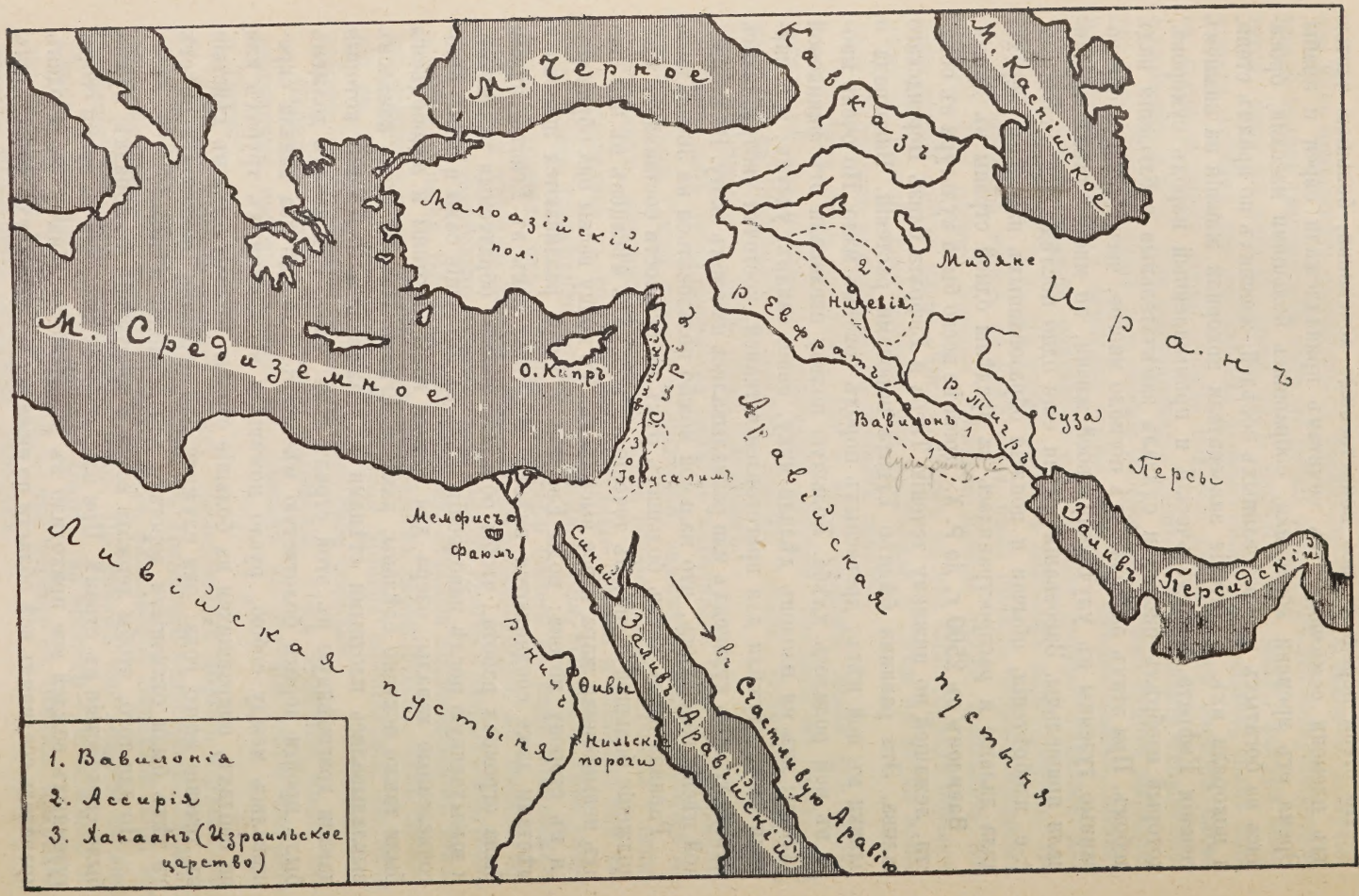
Страна, которая лежитъ между Средиземнымъ моремъ и этими рѣками, на югѣ незамѣтно переходитъ въ Аравійскій полуостровъ. Средину этого большого четырехугольника, такъ называемой Передней Азіи, составляетъ большая аравійская степь. По краямъ его лежитъ на югѣ *Счастливая Аравія*, на западѣ—*Сирія*, на востокѣ—*Вавилонія*, область нижняго Евфрата и Тигра, — три страны съ богатой природой, издавна заселенныя осѣдлыми народами.

По степи передвигались воинственные кочевники, большею частью изъ племени *семитовъ*. Къ семитамъ принадлежали евреи и арабы. Время отъ времени кочевники, собравшись большими массами, бросались на богатыхъ и образованныхъ сосѣдей, жившихъ по краямъ степи, и покоряли ихъ. Семитскіе завоеватели покорили жившій на нижнемъ теченіи Евфрата земледѣльческій и промышленный народъ сумеровъ, который изобрѣлъ письмо и сдѣлалъ замѣчательныя наблюденія надъ небомъ. При этихъ завоеваніяхъ погибло многое, чего добились образованные туземцы въ улучшеніи своей жизни, но многое также перенимали пришельцы. Завоеванія имѣли еще одно послѣдствіе: *культура*, т.-е. изобрѣтенія, обычаи и понятія образованныхъ народовъ, переходила дальше и распространялась за предѣлы одной страны въ другія.

Вавилонъ съ 2500 г. до Р. Х. Древнѣе всего была культура въ области, лежащей по нижнему теченію Тигра и Евфрата близъ Персидскаго залива. Эта равнина бѣднѣе Египта породами растеній. Винограда и оливки въ ней нѣтъ; древесныхъ породъ совсѣмъ мало. Но очень много въ ней родилось хлѣба. Большую пользу извлекали отъ финиковой пальмы; изъ ея плодовъ дѣлали муку, вино, сахаръ, уксусъ; волокнистыя части служили для приготовленія тканей; косточки употреблялись вмѣсто угля въ кузницахъ или размалывались на кормъ скоту. Въ старинной пѣснѣ говорилось, что пальмой можно пользоваться на 360 ладовъ.

Равнина вдоль двухъ большихъ рѣкъ въ сущности составляетъ продолженіе большой степи; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ ней стоитъ невыносимая жара и все высыхаетъ. Къ концу весны она обращается въ сторону потопа: воды Евфрата и Тигра разливаются широко и мѣстами даже соединяются вмѣстѣ. И здѣсь, какъ въ Египтѣ, нужна была огромная работа, чтобы обратить болота, образуемыя разливами, и высыхающую послѣ наводненія степь въ цвѣтущіе сады и нивы. Многочисленные каналы, озера для отвода воды, плотины и водоподъемы были также искусно сдѣланы, какъ въ Египтѣ. Насыпи вдоль каналовъ выкладывались плотными стѣнами и усаживались пальмами, которыя давали драгоцѣнную въ этой странѣ тѣнь. Тамъ, гдѣ каналъ долженъ былъ пройти черезъ болотистую мѣстность, или гдѣ два канала скрещивались между собою, русло помѣщали въ каменныхъ трубахъ или на сводахъ, опиравшихся на большіе столбы. Каналы были въ дѣйствіи въ теченіе всего года: они служили для передачи орошенія и вмѣстѣ съ тѣмъ были отличными дорогами для кораблей и лодокъ.

Но для того, чтобы держать всѣ эти сооруженія въ порядкѣ, нужно было спокойствіе въ странѣ. При нашествіи чужихъ или во время ссоры туземныхъ вождей все приходило въ разстройство. Иначе, когда одинъ правитель соединялъ всѣ области по нижнему теченію двухъ рѣкъ. Одинъ


М. Черное
Кавказъ
М. Каспійское
Малоазійскій пол.
М. Средиземное
О. Кипръ
Мидяне
Персы
р. Евфратъ
Ниневія
Вавилонъ
р. Тигръ
Суза
Іерусалимъ
Мемфисъ
Фивы
Синай
Заливъ Персидскій
Заливъ Аравійскій
Ливійская пустыня
Аравійская пустыня
р. Нилъ
Нильскіе пороги
1. Вавилонія
2. Ассирія
3. Ханаанъ (Израильское царство)

изъ царей, владѣвшихъ всѣмъ краемъ, Хаммураби (около 2000 г. до Р. Х.), велѣлъ записать, что «послѣ смутъ, разорившихъ народъ, онъ привелъ въ порядокъ русла рѣкъ и каналовъ, собралъ разбѣжавшихся и обѣднѣвшихъ жителей и далъ имъ опять пропитаніе, охраняя ихъ отъ враговъ». Самый крупный каналъ онъ назвалъ: «Хаммураби благословеніе народа». Въ наше время послѣ множества нашествій, послѣ господства кочевниковъ въ этомъ краю, когда слѣда не осталось отъ великихъ водныхъ сооруженій, страна имѣетъ видъ голой унылой степи, прерываемой огромными болотами.

Въ равнинѣ Евфрата нѣтъ того замѣчательнаго строительнаго матеріала, котораго такъ много въ Египтѣ: мрамора, гранита и другихъ крѣпкихъ каменныхъ породъ. Жителямъ страны приходилось готовить матеріалъ для домовъ, храмовъ, плотинъ изъ глины: постройки ихъ были кирпичныя. Оттого онѣ не выдержали дѣйствія времени, какъ въ Египтѣ, и скоро разрушились. Часто отъ огромной постройки остаются слѣды лишь въ видѣ бугра земли или груды глиняныхъ осколковъ. По такимъ остаткамъ намъ приходится судить и объ огромномъ городѣ Вавилонѣ (слово значитъ «врата божьи»), лежавшемъ на Евфратѣ.

Торговля Вавилона. Въ нижней части области двухъ рѣкъ земля давала замѣчательные урожаи, и множество людей были заняты ея обработкой. Но рядомъ съ этимъ было другое крупное занятіе. Въ то время, какъ долина Нила замкнута, равнина по Евфрату и Тигру открыта во всѣ стороны. Отовсюду сосѣди могли пріѣзжать за товарами или привозить свои предметы. У жителей равнины не было металловъ, камня, строительнаго дерева; эти матеріалы подвозились изъ горныхъ странъ съ сѣвера и востока. Изъ степи кочевники, у которыхъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ орудій и растительныхъ тканей, являлись за этими предметами и привозили для обмѣна скотъ, шерсть, кожи. Изъ странъ южной Аравіи, лежавшихъ по другую сторону пустыни, тѣ же кочевники могли подвозить золото, самоцвѣтные камни, ладанъ для куренія въ храмахъ. Наконецъ съ моря могли подходить суда изъ южныхъ странъ Азіи, особенно изъ Индіи, со слоновой костью, пряностями и др. Кромѣ произведеній своихъ полей и садовъ, жители равнины могли заплатить за нужные имъ матеріалы множествомъ ремесленныхъ издѣлій: они выдѣлывали ковры и узорчатыя ткани, тонкое металлическое оружіе и особенно глиняную утварь съ разнообразной и художественной раскраской.

По странѣ во всѣхъ направленіяхъ проходили удобныя дороги. Къ городамъ, которые имѣли на рѣкахъ и большихъ каналахъ пристани, прилегали съ одной стороны караванные пути изъ пустыни, съ другой — дороги къ горнымъ проходамъ. Главный перекрестокъ этихъ водныхъ и сухопутныхъ дорогъ и составлялъ Вавилонъ.

Деньги. Торговля, сбытъ своихъ произведеній, покупка и перепродажа чужихъ вещей, перевозъ товаровъ занимали въ Вавилонѣ и другихъ городахъ множество людей. Большой обмѣнъ привелъ къ употребленію денегъ.

Въ торговлѣ нужна мѣрка, чтобы опредѣлить цѣну вещи. Поэтому выбираютъ такой товаръ, на который удобно мѣрить и оцѣнять всѣ остальные; этотъ товаръ служитъ деньгами. Мы употребляемъ теперь деньги только изъ металла. Въ старину или въ тѣхъ странахъ, гдѣ было мало металла или его не умѣли добывать, деньгами были мѣха пушныхъ звѣрей, наприм., куницъ, бѣлокъ (старыя русскія деньги назывались куны, а вогулы и теперь еще называютъ рубль—«сто бѣлокъ»). У островитянъ Тихаго океана въ обмѣнъ за товары ходятъ раковины. У скотоводовъ деньгами были быки, овцы и т. п.; говорили: рабыня стоитъ 4 быка, золотой доспѣхъ—100 быковъ, мѣдный—9 быковъ; царскій сынъ давалъ 100 быковъ, чтобы выкупиться изъ плѣна.

Но когда люди стали добывать металлъ или получать его въ обмѣнъ за привозимые ими товары, они охотнѣе всего обращали въ деньги именно металлическіе куски. Этому много причинъ. Крѣпкій, красивый металлъ всегда всѣмъ нуженъ для оружія, инструментовъ, для украшеній. Затѣмъ, онъ не портится, онъ какъ будто вѣченъ. Наконецъ металлъ удобно дѣлить на мелкія части: каждый кусочекъ его имѣетъ цѣну, и потому на металлъ удобно расцѣнивать и дорогія, и дешевыя вещи.

Въ своей обширной торговлѣ вавилоняне употребляли деньги изъ металла въ большомъ количествѣ. Они приготовляли изъ него кусочки одинаковаго вѣса, т.-е. *монету*. Иногда этимъ кусочкамъ придавали видъ быковъ или бычачьихъ головъ въ память о прежнихъ деньгахъ. Въ торговлѣ также ходили золотые, серебряные, мѣдные, свинцовые кирпичики, палочки, кольца, кружки.

При покупкѣ дома, земли, рабовъ, одежды, зерна и т. д. платили наличными деньгами. Поэтому, кто могъ, старался скопить побольше металлическихъ денегъ. Особенно большіе запасы собирались при храмахъ боговъ. Они состояли изъ вкладовъ и даровъ, но, кромѣ того, многіе люди отдавали деньги въ храмы на храненіе, такъ какъ кладовыя боговъ имѣли хорошіе затворы. Богатства боговъ увеличивались еще отъ того, что къ храмамъ принадлежали фабрики, прибыль съ которыхъ поступала въ храмовую казну, или изъ храмовыхъ складовъ выдавали матеріалъ въ мастерскія и забирали потомъ въ пользу боговъ готовыя произведенія ремесла.

Если уплата производится на деньги, имущество быстро можетъ переходить изъ рукъ въ руки. При этомъ часто можно еще получить вы-

году отъ покупки и перепродажи товара. Для всякаго предпріятія нужно имѣть свободныя деньги, при помощи которыхъ можно было бы закупать матеріалъ, нанимать рабочихъ и т. п. Изъ всего этого могутъ извлечь пользу обладатели металла, если начнутъ отдавать свои деньги въ ростъ, т.-е. взаемъ, и требовать себѣ прибыли за эту услугу. Въ Вавилонѣ жрецы, управители храмовыхъ владѣній пускали этимъ способомъ въ ходъ божьи богатства и запасы; у нихъ можно было также купить монету и вымѣнять ее.

Всѣ подобные расчеты требовали точности. При всякой сдѣлкѣ заключали письменное условіе. Въ наше время въ равнинѣ Евфрата и Тигра извлекаютъ изъ земли десятки тысячъ такихъ условій и квитанцій: о выдачѣ займа и полученіи расчета, объ уплатѣ за наемъ, продажѣ имущества и т. п.; онѣ всѣ написаны нарѣзными знаками на глиняныхъ дощечкахъ.

Статуя сдѣлана современнымъ французскимъ скульпторомъ и изображаетъ писца въ ожиданіи работы съ готовой для письма глиняной доской.

Писцамъ было такъ же много дѣла, какъ въ Египтѣ. Чтобы не было поддѣлокъ и обмана, каждую глиняную грамоту покрывали еще новымъ слоемъ глины и на немъ повторяли ту же надпись. Если потомъ поднимался споръ между заключившими условіе, или было сомнѣніе насчетъ подлинности записи, верхній слой разбивали и свѣряли содержаніе его словъ по нижней скрытой доскѣ. Дѣловыхъ сношеній было такъ много, что у всякаго почти человѣка имѣлась печать, выпукло вырѣзанная на крѣпкомъ камнѣ и служившая вмѣсто подписи; только самые бѣдные не имѣли печати и вмѣсто нея оставляли на глиняной грамотѣ отпечатокъ своихъ ногтей.

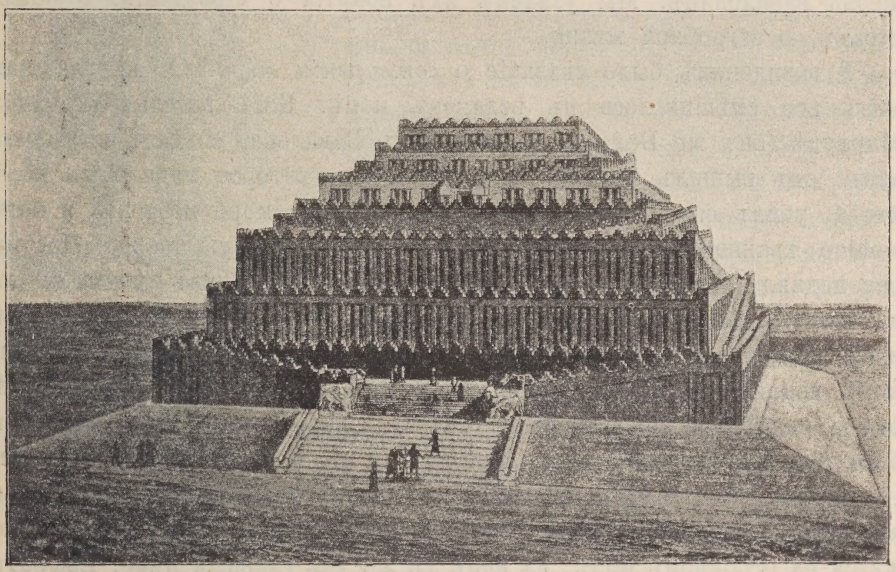
Богатство Вавилона. Правители страны, царь, его намѣстники и чиновники, получали крупные доходы съ торговаго населенія; поэтому они слѣдили за тѣмъ, чтобы въ торговлѣ не было обмана и притѣсненія. Царь Хаммураби приказалъ составить большое собраніе законовъ. Въ нихъ подробно опредѣлено, какъ слѣдуетъ отдавать внаемъ землю, какъ пользоваться водой, отводимой изъ каналовъ, какъ должны происходить наемъ рабочихъ, покупка рабовъ, перевозъ вещей по рѣкамъ. Составитель законовъ настойчиво требуетъ, чтобы наниматели и нани-

маемые, кредиторы и должники честно и правильно выполняли условія и обязательства; за нарушеніе этихъ правилъ онъ грозитъ наказаніями. Царь напоминаетъ, что самъ великій богъ «поручилъ ему дать странѣ защиту закона, чтобы сильный не могъ вредить слабому».

Царь Хаммураби принимаетъ законъ отъ бога Солнца.

Въ Египтѣ въ рукахъ немногихъ семей соединялись большія богатства. Но эти богатства составляли большею частью *недвижимость*; это были крупныя имѣнія, въ которыхъ собирались и проживались большіе запасы. Въ Вавилонѣ большая часть богатствъ состояла въ *движимости* и деньгахъ, которыя позволяли быстро мѣнять свой достатокъ

или пріобрѣтать рѣдкіе и чужіе привозные предметы. Въ жизни вавилонянъ было больше роскоши и разнообразія. Богатые люди для своего удобства покупали и держали дома привозныхъ рабовъ. Впослѣдствіи греку-путешественнику Геродоту, посѣтившему Вавилонъ, казалось, что нѣтъ на свѣтѣ людей, которые бы болѣе, чѣмъ вавилоняне, цѣнили изысканность одежды и украшеній. Въ высокихъ завитыхъ парикахъ, въ вышитой узорами, широкими складками ниспадающей одеждѣ, вытканныхъ башмакахъ, съ перстнемъ-печатью на пальцѣ и художественно вырѣзанной тростью въ рукѣ выходилъ богатый человѣкъ на улицу. Грековъ, привыкшихъ къ болѣе простой обстановкѣ, поражали также



Вѣроятный видъ вавилонской семиэтажной башни.

размѣры города и его укрѣпленія: наружныя стѣны Вавилона были длиной въ 8 миль; ихъ высота была до 200 локтей, а ширина до 50, т.-е. верхъ стѣны былъ похожъ на широкую мощеную улицу, по которой могли ѣхать въ рядъ нѣсколько военныхъ повозокъ. Въ стѣнахъ было продѣлано до 100 мѣдныхъ воротъ. За стѣнами находился широкій и глубокій ровъ, наполненный водою. Вавилонъ занималъ пространство вдвое больше современнаго Лондона; но кромѣ построекъ, въ немъ тянулись обширные пустыри, сады и поля.

Городъ былъ выстроенъ по правильному плану: прямыя улицы шли параллельно рѣкѣ Евфрату, другія пересѣкали ихъ подъ прямымъ угломъ и упирались въ набережную рѣки; эти улицы запирались также тяжелыми мѣдными воротами. Пестрая толпа людей всякаго званія и

разныхъ народностей сновала по улицамъ, заполняла базары на площадяхъ. Надъ жилищами возвышались огромные каменные дома боговъ. Они строились на широкой квадратной насыпи и поднимались вверхъ уступами. Чѣмъ выше былъ этажъ, тѣмъ болѣе узкій квадратъ онъ представлялъ собою. Каждый этажъ былъ выкрашенъ особой краской и блисталъ позолотой. Входы въ храмы и дворцы точно оберегались огромными высѣченными изъ камня фигурами крылатыхъ быковъ съ человѣческими головами.

Сказанія о сотвореніи міра и о потопѣ. Надписи и рисунки, открываемые въ равнинѣ Евфрата, изображаютъ намъ не только дѣловую жизнь вавилонянъ. Мы узнаемъ ихъ понятія о мірозданіи, о божествахъ, о загробной жизни.

У вавилонянъ было сказаніе о *сотвореніи міра*. Съ начала временъ все смѣшивалось въ великомъ морѣ. Богъ весенняго солнца Мардукъ (онъ же Белъ, т.-е. господинъ Вавилона) создалъ нынѣшній міръ: онъ вышелъ на бой съ чудовищемъ, которое царило въ морѣ хаоса, убилъ его и разсѣкъ на двѣ половины: море небесное и море земное; границей между ними онъ поставилъ небесную твердь. Потомъ онъ поднялъ изъ воды землю, создалъ свѣтила и бросилъ сѣмена жизни на земную поверхность. Мысль, что вначалѣ все было покрыто водой и все возникло изъ воды, видимо внушена картиной ежегодныхъ весеннихъ наводненій, послѣ которыхъ возрождается жизнь: по картинѣ весны ежегодной представляли себѣ и первую весну міра; оттого и богъ-творецъ—весенній богъ. Еще другая черта замѣчательна въ понятіяхъ вавилонянъ: міръ небесный похожъ на земной, его карта такая же: тамъ — большой океанъ, совершенно также и внизу земля держится на огромномъ морѣ; на небѣ тѣ же двѣ главныя рѣки, Евфратъ и Тигръ; тамъ есть свой Вавилонъ, свой храмъ Мардука и т. д.

Наводненія внушили еще другое преданіе—о *великомъ потопѣ*. Боги однажды разгнѣвались на родъ человѣческій и рѣшили истребить его, наславъ жестокую грозу и ливень. Но одинъ изъ боговъ сжалился надъ любимцемъ своимъ и посовѣтовалъ ему построить корабль, взять туда своихъ близкихъ, всѣ породы животныхъ и сѣмена растеній. Корабль носился семь дней по водамъ; его обитатели высылали три раза птицъ, одну за другой, чтобы узнать, не прошла ли вода. По окончаніи потопа жизнь на землѣ возродилась опять.

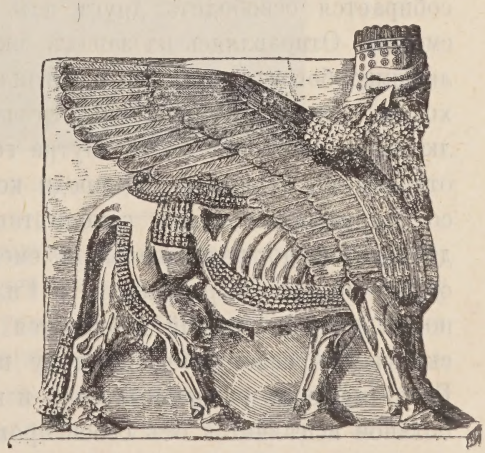
Смерть, адъ и рай по понятію вавилонянъ. Понятія о смерти и о томъ свѣтѣ у вавилонянъ были нѣсколько иныя, чѣмъ у египтянъ. Смерть казалась имъ величайшимъ зломъ и ужасомъ. Она «не отпускаетъ на волю» и «какъ былинку» подкашиваетъ жизнь, «бросаетъ въ тяжкія оковы», «пронзаетъ ножомъ». Все величіе и сила міра

исчезаютъ со смертью. Въ сказаніи о богинѣ Иштаръ, подательницѣ всякаго счастья и радости на землѣ, изображено, какъ сама богиня должна была спуститься въ адъ и перенести его мученія; съ нея сорвали ея вѣнецъ, всѣ украшенія, ее заковали въ цѣпи; ея прекрасное лицо и тѣло покрылось болѣзненными язвами, ея сердце и голова были разбиты немощью. Такъ же точно разбивается и существо человѣка.

Фигурка бѣса, изображающая сухой и вредный юго-западный вѣтеръ; ее вѣшали надъ дверью, чтобы безобразный портретъ бѣса отогналъ его самого отъ дома.

Отвратительные духи наполняютъ подземный адъ. Они мучатъ души умершихъ. Но они выходятъ также на землю; они прилетаютъ изъ страшной пустыни съ запада, они свирѣпствуютъ ночью. Это—чудовища, которыя жаждутъ крови, все истребляютъ и не щадятъ даже изображеній боговъ. «Они, подобно змѣямъ, вползаютъ въ дома людей. Они похищаютъ жену у мужа, вырываютъ ребенка изъ рукъ отца, выгоняютъ хозяина изъ среды его семьи. Они переходятъ изъ села въ село, уводятъ дѣтей, гонятъ птицу изъ гнѣзда, бьютъ воловъ и ягнятъ; эти злые демоны—дикіе охотники». Они приносятъ засуху, посылаютъ болѣзни: одинъ—лихорадку, другой—чуму, третій хватаетъ человѣка за горло.

Будучи окруженъ злыми бѣсами и привидѣніями, человѣкъ старается оборониться отъ нихъ. Самое вѣрное средство — приготовить изображеніе злого духа, возможно болѣе похожее на него, и повѣсить эту куклу передъ домомъ, чтобы ея видомъ отгонять самого бѣса, или, еще лучше, торжественно и съ проклятіями сжечь изображеніе. Вавилоняне придавали бѣсамъ безобразныя черты: оскаленные зубы, рога и щетину, хвосты и когти и т. д. Изъ этого составилась фигура чорта, которая потомъ перешла къ европейцамъ.



Фигурка крылатаго быка съ человѣческой головой.

Но сквозь мрачныя мысли пробивалась нѣкоторая надежда на из-

бавленіе. Ежегодно празднуется возвращеніе изъ подземнаго міра умершаго молодого бога, котораго передъ тѣмъ съ великимъ плачемъ провожали въ могилу. Такъ можетъ спастись и человѣкъ отъ вѣчной смерти. Богъ весны и весенняго солнца, Мардукъ, «милосердъ» и «любитъ воскрешать мертвыхъ». Есть «живая вода» въ тайномъ мѣстѣ; кто изопьетъ ея или окропится ею, вернется къ жизни и получитъ безсмертіе. На западѣ далеко, куда заходитъ солнце, есть «острова блаженныхъ», гдѣ нѣтъ печали и смерти. Сказаніе передаетъ, какъ

Крылатыя божества у священнаго древа жизни.

могучій царь Гильгамешъ искалъ пути къ нимъ. Его другъ погибъ, его самого поразила тяжкая проказа; но онъ не хочетъ умирать; онъ собирается освободить друга изъ пасти смерти и узнать тайну безсмертія. Отправляясь на западъ, онъ надѣется отыскать своего предка, любимца боговъ, котораго они взяли живымъ въ земной рай. Онъ проходитъ страшныя ущелья, встрѣчаетъ у входа къ горѣ громадныхъ людей-скорпіоновъ, идетъ внутри горы въ полномъ мракѣ и на выходѣ открываетъ чудный садъ, среди котораго стоитъ божественное дерево со сверкающими, какъ самоцвѣтные камни, плодами. Наконецъ онъ добирается до великаго моря смерти, черезъ которое ходитъ лишь солнце и нѣтъ переправы. Но Гильгамешъ отыскиваетъ лодочника и послѣ тяжкихъ усилій добирается до другого берега. Здѣсь онъ разсказываетъ своему безсмертному предку страданія. Тотъ погружаетъ Гильгамеша въ волшебный сонъ и велитъ отвезти къ источнику жизни: больной исцѣляется отъ своей проказы, видитъ чудесное древо жизни, дающее человѣку безсмертіе. Затѣмъ Гильгамешъ отправляется въ обратный путь и беретъ съ собою дерево, чтобы насадить изъ него

на своей родинѣ цѣлый лѣсъ. Хотя онъ самъ и возвращается домой, но на дорогѣ теряетъ чудесное дерево.

Эти разсказы вавилонянъ о странствованіяхъ по неизвѣданнымъ странамъ на западѣ, о земномъ раѣ и райскомъ деревѣ, о переправѣ черезъ море или рѣку смерти, о бесѣдѣ съ тѣнью умершаго предка и о цѣлебной живой водѣ широко распространились не только у сосѣднихъ народовъ, они перешли также далеко на западъ къ грекамъ.

Священная наука вавилонянъ. Лучшую защиту противъ злыхъ духовъ, кружащихъ около человѣка, вавилоняне думали найти въ великихъ свѣтлыхъ богахъ, которые царятъ на небесахъ и показываются въ свѣтилахъ: солнцѣ, мѣсяцѣ и пяти яркихъ, видимыхъ простымъ глазомъ планетахъ (ихъ латинскія названія—Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ). Къ этимъ семи высшимъ силамъ обращались съ молитвами и просьбами; ихъ волю, ихъ указанія людямъ старались прочитать въ движеніи свѣтилъ.

Вавилонскіе жрецы подробно занялись изученіемъ небесныхъ явленій, и у нихъ получилась очень сложная и трудная наука. Они со-

Богъ Мордукъ въ борьбѣ со злымъ духомъ.

ставили календарь, который заимствовали потомъ европейскіе народы. Въ вавилонскомъ календарѣ соединенъ счетъ времени по видимому движенію солнца и по движенію луны. За годъ приняли срокъ, въ который солнце проходитъ по большому поясу неба (эклиптикѣ). Годъ раздѣлили на 12 частей по 30 дней въ каждой согласно сроку оборота луны (до сихъ поръ у европейцевъ луна и тотъ срокъ, въ который она проходитъ свой кругъ, обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ *мѣсяцъ*). На годовомъ небесномъ кругѣ солнца эти 12 частей отмѣ-

тили большими созвѣздіями (Телецъ, Близнецы, Ракъ, Левъ и т. д.). Далѣе каждому изъ великихъ семи боговъ былъ посвященъ особый день, и такимъ образомъ получили еще подраздѣленіе мѣсяца на четыре недѣли. Вавилонская семидневная недѣля перешла потомъ ко всѣмъ европейскимъ народамъ и у нѣкоторыхъ сохранила даже свои старинныя названія дней отъ свѣтилъ (лучше всего это видно на французскомъ и англійскомъ языкахъ: начиная съ воскресенья идутъ: день солнца, луны, Марса, Меркурія, Юпитера, Венеры, Сатурна).

Изъ всѣхъ небесныхъ явленій человѣка особенно поражаютъ затменія. Когда на чистомъ небѣ затягивался черной пеленой ясный ликъ бога-свѣтила, люди были увѣрены, что предстоитъ что-нибудь страшное или важное. Вавилоняне старались замѣтить тѣ сроки, въ которые повторяются солнечныя и лунныя затменія, и научились ихъ предсказывать.

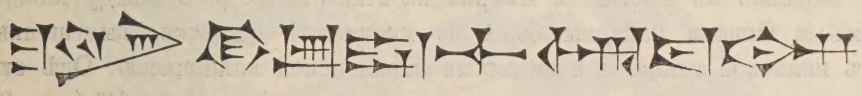
Они точно измѣрили глазами видимое небо и вычислили, что солнце (во время равноденствія) на небесномъ полукругѣ отъ восхода до заката укладывается поперечникомъ своего кружка 180 разъ (3×60). Они стали дѣлить вообще всякій полукругъ на 180, а всякій кругъ—на 360 частей (2×180 или 6×60). Число 60 стало однимъ изъ священныхъ волшебныхъ чиселъ: оно было принято у вавилонянъ за основу счета, какъ у насъ 100. Часъ дѣлили на 60 минутъ, минуту—на 60 секундъ. Эти дѣленія круга и часа также перешли къ намъ.

При всей точности вычисленій вавилонскихъ жрецовъ ихъ представленія о мірозданіи были невѣрны; они думали, что солнце каждый день дѣйствительно катится черезъ все небо и ночью проходитъ подъ землею, что всѣ свѣтила кружатся около земли, которая неподвижна стоитъ въ серединѣ міра. Числа и мѣры не служили для нихъ простыми отмѣтками: въ міровомъ порядкѣ и въ земной жизни должны повторяться волшебныя числа три, семь, двѣнадцать, шестьдесятъ. Міръ состоитъ изъ двухъ великихъ частей: небеснаго царства и его точнаго снимка, царства земного. Каждое образуетъ три слоя, одинъ надъ другимъ: воду, твердь и воздухъ. По твердому поясу неба или по плотинѣ небесной движутся солнце и другія свѣтила.

Далѣе вавилоняне вѣрили, что небо—великая раскрытая книга, по которой ученый можетъ читать все, что есть и будетъ на землѣ. Если небесный міръ совершенно такъ же устроенъ и раздѣленъ, какъ земной, то событія, происходящія въ немъ, должны съ буквальной точностью повторяться на землѣ. Нужно только внимательно замѣчать все, что происходитъ на небѣ, и находить во всѣхъ знаменіяхъ настоящій ихъ смыслъ. Появленіе надъ небосклономъ одной планеты можетъ означать урожай, восходъ другой — нападеніе врага. Есть счастливыя и есть зловѣщія свѣтила, бываетъ благополучное и бываетъ

грозное ихъ расположеніе. Заволакиваніе мѣсяца тучами, яркія зори и т. п., все это—знаменія, за которыми идутъ неминуемо счастіе или бѣда. Судьба царскаго похода зависитъ отъ того, что скажутъ звѣзды. Судьба каждаго человѣка опредѣлена заранѣе на небѣ: при рожденіи, напр., царскаго сына замѣчали положеніе свѣтилъ и предсказывали его жизнь. Вавилонскіе предсказатели взбирались каждый день на высокія башни боговъ, наблюдали, записывали и гадали. Эти выкладки и гаданія по движенію небесныхъ свѣтилъ перешли потомъ къ грекамъ и отъ нихъ къ другимъ европейскимъ народамъ; подъ именемъ *астрологіи* они просуществовали еще 2.000 лѣтъ внѣ Вавилона, и лишь за за 200 лѣтъ до нашихъ дней они были покинуты въ Европѣ.

Книги. Наука вавилонянъ началась очень рано, накоплялась и хранилась очень долго. Судя по тѣмъ записямъ, которыя теперь находятъ европейцы въ этой странѣ, большая часть знаній и наблюденій перешли къ нимъ отъ болѣе стариннаго народа сумеровъ, жившаго по Евфрату (стр. 37). Этотъ народъ придумалъ азбуку; на его языкѣ были въ первый разъ записаны гаданія, порядокъ небесныхъ явленій и ка-



Титулъ вавилонскаго царя: „царь четырехъ странъ свѣта“.

лендарь; для того, чтобы познакомиться съ ними, позднѣйшіе вавилоняне должны были изучать чужой старинный языкъ, составить къ нему объясненія, грамматики и словари. Самый путь къ наукѣ былъ такимъ образомъ очень сложенъ и труденъ.

Вавилонскій способъ письма былъ непохожъ на египетскій: для обыкновеннаго письма брали не бумагу, а тонкія дощечки, и по сырой еще глинѣ надавливали острымъ рѣзцомъ: получались бороздки въ родѣ гвоздиковъ или клиньевъ, почему этотъ способъ называютъ теперь *клинописью*. Вѣроятно, такъ же, какъ у египтянъ, письмо вавилонянъ началось съ рисунковъ; въ нѣкоторыхъ знакахъ можно узнать звѣзду, пчелу и т. д. Но при ихъ способѣ быстро водить по мягкой глинѣ очертанія рисунка выходили неясными; вслѣдствіе этого перестали придавать значеніе вѣрности фигуръ. Оттого вавилонянамъ было не трудно перейти къ обозначенію знаками слоговъ и звуковъ.

Высохшія написанныя дощечки можно было очень долго хранить. Цѣлая книга имѣла видъ стопки положенныхъ другъ на друга кирпичиковъ. Разрывая холмы и мусоръ на мѣстѣ старыхъ городовъ Двурѣчья, европейцы недавно нашли цѣлую кирпичную библіотеку. Она принадлежала царю сосѣдней съ Вавилономъ Ассиріи. Ассиріяне

усвоили науку и искусства Вавилона; царь ассирійскій Ассурбанипалъ положилъ много стараній на то, чтобы собрать старинныя и новыя книги, въ которыхъ записаны были сказанія, молитвы, наблюденія надъ небомъ, гаданія. Большею частью это были переводы съ болѣе древняго языка; къ нимъ приложены толкованія, пособія, словари и т. д.

Языкъ и сношенія Вавилона 1700—1100 гг. до Р. Х. Вмѣстѣ съ торговлей далеко проникалъ и языкъ вавилонянъ. На немъ объяснялись не только купцы разныхъ странъ, но также правители ихъ. Когда египтяне завоевали Сирію, между Египетомъ и Вавилономъ начались оживленныя сношенія: караваны торговцевъ, посольства отъ царя къ царю двигались вдоль берега Средиземнаго моря долинами Сиріи и равниной по теченію Евфрата. Египетскіе фараоны должны были переводить свои посланія на вавилонскій языкъ. На томъ же языкѣ писали фараонамъ доклады ихъ намѣстники, поставленные въ азіатскихъ областяхъ. Вавилонскій языкъ служилъ въ Передней Азіи тѣмъ же, чѣмъ былъ французскій въ Европѣ 100 и 200 лѣтъ назадъ и чѣмъ служитъ въ настоящее время англійскій въ большей части свѣта.

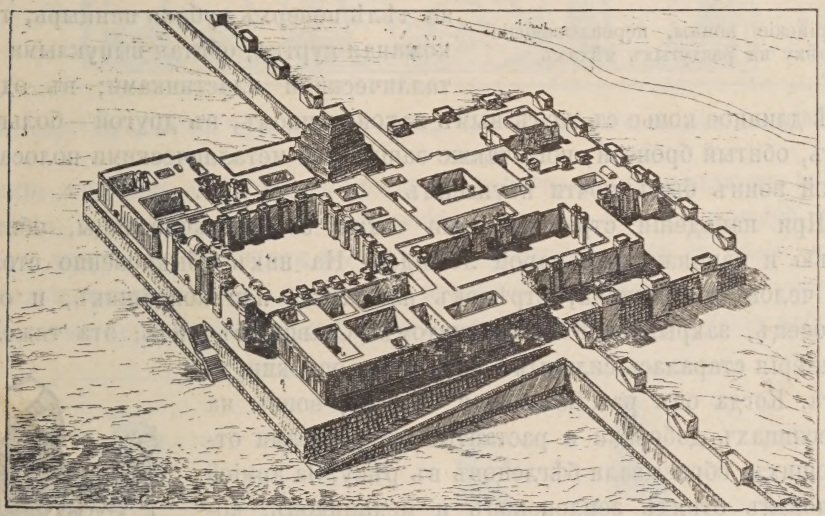
Недавно въ мѣстности Амарна на Нилѣ посреди между Мемфисомъ и Ѳивами найдены были во множествѣ дощечки, высушенныя изъ нильской глины и исписанныя вавилонской клинописью. Онѣ оказались письмами изъ временъ египетскаго царя Аменофиса IV (стр. 31) и его отца. Фараонъ требуетъ себѣ въ жены дочь вавилонскаго царя; цари увѣряютъ другъ друга въ вѣрности и преданности, шлютъ привѣтъ и желаютъ всякихъ благъ «дому, женамъ, сыновьямъ, вельможамъ, конямъ, колесницамъ, войскамъ и всей странѣ»; они напоминаютъ о присылкѣ товаровъ: египтянину нуженъ цѣнный голубой камень, вавилонянину—золото. Въ Амарнѣ есть нѣсколько посланій къ фараону отъ подчиненнаго ему князя Урусалима (это—будущій Іерусалимъ). Семь разъ припадаетъ онъ къ ногамъ царя и еще семь разъ; онъ молитъ не вѣрить слухамъ о его измѣнѣ; «не отъ отца и матери получилъ я страну, а изъ могучихъ рукъ царя». Его тѣснятъ *хабири*, опустошающіе всѣ царскія владѣнія; пусть царь пришлетъ войска на помощь.

Эти хабири были евреи, подвигавшіеся со стороны пустыни на Ханаанъ, южную часть Сиріи.

Ассиріяне и царство израильское 1100—600 гг. до Р. Х. Власть фараоновъ послѣ этого недолго продолжалась надъ Сиріей. Въ Передней Азіи кругомъ пустыни произошли большія перемѣны. Въ свое время семитское племя, вышедшее изъ степей, покорило Вавилонію. Теперь появились новые семиты-завоеватели, на сѣверѣ отъ Вавилона, въ Ассиріи по верхнему теченію р. Тигра, и на западѣ, по другую сторону пустыни, въ Ханаанѣ.

Ассирія — гористая область, скудная сравнительно съ областью нижняго Евфрата. Ея жители долго были въ сторонѣ отъ оживленнаго быта вавилонянъ. Но они завладѣли важными торговыми путями, которые направлялись отъ Вавилона по теченію большихъ рѣкъ къ горнымъ странамъ Кавказа и къ Средиземному морю. Въ рукахъ ассиріянъ скопились большія богатства, произведенныя трудомъ и изобрѣтательностью вавилонянъ. Но земледѣльческая и торговая Вавилонія на войнѣ постоянно уступала своимъ воинственнымъ сосѣдямъ. Ассирійскіе цари не разъ покоряли Вавилонъ.

Въ Ханаанѣ Давидъ образовалъ около 1000 г. израильское царство. Оно доходило на югѣ до Аравійскаго залива, на сѣверѣ захватывало



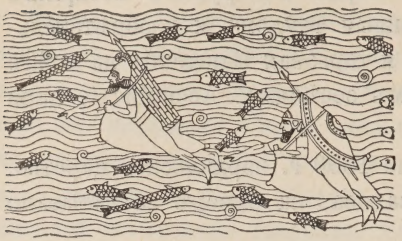
Общій видъ ассирійскаго дворца со службами.

главный городъ Сиріи, Дамаскъ. Его сынъ Соломонъ, женатый на египетской царевнѣ, построилъ въ Іерусалимѣ большой храмъ Богу Израиля, по величинѣ и великолѣпію равный большимъ святилищамъ Ѳивъ и Вавилона.

Царство, основанное Давидомъ, скоро распалось. Народъ былъ недоволенъ тяжелыми поборами и податью, которой требовалъ царь Іерусалима для своихъ походовъ и построекъ. Изъ 12 колѣнъ отложились 10 и составили на сѣверѣ израильское царство съ городомъ Самаріей. Сынъ Соломона сохранилъ лишь маленькое іудейское царство на югѣ со старой столицей Іерусалимомъ.

Завоеванія ассиріянъ. Гораздо сильнѣе оказалось государство ассиріянъ, захватившихъ равнину двухъ рѣкъ. Они остались неукроти-

мыми воинами, и долгое время никто не могъ имъ сопротивляться. Скоро на берегу Тигра выросъ ихъ городъ *Ниневія*, не уступавшій Вавилону размѣрами и похожій на него по своимъ постройкамъ. Страшной грозой налетали ассиріяне на сосѣдей. Быстро двигались впередъ воины: они переплывали рѣки на большихъ раздутыхъ мѣхахъ или перегораживали потокъ стволами деревъ. На множествѣ картинъ, изображенныхъ ассиріянами, можно видѣть однообразные ряды мускулистыхъ мрачныхъ бородатыхъ воиновъ; голова ихъ покрыта остроконечнымъ мѣднымъ шлемомъ; на тѣлѣ поверхъ рубахи панцырь, т.-е. кожаная куртка, обитая выпуклыми металлическими пластинками; въ одной рукѣ длинное копье съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ другой—большой щитъ, обитый бронзой; ноги также защищены металлическими полосами. Такой воинъ былъ почти неуязвимъ.



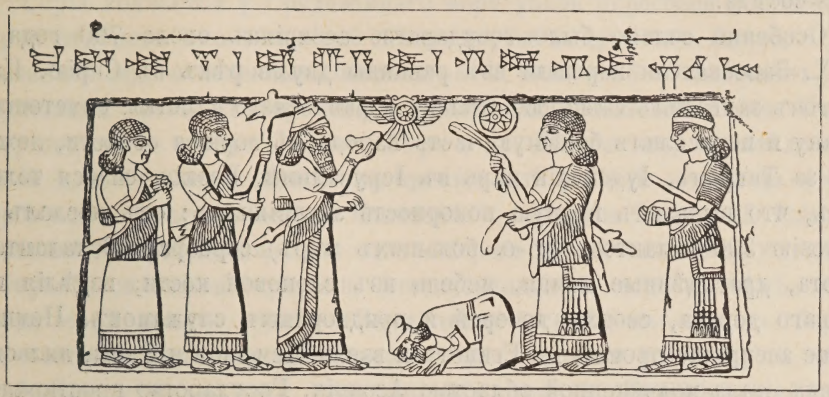
Ассирійскіе воины, переплывающіе рѣку на раздутыхъ мѣхахъ.

При нападеніи страшны были также боевыя колесницы, обитыя мѣдью и запряженныя парой лошадей. На нихъ обыкновенно стояли три человѣка: возница, стрѣлокъ изъ лука, или копейщикъ, и оруженосецъ, закрывавшій воина щитомъ. Ставши въ рядъ, эта тяжелая кавалерія старалась сильнымъ натискомъ опрокинуть врага. Когда онъ разсѣевался и бѣжалъ, воины на колесницахъ добивали и растаптывали колесами отстающихъ, сбрасывали бѣглецовъ въ рѣку. За арміей слѣдовалъ отрядъ землекоповъ и механиковъ, которые выравнивали дороги въ горныхъ мѣстностяхъ, готовили орудія для разрушенія стѣнъ и т. д. Ассирійскіе солдаты казались людьми несокрушимой силы, Іудейскій пророкъ Исаія, близко видѣвшій ихъ, говоритъ: «у нихъ нѣтъ лѣнивыхъ; никто не спотыкнется, не задремлетъ, не распуститъ пояса или ремня на башмакѣ».

Ассирійскій царь въ парадномъ одѣяніи.

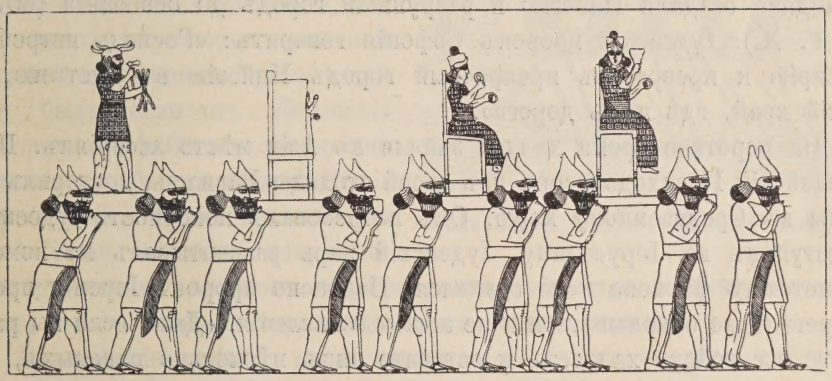
Суровы были и ихъ вожди. На стѣнахъ дворцовъ, на каменныхъ доскахъ и столбахъ они оставили разсказы и отчеты о своихъ предпріятіяхъ, гдѣ съ особенной гордостью говорятъ о разрушеніяхъ, которыя они произвели, объ уничтоженіи городовъ и селъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «я пронесся подобно истребительному урагану. На обагренной землѣ оружіе тонуло въ крови враговъ, какъ въ рѣкѣ. Я нагромоздилъ

трупы ихъ солдатъ въ видѣ побѣдныхъ кургановъ и отрубилъ имъ конечности. Плѣнникамъ я отсѣкъ руки; я сокрушилъ ихъ, какъ солому». Часто ассиріяне истребляли все мужское населеніе покоренной



Іиуй, царь израильскій, преклоняется передъ Салманассаромъ, царемъ ассирійскимъ.

земли, женщинъ и дѣтей забирали въ рабство и продавали въ плѣнъ. Иногда, впрочемъ, щадили часть побѣжденныхъ: убивали вождей, знатныхъ людей, но оставляли въ живыхъ простой народъ съ тѣмъ, чтобы насильно переселить его въ другую покоренную и опустошенную страну, гдѣ новые переселенцы не могли быть опасны, но должны были работать



Ассирійскіе воины несутъ изображенія боговъ.

на землѣ и платить дань. Іудейскіе пророки называютъ Ниневію «логовищемъ львовъ, кровавымъ городомъ, скопищемъ добычи».

На картинахъ видно, какъ цари и ихъ приближенные стоятъ съ важной осанкой, гордо выпрямленные, или несутся, бѣшено увлекаемые конями въ опасной охотѣ на львовъ. Или еще: царь отдыхаетъ въ бесѣдкѣ своего парка; онъ полулежитъ на высокомъ диванѣ; ниже сидитъ

на креслѣ одна изъ его женъ, оба съ кубками въ рукахъ; кругомъ придворные, размахивая вѣерами, прохлаждаютъ царскую чету; на ближнемъ деревѣ виситъ, раскачиваемая вѣтромъ, голова побѣжденнаго царя-сосѣда.

Особенно сильно было государство ассиріянъ около 700 года до Р. Х. Завоеватели перешли изъ равнины двухъ рѣкъ въ Сирію. Царь Саргонъ захватилъ Самарію, столицу израильскаго царства, опустошилъ страну и переселилъ большую часть народа въ горныя области, лежавшія за Тигромъ. Іудейскій царь въ Іерусалимѣ, Езекія, спасся только тѣмъ, что выразилъ полную покорность ассиріянамъ: онъ послалъ въ Ниневію 300 талантовъ (т.-е. большихъ мѣръ) серебра, 30 талантовъ золота, драгоцѣнные камни, мебель изъ слоновой кости, издѣлія изъ цѣннаго дерева, своихъ дочерей и придворныхъ служанокъ. Немного позже ассиріяне прошли въ Египетъ и взяли Мемфисъ и Ѳивы, нильская долина стала подчиненной областью Ассиріи. Государство простиралось при царѣ Ассурбанипалѣ отъ горъ Арменіи и Ирана до Сахары и было гораздо больше, чѣмъ царство Тутмеса III египетскаго.

Паденіе Ассиріи и Іерусалима. Но въ этомъ видѣ оно продержалось не долго. Въ Египтѣ Псамметихъ, одинъ изъ князей сосѣдней Ливіи, нанялъ греческихъ воиновъ, прибывшихъ моремъ, и изгналъ ассиріянъ съ Нила. Вавилономъ завладѣли халдеи, народъ, жившій у Персидскаго залива, а съ горъ Ирана надвинулись на Ассирію мидяне. Халдеи и мидяне осадили Ниневію и разрушили городъ до основанія (607 г. до Р. Х.). Іудейскій пророкъ Софонія говоритъ: «Господь истребитъ Ассирію и превратитъ прекрасный городъ Ниневію въ пустыню, въ дикій край, гдѣ нѣтъ дороги».

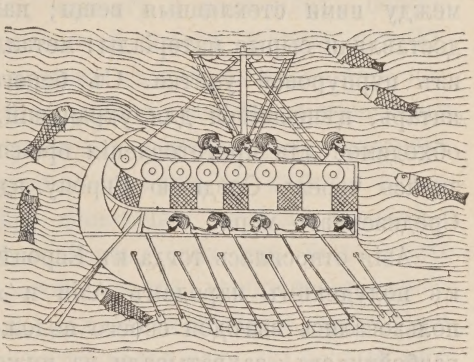
На короткое время халдеи заняли въ Азіи мѣсто ассиріянъ. Царь халдейскій Навуходоносоръ изъ своей столицы Вавилона повторилъ походы къ Средиземному морю. Онъ потребовалъ покорности іудеевъ и подступилъ къ Іерусалиму. Іудейскій царь разсчитывалъ на помощь египетскаго фараона и не сдавался. Напрасно пророкъ Іеремія предостерегалъ не обманываться и не ждать избавленія. «Даже если вы разобьете все войско халдеевъ и оставите лишь нѣсколько раненыхъ, они поднимутся, каждый изъ шатра своего, и сожгутъ этотъ городъ огнемъ». Пророка не послушали и бросили въ тюрьму. Но скоро Навуходоносоръ взялъ Іерусалимъ. Онъ поступилъ такъ же, какъ раньше Саргонъ съ израильскимъ царствомъ: разрушилъ городъ и храмъ, взялъ въ плѣнъ царя и переселилъ большую часть іудейскаго народа въ Вавилонію (въ 588 г. до Р. Х.). Это начало *великаго вавилонскаго плѣненія*.

Финикіяне съ 1000 г. до Р. Х. Жители долинъ Нила и Евфрата создали изстари сами свою культуру; ассиріяне, евреи и халдеи взяли

у вавилонянъ и болѣе старинныхъ сумеровъ очень многое уже готовымъ. Еще одинъ народъ въ Передней Азіи, родственный евреямъ, воспользовался знаніями и искусствомъ вавилонянъ и египтянъ.

Сирія кончается у Средиземнаго моря узкой береговой полосой, которая отдѣлена отъ остальной земли крутымъ хребтомъ Ливана. Сюда спасались многочисленные бѣглецы отъ нападеній кочевниковъ, выходившихъ время отъ времени изъ глубины аравійской степи. На берегу поднялись города *Сидонъ*, *Тиръ* и др. Жители ихъ не имѣли вовсе земли для обработки: они стали промышлять рыбной ловлей на морѣ и перевозомъ товаровъ между Египтомъ и странами Передней Азіи. Но большинство уходившихъ на этотъ берегъ не останавливалось здѣсь: собираясь сильными отрядами, они пускались въ море съ тѣмъ, чтобы найти себѣ новую родину. Высадившись снова на чужомъ берегу, переселенцы поступали какъ завоеватели: отнимали у туземцевъ землю, требовали у нихъ дани, строили свои города. Впослѣдствіи греки, соперники этихъ мореплавателей и поселенцевъ, называли ихъ *финикіянами*, а берегъ азіатскій, откуда они вышли,—*Финикіей*.

Большая часть финикіянъ жила за предѣлами Финикіи, на островахъ и берегахъ Средиземнаго моря: на Кипрѣ, гдѣ въ старину было главное мѣсторожденіе мѣди, въ Сициліи, а болѣе всего въ сѣверо-западной Африкѣ (нынѣшнемъ Тунисѣ), гдѣ ими былъ основанъ *Карѳагенъ* («Новгородъ»). Отсюда финикіяне заняли еще берега южной Испаніи. Пророкъ Исаія сравниваетъ финикійскіе корабли, нагруженные испанскимъ золотомъ и серебромъ, съ быстро несущимися облаками, съ голубями, которые летятъ къ своимъ домамъ.



Финикійская галера по рисунку ассиріянъ.

Финикійскіе города, расположенные въ трехъ частяхъ свѣта, не составляли одного государства. Но между городами *метрополіи*, т.-е. родины, и *колоніями*, т.-е. новыми поселеніями, сохранились дружескія отношенія; вездѣ чтили солнечнаго бога Мелькарта, который странствуетъ съ мореплавателями, показываетъ имъ путь; изображеніе его ставили въ гавани; передъ отплытіемъ и по окончаніи путешествія ему приносили жертву.

Добравшись до Гибралтарской скалы, противъ которой поднимается высокій берегъ Африки, финикіяне сначала рѣшили, что Мелькартъ

поставилъ здѣсь людямъ пограничные столбы: позади нихъ богъ уходитъ на покой. Но потомъ они отважились и за столбы. На берегу Испаніи у Атлантическаго океана они построили на выдающейся скалѣ *Гадиръ* («крѣпость»; это нынѣшній Кадиксъ). Особенно далеко финикійскіе моряки плавали на югъ вдоль береговъ Африки: они знали Канарскіе острова и Гвинею. Греки разсказывали еще про удивительное путешествіе финикіянъ, находившихся на службѣ египетскаго царя, кругомъ всей Африки.

Ни одинъ народъ въ старину не объѣхалъ столько странъ, какъ финикіяне. Имъ хорошо были извѣстны извилины береговъ Средиземнаго моря, проливы его, стоянки на островахъ, удобныя гавани и опасныя скалы или мели. Они открыли для народовъ Востока большую часть южно-европейскихъ странъ. Отъ тѣхъ двухъ названій, которыя они дали своей родинѣ и новооткрытымъ землямъ, *асу* (восходъ) и *эребъ* (закатъ), произошли имена двухъ материковъ, Азія и Европа.

Финикіяне везли на Западъ по большей части издѣлія вавилонскаго и египетскаго ремесла: ткани, оружіе, посуду, предметы роскоши, между ними стеклянныя вещи; напротивъ, съ Запада въ Азію они доставляли сырые матеріалы: металлъ, красную краску, добывавшуюся изъ пурпуровой улитки. Съ берега Балтійскаго моря они получали янтарь, цѣнившійся для украшеній, изъ нынѣшней Англіи олово, необходимое для приготовленія бронзы. Тотъ и другой предметъ подвозились черезъ Среднюю Европу вдоль рѣчныхъ долинъ къ берегамъ Средиземнаго моря.

Азія относилась тогда къ Европѣ такъ же, какъ теперь европейцы—къ полудикимъ народамъ Азіи и Африки. Финикіяне нерѣдко круто пользовались выгодой своего положенія: они обращались въ морскихъ разбойниковъ, захватывали на чужомъ берегу беззащитныхъ жителей, особенно женщинъ и дѣтей, и везли продавать въ рабство на азіатскіе рынки.

Финикіяне воспользовались не только товарами, но также изобрѣтеніями Вавилона и Египта. Они взяли оттуда мѣру и вѣсъ, а также азбуку. Въ торговомъ дѣлѣ имъ нужны были простые значки, которые можно быстро писать. Они заимствовали поэтому однѣ *звуковыя* буквы; въ ихъ азбукѣ было только 22 знака. На эту финикійскую азбуку похожи всѣ позднѣйшія европейскія азбуки (греческая, латинская, нѣмецкая, славянская).

Средиземное море. Культура восточныхъ народовъ уже давно проникла на западъ по дорогамъ, пролегавшимъ черезъ Малоазійскій полуостровъ. Со времени путешествій финикіянъ прибавился новый удобный путь—Средиземное море.

Въ старину морское плаваніе было непохоже на современное. Моряки выѣзжали только лѣтомъ; они не рѣшались далеко отходить отъ берега, огибали иногда ради этого огромныя дуги вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ открытое море, или перебирались отъ острова къ острову, стараясь уже при выѣздѣ замѣтить впереди ближайшую стоянку. Средиземное море вырѣзано именно такимъ образомъ, что въ немъ можно почти не дѣлать большихъ переѣздовъ. Далеко вытянулись съ сѣвера четыре длинные выступа, Испанія, Италія, Балканскій и Малоазійскій полуострова; навстрѣчу первымъ двумъ выдвинулись оконечности сѣверо-западной Африки. Въ видѣ продолженія полуострововъ и мысовъ, отъ которыхъ могутъ выходить въ море плаватели, поднимаются острова: Кипръ, Критъ, Родосъ, Сицилія, Сардинія, Корсика, Балеарскіе; это—промежуточныя стоянки, съ которыхъ часто видна дальше слѣдующая цѣль. Старинному мореплавателю вообще нетрудно было освоиться съ этимъ моремъ.

Но разъ завязались сношенія между странами, прилегающими къ нему, они должны были расти и расширяться; берега Средиземнаго моря однородны по своему строенію, климату и растеніямъ; переселенецъ изъ Азіи не терялся на приморской полосѣ Африки или Европы, не чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ въ новомъ краю. Онъ возводилъ здѣсь такія же жилища, какъ на родинѣ; встрѣчалъ привычные злаки и деревья или переносилъ и прививалъ привычныя ему растенія. Въ свою очередь онъ невольно втягивалъ туземца въ морскія плаванія; прибрежные жители, по примѣру финикіянъ, строили корабли и везли за море свои товары или выселялись, если имъ было тѣсно дома. Быстро доходили морской дорогой новости, изобрѣтенія, ремесленныя издѣлія; торговля сближала далеко отстоявшія другъ отъ друга страны и племена. Постепенно составлялся какъ бы особый міръ Средиземнаго моря. Слѣдомъ за финикіянами въ него вступили греки.

III.

Греческая старина 1000—700 гг. до Р. Х.

Страна грековъ. Южная часть Балканскаго полуострова называлась по-гречески *Геллада*, или *Эллада*, отъ имени народа *гелленовъ*, или *эллиновъ*. Эта страна очень гориста; по всѣмъ направленіямъ расходятся горные кряжи и вѣтви. Съ сѣвера отъ широкой части полуострова очень трудно было пробраться къ грекамъ: надо подниматься

черезъ нѣсколько горныхъ гребней, двигаться по ущельямъ и труднымъ переваламъ. Въ Греціи можно было жить покойно, не боясь нашествій кочевниковъ, какъ въ домѣ съ крѣпкими стѣнами и надежными запорами. Вся Греція разбита горами на небольшія области; изъ одной области въ другую часто ведутъ только однѣ горныя тропинки. Во всякой области могъ засѣсть независимый народецъ.

На каменистой землѣ Греціи плохо вырасталъ хлѣбъ, но можно было разводить мелкій скотъ, козъ и овецъ, которые ощипывали траву на склонахъ. Прѣсной воды въ странѣ мало; съ горъ сбѣгаютъ рѣчки и ручьи, скоро впадающіе въ море. Оттого изъ-за воды постоянно ссорились и бились сосѣди. Главное же условіе при заключеніи союза было: «обѣщаюсь не лишать союзника текучей воды».

Море. Въ такой землѣ поневолѣ надо было подумать о новомъ промыслѣ, когда народъ размножился. Куда ни оборачивался грекъ, вездѣ передъ нимъ открывалось море. Море не пугало его. На востокѣ Архипелагъ (у грековъ *Эгейское море*) во многихъ мѣстахъ входитъ въ землю глубокими бухтами, въ которыхъ нѣтъ бурь, и суда могутъ стоять покойно. Это море похоже на озеро. Всюду невдалекѣ отъ берега виднѣется островокъ или даже нѣсколько островковъ: доѣхавъ до ближайшей остановки, грекъ видѣлъ передъ собой новые острова и, перебираясь по нимъ, какъ по мосту, могъ заѣхать далеко, достигнуть, напримѣръ, берега Малоазійскаго полуострова.

Греки скоро освоились съ восточнымъ моремъ. Только въ короткое зимнее время оно непокойно. Въ остальные мѣсяцы моряки пользовались правильными вѣтрами и теченіями. Днемъ поднимается сильный сѣверный вѣтеръ, который къ вечеру ложится. По срединѣ моря проходитъ теченіе съ сѣвера; по обѣ стороны вдоль береговъ—обратныя теченія. Большинство грековъ имѣло прямой доступъ къ морю. Въ Греціи не найдется мѣста, отъ котораго морской берегъ отстоялъ бы болѣе, чѣмъ на 60 верстъ; съ каждой высоты оно видно. Греція не больше Португаліи, а береговая линія Греціи со множествомъ ея изгибовъ и заворотовъ длиннѣе берега всего Пиренейскаго полуострова, который вшестеро больше Португаліи.

Греція за 2000—1000 лѣтъ до Р. Х. Задолго до появленія финикіянъ въ Европѣ жители южной части Балканскаго полуострова и острововъ Эгейскаго моря были въ сношеніяхъ съ Передней Азіей и Египтомъ. Подражая египетскимъ фараонамъ, вожди строили себѣ большіе дворцы: стѣны ихъ были украшены картинами изъ жизни животныхъ и яркой глазурью, двери и пороги блестѣли металлической обивкой, полъ выкладывался изъ цвѣтныхъ камешковъ. Женщины наряжались въ богатые уборы, раскрашивали себѣ лицо; въ ихъ туалетѣ, на столахъ, по

стѣнамъ можно было встрѣтить разныя заморскія диковинки: зеркальца, медальоны, кинжалы съ рѣзной рукояткой и т. п. Загробную жизнь представляли себѣ, какъ старинные египтяне. Задолго готовилъ себѣ вождь гробницу наподобіе египетской пирамиды; она выкладывалась въ видѣ большого каменнаго свода внутри скалы; надъ входомъ одной гробницы лежитъ камень въ $7^1/_2$ тысячъ пудовъ. На эти тяжелыя работы сгонялись крѣпостные, какъ въ Египтѣ.

Остатокъ стѣны и ворота старинной стройки изъ крупныхъ плотно прилаженныхъ камней, безъ скрѣпляющаго вещества.

Особенно богаты были владѣтели дворцовъ на островѣ Критѣ, который ближе всего къ Египту и находится посреди между Пелопоннесомъ (полуостровомъ на югѣ Греціи) и Малой Азіей.

Вожди и набѣги грековъ около 1000 г. Позднѣе пришли съ сѣвера воинственныя племена, которыя частью разрушили старинные дворцы, частью захватили ихъ богатства. Весь бытъ перемѣнился, сталъ проще и бѣднѣе: исчезло подражаніе Египту, большія гробницы, живопись на стѣнахъ. Позднѣйшія поколѣнія смотрѣли съ удивленіемъ на остатки старинныхъ построекъ и считали ихъ работой допотопныхъ великановъ.

Предпріимчивые вожди собирали дружины товарищей и слугъ изъ самыхъ сильныхъ людей и отправлялись моремъ на крупный грабежъ. Иногда такими набѣгами жило цѣлое племя. Забранную добычу частью продавали и вымѣнивали. При дѣлежѣ захваченнаго богатства народъ чтилъ своего вождя особой наградой, уступалъ ему лучшихъ плѣнниковъ, которые дѣлались рабами, выдѣлялъ ему лучшій участокъ земли во всей области. Когда все племя сходилось на общій пиръ въ честь своего бога-покровителя, вождя сажали выше всѣхъ и давали ему лучшіе куски жертвеннаго мяса. Сильный и богатый вождь выстраивалъ себѣ большой крѣпкій замокъ на крутомъ холмѣ, обводилъ дворъ высокой стѣной съ бойницами и господствовалъ отсюда надъ округой.

Греческіе вожди считали себя существами высшей породы, назывались потомками боговъ и царями. Но ихъ нельзя и сравнивать съ восточными царями Египта, Ассиріи и Вавилона. Греческіе цари похожи на какихъ-нибудь кавказскихъ или туркменскихъ князьковъ или на старинныхъ воинственныхъ помѣщиковъ; у нихъ иной разъ было не болѣе сотни людей въ подчиненіи.

Кто изъ царей былъ покрупнѣе, требовалъ въ своихъ затѣяхъ подмоги у другихъ, мелкихъ. Старинныя пѣсни грековъ разсказываютъ, какъ сильный царь города Микенъ въ Пелопоннесѣ, Агамемнонъ, со своими союзниками напалъ съ моря на Пріама, царя города Трои, находившагося въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи. Греческіе витязи со своими дружинами вытащили на берегъ суда и устроили укрѣпленый лагерь съ валомъ и рвомъ. Каждый день выходили они на бой съ троянцами, которые покидали свои крѣпкія стѣны, оставляя внутри ихъ только стариковъ, женщинъ и дѣтей. Брать укрѣпленій въ то время не умѣли. У осажденныхъ и осаждавшихъ паслись стада въ сторонѣ отъ города и лагеря; иногда воины заняты были тѣмъ, чтобы отбить скотъ у враговъ.

Битвы. Въ битвахъ вожди и ихъ товарищи выѣзжали впередъ на двухколесныхъ повозкахъ, запряженныхъ парою коней; они были одѣты въ бронзовые латы и шлемы; въ лѣвой рукѣ былъ тяжелый мѣдный, обтянутый кожами щитъ; иногда щитъ былъ роскошный, разрисованный фигурами и съ позолотой; въ правой рукѣ было длинное ясеневое копье съ бронзовымъ наконечникомъ. Въ повозкѣ ѣхали двое, обыкновенно близкіе друзья; одинъ стоялъ, готовясь бросать копье, другой управлялъ конями. Простые воины шли кучками кругомъ вождей, пѣшіе, въ холщевыхъ рубашкахъ и кожаныхъ шапкахъ, съ короткими дротиками; они бились вразсыпную. Встрѣтивъ такую кучку пѣшихъ враговъ, вождь проскакивалъ между ними или гналъ съ десятокъ передъ собою.

Вожди и богатыри обоихъ войскъ искали другъ друга, чтобы помѣряться силами. Передъ поединкомъ они спрашивали имя другъ у друга, хвастливо вызывали одинъ другого или выговаривали условія: напримѣръ, чтобы побѣдитель, снявъ съ убитаго доспѣхи, выдалъ роднымъ тѣло для погребенія, а не бросалъ на съѣденіе собакамъ. Иногда, если силы противниковъ были равны, они разставались мирно, даже мѣнялись оружіемъ. По временамъ оба войска уговаривались выпустить своихъ лучшихъ бойцовъ и ставили условіе, что та сторона, богатырь которой будетъ побѣжденъ, должна отступить или выдать выкупъ. Тогда всѣ воины садились рядомъ и смотрѣли на бой. Въ поединкѣ сначала бросали копья, отъ которыхъ противникъ закрывался щитомъ; иногда метали другъ въ друга попавшійся подъ руку тяжелый камень; наконецъ, подойдя вплотную, рубились мечами.

Совѣтъ и сходка. Когда надо было обдумать важное рѣшеніе, напримѣръ, продолжать ли затянувшуюся осаду, или возвращаться домой, главный царь созывалъ на *совѣтъ* другихъ вождей. Каждый по очереди бралъ въ руки царскую палку (скипетръ) и говорилъ свое мнѣніе; иные говорили очень красно, и ихъ охотно слушали. Нерѣдко вожди распалялись въ спорѣ и бранили даже главнаго царя.

Рѣже звали на *сходку* всѣхъ воиновъ. Царскій вѣстникъ скликалъ ихъ по лагерю громкимъ голосомъ. Народъ, собравшись, садился рядами: на особомъ возвышеніи садились вожди. Царь самъ или черезъ вѣстника открывалъ свое рѣшеніе или то, что надумали всѣ вожди вмѣстѣ. Нерѣдко поднимался шумъ, въ которомъ сначала ничего нельзя было разобрать. Одни одобряли рѣшеніе, другіе выражали неудовольствіе. Вожди не спрашивали по очереди мнѣнія простыхъ людей. Они были довольны, когда слышалось больше одобрительныхъ криковъ. Если безпорядокъ становился великъ, какой-нибудь сильный и строгій вождь начиналъ расправляться палкой направо и налѣво. Особенно доставалось смѣльчакамъ, которые, разойдясь, черезчуръ ужъ поносили царей.

Вожди нерѣдко вовсе не слушались главнаго царя: отставали со своими товарищами и слугами отъ общей битвы и либо сидѣли безъ дѣла въ своихъ палаткахъ, либо совершали набѣги отдѣльно отъ остальныхъ дружинъ.

Бытъ вождей. Между вождями и простыми людьми во всемъ была большая разница. Не даромъ вожди въ старинныхъ греческихъ пѣсняхъ зовутся «благородными», «жирными», «счастливыми» людьми. Царь любилъ жить въ просторномъ дворцѣ со своей родней и кормить за своимъ столомъ товарищей или подначальныхъ вождей. Въ домѣ Пріама, по словамъ пѣсни, жили 50 его женатыхъ сыновей и двѣнадцать дочерей съ мужьями. Это былъ цѣлый родъ. Спали въ небольшихъ камен-

ныхъ каморкахъ, а на обѣдъ или для бесѣды собирались въ просторный деревянный залъ внутри дома. Въ серединѣ его горѣлъ очагъ.

Въ жизни было много грубости: кругомъ очага въ залѣ стояла зола и соръ; оружіе, висѣвшее на стѣнѣ, было покрыто копотью отъ дыма. Въ комнатахъ и на дворѣ бросали въ углы что попало: кости, шелуху, объѣдки; при входѣ въ ворота можно было наткнуться на навозную кучу, на которой лежала старая собака; кругомъ дома бродило много лишней дворни.

Владѣлецъ замка имѣлъ у себя въ помѣстьѣ все, что было нужно для пропитанія. Въ садахъ и на поляхъ у него работали крѣпостные или нанятые люди. Въ дѣвичьей сидѣло множество рабынь; онѣ пряли и ткали одежду для всего дома. У царя Одиссея во дворцѣ было 50 рабынь, и къ стадамъ было приставлено столько же рабовъ; всего у него было 72 стада, изъ нихъ 24 стада свиней въ 1200 головъ. Господа и сами умѣли много сдѣлать: на войнѣ они сами жарили мясо въ палаткѣ; царь Одиссей сготовилъ себѣ кровать и небольшой корабль. Царица сидѣла за шитьемъ со служанками; царская дочь ходила съ рабынями полоскать бѣлье на рѣчку.

Съ большой пышностью справлялъ вождь похороны своего родственника или близкаго. Подъ Троей витязь Ахиллъ потерялъ въ битвѣ друга и названнаго брата своего Патрокла. Ночью къ нему является душа умершаго, умоляя поскорѣе похоронить тѣло, иначе она не можетъ проникнуть въ подземный міръ черезъ адскую рѣку и осуждена блуждать; Ахиллъ хочетъ обнять душу, такъ похожа она на умершаго друга, но она, какъ дымъ, опускается въ землю съ тихимъ шелестомъ.

На другой день воины срубаютъ огромные дубы и устраиваютъ изъ полѣньевъ широкій костеръ. Ахиллъ и другіе срѣзываютъ съ себя волосы и бросаютъ на костеръ. Въ середину его кладутъ тѣло умершаго; тѣло покрываютъ жиромъ жертвенныхъ барановъ и быковъ, а туши ихъ разбрасываютъ кругомъ; около тѣла ставятъ еще кувшины съ масломъ и медомъ. На костеръ кидаютъ убитыхъ лошадей и собакъ, наконецъ, Ахилль бросаетъ еще 12 зарѣзанныхъ молодыхъ плѣнниковъ и зажигаетъ огонь. Всю ночь льетъ онъ на землю вино изъ кубка, призывая вѣтеръ на помощь огню. Утромъ потухающій костеръ заливаютъ темнымъ виномъ, отбираютъ кости сожженнаго трупа и кладутъ ихъ въ золотой сосудъ. Эти останки засыпаютъ сверху высокимъ курганомъ.

Пѣвцы. Вожди любили слушать пѣсни о своихъ подвигахъ. При дворахъ постоянно гостили пѣвцы, которые слагали новыя былины или повторяли старыя, особенно любимыя. Пѣвецъ мѣрно и протяжно сказывалъ былину, ударяя по струнамъ гуслей. Иногда онъ пѣлъ среди хоровода; около него въ тактъ вертѣлись скоморохи. Лучшія пѣсни

были позднѣе соединены искусными поэтами въ два большихъ стихотворныхъ разсказа, Иліаду и Одиссею. Греки приписывали ихъ одному автору—Гомеру.

Въ Иліадѣ разсказывается о битвахъ подъ Троей (иначе называемой Иліонъ) и особенно о подвигахъ Ахилла, лучшаго греческаго витязя, сына морской богини. Ахиллъ поссорился изъ-за добычи съ главнымъ царемъ, Агамемнономъ, и пересталъ биться противъ троянцевъ; но когда троянскій богатырь, сынъ царя Пріама, Гекторъ, убилъ его друга, Патрокла, и снялъ съ него Ахилловы доспѣхи, кованные самимъ богомъ огня, разъяренный Ахиллъ вышелъ на мщеніе: онъ перебилъ множество троянцевъ и въ поединкѣ закололъ Гектора. Старикъ Пріамъ

Два витязя (Аяксъ и Ахиллъ) играютъ въ кости.

видитъ со стѣнъ, какъ тѣло его любимаго сына предается позору, привозитъ страшному Ахиллу дары и выпрашиваетъ трупъ Гектора на погребеніе.

Въ Одиссеѣ разсказывается о томъ, какъ послѣ разрушенія греками Трои царь Одиссей поѣхалъ домой, но былъ занесенъ далеко, испыталъ много чудесныхъ приключеній, потерялъ всѣ свои корабли и товарищей и вернулся на свой родной островъ Итаку нищимъ. Домъ Одиссея оказался разграбленнымъ; тамъ пировали молодые князья, которые искали руки его жены и обладанія царскимъ дворцомъ; Одиссей при помощи богини Аѳины перебилъ ихъ и воцарился опять.

Игры. Когда царь принималъ знатнаго гостя или поминалъ умершаго, онъ любилъ показать и свое богатство, и удальство богатырей. Похоронивъ Патрокла, Ахиллъ позвалъ всѣхъ греческихъ вождей на воинскія игры въ честь убитаго. Сначала шестеро лучшихъ возницъ поскакали на колесницахъ большимъ кругомъ по полю. Наградой побѣдителямъ Ахиллъ выставилъ искусную рабыню-работницу, огромный сосудъ

для варки ѣды, лошадь, свѣшанное золото и кубокъ. Пока неслись ѣздоки, между зрителями многіе держали пари.

Потомъ вышли борцы на жестокій кулачный бой, и одинъ витязь грозилъ раздробить противнику кости и порвать кожу. Далѣе слѣдовали: рукопашныя схватки, состязанія въ бѣгѣ, сраженіе воиновъ въ полномъ вооруженіи, бросаніе желѣзнаго круга и, наконецъ, стрѣльба изъ лука въ живую цѣль—привязанную къ мачтѣ горлицу.

Простые люди и рабы. Тяжело жилось простому человѣку, у котораго было мало земли и мало родства. Всѣ споры рѣшались силой. Во время набѣговъ безжалостно разоряли поля, жгли дома и угоняли скотъ у сельчанъ. «Простые люди въ рукахъ крупныхъ господъ беззащитны, какъ соловей въ когтяхъ у ястреба», говоритъ крестьянинъ-поэтъ того времени (Гесіодъ). Кто вовсе не имѣлъ своей земли, долженъ былъ поневолѣ брать тяжелую работу у богатаго; а не было доли хуже батрака. Часто рабочій закабалялся на всю жизнь у хозяина. Въ кабалу попадалъ и плѣнный, который не могъ заплатить выкупа.

Надъ рабомъ господинъ имѣлъ полную волю. Доля рабовъ могла быть различна. Иные выростали въ большомъ домѣ вмѣстѣ съ господскими дѣтьми и обладали довѣріемъ хозяевъ: таковъ былъ, напримѣръ, рабъ Одиссея, свинопасъ Евмей, у котораго была выстроена своя избушка, было свое небольшое стадо и даже свой рабъ; ему первому открылся нищій Одиссей по возвращеніи домой, раньше, чѣмъ женѣ и сыну. Тотъ же Одиссей однако, перебивъ жениховъ своей жены, безжалостно расправился съ рабынями, которыя имъ служили: онъ удавилъ ихъ на дворѣ своемъ, и никто не посмѣлъ вмѣшаться.

Судъ. Но перебитые Одиссеемъ женихи были люди богатые и съ родней. На другой день разъяренные родственники подступили ко дворцу и осадили его, готовые отвѣтить на кровь кровью. Одиссей долженъ былъ пойти на уступку и заплатить за убитыхъ большой выкупъ.

Въ наше время, если совершено убійство, грабежъ или воровство, насиліе, власти забираютъ обидчика и вмѣшивается судъ; судъ зоветъ свидѣтелей, разбираетъ дѣло и наказываетъ виновнаго. Не такъ было тогда. На обиду люди отвѣчали собственной расправой. За убійство мстили убійствомъ: если не могли достать самого обидчика, старались убить кого-нибудь изъ близкихъ ему; на грабежъ, уводъ скота отвѣчали грабежомъ. Чтобы заставить человѣка отдать какую-нибудь отнятую вещь, забирали у него въ свою очередь что-нибудь и не отдавали, пока онъ не возвратитъ захваченнаго.

Только въ томъ случаѣ, если силы обѣихъ сторонъ были одинаковы, если люди не хотѣли драться, они искали посредника. Посредникомъ могъ быть царь или его товарищъ или уважаемые въ округѣ ста-

рики. Тогда устраивался судъ. Судьи садились полукружіемъ на гладкихъ камняхъ и звали обоихъ поссорившихся; кругомъ толпился народъ и вставлялъ шумно свои замѣчанія.

Но и этотъ судъ былъ не похожъ на нашъ. Тяжебщики не разсказывали подробно дѣла: они клялись только каждый въ томъ, что говоритъ правду. Они могли еще для подтвержденія клятвы привести своихъ родныхъ и товарищей. Судьи по очереди говорили, на чьей сторонѣ они видятъ правду. Сами судившіеся платили имъ за ихъ судъ, какъ за особое одолженіе. А чтобы не было обмана и судья не боялся, что сдѣлаетъ свое дѣло даромъ, напередъ на глазахъ у всѣхъ выкладывалось золото, которое должно было пойти судьямъ въ награду.

Понятія о добрѣ и злѣ. Люди въ то время не знали, что такое вина или грѣхъ. Убійца, заплативъ выкупъ, спокойно оставался среди народа. Убить человѣка не бѣда,—бѣда, если за убитаго будутъ мстить. Боги сами постоянно воюютъ между собою, въ борьбѣ подъ Троей одни боги стояли за грековъ, другіе—за троянцевъ. Порядки на землѣ зависятъ отъ расположенія боговъ или отъ того, что болѣе сильный, болѣе хитрый богъ одолѣваетъ противника и устраиваетъ дѣло по-своему.

Но боги часто не знаютъ будущаго. Передъ рѣшительнымъ боемъ Ахилла и Гектора главный богъ, Зевсъ, гадаетъ, кому изъ нихъ должна достаться побѣда, кому—смерть: онъ беретъ вѣсы и кладетъ два жребія; жребій Гектора опускается книзу, ближе къ подземному парству мертвыхъ, и его участь рѣшена.

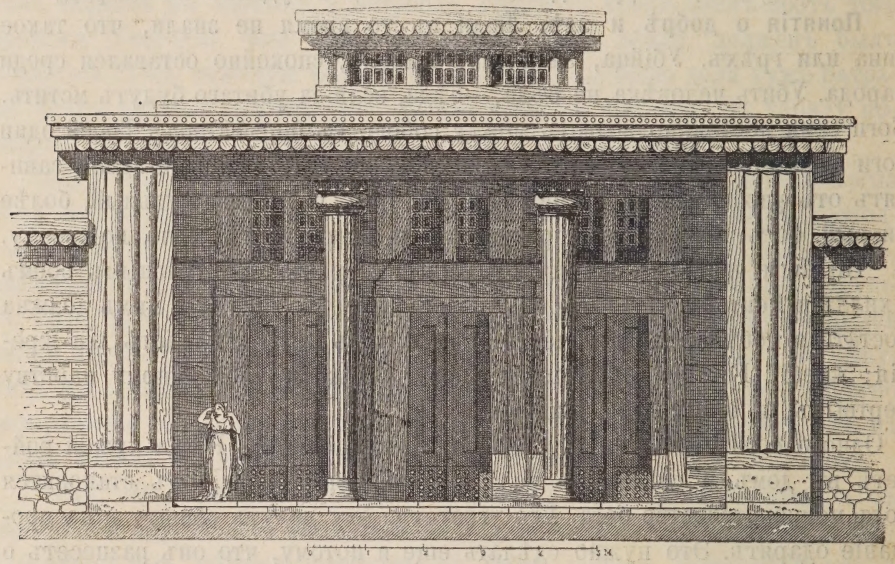
Одного боги требуютъ отъ людей: гостепріимства. Когда чужой войдетъ въ домъ и сядетъ въ золѣ у домашняго очага, онъ становится подъ покровительство бога. Его угостятъ, ему дадутъ защиту и на прощаніе одарятъ. Это нужно сдѣлать еще и потому, что онъ разнесетъ о хозяинѣ добрую славу.

Представленія о богахъ. Въ то время греки думали, что у боговъ тѣ же порядки и нравы, какъ у людей. Между богами есть главный богъ, царь надъ другими, громовикъ Зевсъ. Онъ гораздо сильнѣе остальныхъ; однажды онъ предложилъ всѣмъ богамъ схватиться за веревку и тянуть ее съ земли внизъ, а онъ одинъ удержитъ веревку сверху. Но его не всегда слушаются. Онъ запрещаетъ, напримѣръ, другимъ богамъ вмѣшиваться въ битвы: тогда они пробираются тайкомъ. Одно время Зевсъ стоялъ за троянцевъ и давалъ имъ перевѣсъ. Тогда его жена, Гера, которая держала сторону грековъ, обманываетъ его: она уговаривается со Сномъ и усыпляетъ мужа; тѣмъ временемъ греки бьютъ троянцевъ.

На вершинахъ горъ подъ облаками, особенно на снѣжномъ, недоступномъ человѣку Олимпѣ у боговъ есть дворцы, какъ у людей: ихъ

строилъ богъ-художникъ, хромоногій кузнецъ Гефестъ. Въ залѣ у Зевса боги пируютъ: у нихъ есть свой божественный пѣвецъ, Аполлонъ.

Боги близки къ людямъ; они вступаютъ съ людьми въ браки, и по разсказу пѣвца, подъ Троей сражалось не мало божьихъ дѣтей. Боги постоянно спускаются на землю, ведутъ воиновъ на бой, спасаютъ своихъ любимцевъ и сыновей отъ смертельнаго удара; иногда въ пылу битвы они сами получаютъ раны отъ смертныхъ. Сила боговъ велика, но она мѣрится все же человѣческой силой: богиня-воительница кричитъ въ битвѣ, какъ нѣсколько десятковъ человѣкъ; морской богъ въ четыре шага переходитъ полъ-моря.



Дворецъ вождя со стороны входа; колонны, косяки, облицовка стѣнъ изъ дерева; крыша надъ деревяннымъ потолкомъ изъ плотно прибитой глины.

Миѳы. Въ своихъ пѣсняхъ греки безъ конца могли разсказывать о богахъ и о приключеніяхъ могучихъ божьихъ дѣтей, которыхъ они называли *героями*. Въ этихъ разсказахъ, по-гречески *миѳахъ*, можно узнать много чужихъ вавилонскихъ и египетскихъ сказаній. У многихъ героевъ есть признаки солнечнаго божества или подробности ихъ приключеній напоминаютъ борьбу бога солнца съ его врагами. Но у грековъ чудесныя приключенія боговъ перенесены на землю и связаны съ опредѣленными мѣстами.

Въ дальней Финикіи жили братъ и сестра, Кадмъ и Европа. Зевсъ принимаетъ видъ бѣлаго быка; онъ уноситъ Европу на своей спинѣ и переплываетъ съ нею море къ острову Криту. Здѣсь у нихъ родится

Миносъ, будущій царь Крита. Его сынъ Минотавръ—чудовище, полубыкъ, получеловѣкъ. Отыскивая сестру, Кадмъ отправляется въ странствованіе на западъ, доходитъ до Греціи и основываетъ городъ Ѳивы. Онъ учитъ людей обрабатывать землю и сообщаетъ имъ азбуку.

Другой выходецъ съ Востока, Данай прибылъ изъ Египта въ Пелопоннесъ. Въ числѣ его потомковъ есть царевна Даная; она заперта въ темномъ склепѣ, но Зевсъ проникаетъ подъ землю золотымъ дождемъ; у нихъ родится сіяющій сынъ Персей. Мать съ ребенкомъ замыкаютъ еще разъ въ тѣсный ковчегъ и бросаютъ въ море; но волны выносятъ ихъ на берегъ. Персей, выросши, убиваетъ страшную Медузу и отсѣкаетъ у нея голову, обвитую вмѣсто волосъ змѣями; этотъ ликъ смерти онъ наводитъ на морское чудовище, грозящее поглотить дѣву Андромеду (Персея и Андромеду показывали среди созвѣздій).

Потомокъ Персея и опять сынъ Зевса, Гераклъ—величайшій изъ героевъ греческихъ. Онъ служитъ трусливому царю города Аргоса и выполняетъ 12 трудныхъ подвиговъ: между ними борьба со львомъ, шкурой котораго потомъ покрывается Гераклъ; борьба съ гидрой, т.-е. многоголовымъ дракономъ; укрощеніе бѣшенаго быка; путешествіе на дальній Западъ за золотыми яблоками райскаго дерева, растущаго въ волшебномъ саду, при чемъ по дорогѣ Гераклъ встрѣчается съ великаномъ Атлантомъ, который держитъ на своихъ плечахъ небесный сводъ; наконецъ нисхожденіе въ подземный міръ, откуда Гераклъ приноситъ страшнаго трехголоваго пса Кербера, стерегущаго врата ада. Эти приключенія напоминаютъ странствованія и страданія вавилонскихъ боговъ (Мардука и Гильгамеша), ихъ временную смерть, сокрытіе въ аду и торжество, а во львѣ, драконѣ, быкѣ (тельцѣ) и т. д. можно узнать названія 12 созвучій, черезъ поясъ которыхъ проходитъ солнце.

Другой великій герой—Ѳезей, сынъ морского бога Эгея (отъ котораго названіе Эгейскаго моря). Первые его подвиги—очищеніе отъ разбойниковъ и убійцъ страшной дороги изъ Пелопоннеса черезъ перешеекъ къ Аѳинамъ (такъ же Илья Муромецъ очищаетъ дорогу, гдѣ залегъ Соловей-разбойникъ). Потомъ, когда аѳиняне посылаютъ на о. Критъ царю Миносу живую дань, 7 юношей и 7 дѣвушекъ на съѣденіе Минотавру, Ѳезей ѣдетъ съ ними. Минотавръ живетъ въ огромномъ запутанномъ зданіи лабиринта. Но Ѳезею помогаетъ дочь Миноса, Аріадна; она даетъ герою клубокъ съ золотою нитью, по которой Ѳезей долженъ найти дорогу; ея золотой вѣнецъ (созвѣздіе) свѣтитъ ему во тьмѣ, и онъ убиваетъ Минотавра.

Миѳъ объ аргонавтахъ, т.-е. пловцахъ на Арго, волшебномъ кораблѣ, соединяетъ большую часть греческихъ героевъ вмѣстѣ. Ихъ предводителю, Язону, поручено добыть сіяющее золотое руно, скрытое на

востокѣ. Герои плывутъ благополучно среди сшибающихся скалъ, борются съ гарпіями, закованными въ броню коршунами смерти. Въ далекой странѣ, куда они прибываютъ, руно бережетъ драконъ. Царь, обладатель руна, заставляетъ Язона вспахать землю на огнедышащихъ быкахъ, посѣять змѣиные зубы и побороть выросшее изъ нихъ воинство великановъ. Во всемъ этомъ Язону помогаетъ дочь царя, волшебница Медея; она же усыпляетъ дракона, и аргонавты, выкравши золотое руно, возвращаются домой. (Ср. египетское сказаніе о ночномъ кораблѣ и спасеніи плѣненнаго подъ землею солнца, стр. 32.).

Нѣкоторые миѳы вставлены въ Иліаду и Одиссею. Одиссей встрѣчаетъ на дальнихъ островахъ огромныхъ одноглазыхъ киклоповъ, ведущихъ жизнь пещерныхъ дикарей. Его корабль пристаетъ къ острову волшебницы Кирки, которая превращаетъ его товарищей въ свиней. Но Одиссею помогаютъ боги, и онъ заставляетъ Кирку возвратить морякамъ человѣческій видъ. Потомъ они ѣдутъ мимо скалъ, гдѣ сладко поютъ сирены, хищныя птицы съ женскими лицами, растерзывающія всѣхъ, кто приплыветъ на ихъ пѣніе къ берегу. Наконецъ корабль Одиссея счастливо минуетъ проливъ, гдѣ, съ одной стороны, затягиваетъ въ водоворотъ чудовище Харибда, а съ другой—Скилла, бросаясь со скалы, выхватываетъ смѣльчаковъ и разбиваетъ о камни.

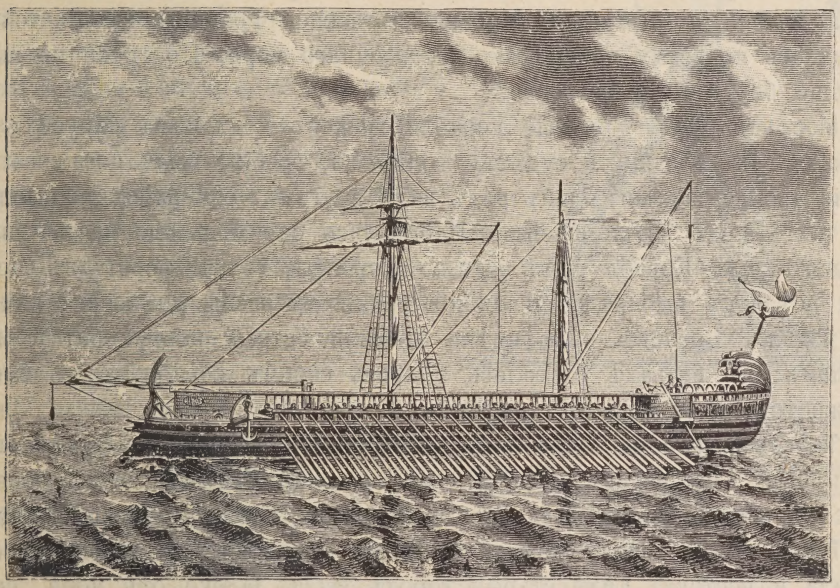
Миѳы разсказывались неодинаково въ разныхъ мѣстахъ, и они нерѣдко противорѣчили другъ другу. Современникъ Гомера, поэтъ Гесіодъ, пытался связать ихъ вмѣстѣ въ поэмѣ «Происхожденіе боговъ». Онъ говоритъ, что боги и вселенная возникли изъ хаоса. Старинѣйшіе боги—Уранъ, небо, и Гея, земля; отъ нихъ произошли всѣ остальные; Зевсъ, его братья и ихъ жены—третье поколѣніе. Эти новые боги правятъ недавно, послѣ того, какъ побѣдили своихъ отцовъ. Но Гея родитъ еще враждебныхъ Зевсу титановъ, которые должны отомстить за пораженіе старыхъ боговъ. Титаны громоздятъ въ сѣверной Греціи одну гору на другую, чтобы взобраться на высокій Олимпъ, гдѣ сплотились боги свѣта. Зевсъ сбрасываетъ ихъ своей молніей и пригвождаетъ оковами подъ землей, откуда они въ безсиліи изрыгаютъ пламя черезъ вулканы.

IV.

Греческіе города и персидская держава 700—480 гг. до Р. Х.

Во времена гомеровскихъ витязей страна была усѣяна замками, около которыхъ располагались деревни. Нерѣдко нѣсколько вождей со своей родней соединялись вмѣстѣ въ одномъ замкѣ: онъ разрастался тогда въ цѣлую крѣпость, становился *городомъ*. Въ городѣ господа уговаривались рѣшать дѣла общимъ совѣтомъ, а для военной команды и для суда выбирать, вмѣсто царя, по очереди изъ каждаго рода на небольшой срокъ одного или нѣсколькихъ начальниковъ.

Торговыя путешествія. Колоніи, съ 700 г. до Р. Х. Для господъ и для ихъ свиты надо было наготовить много посуды, одежды, мебели, оружія: внутри стѣнъ города и близъ нихъ въ слободахъ садилось мно-



Большой греческій корабль съ тремя рядами веселъ.

го ремесленниковъ. Прежде богатые греки носили азіатскія матеріи, обвѣшивали свои комнаты привозными коврами, пили и ѣли изъ азіатскихъ мисокъ и чашъ. Теперь все это они стали готовить у себя. Мало того, такъ какъ народу становилось все больше, и надо было покупать чужой хлѣбъ и привозить его изъ другихъ странъ въ Грецію, то стали готовить выдѣланныя вещи на вывозъ. Особенно искусно дѣлали

греки глиняные кувшины и чаши, разрисовывая ихъ фигурами, черной и красной краской.

Греческіе купцы направлялись моремъ на западъ и востокъ отъ родины, чтобы найти сбытъ для своихъ товаровъ. Въ иныхъ мѣстахъ греки прогоняли ранѣе появившихся торговцевъ, финикіянъ. Многіе греки уѣзжали съ родины отъ тѣсноты и строили въ чужой странѣ новые города, колоніи.

Прежде всего они заняли весь берегъ Малой Азіи, прилегающій къ Эгейскому морю и обращенный къ Греціи. Самыя важныя колоніи здѣсь были *іонійскія* на средней части берега и на островахъ Хіосѣ и Самосѣ. Далѣе изъ своего моря греки пробрались на сѣверъ черезъ проливы къ Черному морю. Крайнія поселенія ихъ на сѣверѣ были близъ устьевъ большихъ рѣкъ нынѣшней южной Россіи, Днѣпра и Дона, въ странѣ населенной *скиѳами*. На югѣ они селились въ Египтѣ и *Киренѣ* (теперь Барка). На западѣ много греческихъ колоній возникло на берегахъ Италіи и Сициліи; самая крайняя на западѣ колонія была *Массилія* (нынѣшняя Марсель въ южной Франціи). Греція точно раздалась по всему побережью Средиземнаго моря. Но греки не шли дальше береговъ и острововъ.

Морское дѣло. Крупные корабли грековъ ходили на парусахъ и веслахъ. Въ большихъ судахъ, *тріерахъ*, гребцы были посажены у борта тремя этажами, одинъ рядъ надъ другимъ; они работали быстро въ тактъ подъ звуки флейты. Набирались они большею частью изъ бѣднаго люда. Корабль могъ идти со скоростью 16—18 верстъ въ часъ. Для поѣздокъ выбирали спокойное время съ весны до осени: зимой не ѣздили. Военныя суда имѣли крѣпкій острый носъ, обитый металломъ; въ битвахъ старались ударить своимъ кораблемъ въ бокъ вражескому и пробить его остріемъ.

Торговые города. Новые города строились у морскихъ бухтъ; таковъ былъ, напримѣръ, городъ *Сиракузы* въ Сициліи; очень обогатился и расширился старый городъ *Коринѳъ*, стоявшій на перешейкѣ у Пелопоннеса, между двумя глубокими заливами, заходившими съ запада и востока. Если старый городъ былъ далеко отъ моря, онъ обзаводился гаванью; такъ случилось съ *Аѳинами*, главнымъ пунктомъ въ области Аттикѣ (Аттика—величиной съ небольшой уѣздъ въ нашей средней губерніи). Въ срединѣ Аѳинъ сохранился старинный замокъ на крутомъ холмѣ (по-гречески акрополь, т.-е. городъ на высотѣ). Онъ считался потомъ священнымъ кремлемъ, и въ немъ помѣщались только храмы.

Названные города да еще іонійскій *Милетъ* въ Малой Азіи были самыми большими среди греческихъ. Но они далеко уступали въ коли-

чествѣ населенія нашимъ большимъ городамъ. Ихъ населеніе доходило до 80—100.000. Большинство же городовъ было гораздо меньше, отъ 5 до 10 тысячъ жителей.

Но почти каждый такой городъ съ десяткомъ деревень да полоской берега былъ независимъ и управлялся самъ собою. Такихъ самостоятельныхъ городовъ-государствъ въ Греціи было около 100, а если считать съ колоніями, ихъ число доходило до тысячи. Съ высокаго холма въ одномъ государствѣ была видна крѣпость сосѣдняго, его городъ или гавань.

Городское ополченіе. Въ старину на войну выходили господа, окруженные своими мужиками; тѣ и другіе неодинаково вооружались и бились. Городъ не только могъ выставить больше воиновъ, чѣмъ старый замокъ и помѣстье; горожане еще и согласнѣе бились: ихъ легче было собрать и обучить одинаковому бою. Всякій долженъ былъ вооружиться на свой счетъ; въ строю ратниковъ размѣщали по оружію. Отдѣльно строилась конница; въ пѣхотѣ впереди становились воины въ шлемахъ и латахъ, одѣтыхъ поверхъ красныхъ рубашекъ. Это были люди побогаче, потому что полное вооруженіе стоило дорого. Латники подвигались въ сраженіи не спѣша, подъ звуки флейты; они вступали въ бой плотной стѣной (фалангой), въ два или три ряда, придвинувъ другъ къ другу широкіе щиты и выставивъ впередъ длинныя, съ сажень, копья; все вооруженіе воина вѣсило болѣе 2 пудовъ, и часть его въ пути везли на телѣгахъ.

Тяжело вооруженный греческій воинъ въ латахъ, шлемѣ, поножахъ, со щитомъ; въ рукѣ надо представить копье; шлемъ надвинутъ внизъ и закрываетъ большую часть лица.

Воины эти шли и бились по командѣ. Теперь уже перестали цѣнить бой отдѣльныхъ молодцовъ, которые выскакивали впередъ изъ толпы; боевыя колесницы также вышли изъ обычая. Врага одолѣвали силой всего сомкнутаго отряда. Въ строю стояли рядомъ товарищи и сосѣди, которые связывали себя клятвой вмѣстѣ биться и умереть. Идя въ походъ, они пѣли дружныя пѣсни въ тактъ марша. Эти воины

составляли главную силу городского ополченія; съ боковъ и сзади стояли ополченцы изъ бѣдныхъ, которые не могли купить тяжелаго вооруженія и бились метательными короткими копьями, или пращами, или стрѣлами изъ луковъ. Они обыкновенно начинали битву или преслѣдовали бѣгущаго врага. Но рѣшали битву латники.

Спарта. Для того, чтобы имѣть такое войско, надо было пріучить воиновъ къ согласнымъ ловкимъ движеніямъ, надо было смолоду закалить ихъ тѣло. Первые мастера въ военной выправкѣ были *спартанцы* въ Пелопоннесѣ. Это были владѣтели лучшихъ земель въ области Лаконіи; они соединились всѣ вмѣстѣ, чтобы жить въ главномъ городѣ Спартѣ. Отъ крѣпостныхъ (*гелотовъ*), которые работали на ихъ помѣстьяхъ, они получали хлѣбъ, вино, оливки, а сами проводили время въ гимнастическихъ играхъ и упражненіяхъ, въ маршировкѣ и боевыхъ пріемахъ. Они жили точно въ казармѣ или лагерѣ, вѣчно подъ военной тревогой. Да и дѣйствительно, многочисленные крѣпостные могли постоянно возмутиться, и спартанцы должны были держать ихъ въ страхѣ, чтобы оставаться въ господахъ.

Каждый спартанецъ былъ на счету у военнаго начальства; никто не могъ отлучиться безъ его позволенія, особенно за границу области своей. Въ Спартѣ думали, что чужіе порядки могутъ подать дурной примѣръ или поднять среди гражданъ мысль ввести у себя какія-нибудь перемѣны. Поэтому на чужихъ людей въ Спартѣ косились, а въ особенно тревожное время иногда заразъ удаляли всѣхъ иностранцевъ, проживавшихъ въ городѣ. Образцовый воинъ,—думали въ Спартѣ,—чтобы не избаловаться, долженъ привыкнуть къ простой жизни и не бояться лишеній. Всѣ воины, какъ товарищи, должны быть на равной ногѣ между собою; чтобы поддержать товарищескій духъ, ихъ заставляли сходиться на общіе обѣды въ палаткахъ; командиры и сами верховные вожди, сохранившіе въ Спартѣ титулъ царей, сидѣли вмѣстѣ съ другими за столами.

Въ гражданахъ старались развить солдатскую честь: имъ внушали, чтобы они не боялись никакого врага, оберегали свое достоинство, стояли крѣпко въ строю и бились до послѣдняго издыханія тамъ, гдѣ велитъ долгъ или гдѣ приказали вожди. Мальчиковъ съ семи лѣтъ брали изъ дому и отдавали въ военную школу. Здѣсь дѣти были подѣлены на роты подъ командою старыхъ служакъ, которые строго ихъ муштровали. Въ 16 лѣтъ юноши выходили отсюда на безсрочную службу до старости.

Изъ людей старше 60 лѣтъ, богатыхъ опытомъ, составлялся *совѣтъ старцевъ*, который вмѣстѣ съ двумя царями (изъ двухъ старинныхъ семей) вѣдалъ всѣ дѣла. По временамъ собирали на *общую*

сходку всѣхъ воиновъ, но только для того, чтобы сообщить рѣшеніе старцевъ. Это были тѣ же порядки, что во времена Гомера.

Спартанскія ополченія ходили нѣсколько разъ войной въ сосѣднюю область на западѣ, плодородную Мессенію: у мессенцевъ отняли всю землю, роздали спартанскимъ воинамъ, а самихъ мессенцевъ обратили въ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на новыхъ господъ. Остальныхъ жителей Пелопоннеса спартанцы заставили войти въ *союзъ* съ собою. Когда Спарта затѣвала походъ, союзники должны были приводить на помощь свои ополченія; все соединенное войско шло подъ командой спартанскаго царя.

Промышленность. Въ приморскихъ и промышленныхъ городахъ, каковы были Милетъ, Аѳины, Коринѳъ, Сиракузы, образовались другіе нравы. Народъ былъ здѣсь подвижной, любознательный, склонный поговорить и поспорить; купеческая и ремесленная работа не казалась свободному человѣку низкимъ дѣломъ. Въ Аѳинахъ говорили, что отецъ не можетъ требовать отъ сына поддержки въ старости, если не обучилъ его самъ какому-нибудь ремеслу.

Въ маленькомъ городѣ поневолѣ одни и тѣ же люди готовили разные предметы: столы, телѣги, кровати, строили дома и т. п.; ни въ одномъ мастерствѣ не достигали они особеннаго искусства. Въ большихъ городахъ, гдѣ множество лицъ нуждались въ однихъ и тѣхъ же предметахъ, каждый мастеръ могъ ограничиться однимъ ремесломъ; мало того, одно ремесло дробилось между нѣсколькими мастерствами: одинъ, напримѣръ, рѣзалъ кожи, другой шилъ башмаки, и еще башмачники дѣлились на мастеровъ мужской и женской обуви; одни кроили платье, другіе сшивали его и т. д. Оттого издѣлія становились тоньше и красивѣе. Но греки не знали машинъ и работали инструментами, которые въ сравненіи съ нашими были очень незатѣйливы.

Рабы. Мастера, которые работали на заказчиковъ, помѣщались въ небольшихъ лавочкахъ; имъ помогала семья, или они нанимали рабочаго, свободнаго или раба. На вывозъ работали фабрики и заводы: оружейные, мануфактурные, мебельные, глиняныхъ издѣлій; они не были такъ крупны, какъ у насъ, потому что и въ нихъ работали отъ руки. Рабочіе на фабрикахъ были рабы. Въ одну мастерскую набирали отъ 20 до 100 рабовъ. Хозяинъ одѣвалъ, кормилъ ихъ, давалъ имъ помѣщеніе, но весь ихъ заработокъ забиралъ себѣ. Иной владѣлецъ рабовъ предпочиталъ избавить себя отъ всякихъ хлопотъ и надзора за ними: тогда онъ покупалъ ихъ побольше числомъ и отдавалъ ихъ внаемъ заводчикамъ: заработанное рабами дѣлилось между владѣльцемъ и заводчикомъ. У одного аѳинскаго рабовладѣльца было 1.000 рабовъ, которыхъ онъ отдавалъ горнопромышленникамъ въ тяжелую работу въ

рудникахъ; онъ собиралъ такимъ образомъ со своихъ рабовъ огромный доходъ.

Рабовъ стали привозить въ большомъ количествѣ и издалека. Это были большею частью не греки, а иноземцы. Грекъ попадалъ въ рабство только въ особенно несчастливыхъ случаяхъ, наприм., при взятіи въ плѣнъ. Рабовъ продавали на рынкѣ. Покупатель осматривалъ раба, какъ вещь. Для тяжелыхъ, грубыхъ работъ цѣнили сильныхъ людей, которыхъ привозили съ Балканскихъ горъ (изъ Ѳракіи) или съ береговъ Чернаго моря (изъ Скиѳіи). Такой рабъ стоилъ отъ 80—100 рублей на наши деньги. Рабъ, обученный ремеслу, стоилъ дороже, свыше 150 и 200 руб. Въ Аѳинахъ, когда городъ сталъ богатъ, рабовъ было очень много, болѣе половины числа свободныхъ.

Писанные законы около 600 г. Въ старину на злодѣяніе, на насиліе самъ обиженный или его ближніе отвѣчали собственной расправой. За обиду мстили новой обидой, и ссоры, кровопролитіе могли тянуться безъ конца.

Теперь въ городской тѣснотѣ нельзя было больше допускать самоуправства. Въ промышленномъ городѣ было много чужихъ: они были далеко отъ своего родства, и за нихъ некому было заступиться. Расправы и ссоры мѣшали спокойно торговать въ городѣ. Поэтому въ городахъ самоуправство было запрещено. Прежде суду было не много дѣла: къ нему обращались лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли добровольно кончить споръ миромъ. Теперь недовольные или обиженные были обязаны жаловаться суду. Судъ долженъ былъ вступаться, когда налицо было злодѣяніе, или когда двое спорили о владѣніи землей или о томъ, уплаченъ ли долгъ и т. д. Судьи стали разбирать множество дѣлъ съ утра до вечера.

Дѣла были очень различны. Для рѣшенія ихъ надо было установить подробныя и точныя правила, надо было положить за проступки наказанія и штрафы. Иначе стали бы жаловаться на самихъ судей, что они мѣняютъ рѣшенія, что за болѣе тяжелые проступки назначаютъ легкія наказанія и т. д. Въ Аѳинахъ выбранный народомъ, верховный судья Драконъ первый точно опредѣлилъ, какъ наказывать за убійство со злымъ умысломъ и за убійство безъ намѣренія; въ старину этого не различали и мстили одинаково за всякое убійство. Эти правила для судей были записаны; ихъ называли *законами* и выставляли на видномъ мѣстѣ, на главной площади въ видѣ записей на деревянныхъ и каменныхъ столбахъ, на мѣдныхъ доскахъ. Всякій могъ ихъ теперь прочитать и требовать себѣ справедливаго суда.

Смуты въ городахъ. Въ промышленныхъ городахъ потомки вождей и царей, владѣвшіе землей и крѣпостными, не могли остаться единственными господами и управителями.

Иные изъ благородныхъ сами нашли выгоду въ мореходствѣ, въ торговомъ дѣлѣ и стали въ ряды промышленниковъ. А главное—многіе купцы, судохозяева, фабриканты, владѣльцы рудниковъ становились богаче помѣщиковъ. Городской трудъ, опасности морскихъ путешествій равняли людей разнаго происхожденія. Одною древностью своего рода немного можно было взять въ большомъ городѣ. Видные купцы и промышленники не хотѣли больше подчиняться старымъ господамъ. Они желали имѣть участіе въ городскомъ совѣтѣ, гдѣ до тѣхъ поръ сидѣли одни господа; они желали, чтобы начальники на войнѣ и судьи выбирались изъ ихъ среды.

Ремесленники, рабочіе были на ихъ сторонѣ. Крестьяне стали тоже на нихъ расчитывать: малоземельные думали, что если отнять власть у господъ, то можно будетъ забрать ихъ землю и раздѣлить ее между собою; другіе, которые были въ долгу у помѣщиковъ и обязаны были платить имъ большую часть своего урожая, надѣялись избавиться отъ оброка.

На площадяхъ и улицахъ недовольные шумѣли и собирались толпами. По временамъ происходили кровопролитныя схватки. Иногда промышленники и простой народъ выгоняли прежнихъ господъ или избивали ихъ и отбирали ихъ богатство. Иногда благородные брали верхъ, казнили противниковъ или тоже выгоняли ихъ, отнимали имущество. Въ ожесточеніи благородные взаимно клялись другъ передъ другомъ: «Обѣщаюсь вѣчно быть врагомъ народа и вредить ему, сколько хватитъ моихъ силъ».

Посредники и тираны. 600—500 гг. до Р. Х. Случалось, что обѣ стороны, уставши отъ борьбы, не желая больше проливать кровь, уговаривались покончить дѣло миромъ. Тогда выбирали посредника и старались сойтись на человѣкѣ, которому обѣ стороны довѣряли. Во время смутъ въ Аѳинахъ былъ избранъ посредникомъ Солонъ: онъ былъ родомъ изъ благородныхъ, но занимался торговымъ дѣломъ. Рѣшено было дать ему на время полную власть и подчиниться его приговору (594 г.).

Солонъ предложилъ облегчить положеніе крестьянъ; тѣмъ, кто платилъ тяжелый оброкъ изъ-за долговъ, простить долги; высвободить изъ рабства тѣхъ, кто попалъ въ кабалу за долги, и запретить вообще обращеніе въ рабство за долги. Затѣмъ Солонъ предложилъ въ извѣстные сроки собирать на сходку всѣхъ свободныхъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ, для выбора командировъ и судей. Солонъ очень гордился тѣмъ, что примирилъ враждующихъ: въ пѣснѣ, сложенной имъ, онъ говоритъ, что далъ народу столько силы, сколько слѣдовало, не обошелъ его почетомъ и не поднялъ въ немъ спеси.

Но Солонъ ошибся, и его приговоръ не покончилъ смутъ въ Аѳинахъ. Благородные не хотѣли дѣлиться властью съ безродными промышленниками. Крестьяне хотѣли раздѣла господскихъ земель. Торговые люди хотѣли, чтобы въ ихъ пользу были заведены морскія сношенія съ разными краями. Очень трудно было людямъ простого званія, дробившимся на множество разрозненныхъ семей, бороться со знатными, которые соединяли около себя большіе роды. Всѣ члены рода и люди, которые изстари были приписаны къ роду, чтили одного общаго предка-покровителя, составляли одно жертвенное братство и сходились вмѣстѣ на общіе праздники. Глава рода могъ легко собрать все братство: онъ упрашивалъ или грозилъ на собраніи, и множество зависимыхъ отъ него людей оказывали ему поддержку.

Родственникъ Солона Пизистратъ, самъ богатый землевладѣлецъ, сталъ на сторону безродныхъ людей и особенно крестьянъ. Народъ, оберегая своего вождя отъ раздраженныхъ на него господъ, позволилъ Пизистрату ходить со свитой въ 50 человѣкъ, вооруженныхъ дубинами. Но Пизистратъ хотѣлъ быть не только защитникомъ народа; онъ надѣялся стать господиномъ Аѳинъ при помощи народа. Быстро увеличилъ Пизистратъ свою свиту до 300 человѣкъ, далъ имъ копья и мечи и укрѣпился на акрополѣ. Онъ заставилъ всѣхъ слушаться себя и сталъ въ Аѳинахъ властителемъ, по-гречески *тиранномъ*.

Народъ продолжалъ крѣпко стоять за своего вождя. Пизистратъ еще больше помогъ крестьянамъ. Онъ тѣснилъ благородныхъ, и многіе уѣхали изъ страны: земли ихъ достались крестьянамъ. Много сдѣлалъ Пизистратъ и для купцовъ. Онъ завладѣлъ важнымъ торговымъ проѣздомъ, который черезъ проливы велъ изъ Эгейскаго моря въ Черное, и вошелъ въ дружбу съ тиранномъ Поликратомъ, правившимъ въ это время на островѣ Самосѣ; они уговорились помогать другъ другу въ торговлѣ.

Сильно раздражены были изгнанные господа противъ тирановъ. Но у нихъ было только одно средство вернуться на родину: они сами должны были пріобрѣсти расположеніе народа. Старинный гордый родъ Алкмеонидовъ сталъ первый въ Аѳинахъ хлопотать объ этомъ. Имъ помогло то, что сынъ Пизистрата, Гиппій, послѣ смерти отца, велъ себя высокомѣрно, какъ будто онъ захватилъ страну войной: приказалъ, чтобы граждане выдали ему оружіе, держалъ чужихъ нанятыхъ солдатъ въ городѣ. Изъ народнаго защитника тираннъ обратился въ новаго господина. Народъ не хотѣлъ этого терпѣть; позвали на помощь спартанцевъ и выгнали тиранна (510 г.).

Правленіе народа, около 500 г. Одинъ изъ Алкмеонидовъ, Клисѳенъ, уговорилъ аѳинскій народъ не довѣряться болѣе такимъ вождямъ:

рѣшено было каждый годъ собираться всѣмъ на сходку, чтобы подумать, нѣтъ ли въ городѣ такого опаснаго человѣка, который замышляетъ стать тиранномъ. Каждый гражданинъ могъ написать на глиняной плиткѣ имя того, кто ему казался опаснымъ: если очень многіе сходились на одномъ имени, этого человѣка изгоняли изъ города. (Плитки назывались ὀстраки, а тайная подача голосовъ *остракизмъ*.)

Клисѳенъ, хотя самъ былъ изъ стариннаго рода, задумалъ однако разстроить силу родовъ, во главѣ которыхъ стояли знатныя семьи. При выборѣ начальниковъ прежде всего сплочивались вмѣстѣ и договаривались люди каждаго братства, собиравшіеся въ праздники на общую жертву и молитву: они выбирали самого главу знатной семьи или человѣка, который былъ угоденъ знатному владыкѣ, потому что, по старинным понятіямъ, онъ былъ ближе всего къ богамъ и совершалъ общую молитву. По предложенію Клисѳена выборныя собранія стали происходить иначе. Собираться вмѣстѣ стали сосѣди одного поселка или одной части города: крестьяне и землевладѣльцы на сельскихъ сходахъ, ремесленники и купцы въ городскихъ участкахъ. Родственники, жившіе въ разныхъ мѣстахъ, попадали при такомъ распредѣленіи на разныя сходки; они не могли столковаться вмѣстѣ, крупные люди не могли дать приказа зависимымъ отъ нихъ членамъ братствъ. На этихъ новыхъ сходкахъ каждый годъ выбирали уполномоченныхъ, которые соединялись въ Аѳинахъ и составляли *Совѣтъ* изъ 500 лицъ; благородные и простые люди могли здѣсь сидѣть рядомъ.

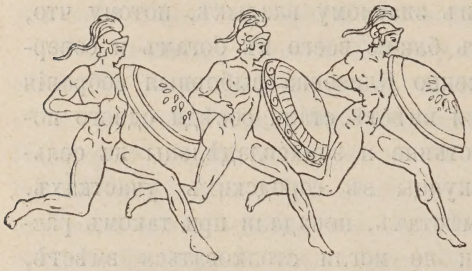
Всѣ считались теперь равными по достоинству въ государствѣ. Важныя дѣла должны были рѣшаться на *общемъ собраніи* гражданъ (экклесіи), гдѣ каждый одинаково могъ сказать свое слово. Выборные командиры, судьи и казначеи должны были представлять всему народу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Большая перемѣна произошла въ Аѳинахъ въ тѣ 100 лѣтъ, которыя протекли отъ Солона до Клисѳена. До Солона правили благородные (по-гречески правленіе благородныхъ—*аристо-кратія*). Со времени Клисѳена граждане считались равными между собою, и можно было сказать, что правитъ весь народъ, что народъ сталъ государемъ (по-гречески *демо-кратія*, т.-е. народоправство).

Общія собранія грековъ. Не всѣ греческіе города установили у себя народное правленіе, какъ въ Аѳинахъ. Каждый городъ имѣлъ свои порядки. Города, гдѣ господа сохранили власть, враждовали съ тѣми, гдѣ правилъ народъ; напримѣръ, Спарта почти всегда враждовала съ Аѳинами. Изгнанные граждане отправлялись къ врагу и подстрекали его напасть на ихъ родной городъ. Помимо того, граждане одного города часто обрушивались на сосѣдній городъ, ломали его стѣны,

обращали его въ ничтожную деревню, а жителей либо переселяли насильно къ себѣ, либо, если тѣ сопротивлялись, обращали въ рабство или избивали. Такія расправы были очень жестоки; случалось, что побѣдители вырѣзывали все мужское населеніе въ захваченномъ городѣ.

Но какъ ни враждовали между собою греческіе города и деревни, греки всегда чувствовали, что они составляютъ одинъ народъ. Они всѣ могли понять другъ друга, потому что говорили на одномъ языкѣ. Каждый городъ чтилъ своего особаго бога-покровителя; но греки вѣрили также, что есть общіе боги всей Греціи—«олимпійскіе». Праздники въ честь этихъ боговъ привлекали грековъ со всѣхъ концовъ и заставляли ихъ забывать на время о враждѣ.



Бѣгъ въ вооруженіи на играхъ.

«Отцу боговъ и людей», олимпійскому Зевсу, было посвящено въ южной Греціи обширное мѣсто *Олимпія*, гдѣ разъ въ 4 года лѣтомъ происходилъ большой праздникъ. Особые вѣстники доходили до крайнихъ предѣловъ греческихъ поселеній у Чернаго моря, въ Египтѣ и въ Испаніи. Они провозглашали священный миръ и грозили проклятіемъ бога всякому, кто начнетъ войну во время праздника или оскорбитъ богомольца на пути.

Десятки тысячъ благочестивыхъ странниковъ и любопытныхъ собирались въ Олимпію. Богатые люди пріѣзжали и разставляли у священной рощи палатки. Бѣдные приходили пѣшкомъ, часто издалека, и ночевали подъ открытымъ небомъ. Торговцы открывали ярмарку. Каждый городъ присылалъ особыхъ почетныхъ пословъ. На большомъ алтарѣ всякій богомолецъ дѣлалъ Зевсу приношеніе, какое могъ, начиная отъ дорогой жертвы въ 100 быковъ и до мелкой въ видѣ козленка, горсти зеренъ, чаши вина и т. п. Участники подходили въ бѣлыхъ одеждахъ съ золотой бахрамой и въ красныхъ лентахъ. Кругомъ всегда стояла большая толпа. Передъ нею выступали люди, которые хотѣли себѣ составить имя въ Греціи, читали стихи, приготовленныя рѣчи.

Главною частью праздника были военныя и гимнастическія игры, которыя, по преданію, установилъ богатырь Гераклъ, сынъ Зевса. Для нихъ было отведено просторное овальное мѣсто, кругомъ котораго на уступахъ могло усѣсться около 40.000 человѣкъ. Состязанія были тѣ же, что во время Ахилла: бѣгъ колесницъ, запряженныхъ четверкой, бѣгъ людей обнаженныхъ и въ вооруженіи, борьба, ме-

таніе копья и т. п. По окончаніи ихъ особые «греческіе судьи» присуждали побѣдителямъ награды. Родной городъ побѣдителя очень гордился его славой, встрѣчалъ его съ особымъ почетомъ и заказывалъ его статую для постановки въ священной рощѣ Олимпіи.

Сильные своимъ ополченіемъ и флотомъ, греки сумѣли отбиться отъ большого врага, *персовъ*, которые надвигались съ востока.

Персидское государство, съ 560 г. Персы жили на востокъ отъ Вавилона въ гористой мѣстности у Персидскаго залива: ихъ потомки и сейчасъ заселяютъ Персію. Они занимались скотоводствомъ, были лихіе наѣздники и стрѣлки. Персидскій царь Киръ, современникъ Пизистрата, покорилъ Вавилонъ (въ 539 г.) и всю равнину Двурѣчья, придвинулся къ Средиземному морю и подчинилъ себѣ Сирію, Финикію и Малую Азію; азіатскіе греки должны были признать его власть. Его сынъ прошелъ дорогой ассиріянъ въ Египетъ и покорилъ всю Нильскую долину. На дальнемъ востокѣ владѣнія персовъ доходили до границъ Индіи и Туркестана. Такого большого государства еще не было до тѣхъ поръ. Оно было величиной съ половину Европы и разъ въ восемьдесятъ превосходило Грецію.

Персидскій царь и его слуги съ зонтикомъ и опахаломъ; наверху окрыленный богъ свѣта, Агурамазда.

Велики были и его богатства. Персы собирали съ многочисленнаго населенія Египта, Вавилона, Сиріи, Малой Азіи много подати товарами и деньгами; вездѣ произвели расцѣнку земли и налогъ брали по величинѣ дохода, который съ нея получался. Современникъ Клисѳена, третій царь Дарій, ввелъ для всего населенія обширнаго государства одинаковую золотую монету съ изображеніемъ государя-воителя; эта монета, дарейкъ, распространилась и въ Греціи. У персидскихъ царей было высокое понятіе о своемъ государствѣ. Одна надпись, вырѣзанная на камнѣ, говоритъ, что «Агурамазда, верховный богъ, сдѣлалъ царя персидскаго господиномъ надъ всей великой землей, надъ многими странами и языками, надъ горами и равнинами по ту и по сю сторону моря, по ту и по сю сторону пустыни». Въ другой

сказано, что обязанность царя «наказывать неправду и ложь, награждать друзей, карать враговъ и подъ защитой Агурамазды давать всѣмъ странамъ законы». Персы не тѣснили людей чужой вѣры, какъ ассирійскіе завоеватели. Киръ отпустилъ плѣненныхъ Навуходоносоромъ евреевъ на родину; они возобновили разрушенный въ Іерусалимѣ храмъ и стали выбирать первосвященника.

Въ управленіи персы держались тѣхъ обычаевъ, которые примѣняютъ степняки, когда захватываютъ обширныя страны земледѣльцевъ. Все государство было раздѣлено на 20 большихъ областей; въ каждую посылали всемогущаго намѣстника, *сатрапа*, который распоряжался жизнью и смертью подданныхъ; при немъ состояло войско и подчиненные чиновники; города и деревни управлялись по-старому своими старостами, священниками и тиранами. Для передачи сатрапамъ царскихъ приказовъ и пересылки царю отчетовъ устроена была особая почта, которая проѣзжала по большимъ дорогамъ, соединявшимъ окраины государства съ серединой. Главная «царская дорога» шла отъ *Сузы* (въ горахъ на востокъ отъ Вавилона) черезъ Тигръ и Евфратъ къ *Сардамъ*, городу Малой Азіи недалеко отъ Милета. Такъ какъ царь не довѣрялъ сатрапамъ и постоянно боялся измѣны съ ихъ стороны, почта служила также для тайнаго надзора за намѣстниками. Иногда въ область внезапно наѣзжалъ для расправы важный сановникъ «око государево». Иногда намѣстника, по доносу, внезапно отзывали ко двору, сажали въ заключеніе или казнили.

Цари персидскіе приняли обычаи вавилонскаго и египетскаго двора, завели пышныя церемоніи, многочисленныхъ сановниковъ съ громкими титулами и большую свиту. Но они продолжали кочевую жизнь старины, переѣзжая со всѣми придворными изъ Сузы въ Вавилонъ (на зиму), изъ Вавилона въ высоколежащую *Экбатану* (на лѣто). При всѣхъ огромныхъ тратахъ царь не проживалъ богатствъ, получаемыхъ съ огромной державы. Привозимое съ разныхъ концовъ золото, въ видѣ монеты, посуды и украшеній онъ приказывалъ сплавлять вмѣстѣ и лить въ большіе глиняные чаны; глину потомъ разбивали и куполообразные золотые слитки разставляли въ царскихъ кладовыхъ. Когда надо было сдѣлать новый расходъ, царь распоряжался взять золота, сколько потребуется, изъ склада.

У «великаго царя», какъ его звали греки, были большія военныя силы. Конницу и стрѣлковъ ставили персы, мидяне и другіе воинственные жители Ирана. Хорошій флотъ доставляли финикіяне, соперники грековъ въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Но и греки малоазійскихъ городовъ должны были служить царю. Когда Дарій затѣялъ походъ противъ скиѳовъ и направился изъ Малой Азіи черезъ Босфоръ,

сѣверо-восточный уголъ Балканскаго полуострова и Нижній Дунай въ черноморскія степи, онъ взялъ съ собой тиранна города Милета и аѳинянина Мильтіада, правившаго въ Херсонесѣ противъ Трои.

Начало греко-персидскихъ войнъ съ 500 г. Греки неохотно подчинялись персидскому царю. Іонійскіе города, вскорѣ послѣ похода Дарія на скиѳовъ, возстали и просили помощи у своихъ единоплеменниковъ въ Греціи. Спартанцы оставили эту просьбу безъ вниманія, аѳиняне прислали небольшую подмогу. Но Дарій двинулъ финикійскій флотъ и разстроилъ силы возставшихъ; персы взяли Милетъ и сожгли его. Аѳиняне разсказывали, что царь очень разгнѣвался на нихъ; онъ пустилъ стрѣлу къ небу и воскликнулъ: «Боже, дай мнѣ отмстить имъ!»

Вслѣдъ за этимъ персы завоевали весь сѣверный берегъ Эгейскаго моря вплоть до горы Олимпа, покорили острова, лежащіе по серединѣ моря, и даже захватили уголъ острова *Эвбеи* совсѣмъ вблизи отъ Аѳинъ. Дарій образовалъ изъ этихъ новыхъ владѣній 21-ую сатрапію и сталъ готовиться къ походу на тѣхъ грековъ, которые еще сохранили независимость.

Сначала двинулся большой флотъ вдоль сѣвернаго берега моря. У мыса *Аѳонской горы* онъ потерпѣлъ въ бурю крушеніе, причемъ погибло много людей. Тогда персы проѣхали поперекъ моря и высадились въ Аттикѣ у *Маравона*; съ ними былъ тираннъ Гиппій, котораго они хотѣли вернуть въ Аѳины. Но въ горной мѣстности они не могли пустить въ ходъ свою конницу; аѳинскіе ратники въ броняхъ, подъ начальствомъ Мильтіада, ушедшаго съ персидской службы, разстроили ихъ пѣхоту и отбросили персовъ на корабли (490 г.).

Хотя Дарій скоро послѣ этого умеръ, но было ясно, что персы не оставятъ своего намѣренія. Въ Аѳинахъ Ѳемистоклъ предложилъ народу отдавать весь доходъ съ серебряныхъ рудниковъ на постройку военныхъ кораблей, такъ какъ главная оборона будетъ на морѣ.

Нашествіе персовъ въ 480 г. Между тѣмъ сынъ Дарія, Ксерксъ самъ сталъ въ главѣ большого войска, собравшагося въ Малой Азіи. Онъ переправилъ солдатъ черезъ проливъ по временному мосту, проложенному на судахъ, и двинулся на Грецію съ сѣвера. За войскомъ тянулся большой обозъ; персы во время похода не любили себѣ отказывать въ удобствахъ, а царь везъ за собой свой дворъ. Впереди царской повозки ѣхала большая колесница, запряженная восемью конями; на ней везли изображеніе высшаго божества. Вдоль береговъ окольной линіей рядомъ съ войскомъ двигался большой флотъ, который долженъ былъ доставлять на сушу припасы; для того, чтобы избѣгнуть объѣзда у опаснаго Аѳонскаго мыса, персы заранѣе про-

рыли каналомъ перешеекъ, соединяющій горный кряжъ съ материкомъ.

Жрецы храма въ *Дельфахъ*, подававшіе грекамъ совѣты отъ имени бога Аполлона, уговаривали всѣхъ подчиниться страшной силѣ. Города, гдѣ правили знатные роды, ждали персовъ, чтобы присоединиться къ нимъ. Только Аѳины и Спарта съ пелопоннесцами рѣшили сопротивляться.

Персы были непобѣдимы на азіатскихъ равнинахъ, но въ Греціи они во второй разъ встрѣтились съ неудобствами горной природы: они должны были медленно пробираться по горнымъ ущельямъ и тропинкамъ и брать врозь каждую небольшую область, защищенную горами, какъ крѣпостной стѣной. Къ тому же добыча въ скудной Греціи была невелика.

Все же положеніе тѣхъ грековъ, которые рѣшили защищаться, было очень опасно. Небольшой отрядъ спартанцевъ въ теченіе нѣсколькихъ дней защищалъ противъ персовъ проходъ *Ѳермопилы* между сѣверной и средней частью Греціи, но былъ обойденъ и погибъ. Персы добрались до середины Греціи и вездѣ опустошали страну. Жители Аттики и Аѳинъ должны были бѣжать. На судахъ перевезли семьи гражданъ и то, что можно было захватить изъ имущества, на сосѣдній островокъ Саламинъ и въ ближніе города на югѣ; а всѣ аѳиняне, способные къ оружію и къ работѣ, сѣли на корабли и соединились съ другими греческими эскадрами.

Но греки сошлись изъ разныхъ независимыхъ городовъ; у нихъ не было ни общаго плана, какъ дѣйствовать, ни даже согласія. Пришлось отдать главное начальство спартанскимъ вождямъ, потому что спартанцы считались самымъ сильнымъ греческимъ народцемъ. Между тѣмъ спартанцы какъ разъ не знали морского дѣла, и у нихъ почти вовсе не было кораблей. Аѳиняне, подъ начальствомъ Ѳемистокла, желали биться на морѣ у самой родины своей; спартанцы хотѣли отступить южнѣе къ своимъ берегамъ и укрѣпить перешеекъ у города Коринѳа, чтобы не пускать персовъ дальше по сухому пути.

Противъ желанія спартанцевъ греки должны были поневолѣ сразиться въ узкомъ проливѣ у острова *Саламина*: флотъ персовъ обогнулъ середину Греціи и заперъ греческіе корабли съ двухъ сторонъ этого пролива. Греки взяли верхъ своимъ искусствомъ въ морскомъ дѣлѣ: они ставили корабли въ кругъ, носами впередъ и затѣмъ быстро разъѣзжались лучами во всѣ стороны: тяжелые корабли персовъ путались около незнакомыхъ скалъ. Грекамъ помогла и непогода, разбившая много вражескихъ кораблей. Остатки разстроеннаго флота персовъ отъѣхали къ Малой Азіи, а царь, недовольный затяжкой войны, вернулся домой. Его безпокоило къ тому же опасное возстаніе въ

Вавилонѣ. Сухопутное войско персовъ продолжало еще стоять въ серединѣ Греціи. Лишь черезъ годъ въ упорной битвѣ подъ городкомъ *Платеи* оно было разбито греческимъ ополченіемъ изъ спартанцевъ и аѳинянъ. Въ тотъ же день флотъ грековъ, преслѣдуя персидскій, одержалъ надъ нимъ побѣду у мыса *Микале* противъ острова Самоса.

Греки и варвары. Никакъ нельзя было сказать, чтобы у персовъ не хватало храбрости: они отчаянно бросались въ битву. Но они бились почти такъ, какъ греки въ старину: впереди стояли боевыя колесницы, за ними пѣшіе, которые сражались вразсыпную и не выдерживали долго натиска, если сами не могли сразу взять верхъ. Они были хуже вооружены, безъ крѣпкихъ латъ, ихъ главное оружіе были стрѣлы и короткія копья.

Греки брали своимъ плотнымъ строемъ и согласной выучкой. Каждый отрядъ долженъ былъ помнить, что на немъ вся защита роднаго города. Защищая родину, греки были увѣрены, что они стоятъ за правое дѣло и что за нихъ боги: иные вѣрили, что боги появляются по-старому въ ихъ рядахъ и поражаютъ враговъ. Когда заходила рѣчь о томъ, какъ маленькій народъ греческій отстоялъ себя противъ грозной силы, греки гордо указывали на свою дружную храбрость, свой умъ и искусство: персы привыкли рабски слушаться своего повелителя «кланяться ему въ ноги», въ то время, какъ греки—люди свободные, сами себѣ господа. Съ этой поры греки стали себя ставить выше *варваровъ* (такъ называли они всѣхъ не-грековъ; это значитъ собственно «бормотуны», люди, не умѣющіе чисто и ясно произносить греческую рѣчь, которая грекамъ казалась настоящей человѣческой).

V.

Аѳины. 480—400 гг. до Р. Х.

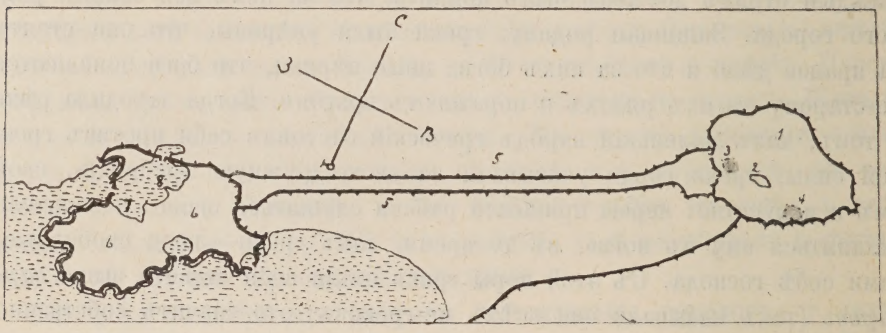
Сила Аѳинъ послѣ 480 г. Ѳемистоклъ. Персамъ пришлось отказаться отъ замысла подчинить себѣ европейскихъ грековъ. Теперь ободрились и малоазійскіе греки; они не хотѣли больше платить дань персамъ. Они примкнули къ аѳинянамъ, видя, что это—лучшіе моряки въ Греціи.

Между аѳинянами и греками, жившими на островахъ и на восточномъ побережьи Эгейскаго моря, составился *союзъ*. Союзники аѳинянъ ставили корабли, воиновъ или платили деньги; аѳиняне распоряжались общимъ флотомъ, войскомъ и казной и не пускали персовъ къ

берегамъ Эгейскаго моря. Морская сила союза состояла изъ 300—400 кораблей.

Аѳиняне забрали въ свои руки золотые пріиски на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря; оттуда же они добывали лѣсъ для стройки своихъ кораблей. Особенно важно для нихъ было владѣніе проливами, ведущими въ Черное море. Съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря они получали хлѣбъ; иначе и не могло бы прокормиться множество народа въ Аѳинахъ: въ Аттикѣ было мало земли, и почва была скудна.

Ѳемистоклъ былъ занятъ все новыми и новыми планами. Онъ предложилъ народу выстроить кругомъ Аѳинъ и кругомъ морской гавани, Пирея, крѣпостныя стѣны, да еще соединить Аѳины съ Пиреемъ двумя рядами стѣнъ вдоль дороги. Въ случаѣ новаго нападенія на Аѳины, говорилъ онъ, не нужно будетъ больше покидать городъ; аѳиняне



Аѳины, Пирей и длинныя стѣны. 1—Аѳины; 2—акрополь; 3—мѣсто народнаго собранія; 4—храмъ Зевса; 5—длинныя стѣны; 6—Пирей; 7—военная и 8—торговая гавани

теперь стали морскимъ народомъ; въ городѣ можно будетъ оставить небольшой гарнизонъ, а главная сила гражданъ будетъ биться на корабляхъ у гавани. Пока аѳиняне—господа на морѣ и могутъ подвозить моремъ припасы и все нужное для борьбы, они непобѣдимы. У Ѳемистокла была еще одна смѣлая мысль: захватить врасплохъ спартанцевъ и дать Аѳинамъ господство надъ всею Греціей.

Въ это время положеніе господъ въ Спартѣ было очень тяжело: противъ нихъ возстали крѣпостные въ Мессеніи. По замыслу Ѳемистокла, надо было помочь мятежнымъ гелотамъ и въ союзѣ съ ними разрушить общину воителей въ Пелопоннесѣ.

Но и враговъ у Ѳемистокла было много. Забота его о морскомъ дѣлѣ была выгодна для торговцевъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, судохозяевъ и моряковъ, и этимъ были недовольны землевладѣльцы и крестьяне. Въ Аѳинахъ сплотились всѣ сторонники старины, которые боялись, что послѣ перемѣнъ, введенныхъ Ѳемистокломъ, войдутъ въ

силу подвижные и предпріимчивые горожане Аѳинъ и приморскихъ гаваней и оттѣснятъ сельскихъ владѣльцевъ. Главнымъ противникомъ Ѳемистокла былъ Кимонъ, сынъ побѣдителя при Мараѳонѣ, самъ отличный предводитель въ войнѣ съ персами, которая еще продолжалась на морѣ. Богатый землевладѣлецъ, Кимонъ дружилъ со спартанцами; онъ держался за нихъ, какъ за людей стариннаго обычая. По его словамъ, Грецію везутъ два коня, Аѳины и Спарта, и бѣда, если великая родина всѣхъ грековъ станетъ хромать; надо не губить Спарту, а помочь ей. Спартанцы замѣтили сами, какъ опасенъ для нихъ Ѳемистоклъ, и внушили аѳинянамъ, что онъ человѣкъ ненадежный.

Врагамъ Ѳемистокла удалось изгнать его, да еще вдобавокъ обвинить въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ персами. Ѳемистоклу не было больше мѣста въ Греціи; онъ могъ бѣжать только къ самимъ персамъ. Царь, услыхавъ о томъ, что главный противникъ персовъ проситъ теперь у нихъ пріюта, пришелъ въ восторгъ и богато одарилъ его помѣстьями и городами. Но Ѳемистоклъ скоро умеръ.

Побѣда демократіи въ Аѳинахъ 460 г. Кимонъ предложилъ послать спартанцамъ помощь противъ мятежныхъ мессенскихъ гелотовъ и вызвался самъ пойти во главѣ аѳинскаго отряда. Но спартанцы недовѣрчиво отнеслись къ поддержкѣ аѳинянъ и отослали ихъ назадъ. Два новыхъ вождя народа, Эфіальтъ и Периклъ, съ радостью ухватились за эту неудачу Кимона; они убѣдили народъ отправить его въ свою очередь въ изгнаніе.

Эфіальтъ и Периклъ рѣшили разбить послѣднюю опору защитниковъ старины и отнять судебныя дѣла у тайнаго совѣта, состоявшаго изъ бывшихъ сановниковъ (этотъ совѣтъ собирался на *Ареопагѣ*, т.-е. на холмѣ бога войны Арея, гдѣ въ старину творили месть и расправу надъ убійцами). Тайный совѣтъ судилъ все еще строго и жестоко; нерѣдко, кромѣ того, старики, сидѣвшіе на судѣ, противились рѣшенію всего народа, ссылаясь на старый обычай и осуждая гражданъ за легкомысліе. Эфіальтъ предложилъ передать разборъ тяжебъ и обвиненій суду всѣхъ гражданъ; по мнѣнію вождей народа, здравый смыслъ и свободная совѣсть людей разнаго положенія будутъ подсказывать рѣшенія лучше, чѣмъ строгій судъ немногихъ лицъ, постоянно занятыхъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ.

Народный судъ сталъ теперь собираться каждый день. Совершено ли было преступленіе въ городѣ, жаловались ли другъ на друга союзники, обвинялся ли кто-нибудь въ оскорбленіи боговъ или въ нарушеніи закона,—дѣло шло на общій судъ гражданъ.

Судьи набирались изъ всѣхъ гражданъ старше 30 лѣтъ и сидѣли очередями по 200, по 500 и болѣе человѣкъ. Они звались «присяж-

ными»: въ началѣ каждаго года они приносили присягу, что будутъ рѣшать дѣла по законамъ, постановленіямъ народа и по внушенію своей совѣсти, не оказывая ни дружбы, ни вражды; они прибавляли, что если клятва окажется ложной, то гибель да поразитъ ихъ самихъ и ихъ родъ. Присяжные приходили къ зданію суда на большой рыночной площади, держа въ рукахъ жезлы, старинный знакъ власти. Судебное засѣданіе начиналось торжественной жертвой. Судьи сидѣли за оградой, но къ рѣшеткѣ могъ подходить народъ и слушать разбирательство.

Въ наше время на судѣ обвиняетъ прокуроръ, т.-е. чиновникъ, поставленный отъ правительства. Въ Аѳинахъ на судѣ кто-либо изъ гражданъ по своей волѣ выступалъ обвинителемъ; если обвиненіе казалось мало похожимъ на правду и почти никто изъ судей не принималъ стороны обвинителя, его самого подвергали наказанію. Обвиняемый защищался самъ или бралъ себѣ защитника. Такъ же, какъ народъ въ собраніи, и судьи долго и обстоятельно выслушивали обѣ стороны.

Главное дѣло судей было—рѣшить, виновенъ или невиновенъ судимый. Въ важныхъ дѣлахъ они подавали мнѣнія тайно: каждый клалъ раковинку въ чашу оправданія или въ чашу обвиненія; большинствомъ значковъ въ томъ или другомъ сосудѣ и рѣшалось дѣло. На рѣшеніе присяжныхъ не могло быть жалобы: это былъ окончательный приговоръ народа-государя. Бѣдные граждане могли участвовать въ судѣ наравнѣ съ богатыми; имъ нечего было бояться потери заработка за день, проведенный въ засѣданіяхъ: по предложенію Перикла, они стали получать дневное содержаніе изъ казны.

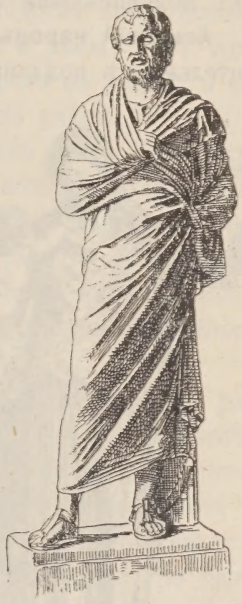
Периклъ. 460—430 гг. Передача суда народу была тяжелымъ ударомъ для защитниковъ старины. Въ озлобленіи они подослали убійцъ къ Эфіальту. Но со смертью одного вождя дѣло не остановилось; его продолжалъ Периклъ. Онъ былъ изъ старинной знатной семьи и приходился внукомъ Клисѳену; такъ же, какъ дѣдъ, Периклъ рѣшился стоять за выгоды народа.

И Ѳемистоклъ, и Периклъ имѣли на своей сторонѣ всѣхъ, кто былъ занятъ или заинтересованъ въ морской торговлѣ и мореходствѣ. Небогатые граждане, служившіе на корабляхъ во время славной борьбы съ персами, вошли теперь въ силу. Въ большихъ народныхъ собраніяхъ, гдѣ рѣшали всѣ дѣла, они составляли большинство, между тѣмъ какъ крестьяне, особенно болѣе отдаленныхъ деревень, появлялись рѣже.

Аѳинскій народъ въ это время широко раскинулъ свои предпріятія. Въ наслѣдство отъ поколѣнія Мильтіада и Ѳемистокла осталась война съ персами. Аѳиняне рѣшились на смѣлый шагъ: отправили большой

флотъ въ Египетъ, чтобы поддержать тамъ возстаніе противъ царя. Они заняли уже Мемфисъ, но персамъ удалось запереть всю аѳинскую силу на островѣ среди нильскихъ рукавовъ и истребить ее. Между тѣмъ спартанцы, успѣвшіе оправиться отъ возстанія крѣпостныхъ, стали угрожать нападеніемъ на Аттику. Пришлось помириться съ персами на условіи, что аѳиняне перестанутъ помогать ихъ врагамъ, а персы откажутся отъ плаванія по Эгейскому морю. Завоеванія аѳинянъ остановились.

Взамѣнъ Периклъ предложилъ расширить торговлю Аѳинъ: пріобрѣсти союзниковъ на Западѣ въ Италіи, куда аѳиняне вывозили свои ремесленныя издѣлія, особенно художественно разрисованную посуду, и установить сношенія съ колоніями Чернаго моря (по-гречески *Понта Эвксинскаго*), откуда аѳиняне получали главные предметы питанія, хлѣбъ, скотъ, рыбу, соль, а также строительный лѣсъ, ленъ и пеньку для корабельныхъ снастей. У входа въ Азовское море (по-гречески *Боспоръ Киммерійскій*) аѳиняне заняли укрѣпленное мѣсто и стали распоряжаться подвозомъ хлѣба, шедшаго изъ Скиѳіи. Во главѣ большого аѳинскаго флота Периклъ проѣхалъ въ Понтъ, чтобы (какъ онъ говорилъ), «поддержать тамошнихъ грековъ, а варварскимъ царямъ и князьямъ показать величіе, увѣренность и смѣлость аѳинянъ, которые плаваютъ, гдѣ имъ угодно, и властвуютъ надъ всѣмъ моремъ». Периклъ хотѣлъ сдѣлать Аѳины первымъ городомъ въ Греціи не только по богатству, но и по умственному значенію. Онъ самъ былъ близокъ съ выдающимися учеными, писателями, художниками своего времени, онъ старался, чтобы Аѳины привлекали чужихъ посѣтителей интересной и разнообразной жизнью, красотой своихъ построекъ, богатствомъ театральныхъ развлеченій. Въ Аѳинахъ были затѣяны обширныя работы; особенно изукрасили аѳиняне своей акрополь и болѣе всего почтили богиню Аѳину.



Грекъ въ плащѣ.

Всѣ предпріятія эти требовали большихъ средствъ. Периклъ предложилъ народу взять тѣ сокровища, которыя составились изъ благочестивыхъ взносовъ и лежали безъ примѣненія въ храмѣ богини-покровительницы города, носившей одно съ нимъ имя: пусть пойдутъ эти богатства въ оборотъ; въ случаѣ успѣха граждане могутъ вдесятеро вернуть божеству, которое помогаетъ имъ. Онъ убѣдилъ также аѳинянъ взять въ свои руки деньги, получаемыя изъ взносовъ союз-

никовъ, малоазіатскихъ и островныхъ грековъ: эти деньги принадлежатъ по праву аѳинянамъ за то, что они оберегаютъ греческое море; народъ можетъ тратить ихъ на свои нужды, не спрашивая союзниковъ. Въ знакъ этой перемѣны казна, въ которую платили союзники, была перевезена съ острова Делоса (среди Эгейскаго моря) въ Аѳины. Вслѣдствіе этого союзники изъ товарищей, каковыми они были вначалѣ, обратились въ подданныхъ аѳинянъ, въ ихъ оброчныхъ людей. Большой *союзъ* половины почти грековъ подъ начальствомъ аѳинянъ сталъ теперь *державой* Аѳинъ. Въ этой державѣ между господами и ихъ подчиненными было крупное неравенство въ положеніи.

Аѳинскій народъ. Число аѳинскихъ гражданъ было невелико сравнительно съ подданными: первыхъ было въ 20 или 30 разъ меньше, чѣмъ вторыхъ. Въ самой Аттикѣ настоящими гражданами считались только дѣти родителей гражданъ; всѣ другіе, какъ бы долго ни жили въ Аѳинахъ, оставались «обывателями»; ихъ мнѣнія не спрашивали въ дѣлахъ, касавшихся всего города или всей державы; они не получали никакихъ выдачъ изъ казны.

Богиня мира съ божкомъ богатства; костюмъ греческой женщины.

Тѣмъ болѣе замѣтны были выгоды, которыми старались надѣлить гражданъ. За участіе въ судѣ, за потерю времени на какой-либо службѣ они получали вознагражденіе. Иногда между ними раздѣляли хлѣбъ, купленный и привезенный на общественный счетъ. Небогатые граждане, кромѣ того, постоянно получали даровые билеты на театральныя представленія, при чемъ цѣна этихъ билетовъ уплачивалась устроителямъ театра изъ казны.

Эти раздачи и вообще дневное содержаніе, выдаваемое гражданамъ за службу были, правда, невелики. Но и потребности, большей части гражданъ были очень ограничены. Теплый климатъ позволялъ греку носить простѣйшій костюмъ, состоявшій изъ рубашки, плаща въ видѣ четырехугольнаго куска матеріи и подвязанныхъ подошвъ. Часто онъ выходилъ изъ дому босой и безъ шляпы; большую часть дня онъ проводилъ на воздухѣ. У простого человѣка домъ былъ тѣсенъ, кое-какъ выстроенъ, почти безъ меблировки; въ питьѣ и ѣдѣ народъ былъ крайне умѣренъ. Однако, довольствуясь немногимъ въ своей обстановкѣ, небогатый горожанинъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ

за предпріятіями своего города, жадно ловилъ новости, любилъ поговорить о дѣлахъ и выразить свое мнѣніе; онъ требовалъ къ отвѣту выбранныхъ имъ начальниковъ и слушалъ охотно споры и доводы людей разныхъ взглядовъ, выступавшихъ въ народномъ собраніи.

Съ гражданъ не собирали подати. Но народъ заставлялъ богатыхъ людей тратиться на снаряженіе кораблей, на устройство праздниковъ. Многіе находили въ этомъ удовлетвореніе своего честолюбія, особенно когда на праздникѣ называли громко имена щедрыхъ дарителей. Но другіе роптали, что простонародье взяло себѣ чрезмѣрную силу въ городѣ; нигдѣ, говорили они, нѣтъ такого господства «корабельной черни»; оттого такъ своевольны стали въ городѣ и рабы; рабъ одѣвается такъ же, какъ свободный, не уступаетъ дороги на улицѣ, и его нельзя тронуть, такъ какъ онъ можетъ отвѣтить на ударъ.

Народное собраніе при Периклѣ. Периклъ крѣпко стоялъ за выгоды горожанъ, ремесленниковъ, торговцевъ, моряковъ, которые создали силу Аѳинъ. Противники пытались обвинить его въ растратѣ казны, въ притѣсненіи союзниковъ. Дѣло дошло до большого тайнаго голосованія, въ которомъ народъ долженъ былъ рѣшить, кто подлежитъ удаленію изъ города, Периклъ или его главный обвинитель, Ѳукидидъ. Большинство написало имя противника Периклова (въ 442 г.).

Послѣ этого остракизма Периклъ занялъ такое положеніе, что уже никто не рѣшался ему сопротивляться. Изъ году въ годъ его выбирали однимъ изъ военачальниковъ (*стратеговъ*), въ опасныхъ обстоятельствахъ назначали неограниченнымъ стратегомъ всего флота и войска. А главное—все дѣлалось по совѣтамъ и указаніямъ Перикла, которые онъ излагалъ въ народномъ собраніи. Въ Аѳинахъ не было одного главы государства, подобнаго нынѣшнему президенту республики; Периклъ былъ первымъ министромъ, первымъ и исключительнымъ совѣтникомъ народа аѳинскаго (по-гречески *демагогомъ*, т.-е. вождемъ народа). Перикла сравнивали съ тиранномъ Пизистратомъ и выражались такъ: въ Аѳинахъ по виду—правленіе народа, а на самомъ дѣлѣ—власть перваго гражданина. Многіе не любили и боялись этого замкнутаго въ себѣ, гордаго, всегда серьезнаго и погруженнаго въ дѣла человѣка. Между людьми набожными ходило обвиненіе, что Периклъ отрицаетъ силу народныхъ боговъ; указывали на его близость съ учеными, выражавшими новые взгляды на мірозданіе, между прочимъ съ Анаксагоромъ, который рѣшился утверждать, что солнце—не живое божество, а раскаленный громадный камень, и что міромъ управляетъ великая сила Разума.

Со времени Ѳемистокла Аѳины были гораздо сильнѣе и богаче всѣхъ греческихъ городовъ. Но у Аѳинъ было много враговъ: старый

торговый городъ Коринѳъ, у котораго аѳиняне перебили рынки; Спарта, которая до нашествія персовъ считалась первымъ городомъ въ Греціи; большая часть приморскихъ грековъ, считавшихся въ союзѣ съ Аѳинами, но недовольныхъ тѣмъ, что они стали данниками Аѳинъ; наконецъ персы, потерявшіе изъ-за аѳинянъ греческіе города Малой Азіи. Въ отдѣльности никто изъ противниковъ не могъ сладить съ Аѳинами; но вмѣстѣ они могли сокрушить аѳинскую державу.

Сначала Коринѳъ поднялъ противъ Аѳинъ Спарту. Поводъ не трудно было найти. Спартанцы заступились за сосѣдній съ Аттикой небольшой городъ, которому аѳиняне запретили возить въ Аѳины товары. Дѣло было неважное на первый взглядъ, но между Спартой и Аѳинами давно уже была глухая вражда, и многіе понимали, что спартанцы ищутъ случая съ тѣмъ, чтобы объявить войну.

Только общее собраніе народа могло рѣшить, какъ отвѣтить спартанцамъ на ихъ требованіе. Но прежде чѣмъ собирать весь народъ, дѣло обсуждалось въ *Совѣтѣ пятисотъ* уполномоченныхъ отъ деревень и отъ городскихъ участковъ. Совѣтъ входилъ въ разныя мелочи и подробности всякаго дѣла, которыя нельзя обсудить въ большомъ собраніи изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Онъ рѣшалъ, какія дѣла докладывать народу. Совѣтъ велъ также счетъ доходамъ и расходамъ казны; ему сообщали всѣ важныя новости, какія приходили съ разныхъ концовъ государства.

Когда Совѣтъ рѣшилъ передать дѣло всему народу, граждане сошлись въ большомъ помѣщеніи, похожемъ на открытый театръ съ каменными уступами. Начали, какъ всегда, съ жертвы и произнесли проклятіе тому, кто бы вздумалъ обманывать народъ. Только при ясномъ небѣ могло состояться собраніе. Грозу, затменіе и даже простой дождь считали за дурной знакъ боговъ: тогда надо было распустить народъ. Когда всѣ сѣли, вѣстникъ объявилъ дѣло, уже обдуманное Совѣтомъ, которое предстояло порѣшить народу.

Каждый гражданинъ, если только за нимъ не было замѣчено чего-нибудь дурного, могъ сказать, что онъ думаетъ. Тотъ, кто хотѣлъ говорить, поднимался на возвышеніе посрединѣ и надѣвалъ во время рѣчи вѣнокъ на голову. Но кто рѣшался говорить въ большомъ собраніи, долженъ былъ достигнуть большого искусства: нужно было умѣть и заинтересовать, и убѣдить слушателей. Среди нихъ было много необразованныхъ людей; но, посѣщая собранія, они привыкли долго и внимательно слушать рѣчи и обсуждать приводимые доводы.

Въ нашемъ случаѣ нѣсколько человѣкъ говорили, что лучше уступить требованію спартанцевъ и не вызывать ихъ на открытую ссору. Спартанцы всегда могутъ пройти перешеекъ и опустошить Аттику;

аѳиняне не могутъ съ ними сладить въ открытомъ полѣ. Другіе возражали, что уступить спартанцамъ обидно для Аѳинъ: спартанцы пойдутъ на новыя, болѣе тяжелыя требованія, и все равно придется воевать съ ними. Обѣ стороны въ собраніи говорили долго и не переспорили другъ друга; большая часть народа осталась въ нерѣшимости и ждала, что скажетъ Периклъ.

Уже раньше Периклъ обсудилъ дѣло со своими друзьями и сторонниками; они въ свою очередь говорили между своими знакомыми и настроили многихъ въ пользу того же мнѣнія. Всѣ, кто привыкъ собираться вмѣстѣ и столковываться заранѣе, уговорились, за что отдать свои голоса. Но все же Периклу удалось своей рѣчью въ собраніи убѣдить многихъ колебавшихся. Онъ говорилъ, что войны со спартанцами нечего бояться: у враговъ нѣтъ ни кораблей, ни денегъ; они безсильны на морѣ. Пускай они опустошаютъ Аттику. Вѣдь не люди землѣ служатъ, а земля—людямъ. Аѳиняне могутъ всѣ запереться въ стѣнахъ главнаго города и гавани. Своими кораблями они нанесутъ много вреда непріятельскимъ берегамъ и заставятъ противниковъ просить мира.

Послѣ этой рѣчи никто больше не захотѣлъ говорить. Кто былъ не согласенъ съ Перикломъ, могъ замѣтить, что уже не удастся перетянуть остальныхъ на свою сторону. Пора было идти на голоса; чтобы не тратить времени на отвѣты, заставляли поднимать руки въ пользу одного и другого мнѣнія. Начальники спросили, кто за уступку спартанцамъ. Подняли руки большею частью землевладѣльцы и крестьяне, которые боялись разоренія земли, если придутъ спартанцы; поднятыя руки сосчитали. Затѣмъ спросили, кто противъ уступки спартанцамъ и, слѣдовательно, за войну съ ними. Подняли руки промышленники, купцы, моряки, большинство городскихъ жителей. Ихъ также сосчитали, и оказалось, что ихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ (приблизительно 4000 противъ 2000). Согласно мнѣнію, которое взяло верхъ, народное собраніе постановило дать спартанцамъ суровый отвѣтъ и готовиться къ войнѣ.

Пелопоннесская война и паденіе Аѳинской державы. 431—404. Аѳиняне назвали эту войну Пелопоннесской, такъ какъ Спарта могла привести съ собою ополченіе почти всѣхъ областей и городовъ Пелопоннеса. Периклъ задолго подготовилъ защиту и убѣдилъ аѳинянъ, что война пойдетъ успѣшно: онъ указывалъ на денежные запасы, на изобрѣтательность и энергію народа. И дѣйствительно, спартанцы, не имѣвшіе флота, не могли нанести аѳинянамъ большого вреда; ихъ ополченіе каждый годъ опустошало Аттику; большая часть деревенскаго населенія пряталась въ Аѳины, Пирей и за длинныя стѣны

между ними, а съ моря подвозили припасы. На морѣ аѳиняне вездѣ оставались господами.

Но торговля ихъ все-таки терпѣла отъ войны; нашествія спартанцевъ мѣшали обрабатывать землю въ Аттикѣ. Въ городѣ отъ скопленія множества людей быстро распространилась занесенная кораблями чума. Война подняла сильную вражду между гражданами. Примолкшіе противники Перикла заговорили, что на него падаетъ вина за неудачи. Ревнители вѣры, пользуясь отчаяніемъ простолюдиновъ, которымъ несчастія казались гнѣвомъ божества, напоминали, что Периклъ раздражилъ боговъ своихъ невѣріемъ. Всѣ эти обвиненія подѣйствовали на аѳинскій народъ. Первый человѣкъ, котораго безпрекословно слушались въ теченіе почти 30 лѣтъ, былъ свергнутъ; его лишили должностей и обвинили на судѣ за растрату казны. Черезъ годъ народъ опять вернулъ Периклу прежнее положеніе, но его уже подкосила смертельная болѣзнь.

Въ Аѳинахъ вообще подняли голову противники правленія народа. Они смѣялись надъ тѣмъ, что лавочники и мастеровые разсуждаютъ о важныхъ вопросахъ; по ихъ мнѣнію, это—дѣло «немногихъ», «лучшихъ» людей, т.-е. состоятельныхъ, обладающихъ досугомъ. Въ то же время положеніе Аѳинъ стало опаснѣе. Демагогъ Клеонъ, заступившій мѣсто осторожнаго Перикла, хотѣлъ вести дѣло рѣшительно, не обороняться только, а нападать на враговъ. Для покрытія военныхъ расходовъ онъ предложилъ увеличить сборъ денегъ съ союзниковъ, но это грозило вызвать среди нихъ новое раздраженіе. Аѳиняне еще могли бы удержать власть, если бы не тянулись дальше своихъ старыхъ владѣній. Но народъ увлекался новыми морскими планами.

Алкивіадъ, родственникъ Перикла, представилъ народу заманчивую картину: завладѣть богатой Сициліей, уничтожить торговую силу Карѳагена на Западѣ и тогда захватить все Средиземное море. Аѳиняне отправили большой флотъ и лучшее войско подъ начальствомъ самого Алкивіада противъ Сициліи (415 г.). Алкивіадъ почти ничего не успѣлъ сдѣлать. Его враги нашли случай обвинить его заочно. Въ Аѳинахъ незадолго до отъѣзда флота ночью были сломаны старинныя изображенія боговъ, стоявшія на перекресткахъ улицъ. Алкивіадъ извѣстенъ былъ за человѣка невѣрующаго: пользуясь этимъ, обвинители доказывали, что оскорбленіе боговъ—его дѣло. Алкивіадъ не поѣхалъ на судъ и былъ заочно осужденъ на смерть.

Между тѣмъ аѳиняне осадили большой сицилійскій городъ Сиракузы съ моря и съ суши. Сиракузяне оказались опасными противниками. Послѣ долгой полуторагодовой осады они разсѣяли аѳинскій флотъ, обратили въ бѣгство войско и въ горахъ захватили его: аѳи-

няне, оставшіеся въ живыхъ отъ рѣзни, были большею частью отправлены на каторгу въ рудники. Въ несчастномъ сицилійскомъ походѣ погибло болѣе 200 кораблей и около 50.000 человѣкъ. Это былъ непоправимый ударъ. Для Аѳинъ это значило потерять половину своей силы.

Между тѣмъ Алкивіадъ появился въ Спартѣ: раньше онъ хотѣлъ взять себѣ первое мѣсто въ Греціи при помощи Аѳинъ, теперь его цѣль была—подняться выше всѣхъ въ борьбѣ противъ Аѳинъ. Въ свои планы Алкивіадъ втянулъ и персовъ. Онъ умѣлъ сходиться съ людьми разныхъ странъ: въ Аѳинахъ велъ бесѣды о философіи, искусствѣ, въ Спартѣ жилъ просто и по-военному, у персовъ тратился на роскошную дворцовую обстановку. Онъ устроилъ союзъ персовъ и спартанцевъ. Персы дали деньги, на которыя спартанцы снарядили сильный флотъ. Большая часть недовольныхъ аѳинскихъ союзниковъ стала на ихъ сторону. Въ самихъ Аѳинахъ противники демократіи забрали власть, возстановили старинный порядокъ, бывшій до Солона, образовали совѣтъ изъ богатыхъ людей и перестали созывать народное собраніе. Они задумали помириться со Спартой, чтобы опрокинуть разъ навсегда ненавистную имъ демократію.

Но войско и моряки, стоявшіе флотомъ у острова Самоса, объявили себя противъ правленія «немногихъ» (*олигархіи*) и позвали Алкивіада, который уже успѣлъ поссориться со спартанцами. Самая большая опасность грозила аѳинянамъ оттого, что спартанскій флотъ завладѣлъ проливами, ведущими къ Черному морю. Туда и двинулся Алкивіадъ; онъ отвоевалъ прежнія владѣнія Аѳинъ у проливовъ и очистилъ торговый путь, которымъ везли въ Аѳины хлѣбъ. Послѣ этихъ побѣдъ демагоги въ Аѳинахъ сбросили господство немногихъ и возстановили правленіе народа.

Еще семь лѣтъ выдерживали Аѳины борьбу противъ многочисленныхъ враговъ; мужественный народъ снаряжалъ корабли за кораблями. Но средства истощались, изъ храмовъ взяты были послѣдніе запасы золота, энергія падала. Народъ раздражался отъ неудачъ, винилъ своихъ вождей въ измѣнѣ. Когда Алкивіадъ потерпѣлъ пораженіе, его вторично осудили, и онъ бѣжалъ къ персамъ. Еще разъ въ великой морской битвѣ у острововъ Аргинузскихъ близъ береговъ Малой Азіи аѳиняне разбили спартанцевъ. Но слѣдомъ за сраженіемъ разразилась жестокая буря, которая унесла въ открытое море нѣсколько кораблей и выкинулъ беззащитныхъ въ волны; начальники флота не могли спасти утопающихъ и похоронить павшихъ въ бою. Изъ Аѳинъ тотчасъ пришелъ приказъ о смѣщеніи ихъ и вызовѣ на судъ: ихъ обвиняли въ гибели согражданъ и оскорбленіи памяти мертвыхъ. Сильно возбужденный народъ не хотѣлъ слушать ихъ оправданія и осудилъ

ихъ на смерть. Скоро послѣ казни аѳиняне стали раскаиваться въ своемъ рѣшеніи и обратили гнѣвъ на тѣхъ, кто «обманулъ народъ», поднявши обвиненіе противъ побѣдителей.

Но уже близокъ былъ конецъ. Спартанскій адмиралъ Лизандръ захватилъ послѣдній флотъ аѳинянъ, стоявшій въ проливѣ, безъ боя въ то время, какъ матросы и солдаты ушли на берегъ за припасами. Аѳины были теперь отрѣзаны отъ всякаго подвоза. Враги окружили городъ съ суши и съ моря и послѣ пятимѣсячной осады взяли его голодомъ. Лизандръ заставилъ срыть укрѣпленія Пирея и длинныя стѣны, соединявшія портъ съ Аѳинами; аѳиняне должны были выдать всѣ военные корабли и сжечь свои верфи; всѣ владѣнія, кромѣ Аттики, были у нихъ отняты. Такъ кончилась аѳинская держава, простоявшая 73 года (отъ 477 до 404 г.).

Лизандръ потребовалъ также, чтобы аѳиняне уничтожили у себя демократію и ввели опять правленіе немногихъ. Власть захватили 30 человѣкъ богатыхъ гражданъ, прозванные впослѣдствіи *тридцатью тиранами*. Они не созывали вовсе народнаго собранія и казнили всѣхъ, кто казался имъ подозрительнымъ. Но уже черезъ годъ сторонники демократіи, бѣжавшіе въ Ѳивы, вернулись въ Аттику и подъ начальствомъ Ѳрасибула, одного изъ адмираловъ Пелопоннесской войны, захватили Пирей. Глава тридцати, Критій, погибъ въ стычкѣ; въ Аѳинахъ опрокинули во второй разъ олигархію и возстановили равенство гражданъ и правленіе народа.

Умственная жизнь Аѳинъ. 460—400 гг. Въ Аѳинахъ времени Перикла какъ будто билось сердце Греціи. Лучшіе люди греческаго народа, первые художники, поэты, ученые, изобрѣтатели этого времени были или аѳиняне родомъ, или если это были уроженцы другихъ греческихъ городовъ, то они подолгу жили въ Аѳинахъ, искали случая познакомить аѳинянъ со своими мыслями и работами. Многіе изъ грековъ, пріѣзжавшихъ въ Аѳины, были въ восторгѣ отъ аѳинскаго порядка жизни, гдѣ всѣ граждане пользовались равенствомъ правъ и свободой мнѣній и рѣчи.

Новыя понятія о богахъ. Понятія болѣе развитыхъ грековъ въ это время стали сильно разниться отъ тѣхъ, какія были во времена Гомера. Многимъ эти старые взгляды казались дѣтскими или варварскими. Приступая къ разсказу о старинѣ, одинъ писатель заявлялъ: «я, Гекатей изъ Милета, пишу только о томъ, что считаю за истину; изъ сказаній, которыя ходятъ среди грековъ, многія, мнѣ кажется, смѣшны». Онъ разбираетъ далѣе сказаніе объ адскомъ псѣ, за которымъ Гераклъ черезъ пещеру спускался въ преисподнюю, и удивляется легковѣрію и нелѣпости народа: вѣдь всѣ эти ужасы подземнаго міра—пустые при-

зраки; здѣсь случилось самое естественное происшествіе: Гераклъ схватилъ въ пещерѣ большую ядовитую змѣю, которую за ея укусы прозвали адскимъ животнымъ,—вотъ и все.

Монеты съ изображеніемъ Фидіева Зевса; направо, на рукѣ Зевса—фигура Побѣды.

Такъ же, какъ новый судъ въ Аѳинахъ былъ непохожъ на старую расправу, и понятія о богахъ стали непохожи на старинную вѣру.

Пролить кровь человѣка, отнять чужое стали считать дурнымъ дѣломъ, виной, грѣхомъ. Боги не велятъ этого дѣлать, такъ думали теперь люди. Ничто не ускользаетъ отъ ока Зевса: дочь его Дика (т.-е. Правда-мстительница) открываетъ ему всѣ обиды и несправедливости на землѣ. Не можетъ избѣгнуть гнѣва боговъ злой и несправедливый человѣкъ; если грѣхъ великъ, боги взыщутъ съ его потомковъ. Сами боги чисты и святы; высоко поднялись они надъ людьми, и нѣтъ у нихъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ. Прежде Зевса представляли громовикомъ, который ссорился съ другими богами, былъ капризенъ и злоупотреблялъ своей силою. По новому, Зевса считали разумнымъ правителемъ всего міра; все совершается по мудрымъ его указаніямъ.

Богиня Аѳина по изображенію Фидія.

Особенно привлекалъ людей прекрасный образъ молодого бога Аполлона. На землѣ много зла, и люди сами не могутъ отъ него избавиться. Аполлонъ спускается на землю, чтобы очистить, освободить людей отъ бѣды. Онъ убиваетъ страшнаго змѣя, въ которомъ собралось зло земное. Онъ учитъ людей благороднымъ мыслямъ. Все, что настраиваетъ человѣка на возвышенныя чувства, принадлежитъ Апол-

лону, особенно искусство, болѣе всего музыка и поэзія. Вдохновеніе, талантъ—даръ Аполлона. Вдохновенный человѣкъ,—а это можетъ быть поэтъ, проповѣдникъ, ученый,—видитъ нерѣдко больше, чѣмъ обыкновенные люди, какъ бы предугадываетъ будущее; Аполлонъ, говорили тогда, самъ вѣщаетъ его устами.

Дельфійскій оракулъ. Греки думали, что есть мѣста на землѣ, гдѣ особенно близокъ къ людямъ Аполлонъ, есть чудодѣйственные источники, которые даютъ таинственную силу. Такимъ мѣстомъ болѣе всего считали горныя ущелья въ срединѣ Греціи у города *Дельфъ*. Тутъ, по преданію, Аполлонъ убилъ змѣя. Среди дикихъ скалъ, гдѣ низвергаются водопадами прозрачные ручьи, послѣ долгой молитвы или во время сна, людямъ казалось, что предъ ними открывается будущее или что они способны принять твердое рѣшеніе, какъ будто внушенное самимъ богомъ.

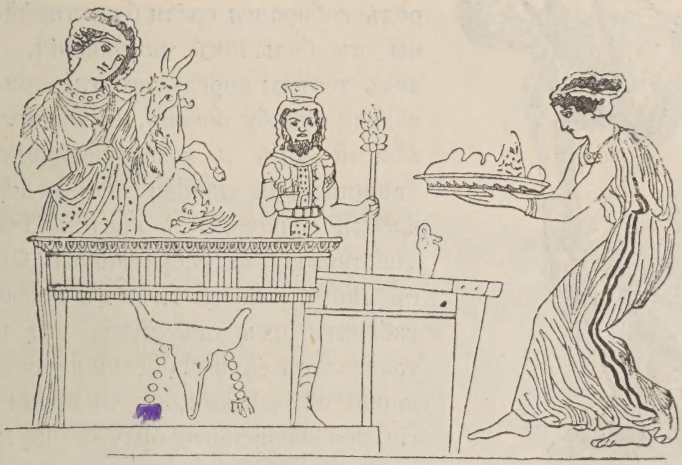
Богъ Аполлонъ-пѣвецъ.

Въ Дельфы постоянно направлялись во множествѣ богомольцы, чтобы очиститься въ молитвахъ, возносимыхъ къ Аполлону, или спросить у бога совѣта, указанія будущаго. Они приносили дары богу. Спрашивали обо всемъ: будетъ ли выгода отъ такого-то новаго занятія, рѣшаться ли на путешествіе, мириться ли со своимъ недругомъ, какъ воспитывать ребенка своего; наконецъ спрашивали отъ имени городского совѣта или народнаго собранія о дѣлахъ, которыя касались цѣлаго города или области. На эти вопросы отвѣчали постоянные служители Аполлона, жрецы его, которые ближе къ нему стояли.

Грубый обычай старины примѣшивался къ этой подачѣ совѣтовъ отъ имени бога-вдохновителя. По старинному понятію, въ несвязной рѣчи безумнаго или юродиваго заключено пророчество. Въ Дельфахъ выбиралась жрица, которую приводили въ состояніе, близкое къ безумству. Когда наступало время прорицанія, она въ сіяющей какъ бы вѣнчальной одеждѣ поднималась на золотой треножникъ, стоявшій надъ горной трещиной, изъ которой выходилъ удушливый газъ. Жрица приходила въ тяжелое забытье и говорила, заикаясь, со стономъ нѣсколько неясныхъ словъ. Стоявшій рядомъ съ нею толкователь связывалъ ихъ въ стихи и передавалъ вопрошателямъ: это считалось отвѣтомъ бога, открывшаго свою волю въ мучительныхъ крикахъ жрицы.

Діонисовы праздники и мистеріи. Вдохновеніе, восторгъ могутъ однако наполнить душу человѣка и помимо этихъ мученій. Среди расцвѣтающей природы или въ хорошій урожай, во время сбора плодовъ и винограда хороводы, пляски, пѣніе точно окрыляютъ человѣка, заставляютъ его забыть о всякомъ горѣ, вселяютъ въ него счастье. Греки вѣрили, что это чудо въ человѣкѣ совершаетъ веселый и благодушный богъ Діонисъ, особый покровитель винодѣлія.

Миѳъ разсказывалъ, что Діонисъ пріѣзжаетъ съ Востока въ торжествѣ, увитый вѣнками и гирляндами, окруженный шумной толпой смѣшныхъ козлоногихъ плясуновъ. Никто не можетъ устоять противъ его смѣха, щедрости и доброты; всѣ пристаютъ къ его веселому поѣзду.



Жертвоприношеніе. Налѣво алтарь, на которомъ горитъ огонь; позади него статуя бога Діониса; жрица собирается зарѣзать козленка. Женщина направо ставитъ на столъ приношеніе, которое пойдетъ жрецамъ.

Въ память этого появленія Діониса въ Аттикѣ справлялся шумный народный праздникъ весною. Въ толпѣ вертѣлись ряженые; слышались задорныя шутки, потѣшались балансированіемъ на надутомъ, натертомъ масломъ мѣхѣ. Болѣе горячіе почитатели Діониса, особенно женщины, возбуждали себя музыкой, быстрой головокружительной пляской и съ громкими криками, распустивъ волосы по вѣтру, носились вереницами по холмамъ и долинамъ; имъ казалось, что онѣ сами присоединяются къ свитѣ Діониса, что душа ихъ паритъ надъ землею.

Недолго жить свѣтлому богу. Его подстерегаютъ злые враги. Зимняя стужа, бурные вѣтры губятъ цвѣты и деревья. Такъ и Діониса одолѣваютъ чудовищные великаны; они растерзываютъ на куски его тѣло. Свѣтлый богъ скрывается въ преисподней. Но Зевсъ снова его воскрешаетъ: онъ опять возвращается, и опять съ нимъ веселится вся земля.

Другой большой праздникъ въ Аттикѣ справлялся въ началѣ осени, ко времени, когда скрываются въ преисподнюю благодѣтельные боги-покровители земного обилія. Боги эти становятся внизу могучими владыками подземнаго міра. Люди, которые страшились тяжкой участи души за гробомъ, искали ихъ помощи и принимали особое посвященіе. Посвященные въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ собирались въ Аѳинахъ, совершали очистительное омовеніе въ морѣ и отправлялись длинной процессіей въ священное мѣсто *Элевзинъ*, гдѣ происходило торжество. Главное богослуженіе, *мистеріи*, совершалось ночью: народъ собирался среди благоговѣйной тишины въ большомъ помѣщеніи, имѣвшемъ видъ театра: передъ его глазами воспроизводили судьбу боговъ, сходящихъ въ подземный міръ и возвращающихся оттуда. Таинственная ночная обстановка, музыка, блескъ священныхъ представленій сильно дѣйствовали на собравшихся. Они уходили съ вѣрою, что за гробомъ подземные боги избавятъ ихъ отъ мукъ, что ихъ ждетъ трапеза съ самими богами на свѣтлой горѣ, покрытой цвѣтами, въ то время какъ другіе, непосвященные, будутъ тонуть въ смрадномъ болотѣ.

Метатель диска (мѣднаго круга).

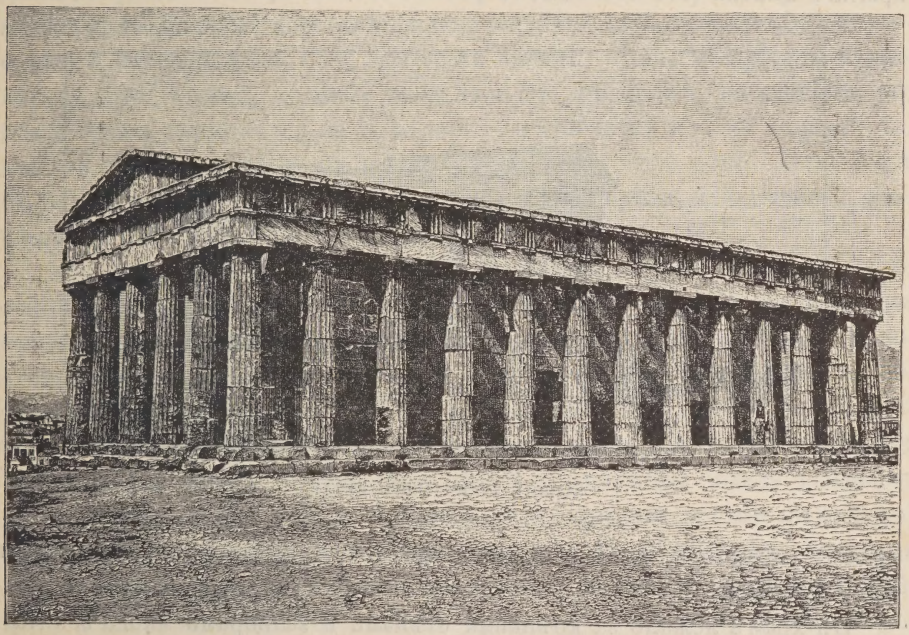
Искусство. Прекрасныхъ, благодѣтельныхъ боговъ своихъ греки старались изобразить. Въ картинѣ, въ статуѣ бога они собирали самыя возвышенныя черты, какія только могли найти между людьми или какія могли представить себѣ. По всей Греціи получили извѣстность художники, которымъ заказывали наперерывъ большія изображенія боговъ въ различныхъ греческихъ городахъ.

Во времена Перикла особенно выдавался аѳинянинъ Фидій. Онъ сработалъ для храма въ Олимпіи огромную статую Зевса. Зевсъ былъ представленъ мощнымъ царемъ на престолѣ. Фидій сдѣлалъ также большую фигуру богини Аѳины для главнаго храма (*Парѳенона*) въ своемъ родномъ городѣ. Обѣ статуи состояли изъ деревяннаго остова; лицо, шея и руки были обиты пластинками изъ слоновой кости, одежда была сдѣлана изъ листового золота; глаза въ статуѣ Аѳины были вставлены изъ самоцвѣтнаго камня. Чаще дѣлались статуи меньшихъ размѣровъ,

изъ бронзы или мрамора; бѣлый камень раскрашивался въ разные цвѣта и покрывался позолотой.

Художнику часто заказывали сдѣлать статую борца или бѣгуна-побѣдителя на играхъ. Гимнасты и участники военныхъ игръ обыкновенно выступали обнаженные. Художники старались представить силу мускуловъ и стройность человѣческаго тѣла, и никто не могъ достигнуть такого искусства въ изображеніи человѣка, какъ греки.

Храмы у грековъ были не такъ крупны, какъ въ Египтѣ и Вавилонѣ. Сначала божій покой былъ небольшой крытой кладовой для того, чтобы хранить дары богомольцевъ или священные предметы бога, его



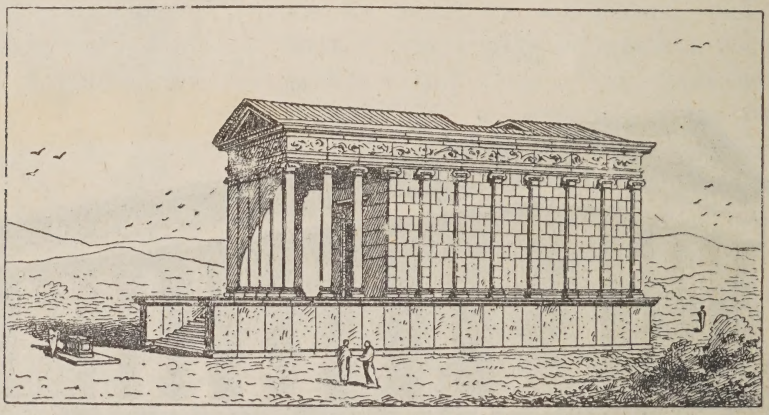
Храмъ дорическаго стиля.

копье и щитъ и т. п. Онъ имѣлъ видъ продолговатаго четырехугольника въ родѣ нашей избы, только съ болѣе отлогой крышей.

Позднѣе зданіе расширили и раздѣлили на двѣ половины. Меньшую темную часть позади оставили для сокровищъ; большую переднюю часть, освѣщенную широкимъ отверстіемъ сверху, отводили для жертвъ и молитвъ; здѣсь ставилось изображеніе бога. Входъ старались сдѣлать красивѣе: вытягивали впередъ навѣсъ крыши и подпирали его каменными столбами. Отъ двухъ наклоновъ крыши и прямой полосы надъ столбами получался трехугольникъ; онъ разукрашивался обыкновенно выпуклой картиной (рельефомъ): представляли бой витязей троянской

войны, двѣнадцать подвиговъ героя Геракла или праздничный ходъ гражданъ и т. п. Иногда навѣсъ вытягивали во всѣ четыре стороны храма и подпирали его кругомъ колоннами. Получалась кругомъ всего храма галлерея, гдѣ можно было укрыться отъ солнца.

Колонны могли быть низкія, грузныя, какъ будто выросшія прямо въ полъ, безъ украшенія наверху: весь храмъ казался тогда тяжеловѣснымъ, суровымъ на видъ: это была старинная стройка (*стиль*, т.-е. обычай, *дорическій*). Позднѣе вкусъ измѣнился: стали приподнимать фундаментъ, вытягивать повыше колонны, дѣлать ихъ болѣе стройными, съ подножіемъ внизу и завиткомъ наверху въ родѣ стружки или раскрытаго цвѣтка (это были стили *іоническій* и *коринѳскій*). Фигуры на



Храмъ іоническаго стиля.

храмѣ, украшенія, навѣсы и колонны раскрашивались яркими и свѣтлыми красками.

Въ храмѣ лежало за крѣпкими стѣнами и затворами много золота и серебра въ вещахъ и слиткахъ. Это были не только сокровища бога, но и разное имущество или денежныя средства людей, отданныя на храненіе. Городскую казну обыкновенно хранили въ храмѣ; напримѣръ, аѳиняне держали свое запасное золото въ главномъ храмѣ богини Аѳины на акрополѣ. Храмъ могъ укрыть и людей, искавшихъ защиты бога; въ священномъ мѣстѣ не должно быть ни кровопролитія, ни насилія. Поэтому храмы считались убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ, и даже преступника нельзя было оторвать отъ алтаря или изображенія бога.

Театръ. Въ храмѣ или на площади люди ставили изображеніе бога, чтобы постоянно видѣть его, чувствовать его близость. Больше того, греки хотѣли представить бога въ живомъ образѣ. Это происходило въ большой весенній праздникъ любимаго народнаго бога Діониса.

Нѣсколько человѣкъ брали на себя главную часть торжества. Они должны были изобразить самого бога и его веселую козлоногую и хвостатую свиту (силеновъ). Діонисъ появлялся въ сіяющемъ одѣяніи на повозкѣ, которой придавали видъ корабля (по миѳу, онъ прибылъ въ Грецію моремъ). Онъ доѣзжалъ, окруженный силенами, до круглой площадки, около которой толпился народъ. Здѣсь силены, въ вывороченныхъ шкурахъ и съ намазанными лицами, плясали и пѣли хоромъ (площадка называлась *орхестра*, т.-е. мѣсто хоровода; отъ нея—названіе нашего оркестра). Діонисъ говорилъ имъ стихотворную рѣчь, въ которой разсказывалъ свою судьбу, страданія и торжество; его свита выражала сочувствіе. Снова начинался хороводъ, а въ это время тотъ, кто изображалъ Діониса, исчезалъ въ поставленной позади палаткѣ (*скене*—сцена) и переодѣвался. Онъ выходилъ потомъ, чтобы изобразить какое-нибудь другое лицо, по миѳу связанное съ Діонисомъ, напримѣръ, его врага, опять поднимался на возвышеніе, на повозку или на широкій каменный помостъ посреди площадки и говорилъ за это новое лицо. Хоръ отвѣчалъ ему другими словами, выраженіемъ гнѣва или печали, если слышалъ рѣчь недруга Діонисова.

Эти незатѣйливыя представленія и были началомъ *театра*, т.-е. зрѣлища. Изображеніе судьбы Діониса называлось также *трагедіей* (что буквально значитъ пѣснь козловъ). Народъ увлекался театромъ, и постоянно открывалась возможность прибавить къ нему что-нибудь новое. Кромѣ миѳа о Діонисѣ, можно было представить въ лицахъ многіе другіе миѳы. Представленія стали чаще. Поэты писали стихотворную рѣчь для главнаго актера, хороводныя пѣсни и разговоры между главнымъ лицомъ театра и его свитой. Богатые люди, которые хотѣли выдвинуться на праздникѣ, угодить народу, тратились на обстановку, покупали для дѣйствующихъ лицъ богатые костюмы, нанимали искусныхъ пѣвцовъ и плясуновъ или готовили къ празднику на выучку цѣлый хоръ.

Трагедія. Особенно много новаго для театра придумалъ поэтъ Эсхилъ, жившій во время греко-персидскихъ войнъ. Въ представленіяхъ стали изображать не только миѳы, но и событія недавняго времени. Эсхилъ, самъ участникъ саламинскаго боя, представилъ въ трагедіи «Персы» бѣгство варваровъ и униженіе «великаго царя».

Для оживленія театра Эсхилъ придумалъ выводить второго актера. Пока изъ сцены выходилъ всего одинъ актеръ, онъ могъ только разсказать словами о томъ, что случилось съ богомъ или героемъ, котораго онъ изображалъ. Двое актеровъ, особенно если они представляли противниковъ, могли воспроизвести само происшествіе, могли представить дѣйствіе (по-гречески *драма*). Чтобы актеры могли свободнѣе двигаться и все-таки быть выше хора, Эсхилъ пересталъ выводить ихъ на

помостѣ или на повозкѣ и снабдилъ ихъ высокими деревянными каблуками или привязными скамеечками. Эсхилъ устроилъ и первую декорацію. Актеры у него должны были играть ближе къ палаткѣ; ея переднюю стѣнку стали раскрашивать, придавая ей, смотря по пьесѣ, видъ алтаря, скалы, передняго фасада дома съ дверью посрединѣ и т. д. Если въ пьесѣ надо было представить и людей, и боговъ, то боги входили на плоскую крышу палатки, чтобы казаться выше людей.

Въ трагедіяхъ Эсхила сюжетъ былъ возвышенный или грустный. Зрители слѣдили съ замираніемъ сердца, какъ богини кровавыхъ при-

Актеры и хоръ трагедіи; актеры приподняты скамеечками на ногахъ и высокими головными уборами; направо на столѣ наградныя вѣнки и вѣтви.

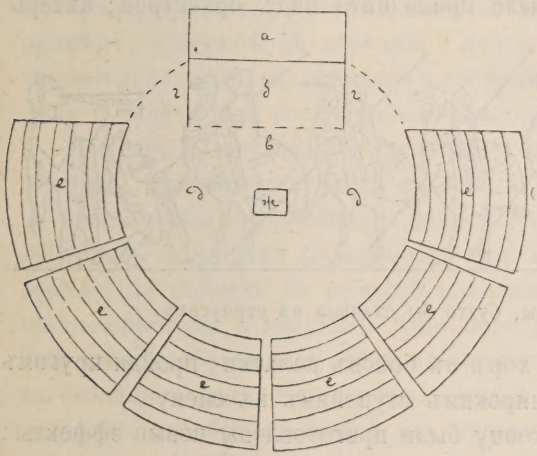
зраковъ преслѣдовали несчастнаго Ореста, убившаго мать за то, что она измѣнически зарѣзала своего мужа Агамемнона, отца Орестова, когда онъ вернулся домой послѣ взятія Трои. Они глубоко волновались, глядя на прикованнаго къ скалѣ героя Прометея, благороднаго друга людей, наказаннаго Зевсомъ за то, что онъ похитилъ для людей огонь съ неба, научилъ ихъ труду и поднялъ надъ грубой жизнью животныхъ.

Въ театральныхъ представленіяхъ принимали участіе множество гражданъ. Играли на сценѣ вовсе не актеры по ремеслу, а любители, постоянно смѣнявшіеся. Еще болѣе смѣны нужно было для исполненія хоровъ и танцевъ. Пьеса давалась обыкновенно только одинъ разъ. Публика требовала къ каждому большому празднику новыя четыре драмы: три трагедіи и одну пьесу насмѣшливаго содержанія въ заключеніе. Аѳинскіе поэты были поэтому очень плодовиты. Современникъ Перикла, Софоклъ, написалъ болѣе 120 пьесъ. Между немногими, дошедшими до насъ, есть три трагедіи, связанныя между собою по содержанію. Онѣ изображаютъ страданія царя Эдипа и несчастія его дѣтей.

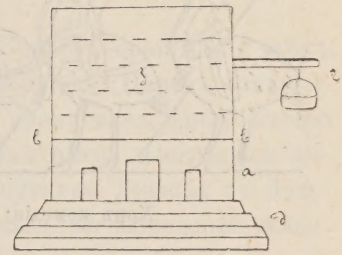
Царскій сынъ Эдипъ, по мнѣнію его родителей погибшій, убиваетъ въ случайной ссорѣ отца своего, котораго онъ вовсе не зналъ. Онъ пра-

вить потомъ долго и счастливо, пока не наступаетъ среди народа тяжелый моръ. Тогда предсказатель объявляетъ, что это—наказаніе за великій грѣхъ царя. Эдипъ въ ужасѣ отъ того, что узналъ, отрекается отъ власти и выкалываетъ себѣ глаза, но бѣда преслѣдуетъ его домъ: два его сына убиваютъ другъ друга въ спорѣ за власть; его дочь погибаетъ потому, что хотѣла похоронить убитаго брата-изгнанника. На всѣхъ этихъ людяхъ нѣтъ вины; они ищутъ лучшаго пути въ своихъ дѣйствіяхъ; гибнутъ они потому, что уже заранѣе рѣшено и предсказано ихъ осужденіе. Мысль этой драмы та, что человѣкъ, какъ бы ни строилъ онъ жизнь свою, сколько бы ни было въ немъ высокихъ порывовъ, все же безсиленъ противъ судьбы.

Въ драмахъ Софокла дѣйствіе разнообразилось живыми картинами. Въ его пьесѣ «Аяксъ» представленъ герой троянской войны, впавшій



Планъ греческаго театра: а—старинная палатка актеровъ, б—новая сцена, в—занавѣсъ, г—кулисы, д—орхестра, е—сидѣнія зрителей уступами, раздѣленныя проходами, ж—старый жертвенный помостъ въ серединѣ орхестры.



Планъ сцены спереди: а—лицевая декорація (передняя стѣна палатки) съ тремя выходами, б—задняя стѣна палатки, вытянутая вверхъ, и канаты для подъемной машины; в—крыша палатки, г—корзина для летящихъ фигуръ, д—ступени, по которымъ хоръ поднимается на сцену.

въ дикое безумство, когда доспѣхи убитаго Ахилла присудили не ему, а Одиссею; жена Аякса сообщаетъ хору его товарищей, что Аяксъ въ бѣшенствѣ и ослѣпленіи перебилъ стадо барановъ, принявъ ихъ за Одиссея и его воиновъ; во время этихъ словъ широко распахиваются двери сценической палатки: изъ нихъ выѣзжаетъ на колесахъ помостъ, и на немъ несчастный, потерявшійся Аяксъ среди фигуръ перебитыхъ имъ животныхъ; черезъ нѣсколько минутъ эту подвижную сцену укатываютъ назадъ, и дѣйствіе продолжается.

Во время Пелопоннесской войны между драматическими писателями выдавался Эврипидъ. Онъ выбиралъ по обыкновенію содержаніе изъ миѳовъ, но подъ видомъ героевъ изображалъ современныхъ ему людей. Въ драмахъ Эврипида несчастія и гибель человѣка представлены, какъ слѣдствія его характера и ошибокъ, которыя онъ совершилъ. Въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ поднимаются разные вопросы: сила или правда торжествуютъ на свѣтѣ, можно ли вѣрить въ боговъ и др. Эти бесѣды напоминаютъ иногда споры и доказательства въ аѳинскомъ судѣ.

Эврипидъ придумалъ много новаго для театра. У него пьеса обыкновенно начиналась съ большой живой картины. Чтобы не готовить ея на глазахъ у зрителей и не портить впечатлѣнія, стали спереди сцены, между вытянутыми боковыми ея стѣнками, устраивать занавѣсъ: такъ получилось четырехугольное мѣсто между задней декораціей, боковыми стѣнками (кулисами) и занавѣсомъ. Это мѣсто, которое и стали называть съ тѣхъ поръ сценой, было приподнято надъ орхестрой; актеры

Хоръ комедіи; фигуры, будто бы сидящія на страусахъ.

выходили изъ задней двери, а хоръ съ боковъ палатки; пройдя кругомъ орхестры, хоръ входилъ по широкимъ ступенямъ на сцену.

Въ пьесахъ Эврипида къ концу были приготовлены новые эффекты: герой взлетаетъ на воздухъ на крылатомъ конѣ; волшебницу увозятъ въ облака драконы и т. д. Зрители привыкли подъ конецъ дѣйствія смотрѣть наверхъ. Развязку приносилъ обыкновенно богъ или просвѣтленный герой, появлявшійся съ небесъ. Для этого придумана была особая машина (наше слово машина происходитъ отъ греческаго *механе́*, что значитъ подъемъ для полета): кулисы были вытянуты вверхъ значительно выше палатки; между этими крылами протягивались канаты, по которымъ можно было двигать корзину, гдѣ сидѣли актеры, изображавшіе боговъ на воздухѣ; позади канатовъ широкую стѣну раскрашивали голубымъ цвѣтомъ неба; или къ столбамъ на краяхъ придѣланы были крюки, которые держали корзину съ актерами и поворачивались къ серединѣ.

Представленія отличались отъ нашихъ тѣмъ, что актеры покрывали лицо маской, мѣнявшейся смотря по характеру изображаемой фигуры.

Женскія роли исполнялись мужчинами. Греческая трагедія была отчасти похожа на нашу оперу: хоръ исполнялъ нѣсколько пѣсенъ; дѣйствующія лица, помимо обыкновеннаго разговора, еще мѣрно читали нараспѣвъ стихи.

Въ греческомъ театрѣ только сцена была крытая. Зрители толпились или разсаживались кругомъ открытой орхестры. Чтобы дать имъ побольше мѣста, вокругъ орхестры строили каменные уступы, поднимавшіеся кверху все болѣе широкими кругами. Внизу, ближе къ сценѣ, помѣщали главныхъ лицъ въ городѣ, начальниковъ, членовъ совѣта и почетныхъ гостей изъ другихъ городовъ.

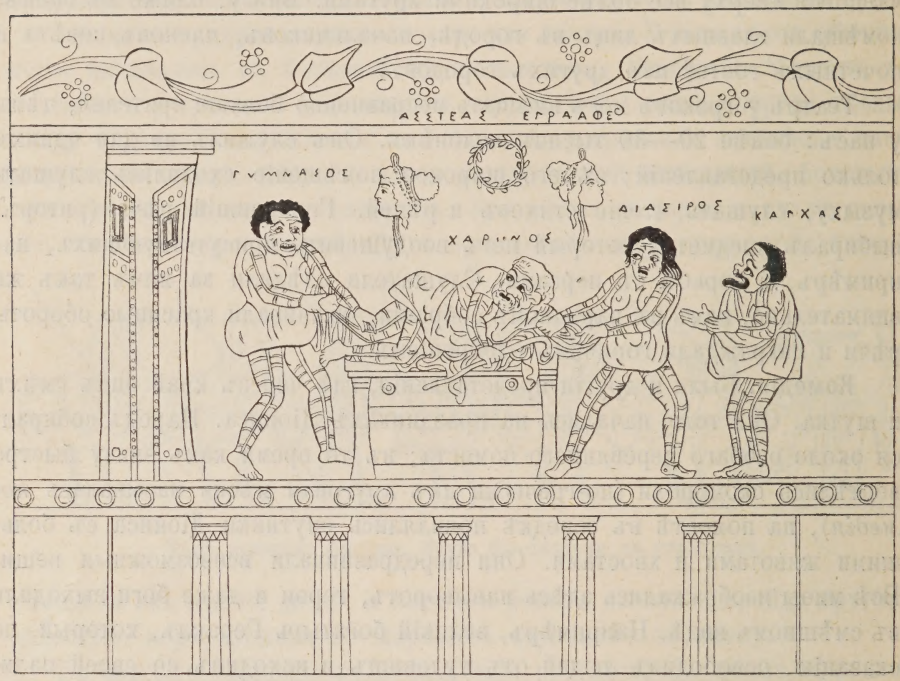
Театръ у грековъ могъ вмѣщать несравненно больше зрителей, чѣмъ у насъ: болѣе 20—30 тысячъ человѣкъ. Онъ служилъ не для однихъ только представленій; въ его широкое помѣщеніе сходились слушать музыку, слушать чтеніе стиховъ и рѣчей. Говорившій рѣчь (риторъ) выбиралъ предметъ, который могъ воодушевить присутствующихъ, напримѣръ, о борьбѣ съ персами. Слушатели слѣдили за нимъ такъ же внимательно, какъ въ народномъ собраніи, оцѣнивали красивые обороты рѣчи и награждали горячимъ одобреніемъ.

Комедія. Были и другія представленія, гдѣ черезъ край билъ смѣхъ и шутка. Они тоже начались на праздникахъ Діониса. Народъ собирался около особаго деревяннаго помоста; въ то время какъ внизу быстро вертѣлись скоморохи (по-гречески ихъ круговая пѣснь называлась *комедія*), на помостѣ въ серединѣ появлялись спутники Діониса съ большими животами и хвостами. Они передразнивали всевозможныя вещи. Всѣ миѳы изображались здѣсь навыворотъ, герои и даже боги выходили въ смѣшномъ видѣ. Напримѣръ, великій богатырь Гераклъ, который, по сказанію, освободилъ людей отъ чудовищъ и исходилъ со своей палицей всю землю, представлялся въ комедіи въ видѣ огромнаго соннаго обжоры и болтуна. На помостѣ комедіи появлялись разныя карикатуры на хвастовство, жадность, недогадливость и т. д. Актеры вставляли намеки на недавнія событія, высмѣивали людей, которыхъ зналъ весь городъ.

Трагедія началась въ Аѳинахъ. Комедія была прежде въ ходу въ Сиракузахъ и въ Пелопоннесѣ; она игралась перехожими актерами на манеръ нашего Петрушки, въ которомъ прежде вмѣсто куколъ были живыя фигуры. Во времена Перикла комедія появилась въ Аѳинахъ.

Великимъ мастеромъ писать комическія пьесы былъ аѳинянинъ Аристофанъ. Онъ былъ неистощимъ на шутовскія картины. Когда Алкивіадъ и другіе вожди старались увлечь аѳинскій народъ разными планами новыхъ завоеваній и пріобрѣтеній за моремъ, Аристофанъ осмѣялъ жадныхъ искателей и изобразилъ, какъ два аѳинскихъ болтуна и мечтателя основываютъ совсѣмъ по душѣ себѣ безпечальное царство

птицъ между небомъ и землею. Или Аристофанъ нападалъ на аѳинскихъ гражданъ за ихъ страсть слушать въ судѣ безконечныя тяжбы и представлялъ, какъ сынъ рѣшаетъ не пускать въ судебное засѣданіе старика-отца, запираетъ его дома и гонитъ его товарищей-судей, являющихся въ видѣ злыхъ осъ съ острыми жалами; для развлеченія старику позволяется устроить судъ надъ двумя собаками. То Аристофанъ выводилъ модныхъ учителей (Сократа въ комедіи «Облака»), которые берутся



Сцена изъ комедіи; два вора стаскиваютъ скупого съ его сундука; рабъ плохо помогаетъ хозяину.

обучить своихъ молодыхъ и взрослыхъ слушателей всей наукѣ и пріучаютъ ихъ только дерзко спорить и беззастѣнчиво доказывать, что угодно. То осмѣивалъ слишкомъ самоувѣреннаго демагога (Клеона) или, наконецъ, представлялъ весь народъ аѳинскій подъ видомъ старичка, выжившаго изъ ума, котораго водятъ за носъ льстивые говоруны. Аристофанъ часто бралъ черезъ край: нападая на новыхъ учителей, онъ осмѣялъ самый интересъ къ наукѣ и открытія ученыхъ. Но никто въ Аѳинахъ и не думалъ стѣснять писателей и актеровъ комедій. Они могли представлять и высмѣивать не только совѣтниковъ и вождей народныхъ. Самъ верховный господинъ въ Аѳинахъ, народъ, позволялъ надъ собою смѣяться.

Обученіе. Въ большомъ городѣ, какъ Аѳины, можно было многому научиться. Въ народномъ собраніи и судѣ постоянно разсматривали разнообразныя дѣла, въ рѣчахъ граждане сравнивали свои и чужіе порядки, вспоминая о старинѣ, разбирали тонко поступки, мысли и чувства людей. На видныхъ мѣстахъ въ городѣ красовались стройныя зданія и статуи, сработанныя художниками, и глазъ отвыкалъ отъ всего грубаго, несоразмѣрнаго, нескладнаго, пріучался къ изящному. Въ театрѣ выступала вся народная мудрость: представляли старину въ миѳахъ и новѣйшія событія; дѣйствующія лица на сценѣ разбирали, какая должна быть правда на землѣ, живутъ ли люди разсудкомъ или чувствами и т. д. Много мыслей возбуждали эти зрѣлища у посѣтителей, и много разговоровъ потомъ поднималось по ихъ поводу. Благодаря всему этому, и простолюдинъ могъ развить свой умъ, наблюдательность. Периклъ былъ правъ, когда сказалъ однажды въ своей рѣчи въ народномъ собраніи, что Аѳины—школа для всей Греціи.

Греческая школа. Налѣво урокъ музыки, направо—поэзіи: учитель развернулъ книгу, по которой читаетъ ученикъ; на стѣнѣ развѣшаны учебные предметы; позади ученика сидитъ педагогъ (т-е. рабъ—провожатый).

Но слова Перикла заключали въ себѣ только хорошее сравненіе. Онъ говорилъ въ томъ смыслѣ, какъ мы выражаемся, что жизнь есть лучшая школа. Настоящихъ же школъ, учебныхъ заведеній для подрастающихъ, въ Аѳинахъ и вообще въ Греціи было мало, и эти школы были плохи. Притомъ въ нихъ могли учиться только дѣти состоятельныхъ родителей, потому что плата была высока.

Вслѣдъ за обученіемъ грамотѣ преподавали три предмета: словесность, музыку и гимнастику. Обученіе словесности состояло въ томъ, что учитель читалъ вслухъ отрывки изъ Гомера или лучшихъ писа-

телей, повторяя фразы по нѣскольку разъ въ родѣ диктанта; ученики однако не писали, а повторяли вслѣдъ за нимъ отрывокъ по частямъ до тѣхъ поръ, пока не вытверживали всего урока. Цѣль состояла въ томъ, чтобы они знали много стиховъ и красивыхъ рѣчей наизусть и могли хорошо декламировать.

Ученые и софисты. Этого обученія было мало для любознательнаго человѣка. Между тѣмъ кругозоръ грековъ очень расширился, благодаря ихъ дальнимъ предпріятіямъ и сношеніямъ.

Геродотъ, родомъ изъ малоазійскаго города Галикарнаса, современникъ Перикла, побывалъ не только во всѣхъ почти греческихъ колоніяхъ, но и въ Скиѳіи, въ Египтѣ и въ персидскомъ государствѣ до Вавилона. Онъ составилъ подробное описаніе странъ и народовъ, которые видѣлъ. Это описаніе оканчивается разсказомъ о великой борьбѣ грековъ съ персами. Геродотъ назвалъ свое большое сочиненіе *исторіей* (что значитъ изслѣдованіе). Въ сочиненіи Геродота много народныхъ сказаній, и онъ кажется какъ будто продолжателемъ Гомера въ прозѣ. Но онъ не ограничивается разсказомъ и старается объяснить причины событій, найти въ человѣческихъ дѣлахъ общую связь и смыслъ. Войны грековъ съ персами, по его мнѣнію,—лишь продолженіе вѣковой борьбы между Европой и Азіей, которая идетъ отъ начала временъ. Въ судьбѣ людей много чудесныхъ явленій; неожиданно могутъ смѣняться счастіе и гибель; эти перемѣны происходятъ отъ вмѣшательства боговъ, которые наказываютъ высокомѣріе сильныхъ: такъ они покарали гордыню персидскаго царя, напавшаго на грековъ. Геродотъ думаетъ также, что событія всегда оправдываютъ предсказанія оракула. Геродотъ долго жилъ въ Аѳинахъ и былъ большой почитатель Аѳинъ; онъ горячо стоялъ за равноправіе; примѣръ Аѳинъ показалъ, по его мнѣнію, что народъ свободный гораздо сильнѣе, чѣмъ подчиненный тиранну.

Лѣтъ двадцать спустя послѣ Геродота аѳинянинъ Ѳукидидъ (не имѣетъ ничего общаго съ противникомъ Перикла), подробно изложилъ событія Пелопоннесской войны, въ которой онъ самъ принималъ участіе. Ѳукидидъ близко зналъ Перикла; въ своемъ сочиненіи онъ приводитъ двѣ рѣчи Перикла, чтобы показать, какъ великъ былъ умъ и талантъ правителя Аѳинъ. У Ѳукидида совершенно иные взгляды на ходъ человѣческихъ дѣлъ, чѣмъ у Геродота. Онъ нигдѣ не упоминаетъ о вмѣшательствѣ боговъ; онъ старается отыскать всякому явленію естественную причину, которая лежитъ въ свойствахъ людей и въ обстоятельствахъ дѣла. Ѳукидидъ не хотѣлъ допускать въ исторію сказаній и поэтическаго вымысла. Исторія—не собраніе сказокъ, главная цѣль историка—найти истину. Поэтому Ѳукидидъ или сообщаетъ то, чему самъ былъ свидѣтелемъ, или если приводитъ чужія извѣстія, то не

иначе, какъ послѣ строгой провѣрки. Изложить правду о прошломъ онъ считалъ важнымъ потому, что въ будущемъ могутъ повториться событія, похожія на тѣ, которыя уже переживались людьми.

Впереди другихъ въ наукѣ были іонійскіе греки, жившіе близко къ образованнымъ народамъ Востока. Къ нимъ перешли свѣдѣнія вавилонянъ о небесныхъ явленіяхъ, но они пошли дальше въ своихъ наблюденіяхъ и сужденіяхъ о мірѣ. Много думали греки надъ существомъ самого человѣка: они разсуждали о томъ, какъ развивается человѣческій умъ, какъ появляются у человѣка понятія о добрѣ и злѣ; разсуждали о томъ, чѣмъ держится порядокъ въ обществѣ: страхомъ ли людей передъ наказаніемъ за проступки, или врожденнымъ человѣку чувствомъ правды. Греки называли людей, которые думали объ этихъ вопросахъ и старались понять, какъ устроенъ міръ и человѣческая жизнь, *философами*. Мы теперь называемъ такихъ людей учеными.

Около ученаго собирались поучиться не только юноши, но и взрослые люди. Философъ могъ сдѣлать изъ своего обученія ремесло: слушатели платили ему взносы и приносили подарки. Такимъ же преподавателемъ по ремеслу могъ стать *риторъ*, т.-е. мастеръ краснорѣчія: въ большомъ городѣ, въ родѣ Аѳинъ, многіе желали научиться говорить въ народномъ собраніи и судѣ. Съ искусствомъ рѣчи преподавалось также искусство спора, умѣнье доказывать свою мысль и опровергать чужую. Ученаго преподавателя, по-нашему профессора или лектора, въ Греціи называли обыкновенно *софистомъ*.

Софисты, которые пріобрѣли славу, нерѣдко переѣзжали изъ одного города въ другой, гостили въ каждомъ по нѣсколько мѣсяцевъ, излагали свою ученость въ лекціяхъ и бесѣдахъ и направлялись дальше. Пріѣздъ софиста Протагора вызвалъ въ Аѳинахъ сильное волненіе. Онъ остановился въ домѣ богатаго Каллія. Раннимъ утромъ вѣсть объ этомъ облетѣла городъ. Цѣлый день стучались въ двери дома Каллія люди всякаго возраста, добиваясь послушать знаменитаго преподавателя. Въ прохладной галлереѣ, выходившей на внутренній дворъ, Протагоръ прогуливался въ сопровожденіи слушателей и излагалъ предметъ; потомъ онъ садился и отвѣчалъ на задаваемые ему вопросы.

Сократъ. Самымъ извѣстнымъ софистомъ былъ аѳинянинъ Сократъ, которому въ началѣ Пелопоннесской войны было около 40 лѣтъ. У Сократа были постоянные слушатели среди аѳинянъ и были чужіе: одинъ приходилъ за цѣлый день пути въ Аѳины, а когда Аѳины объявили войну его родному городу, онъ одѣвался въ женскій костюмъ и все-таки проникалъ въ Аѳины къ Сократу. Но помимо того Сократъ любилъ случайныя бесѣды: онъ заходилъ въ какую-нибудь лавочку и поднималъ разговоръ съ ея владѣльцемъ и посѣтителями. Сократъ умѣлъ заинте-

ресовать собесѣдника; онъ говорилъ просто о трудныхъ вещахъ и умѣлъ искусно доводить своего противника въ спорѣ до сознанія въ ошибкѣ. Въ Аѳинахъ всѣ знали невысокаго человѣка, съ большой лысой головой, некрасиваго, съ живымъ взглядомъ и мѣткой рѣчью. Его главная цѣль была въ томъ, чтобы научить своихъ слушателей не брать на вѣру никакого мнѣнія, все провѣрять, все разбирать разсудкомъ.

Софисты провѣряли старыя понятія о богахъ. Многое въ старинной вѣрѣ не удовлетворяло ихъ. Иной изъ софистовъ рѣзко говорилъ, что миѳы—выдумки предковъ безъ всякой цѣны. Многіе находили, что о богахъ ничего нельзя сказать вѣрнаго; неизвѣстно даже, существуютъ они или нѣтъ: дѣло темно, а человѣческая жизнь слишкомъ коротка, чтобы добраться до истины. Другіе старались составить себѣ болѣе возвышенное понятіе о божествѣ и выражались такъ: «одинъ богъ поднимается надъ всѣми богами и людьми, онъ не похожъ на смертныхъ ни внѣшнимъ видомъ, ни духомъ своимъ».

Нерѣдко было очень опасно говорить подобныя вещи. Люди неразвитые думали, что такія слова оскорбляютъ ближнихъ боговъ-покровителей города; боги могутъ прогнѣваться за то, что ихъ забываютъ, и погубить весь городъ. Если случалось несчастіе, и народъ впадалъ въ сильный страхъ или раздраженіе, всегда находились люди, которые извлекали выгоду изъ предразсудка; они обращали вниманіе народа на тѣхъ, кто училъ о богахъ по-новому, и обвиняли кого-либо изъ философовъ въ безбожіи. Когда начались бѣдствія Пелопоннесской войны, изъ Аѳинъ изгнали Протагора; сочиненія его были сожжены на площади.

По окончаніи Пелопоннесской войны, когда Аѳины потеряли всю свою силу, а народъ въ отчаяніи искалъ виновниковъ бѣды, разразившейся надъ городомъ, привлекли на судъ 70-лѣтняго Сократа. Всѣ помнили, что среди его учениковъ были Алкивіадъ и Критій, люди, которые принесли много вреда Аѳинамъ. Но на судѣ Сократа обвинили за его ученіе о божествѣ. Сократъ былъ увѣренъ, что человѣку врождено чувство правды; въ глубинѣ души каждаго начертанъ «неписанный законъ»; этотъ законъ въ насъ вложила высшая Сила, и онъ указываетъ намъ, что хорошо, что дурно, что нужно, что не нужно дѣлать. Человѣкъ долженъ внимательно къ нему прислушиваться. Точно божокъ какой-то сидитъ въ насъ, говорилъ Сократъ; божокъ этотъ безошибочно наставляетъ, какъ намъ поступать и жить. Вотъ эти рѣчи Сократа о «божкѣ» правды и поставили ему въ вину: онъ вводитъ новыхъ боговъ, говорили обвинители.

Простые аѳинскіе граждане могли хорошо разбирать разныя тяжбы; они привыкли также толково разсуждать о городскихъ дѣлахъ и о союзникахъ. Но имъ не подъ силу было судить о наукѣ или о новой

вѣрѣ. Для нихъ были страшны слова: «затронулъ старую вѣру», «пренебрегаетъ богами, которыхъ чтитъ весь городъ». Притомъ Сократъ не старался оправдаться на судѣ. Онъ, по обыкновенію, рѣзко и упрямо выражалъ свое мнѣніе, что его надо не судить, а выдѣлить наградой среди гражданъ за то, что онъ многихъ людей сдѣлалъ лучше. Раздраженные такой рѣчью, судьи осудили Сократа большинствомъ голосовъ на смерть. Сократъ спокойно выпилъ назначенный ему ядовитый напитокъ (399 г.).

VI.

Греки на востокѣ. 400—100 гг. до Р. Х.

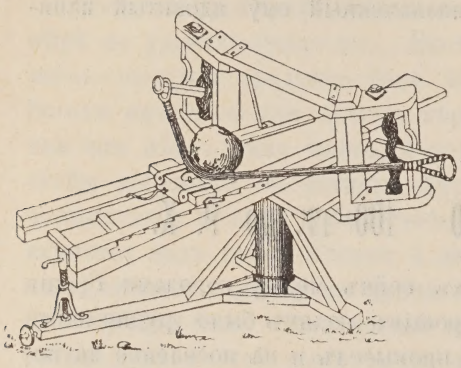
Наемники. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ между городами Греція разорилась. Многимъ сильнымъ и здоровымъ людямъ было трудно найти дома заработокъ, и они уѣзжали въ промыселъ и на поселенье на востокъ, въ Египетъ, Сирію, къ Евфрату. Покидавшіе родину часто поступали на службу къ персидскимъ намѣстникамъ, къ владѣтельнымъ князьямъ Малой Азіи и Египта и къ самому великому царю. Въ Греціи можно было теперь легко навербовать солдатъ, которые готовы были служить всякому, кто только хорошо заплатитъ: нанимались также офицеры и командиры. Были прославившіеся командиры, подъ начало которыхъ особенно охотно собирались солдаты съ разныхъ концовъ Греціи.

Наемные вожди обратили военное дѣло въ особое искусство. Они быстро двигались со своими отрядами и быстро перемѣщали ихъ въ битвѣ; для этого введено было другое вооруженіе: съ воиновъ сняли тяжелыя латы и наножники и дали имъ въ руки болѣе длинныя копья и мечи. Наемники устраивали засады, ставили войска клиномъ, чтобы врѣзываться въ середину враговъ, придумали употреблять крупныя метательныя орудія, подводить къ крѣпостямъ осадныя башни и т. д.

Легковооруженный воинъ времени наемниковъ.

Десять тысячъ грековъ на востокѣ около 400 г. Греческіе наемники показали путь въ глубину персидскаго государства. Вскорѣ послѣ паденія Аѳинъ персидскій принцъ Киръ, бывшій намѣстникомъ Малой Азіи, задумалъ свергнуть своего старшаго брата Артаксеркса. Онъ нанялъ отрядъ грековъ подъ начальствомъ спартанскихъ офицеровъ и

повелъ его вмѣстѣ со своими азіатскими силами. Въ рѣшительной битвѣ съ царскими полками подъ Вавилономъ, Киръ погибъ, но нанятые имъ греки отбили всѣ нападенія многочисленнаго противника. Царскіе начальники пошли на переговоры съ ними; главные командиры грековъ довѣрились персамъ и были измѣнически захвачены. Греческіе солдаты однако не потерялись; они сошлись всѣ на собраніе такъ же, какъ привыкли обсуждать дѣла на родинѣ, выслушали разныя мнѣнія и выбрали себѣ новыхъ начальниковъ. Одинъ изъ выбранныхъ былъ аѳинянинъ Ксенофонтъ, ученикъ Сократа; онъ и сохранилъ подробный разсказъ о походѣ. Греки двинулись домой; они шли 8 мѣсяцевъ на протяженіи около 1,200 верстъ, не имѣя картъ страны, частью по пустыннымъ мѣстностямъ, среди враждебнаго имъ населенія, преслѣдуемые персидскими войсками. Съ небольшими только потерями добрались они до Чернаго моря, гдѣ сѣли на корабли.



Греческая катапульта, метавшая большіе камни и ядра.

Военная монархія въ Сициліи. Тамъ, гдѣ приходилось всю защиту довѣрять большимъ наемнымъ отрядамъ, ихъ начальникъ могъ захватить верховную власть надъ цѣлой страной. Къ концу Пелопоннесской войны карѳагеняне завоевали большую часть острова Сициліи; они угрожали послѣднему оплоту грековъ, Сиракузамъ. Двадцатипятилѣтній командиръ Діонисій потребовалъ у сиракузскаго народнаго собранія передачи ему неограниченной власти для веденія войны. Онъ оттѣснилъ карѳагенянъ на западный уголъ острова, укрѣпилъ Сиракузы громадной несокрушимой стѣной и сдѣлалъ этотъ городъ столицей большой державы, захватившей кромѣ Сициліи южную Италію, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ демократію, закрылъ народныя собранія и запретилъ свободу слова. Новый тиранъ выстроилъ себѣ укрѣпленный дворецъ на островкѣ среди сиракузской гавани, засѣлъ тамъ со своей гвардіей и слѣдилъ при помощи многочисленныхъ шпіоновъ за настроеніемъ народа; людей, казавшихся опасными, онъ казнилъ или отправлялъ на пожизненную каторгу въ каменоломни. Діонисій держался (съ 405 г.) около 40 лѣтъ, опираясь на своихъ наемниковъ, частью набранныхъ изъ полудикихъ жителей Италіи; въ награду за службу онъ раздавалъ имъ земли, отнятыя у тѣхъ владѣльцевъ, которые сопротивлялись его власти.

Греція послѣ большой междоусобной войны 400—360 гг. Во время Пелопоннесской войны спартанцы увѣряли, что сражаются за освобо-

жденіе грековъ отъ аѳинской неволи. Но послѣ войны оказалось, что спартанцамъ было мало заботы о свободѣ другихъ грековъ. Они поставили по городамъ, отнятымъ у аѳинянъ, своихъ намѣстниковъ, которые вездѣ замѣняли демократію правленіемъ немногихъ богатыхъ людей. Спартанцы одолѣли въ междоусобной войнѣ при помощи персидскаго золота. Съ этой поры безъ участія персовъ и безъ ихъ денегъ не обходились споры и войны между греками.

Когда въ Аѳинахъ удалось опрокинуть правленіе 30 тирановъ и возстановить демократію, аѳиняне въ свою очередь стали искать помощи персовъ. Аѳинскій адмиралъ Кононъ, успѣвшій убѣжать отъ разгрома флота Лизандромъ, поступилъ на службу къ персидскому царю, во главѣ персидскаго флота разбилъ спартанцевъ и подъѣхалъ къ родному городу. На персидскія деньги аѳиняне начали снова строить длинныя стѣны и укрѣпленія Пирея. Но прежней силы Аѳины далеко не могли достигнуть. Іонійскіе города и вообще весь берегъ Малой Азіи персы опять захватили, какъ во времена царя Дарія.

Греки до такой степени ослабили другъ друга, что «великій царь» прямо вмѣшался въ дѣла Греціи: онъ предписалъ грекамъ миръ (въ 387 г.) и поставилъ условіемъ, чтобы между греческими городами не составлялось никакихъ союзовъ и, слѣдовательно, ни одинъ изъ нихъ не могъ вновь усилиться; спартанцы взяли на себя обязанность слѣдить, чтобы не поднялась гдѣ-либо опять такая же подвижная и дѣятельная демократія, какъ въ Аѳинахъ.

Восемь лѣтъ спустя однако сторонники демократіи въ Ѳивахъ сдѣлали попытку возмущенія. Они изгнали изъ своего города спартанскій гарнизонъ. Ѳиванскій стратегъ Эпаминондъ разбилъ непобѣдимыхъ до того времени спартанскихъ латниковъ и прошелъ въ Пелопоннесъ, призывая къ освобожденію отъ Спарты всѣ греческіе города. Ѳиванская демократія не поладила однако съ аѳинской, такъ какъ ѳиванцы задумали вытѣснить аѳинянъ на морѣ. Обѣ стороны, чтобы ослабить другъ друга, обращались къ денежной поддержкѣ персовъ. Вслѣдствіе этихъ раздоровъ Греція осталась при раздробленіи, которое было такъ выгодно для персовъ.

Противники демократіи. Платонъ. Во времена Перикла, когда демократія имѣла успѣхъ, ее хвалили какъ наилучшій порядокъ: горячо стояли за правленіе народа поэты Эсхилъ и Эврипидъ, ученые Геродотъ и Протагоръ. Теперь, когда на демократію обрушились несчастія, отовсюду посыпались на нее и обвиненія, даже со стороны многихъ аѳинянъ. Еще во время Пелопоннесской войны Сократъ осмѣивалъ правленіе народа, которое приводитъ, по его словамъ, къ тому, что дѣлами управляютъ первые попавшіеся, быстро смѣняющіеся люди; по его

мнѣнію, было бы нужно, чтобы правили люди особаго призванія, обученные своему дѣлу такъ же, какъ обучаются своему искусству ремесленники, художники, моряки и ученые.

Одинъ изъ учениковъ Сократа, Ксенофонтъ, покинулъ Аѳины и ушелъ въ Спарту: спартанская аристократія казалась ему болѣе правильнымъ порядкомъ. Другой ученикъ Сократа, Платонъ, правда, остался въ Аѳинахъ и собралъ около себя послѣдователей; но въ то же время сурово осуждалъ демократію и ея вождей. Народъ, по его мнѣнію, невѣжественъ, капризенъ и падокъ до зрѣлищъ: рѣчи на судѣ и въ народномъ собраніи увлекаютъ его, какъ представленія въ большомъ театрѣ. Негодна демократія еще и потому, что она даетъ каждому отдѣльному человѣку свободу дѣйствій; сильный продолжаетъ давить слабаго; люди слишкомъ привыкли дѣйствовать врозь и мало жертвуютъ своимъ личнымъ интересомъ для общаго дѣла. Поэтому Платонъ въ сочиненіи «О государствѣ» предлагаетъ другой порядокъ. Равноправіе не годится. Нужно каждому въ государствѣ указать его настоящее мѣсто. Люди сами собой по натурѣ своей дѣлятся на рабочихъ и на воиновъ; первые способны работать, но не имѣютъ ни разсудка, ни воли; только вторые обладаютъ качествами, которыя нужны для гражданъ: мужествомъ, пониманіемъ общаго блага. На работу первыхъ должно содержать воиновъ, они одни будутъ настоящими гражданами. Они будутъ жить вмѣстѣ, должны отречься отъ узкихъ интересовъ семьи и вовсе не имѣть ничего въ собственномъ владѣніи; дѣти ихъ будутъ воспитываться безъ сношенія съ родителями въ большихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Воины служатъ только общему дѣлу. Между ними слѣдуетъ выдѣлить еще философовъ, людей особаго таланта и глубокаго познанія; они должны править новой общиной.

По мнѣнію Платона, въ разстройствѣ греческихъ городовъ виноваты также тѣ изъ софистовъ, которые отвергали народныя понятія о богахъ и не давали взамѣнъ новой опоры для вѣры. Платонъ отличаетъ отъ нихъ Сократа, вѣрившаго въ божество; онъ написалъ горячую защиту Сократа, въ которой изобразилъ его святымъ человѣкомъ. Платонъ училъ самъ, что земной міръ, окружающій человѣка,—всего только слабый и плохой снимокъ съ прекраснаго и великаго небеснаго міра. На землѣ есть однако частицы, занесенныя изъ свѣтлой надзвѣздной области: это—души людей. Тѣлесная оболочка человѣка—тюрьма, въ которую заключена душа. Люди похожи на узниковъ, скованныхъ и запертыхъ въ пещерѣ, куда едва проникаетъ свѣтъ; они не знаютъ, гдѣ ихъ истинная родина; лишь слабое чаяніе души напоминаетъ имъ объ этомъ. Души большинства людей глохнутъ въ ничтожныхъ интересахъ и низменныхъ понятіяхъ: они погибли для вѣчной жизни; тѣмъ

немногимъ, кто не успокаивается на ходячей мудрости, мысли и знаніе открываютъ путь въ истинный міръ, далекій отъ земли.

Платонъ (умеръ въ 355 г.) надѣялся найти сочувствіе къ своимъ взглядамъ у сильнаго монарха; онъ два раза ѣздилъ съ учениками своими ко двору сицилійскихъ тирановъ, Діонисія и его сына. Аѳинскій риторъ Исократъ указывалъ на другую монархію, усилившуюся въ это время, македонскую.

Македонія съ 360 г. Страна эта лежала на сѣверъ отъ собственно Греціи, между Балканскими горами и сѣверо-западнымъ угломъ Эгейскаго моря. Македоняне были греки, но ихъ постоянно безпокоили дикіе горцы, и они отстали въ торговлѣ, ремеслѣ и образованіи отъ остальныхъ грековъ. Македоняне были суровыми охотниками и воинами: ихъ обычай требовалъ, чтобы юноша, еще не убившій кабана, не смѣлъ садится на пиру за столъ; кто не умертвилъ ни одного врага, носилъ на тѣлѣ въ знакъ позора веревку. Порядки у нихъ были старинные: во главѣ крестьянъ стояли воинственные князья. Царей окружали дружины людей, съ которыми они дѣлились военной добычей.

Бронзовыя ядра; внизу надпись: „попади хорошенько!“

Македонскій царь Филиппъ перенялъ у греческихъ наемниковъ всѣ новые военные пріемы, но образовалъ постоянное войско изъ своихъ подданныхъ: въ бою посреди нѣ становилась неприступная фаланга изъ плотно сдвинутыхъ рядовъ солдатъ, вооруженныхъ длинными копьями; съ боковъ нападала многочисленная конница. Пользуясь слабостью и ссорами грековъ, Филиппъ захватилъ старыя владѣнія аѳинянъ на сѣверѣ Эгейскаго моря, богатые золотыми рудниками, и города у проливовъ, важные для торговли съ Черноморьемъ и для переправы въ Азію. Въ старомъ оплотѣ демократіи, Аѳинахъ, выступили противники македонскаго царя; самый горячій изъ нихъ, Демосѳенъ, искусно разсчитанными рѣчами старался поднять народъ противъ Филиппа, побудить аѳинянъ къ устройству войска и флота и составить для борьбы союзъ изъ греческихъ городовъ. Демосѳенъ доказывалъ, что цари и тираны—враги свободы; Аѳины должны стать на защиту правды и закона противъ произвола. Но Аѳины не имѣли прежнихъ средствъ. Спасти свободу греческихъ городовъ можно было только при помощи денегъ, взятыхъ у персидскаго царя. Между тѣмъ въ самихъ Аѳинахъ и другихъ городахъ были сторонники большой общегреческой войны противъ персовъ, готовые признать Филиппа вождемъ грековъ.

Но когда македонскій царь захватилъ важный Θермопильскій проходъ и привелъ свои силы въ середину Греціи, въ Аѳинахъ весь городъ крайне встревожился. Съ полученіемъ вѣсти ночью зажгли по всей странѣ сигналы; на другой день собралось множество гражданъ въ народное собраніе. На призывъ вѣстника никто не рѣшался говорить. Тогда поднялся Демосѳенъ и предложилъ немедленно, забывъ всѣ счеты, соединиться съ сосѣдними общинами.

При Херонеѣ ополченія Аѳинъ и Θивъ, собравшіяся въ послѣдній разъ, были разбиты обученнымъ войскомъ Филиппа (338 г.). Почти всѣ греческіе города признали Филиппа своимъ главнымъ военнымъ начальникомъ и обязались доставить ему подмогу въ войнѣ противъ персовъ.

Походъ Александра около 330 года. Послѣ смерти Филиппа его сынъ, Александръ, повелъ греческіе и македонскіе отряды въ Азію. Але-

Македонскій всадникъ (изображеніе самого Александра).

ксандръ былъ образованнымъ грекомъ. Онъ учился у замѣчательнаго греческаго ученаго, Аристотеля, приглашеннаго Филиппомъ въ Македонію. Многое было благопріятно походу въ Азію. У Александра были отличные генералы его отца. Пути внутри персидскаго государства были теперь извѣстны. Въ нѣкоторыхъ областяхъ были почти независимые отъ персидскаго царя князья, въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ Египтѣ, непрерывно происходили возстанія противъ персовъ. Персидскому царю однако также служили искусные греческіе командиры; въ его распоряженіи были греческіе наемники. Можно сказать, что въ началѣ этой войны греки бились противъ грековъ.

Въ то время какъ Александръ переправлялся въ Малую Азію, одинъ изъ греческихъ вождей, Мемнонъ, предлагалъ персидскому царю Дарію III отправить флотъ въ Эгейское море и отрѣзать Александру доставку припасовъ, подмоги и самое возвращеніе въ Грецію. Мемнонъ

началъ свои дѣйствія на морѣ очень удачно, но скоро умеръ. Въ совѣтѣ персидскаго царя было мало согласія; персидскіе вельможи ненавидѣли грековъ. Одинъ изъ грековъ, предлагая свой планъ защиты, рѣшился рѣзко возразить персамъ въ присутствіи царя; это сочли за нарушеніе этикета и уваженія къ царю: Дарій притронулся къ поясу грека, и служители тотчасъ вывели и задушили его.

Стремительныя нападенія Александра разсѣевали большія, нестройныя, плохо вооруженныя силы персовъ. Александръ прошелъ Малую Азію и пробилъ себѣ путь въ Сирію, который ему загородилъ самъ царь Дарій при *Иссѣ*: здѣсь все семейство царя и много богатства его досталось Александру. Дарій предложилъ заключить миръ и подѣлиться: онъ уступалъ всѣ приморскія земли съ Египтомъ, а себѣ хотѣлъ оставить земли за Евфратомъ; но Александръ не согласился. Подвигаясь дальше вдоль берега, Александръ уничтожилъ города финикіянъ и особенно богатый Тиръ. Старые торговые соперники грековъ были теперь погублены. Въ Египтѣ Александра принимали, какъ избавителя отъ персовъ. Въ храмѣ бога солнца Аммона, находившемся въ далекомъ оазѣ среди пустыни, куда Александръ проникъ, жрецы объявили его сыномъ бога; Александръ приказалъ изображать себя на монетахъ со знаками божества.

Изъ Египта онъ двинулся на Евфратъ и внутрь персидскаго государства. Дарій еще разъ встрѣтилъ его съ большими силами за рѣкой Тигромъ около Ниневіи. Опять разсѣялъ ихъ Александръ и направился еще дальше, въ нынѣшнюю Персію, Афганистанъ и Туркестанъ. Дарій во время бѣгства былъ убитъ однимъ изъ персидскихъ намѣстниковъ. Александръ объявилъ себя законнымъ наслѣдникомъ персидскаго царя: онъ взялъ себѣ въ жены двухъ царевенъ-наслѣдницъ старой персидской династіи.

Все больше его увлекали обычаи восточнаго двора: онъ выбралъ столицей старинный Вавилонъ, далекій отъ Греціи; въ торжественныхъ выходахъ онъ сталъ появляться въ парадномъ восточномъ одѣяніи и требовалъ, чтобы его встрѣчали земнымъ поклономъ; рядомъ съ греческой гвардіей онъ завелъ персидскую. Многимъ грекамъ не нравились эти отступленія отъ привычной имъ простоты; старые генералы Филиппа возражали противъ предпріятій Александра; онъ казнилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, совершенно такъ же, какъ раньше это дѣлалъ персидскій царь со своими слугами. Завоеванное Александромъ государство держалось такъ же плохо, какъ персидское; поднимались возстанія, выступали самозванные цари.

Но Александръ строилъ новые планы: онъ хотѣлъ проникнуть въ сказочную Индію, о которой греки знали только по слухамъ: теперь

была надежда добраться и до великаго моря, которое, какъ казалось греческимъ географамъ, окружало весь земной міръ. Предпріятіе это не удалось: индусы упорно бились, солдаты Александра не хотѣли идти такъ далеко и заставили его вернуться. Но корабли Александра все же проѣхали отъ устья Инда по Персидскому заливу къ устью Евфрата и открыли важный торговый путь, примыкавшій къ новымъ поселеніямъ грековъ въ Сиріи и Вавилоніи. Крайнія мѣста на востокѣ, до которыхъ дошелъ Александръ, были нашъ Туркестанъ и Пятирѣчье. Было заложено нѣсколько городовъ, названныхъ именемъ Александра; изъ нихъ *Александрія крайняя* стояла на мѣстѣ нынѣшняго Ходжента.

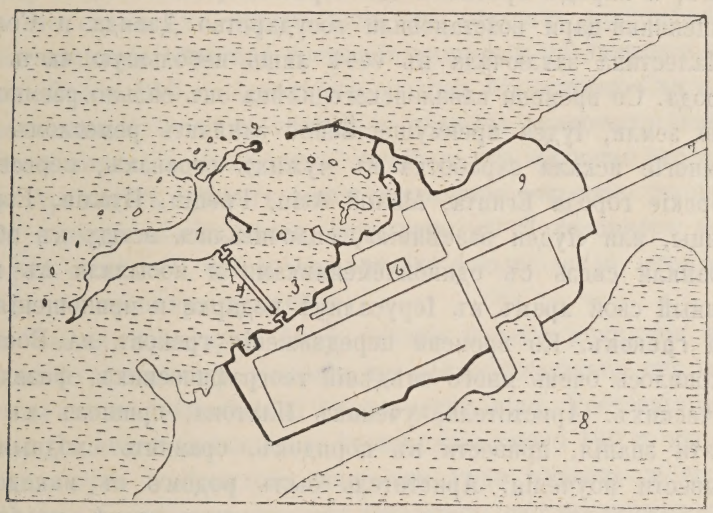
Греки на Востокѣ. Вскорѣ послѣ похода въ Индію Александръ умеръ, еще молодымъ (въ 323 г.). Уже во время его похоронъ произошли кровавыя схватки между македонскими генералами. Долго спорили они и ихъ сыновья изъ-за наслѣдства. Генералы Птолемей, Селевкъ и другіе провозгласили себя царями и образовали нѣсколько греческихъ государствъ. Вся та половина персидскаго государства, которую Дарій оставлялъ себѣ, предлагая Александру дѣлежъ, была потеряна греками; ею завладѣли *парѳяне*, народъ полукочевой, наѣздники и стрѣлки подобно персамъ. Греки удержали только земли у Средиземнаго моря— Малую Азію, Сирію, Египетъ.

Лѣтъ черезъ 100 послѣ похода Александра въ этихъ странахъ жило больше грековъ, чѣмъ на старой родинѣ, въ Европѣ. Но и въ новыхъ областяхъ греки больше населяли города; туземцы оставались въ деревняхъ. Выросли заново огромные города, заселенные преимущественно греками: *Александрія* въ Египтѣ и *Антіохія* въ Сиріи. Населеніе этихъ городовъ доходило до полумилліона.

Египетъ. Изъ греческихъ государствъ на Востокѣ самымъ богатымъ былъ Египетъ подъ властью царей изъ семьи Птолемеевъ. Греческіе цари сумѣли добывать изъ этой богатой и густо населенной земли очень много дохода. Они вели черезъ чиновниковъ точный счетъ всего населенія, количества обработанныхъ земель, размѣра ремесленныхъ и торговыхъ заведеній. Каждый домохозяинъ долженъ былъ дать самыя подробныя показанія о томъ, сколько въ его домѣ или имѣніи живетъ людей, какой ихъ возрастъ и занятія, сколько у него рабочихъ, сколько у него имущества и дохода. Подати поступали деньгами въ казну или предметами въ склады царя, хлѣбомъ, овощами, топливомъ для войска; масло, льняныя матеріи вырабатывались исключительно на царскихъ заводахъ, а растительный матеріалъ, необходимый для этихъ произведеній, доставлялся со всей страны царю. Птолемеи наравнѣ съ фараонами стариннаго Египта были причислены къ

богамъ; на этомъ основаніи они отобрали себѣ большія помѣстья боговъ при храмахъ, кормившія множество людей, и перевели доходы съ нихъ въ свою казну.

На эти средства Птолемеи держали лучшій флотъ въ Средиземномъ морѣ и обстроили свою приморскую столицу Александрію. Это былъ большой, по плану, правильно расположенный городъ, непохожій на старые греческіе города съ ихъ тѣсной разбросанной стройкой. Александрія перерѣзывалась во всю длину широкой въ 14 саженъ улицей, тянувшейся на 6 верстъ. Гавань была закрыта узкимъ длин-



Планъ Александріи: 1—островъ Фаросъ и 2—маякъ на краю его, 3—торговая гавань, 4—каменный мостъ, 5—царскій дворецъ, 6—музей, 7—главная улица, 8—озеро отъ разливовъ Нила, 9—еврейскій кварталъ.

нымъ островомъ, который соединялся съ берегомъ широкой каменной плотиной болѣе версты длиной; на краю острова стояла большая мраморная башня, служившая маякомъ: огонь, который поддерживали на ея верху, былъ виденъ въ морѣ за 60 верстъ.

Сирія и Іудея. Крупнѣе размѣрами, чѣмъ Египетъ, но не такъ прочно было государство, основанное Селевкомъ въ Передней Азіи. Оно захватывало Сирію и вначалѣ также равнину рѣкъ Евфрата и Тигра; столицею его была Антіохія. Значительную часть населенія этого государства составляли евреи, жившіе около Вавилона и въ *Палестинѣ* (это—новое названіе Ханаана такъ же, какъ евреи со времени плѣна зовутся *іудеями*). Около 450 года вавилонскій книжникъ Езра, современникъ Перикла, составилъ для іерусалимской общины подробный законъ въ дополненіе къ Моисееву закону. Александръ при

завоеваніи персидскаго государства призналъ самостоятельное устройство палестинскихъ іудеевъ.

Греческіе цари Сиріи, Селевки и Антіохи по именамъ, провозгласили себя богами на землѣ и въ знакъ этого носили громкіе титулы Непобѣдимыхъ, Спасителей и т. п. Около 160 г. одинъ изъ нихъ, Антіохъ Епифанъ (Явленный), потребовалъ, чтобы іудеи ввели у себя греческихъ боговъ. Въ отвѣтъ на это братья Маккавеи собрали воинственныя дружины и въ долгой войнѣ освободили страну отъ подчиненія греческимъ царямъ. Симонъ Маккавей занялъ своимъ войскомъ Іерусалимъ, а народъ призналъ его первосвященникомъ. Его потомки, первосвященники-цари возстановили государство Давида и Соломона.

Но Палестина заключала въ себѣ лишь небольшую часть еврейскаго народа. Со времени вавилонскаго плѣна онъ сильно размножился. Лишенные земли, іудеи преимущественно занялись ремесломъ и торговлей; многіе искали заработка въ чужихъ странахъ, переселялись въ приморскіе города Египта, Малой Азіи, Греціи, Италіи. Еврейскіе переселенцы, или «іудеи разсѣянія», сплочивались всюду въ общины: они сохраняли связь съ единоплеменниками и посылали въ великій единственный свой храмъ въ Іерусалимѣ подарки и приношенія.

Наука грековъ. Ко времени передвиженія грековъ на Востокъ у нихъ накопилось очень много свѣдѣній географическихъ, физическихъ и историческихъ. Аристотель, ученикъ Платона, пришелъ къ мысли собрать эти знанія, привести въ порядокъ, сравнить сходныя явленія и вывести поученія. Аристотель былъ родомъ съ македонскаго берега и одно время находился при македонскомъ дворѣ, но большую часть жизни провелъ въ Аѳинахъ (умеръ въ 322 г.). Онъ соединялъ огромныя знанія почти по всѣмъ наукамъ. У него была большая коллекція по естествовѣдѣнію, въ которую много интереснаго прислалъ Александръ съ своего похода. Ученики Аристотеля подъ его руководствомъ описали устройство множества греческихъ и иноплеменныхъ городовъ.

Аристотель пошелъ совершенно иной дорогой, чѣмъ Платонъ; у него нѣтъ поэтическаго вымысла, чтобы объяснить явленія жизни на землѣ; онъ хочетъ опираться только на точныя наблюденія и опытъ. Аристотель не поднималъ горячо голоса ни за, ни противъ демократіи; онъ только разбиралъ спокойно достоинства и недостатки разныхъ видовъ правленія — монархіи (власти одного лица), аристократіи и демократіи.

Еще шире стали познанія греческихъ ученыхъ въ слѣдующія два столѣтія. Географы составили подробныя описанія земной поверхности: по крайней мѣрѣ впятеро больше былъ кругозоръ грековъ теперь,

чѣмъ во время греко-персидскихъ войнъ: моряки греческіе добирались до Мадагаскара, до Индокитая и даже Китая. Въ Китай, «страну шелка», знали и морской путь кругомъ Азіи, и сухопутную дорогу, чрезъ среднеазіатскія горы, гдѣ были устроены рынки шелка. Слоновую кость привозили отъ великихъ озеръ у верховьевъ Нила. Половина Стараго Свѣта была извѣстна грекамъ.

Греческіе ученые сдѣлали заключеніе, что земля—шаръ, хотя и не могли провѣрить это понятіе на опытѣ, какъ позднѣе европейцы, совершавшіе кругосвѣтныя плаванія. Вселенная, по ученію грековъ, тоже шаровидна. Въ серединѣ ея держится въ равновѣсіи земной шаръ, потому что отъ всѣхъ краевъ неба онъ отстоитъ равномѣрно далеко. Большое вниманіе обратили греческіе ученые и на движеніе небесныхъ свѣтилъ. Около 250 г. Аристархъ, родомъ съ острова Самоса, первый рѣшился сказать, что не солнце и планеты вращаются кругомъ неподвижной земли, а, напротивъ, земля и всѣ планеты вертятся около солнца. Аристархъ сдѣлалъ еще одно важное открытіе: до него солнце считали гораздо менѣе земли, примѣрно съ Пелопоннесъ величиною; Аристархъ объявилъ, что солнце гораздо больше земли, оттого и должна земля около него вращаться.

Эти мысли Аристарха были однако потомъ покинуты и забыты; большинство греческихъ ученыхъ не могло отказаться отъ той мысли, что земля стоитъ неподвижно въ серединѣ міра. Греческіе астрономы, особенно Птолемей (жившій въ Александріи около 150 г. послѣ Р. Х.), расписали пути и порядокъ видимаго хода планетъ и солнца. Это ученіе стало называться системой Птолемея; оно продержалось полторы тысячи лѣтъ, до открытія Коперника (около 1540 г. по Р. Х.); Коперникъ вернулся къ понятію Аристарха.

Греческихъ ученыхъ болѣе всего цѣнили въ египетской Александріи. Этотъ городъ сталъ теперь для грековъ тѣмъ, чѣмъ были раньше Аѳины. Царь Птолемей II Филадельфъ учредилъ здѣсь университетъ, называвшійся *музеемъ*, куда собирались слушатели со всего греческаго міра. Въ музеѣ (т.-е. домѣ *музъ*, богинь, охранявшихъ знанія и художества) были зоологическія и ботаническія коллекціи, анатомическій залъ, химическая лабораторія; въ немъ была собрана огромная библіотека старинныхъ и новыхъ греческихъ книгъ; здѣсь берегли и записанныя пѣсни Гомера. Всякая книга, привозимая въ Египетъ, доставлялась въ музей; съ нея снимали копію и книгу возвращали владѣльцу.

Множество книгъ переписывалось въ большомъ количествѣ экземпляровъ и распространялось въ обществѣ. Благодаря этому, нѣкоторыя книги сохранились до нашего времени, и не вся умственная работа

грековъ пропала даромъ. Когда Европа опять стала варварской страной, 6—7 вѣковъ спустя послѣ Р. Х., ученыя греческія книги, напримѣръ, сочиненія астронома и географа Птолемея, были переведены и переписаны арабами; уже отъ арабовъ онѣ перешли снова къ европейцамъ, когда европейцы стали опять учиться и интересоваться наукой (12—13 вѣковъ спустя послѣ Р. Х.). Греческій языкъ сдѣлался языкомъ образованныхъ людей на Востокѣ. Въ Александрію въ большомъ количествѣ переселились евреи; они стали здѣсь забывать родную рѣчь и перевели Библію на греческій языкъ (она называется Библіей 70 толковниковъ). Вавилонскіе и египетскіе жрецы писали по-гречески исторію своего народа.

Нравственныя понятія. Чѣмъ больше расширялись наблюденія грековъ, тѣмъ мягче дѣлались ихъ понятія о людяхъ. Прежде имъ казалось, что между ними и варварами лежитъ неизгладимая разница, потому что они различны отъ рожденія, по крови. Теперь они тысячу разъ встрѣчались на каждомъ шагу съ людьми другой крови и видѣли, какъ эти люди, изучивъ греческую науку, принявъ греческіе обычаи, становятся похожи на грековъ; слѣдовательно, разница крови не имѣетъ большого значенія. Людей надо различать не по племени, а по хорошимъ или дурнымъ качествамъ; все различіе между варваромъ и грекомъ въ образованіи, а образованіе можетъ открыться всякому. Значитъ, всѣ люди на землѣ могутъ стать равны между собою, могутъ составить одну великую семью.

Такъ и училъ Эпикуръ (родомъ съ острова Самоса, около 300 г.). Эпикуръ собиралъ много слушателей въ своемъ саду въ Аѳинахъ; онъ говорилъ, что главное благо на свѣтѣ—дружба, и что надо ее распространять какъ можно шире, на окружающихъ людей, на всѣхъ, съ кѣмъ жизнь насъ сводитъ. Кто намъ другъ? Прежде всего тѣ, кто съ нами однѣхъ мыслей. Но не нужно замыкаться съ одними близкими, нужно равномѣрно раздѣлять свою помощь между многими людьми. У меня другъ вездѣ, гдѣ я могу подать руку спутнику жизни, гдѣ я могу сказать хотя бы одно ласковое слово. Пусть помнитъ человѣкъ, что больше счастія въ томъ, чтобы совершить самому доброе дѣло, чѣмъ принять его. Въ дружбѣ все мое — твое, а все твое — мое. Когда господинъ отпускаетъ раба на волю, онъ самъ точно переживаетъ освобожденіе.

Иначе начали теперь смотрѣть и на рабовъ. Въ греческихъ странахъ рабовъ стало гораздо меньше въ сравненіи съ числомъ свободныхъ. Въ египетскихъ фабрикахъ и мастерскихъ работали только свободные люди. Вольные рабочіе были трудолюбивѣе и добросовѣстнѣе исполняли работу, потому что сохраняли свой заработокъ. Рабы имѣ-

лись только въ нѣкоторыхъ большихъ хозяйствахъ да на службѣ въ управленіи. Въ рабствѣ теперь не видѣли такой неизбѣжной и необходимой вещи, какъ прежде, и къ немногочисленнымъ рабамъ стали относиться иначе.

Прежде выражали мнѣніе, что рабы—особая порода, низшій сортъ людей; между свободными и рабами—непроходимая пропасть; рабы—это тѣ люди, у кого нѣтъ отъ рожденія ума и воли: они могутъ только служить и пресмыкаться. Конечно, случается, что благородный, свободный отъ рожденія человѣкъ попадаетъ въ рабство; но большинство рабовъ должны быть и оставаться рабами: если ихъ освободить, они тотчасъ опять отдадутся въ службу и подчиненіе.

Таковъ былъ прежній взглядъ. Теперь многіе стали говорить, что рабы ничѣмъ по природѣ не отличаются отъ другихъ людей. Болѣе всего это мнѣніе выражали *стоики*. Такъ назывались слушатели и сторонники Зенона (родомъ съ острова Кипра), тоже учившаго въ Аѳинахъ: названіе стоиковъ произошло отъ галлереи *стоа*, гдѣ Зенонъ любилъ вести бесѣды. Стоики учили, что всѣ люди—между собою братья. Богъ любитъ людей, какъ дѣтей своихъ. Нѣтъ человѣка, о которомъ бы мы сказали, что онъ стоитъ слишкомъ низко и не можетъ требовать отъ насъ любви и справедливости къ себѣ; и рабъ—человѣкъ, и у него то же самое право. Во всемъ мірѣ одинъ законъ, одна душа. Душу міра образуетъ великое пламя въ срединѣ его; въ каждомъ человѣкѣ горитъ искра отъ этого огня.

VII.

Италія и Римъ. 500—270 гг. до Р. Х.

Италія. Около времени похода Александра на востокъ греки заговорили о новомъ воинственномъ народѣ на западѣ: это были *римляне* въ Италіи.

Италія занимаетъ длинный и узкій Аппенинскій полуостровъ. Какъ Балканскій полуостровъ, Италія отдѣлена съ сѣвера высокими горами—Альпами. Черезъ всю страну съ сѣверо-запада къ юго-востоку проходятъ Аппенинскія горы. Этотъ внутренній хребетъ не дробитъ Италіи такъ, какъ горы раздѣляютъ Грецію; онъ идетъ однимъ главнымъ гребнемъ ближе къ восточному берегу и оставляетъ впереди себя на западѣ довольно большія равнины; по Италіи легче двигаться, чѣмъ по Греціи; въ Италіи можно съ бо́льшимъ успѣхомъ

заниматься земледѣліемъ. Сама страна могла больше прокормить народу, чѣмъ Греція, и населенію Италіи долго не нужно было искать пропитанія за моремъ.

Но море здѣсь и не такъ привѣтливо, какъ у грековъ. На востокѣ Адріатическое море бурно, и его берега неприступны, гаваней нѣтъ. Берега западнаго моря (Тирренскаго) и особенно южнаго (заливъ Тарентскій) лучше: они образуютъ нѣсколько хорошихъ бухтъ; на западѣ лежатъ и острова—Сицилія, Сардинія и Корсика. Къ западнымъ берегамъ Италіи впервые стали ѣздить чужіе, греки и карѳагеняне. Съ этой же стороны двинулись потомъ моремъ и сами жители Италіи. Оттого можно сказать, что Италія обращена лицомъ на западъ, какъ Греція на востокъ. Греки получали съ востока больше товаровъ и свѣдѣній; грековъ больше переселилось на востокъ, чѣмъ на западъ отъ родины. Жителей Италіи, напротивъ, долго занимали страны, лежавшія отъ нихъ на западъ (нынѣшнія Испанія, Франція, Алжиръ и Тунисъ).

Италія въ настоящее время не имѣетъ лѣсовъ; климатъ ея сухой; ея главныя растенія—виноградъ, рисъ, кукуруза, южные плоды; есть сахарный тростникъ, хлопчатникъ, пальмы. Кромѣ винограда, всѣ эти растенія перенесены были въ Италію недавно: большую часть ихъ пересадили сюда арабы, лѣтъ за 900 до нашего времени. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, во времена римлянъ, Италія имѣла совсѣмъ другой видъ. Главныя растенія въ ней были европейскіе хлѣба; больше всего разводили не пшеницу, а ячмень, который теперь сѣютъ только въ сѣверныхъ странахъ. Лѣсовъ было очень много, и климатъ стоялъ болѣе сырой и холодный, чѣмъ теперь.

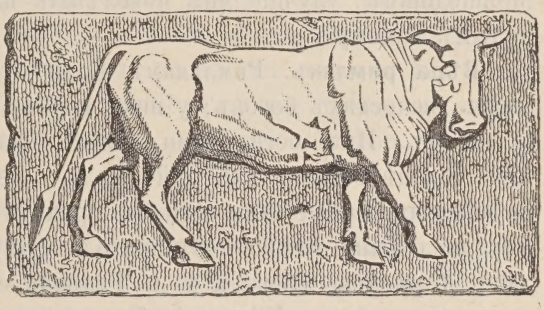
Рѣки Италіи крупнѣе, чѣмъ въ Греціи, а въ старину, благодаря лѣсамъ, онѣ были многоводнѣе. Но у нихъ по большей части очень узкіе выходы къ морю: весною въ половодье рѣка, быстро сбѣгая съ горъ, запираетъ себѣ сама выходъ кучами мусора, который несетъ съ собою, и разливается большими озерами и болотами; въ нихъ вода застаивается, гніетъ и заражаетъ воздухъ. Оттого близко къ морю было мало поселеній; народъ долженъ былъ забираться на высоты и строить села на разрозненныхъ холмахъ.

Римъ. Въ серединѣ Италіи жили *латины*. Они были земледѣльцы и скотоводы. Ихъ большія села были окружены крѣпостными валами. Самое крупное ихъ поселеніе былъ *Римъ*, на рѣкѣ Тибрѣ (его основаніе считается въ 754 г. до Р. Х.). Римъ стоялъ недалеко отъ устья рѣки, и до него могли добираться морскія суда. Сюда пріѣзжали торговать съ латинами греки и карѳагеняне. Оттого городъ сталъ расти и взялъ власть надъ другими латинскими поселками. Все населеніе области стало потомъ называться по главному городу—*римлянами*, а отъ

латиновъ осталось названіе латинскаго языка (Римъ по-латыни Рома, римляне—ромàни).

Римляне были непохожи на грековъ. Весь ихъ обиходъ былъ суровѣе и проще. У нихъ долго держались человѣческія жертвы: во время наводненій Тибра бросали людей въ рѣку, чтобы умилостивить ея бога; когда случалось землетрясеніе и раскрывались трещины въ землѣ, зарывали нѣсколько человѣкъ живыми въ жертву страшнымъ подземнымъ богамъ.

Долго сохранялись въ Римѣ старинные судебные обычаи, которые напоминали расправу: недруга можно было силой притащить на судъ или захватить у него любую вещь, чтобы заставить его отвѣчать на судѣ; заимодавецъ могъ схватить несостоятельнаго должника и показать его суду, а потомъ увести къ себѣ [въ кабалу или на казнь; должника выставляли на площади и спрашивали, не поручится ли за него кто-нибудь; если никто не вступался, заимодавцы могли умертвить должника и, какъ гласитъ старинный обычай, раздѣлить между собой его трупъ. Жалобщикъ на судѣ ничего не доказывалъ. Онъ только продѣлывалъ нужные жесты и говорилъ нужныя слова присяги, и вещь, которой онъ домогался, присуждалась ему.



Старинная монета изъ бронзы; $^1/_2$ настоящей величины.

Отецъ имѣлъ въ семьѣ неограниченную власть; жена и дѣти наравнѣ съ рабами и скотомъ составляли его имущество (все вмѣстѣ, что было подъ его рукой, называлось *фамилія*, а самъ глава былъ «отецъ фамиліи»); онъ могъ принять новорожденнаго ребенка своего и не принять его, т.-е. велѣть выкинуть, могъ лишить сына наслѣдства. Женщина была въ полной волѣ мужа, а послѣ его смерти подчинялась во всемъ своему же старшему сыну, заступавшему мѣсто отца.

Суровый характеръ народа виденъ и въ сказаніяхъ, которыя онъ сложилъ: есть разсказъ, какъ главный начальникъ римскаго войска велѣлъ казнить своего сына за то, что тотъ противъ его приказа бился съ врагомъ; кругомъ всѣ просили пощады молодому побѣдителю, но отецъ остался непреклоненъ и, ради соблюденія воинскаго порядка, пожертвовалъ сыномъ. Сказаніе объ основаніи Рима говорило, что два брата, построившіе городъ (Ромулъ и Ремъ), вскормлены были

дикимъ звѣремъ, волчицей; городъ Римъ построенъ на крови: братья поссорились, и одинъ убилъ другого.

Сказанія восхваляли также простоту нравовъ римлянъ: однажды войско римлянъ было заперто въ горахъ, и городъ былъ въ смертельной опасности; чтобы спасти его, рѣшили призвать прославленнаго вождя; его застали за плугомъ на его небольшомъ участкѣ. Онъ освобождаетъ Римъ и, послѣ побѣдъ и подвиговъ, опять возвращается скромно пахать свое поле. Золото, такъ разсказывали дальше, не имѣло силы надъ римскими вождями: послы враговъ римскаго народа пришли было подкупить римскаго военачальника, но нашли въ избушкѣ, передъ очагомъ старика въ грубомъ домодѣльномъ плащѣ; онъ сидѣлъ на голой землѣ и варилъ себѣ рѣпу на ужинъ; увидавъ подарки, онъ сказалъ пришедшимъ: «лучше мнѣ повелѣвать надъ богатыми, чѣмъ быть богатымъ самому».

Вѣра римлянъ. Римлянамъ были чужды образы живыхъ и свѣтлыхъ греческихъ боговъ; у нихъ вообще не было никакихъ разсказовъ о богахъ. Ихъ боги—одни только названія, и взяты эти названія отъ человѣческихъ дѣйствій; малаго ребенка учатъ ходить, кричать и говорить особые боги ходьбы, крика и рѣчи; двери домовъ и ворота города охраняетъ богъ-Отпиратель (Янусъ). Есть богиня Вѣрность, богъ Держатель слова и т. п. Главная сила у бога-воителя, Марса, и у великаго отца, Юпитера. Богамъ служили товарищества жрецовъ. Въ жрецы и гадатели выбирали людей, умѣвшихъ понимать рѣчь боговъ; ее можно было открыть въ полетѣ и крикѣ птицъ, въ молніяхъ, въ особыхъ примѣтахъ на внутренностяхъ животныхъ.

По понятію римлянъ, между людьми и богомъ заключенъ договоръ: когда люди исполняютъ въ точности всѣ малѣйшіе обряды, богъ долженъ имъ дать помощь; если онъ не помогаетъ, значитъ что-нибудь въ обрядѣ забыли или невѣрно сдѣлали. Надо зорко смотрѣть за всѣмъ: если, совершая богу возліяніе, забудешь сказать: «прими вино, которое я тебѣ приношу», богъ можетъ подумать, что ему обѣщано все вино, лежащее въ погребѣ, и тогда придется все и отдать. Но люди могутъ также воспользоваться какимъ-нибудь пропускомъ въ договорѣ или истолковать его въ свою пользу. Напримѣръ, если обрядъ требовалъ принесенія въ жертву рѣдкостнаго животнаго, которое трудно было достать, дѣлали слѣпочекъ его изъ тѣста или воску и подносили богу.

Можно было перезвать бога, помогающаго врагамъ, на свою сторону: при осадѣ города надо было только узнать настоящее имя бога, которое туземцы скрывали отъ чужихъ, и помолиться этимъ именемъ. Если городъ удавалось взять, надо было перевезти къ себѣ бога,

сдѣлать его изъ чужого своимъ, иначе онъ останется врагомъ; напротивъ, если онъ переѣзжалъ къ побѣдителямъ, онъ долженъ былъ увеличить ихъ силу. Всѣ обряды старались исполнять не спѣша, спокойно, среди полной тишины: римляне не любили восторговъ, излишнихъ чувствъ и волненія; все это они называли суевѣріемъ.

Большое значеніе имѣли гаданія, безъ которыхъ не начинали важнаго дѣла. Передъ началомъ войны, закладкой города, выборомъ начальниковъ жрецы молились и гадали внутри священнаго четыреугольника. Своимъ загнутымъ жезломъ гадатель проводилъ двѣ черты, съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, въ видѣ креста и становился на ихъ пересѣченіи лицомъ къ югу. Небо надъ собою онъ мысленно дѣлилъ такими же линіями. Знаменія слѣва отъ себя онъ считалъ благопріятными, справа—дурными. Если знаки были дурные, гадатель говорилъ собравшемуся народу или его начальнику: «до другого дня». Это значило, что съ дѣломъ надо подождать или совсѣмъ отступиться отъ него. Если знаки были хорошіе, гадатель требовалъ полной тищины; затѣмъ онъ наблюдалъ небо и дожидался отвѣта боговъ на поставленные имъ вопросы.

Военный лагерь въ пути или новый городъ освящали согласно тому же обычаю. Гадатели становились тутъ землемѣрами. По бороздамъ, которыя они проводили при закладкѣ, испрашивая помощь боговъ, размѣщались главныя улицы лагеря и города. На пересѣченіи ихъ въ лагерѣ становился алтарь, передъ нимъ была палатка вождя и около—мѣсто сбора воиновъ, а въ городѣ устраивалась большая рыночная площадь, форумъ.

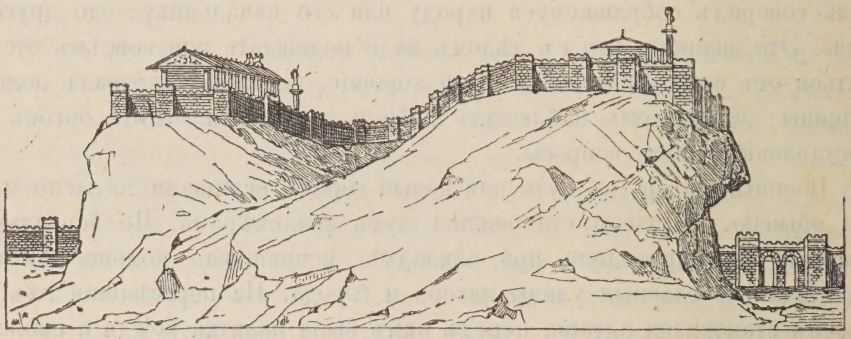
Всякое дѣло у римлянъ начиналось съ гаданія. Главные жрецы *(понтифики)* гадали впередъ на цѣлый годъ и устанавливали заранѣе добрые и злые дни, когда можно и когда нельзя приниматься за дѣла; въ этомъ и состоялъ старинный календарь римлянъ.

Устройство римлянъ съ 500 г. Сначала въ Римѣ были цари, какъ въ Греціи во времена Гомера. Достовѣрнаго о нихъ ничего не извѣстно. Сказаніе передавало, что народъ изгналъ послѣдняго царя Тарквинія Гордаго за его жестокое правленіе (въ одинъ годъ съ изгнаніемъ изъ Аѳинъ тиранна Гиппія). Съ этого времени ежегодно выбирались два *консула* съ большою властью. Эти были городскіе головы, главные судьи и воеводы надъ ополченіемъ гражданъ. Они издавали приказы, присуждали виновнымъ смерть или тѣлесное наказаніе; приговоръ тотчасъ же выполнялся ихъ слугами, ликторами, которые въ рукахъ несли топоры, вложенные въ связки прутьевъ. Консулы расписывали всѣхъ гражданъ по разрядамъ для отбыванія военной службы.

Граждане вооружались на свой счетъ, каждый по состоянію. Въ

первомъ разрядѣ были богатые и зажиточные: ихъ служба на конѣ или въ тяжеломъ вооруженіи, въ бою впереди, была самая трудная и самая почетная. У кого не было земли, тотъ по бѣдности не служилъ въ строю, а шелъ за солдатами въ музыкантахъ или мастеровыхъ. Если гражданинъ былъ замѣченъ въ какомъ-нибудь позорномъ поступкѣ, его выключали изъ разрядовъ; тогда онъ платилъ штрафныя деньги и не имѣлъ голоса въ собраніяхъ ратниковъ.

Консулы совѣтовались съ главами крупныхъ семей. Эти «отцы» составляли *сенатъ* (т.-е. собраніе старѣйшинъ). Въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, когда надо было рѣшиться на войну или когда выбирали консуловъ, созывались всѣ граждане-ратники. Это собраніе было непохоже на греческія народныя собранія. Собирались по звуку военной трубы за городомъ на Марсовомъ полѣ, т.-е. на плацу военныхъ



Видъ стариннаго Капитолія (крѣпости внутри Рима).

упражненій. На холмѣ вывѣшивали военное знамя. Ратники приходили въ оружіи и становились, какъ въ войскѣ, сотнями, каждая сотня со своимъ значкомъ и съ сотникомъ во главѣ. Рѣчей здѣсь не было. Консулъ спрашивалъ, согласны воевать или нѣтъ; въ случаѣ выборовъ онъ называлъ тѣхъ людей, кого можно было выбирать. Ратники проходили въ огороженное мѣсто посрединѣ, каждая сотня черезъ особую дверь. Къ дверямъ вели со всѣхъ сторонъ узкіе мостки и, проходя по мосткамъ, каждый ратникъ громко подавалъ свой голосъ. Сначала отвѣчали сотни лучше вооруженныхъ; если онѣ были между собою согласны, дѣло считалось рѣшеннымъ; тогда къ остальнымъ сотнямъ уже не обращались съ опросомъ.

Тутъ все проходило, какъ на смотру, въ строгой военной выправкѣ. Но войско въ Римѣ имѣло большую силу: оно выбирало само всѣхъ своихъ командировъ, вплоть до главныхъ начальниковъ.

Патриціи и плебеи. Сначала всѣмъ заправляли, какъ въ старину въ Греціи, родовитые, многосемейные, богатые люди, *патриціи* (что бук-

вально значитъ—отцовскія семьи). Они владѣли большими стадами. Ихъ окружали мелкіе люди, зависимые отъ нихъ и отдавшіеся подъ ихъ покровительство. Главы этихъ семей и составляли сенатъ, и изъ нихъ выбирались консулы и жрецы. Но войско по большей части состояло изъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Они назывались *плебеями*.

Плебеи являлись въ городъ въ праздники, когда былъ базаръ, для закупки орудій, предметовъ обихода и для продажи своихъ сельскихъ произведеній. Въ эти же дни обыкновенно бывали народныя собранія. На судѣ плебеямъ въ началѣ трудно было тягаться съ патриціями: патриціи брали верхъ, приводя съ собою свое многочисленное родство и зависимыхъ людей; трудно было притомъ простому человѣку заучить слова клятвы на судѣ и не спутаться въ нихъ.

Плебеи стали изъ своей среды выбирать ходатаевъ и вожаковъ, *трибуновъ*. Эти плебейскіе защитники приходили въ судъ выгораживать плебеевъ; они объявляли себя поручителями за должниковъ или за тѣхъ плебеевъ, которыхъ собирался схватить ликторъ по приказу консула; трибуны тогда останавливали силой арестъ. Правителямъ-патриціямъ пришлось поневолѣ признать этихъ плебейскихъ вожаковъ. Если простой народъ былъ недоволенъ, патриціямъ было легче столковаться съ немногими его вождями, чѣмъ съ цѣлой толпой шумѣвшихъ плебеевъ; народу было позволено выбирать плебейскихъ трибуновъ, по десяти каждый годъ, такъ же, какъ ежегодно всѣ римляне выбирали консуловъ.

Трибуны стали собирать народъ въ особыя сходки, гдѣ было свободнѣе и гдѣ можно было обсудить всякое дѣло. Въ этихъ сходкахъ становились не по войсковымъ сотнямъ и не по виду оружія, а по волостямъ (*трибамъ*): въ каждомъ отдѣленіи вмѣстѣ подавали голосъ сосѣди, близко знавшіе другъ друга, и особенныхъ почетныхъ отдѣленій тутъ не было. Если плебейская сходка рѣшила что-нибудь единогласно, консулы и сенатъ поневолѣ должны были принять это рѣшеніе. Трибуновъ стали пускать въ сенатъ, гдѣ они могли изложить рѣшеніе народа.

Народные вожаки сдѣлались очень замѣтными людьми. Многіе изъ нихъ добивались теперь вступить въ число правителей: занимать должности консуловъ и жрецовъ. Патриціи долго находили обиднымъ пустить рядомъ съ собою безродныхъ людей. Особенно они старались не пропускать плебеевъ на должности жрецовъ: гаданія и календарь были священными тайнами, и ихъ не хотѣли открывать. Отъ жрецовъ много зависѣло въ народныхъ собраніяхъ: жрецы-патриціи могли назначать для собраній такіе дни, въ которые крестьянамъ было трудно придти въ городъ; они могли объявить, что человѣкъ, котораго народъ выбралъ начальникомъ, неугоденъ богамъ, и выборъ отмѣнялся.

Но несмотря на эти затрудненія, народъ все чаще и чаще выбиралъ своихъ вожаковъ консулами и жрецами. Тайны гаданій пришлось открыть плебеямъ (въ 300 г.). Видные плебеи, занимавшіе должности, также стали собирать вокругъ себя родство и зависимыхъ людей. Отцы такихъ плебейскихъ семей становились сенаторами наравнѣ съ патриціями; къ стариннымъ родамъ патриціанскимъ прибавились новые плебейскіе.

Римляне могли теперь сказать, что у нихъ всѣ граждане имѣютъ одинакія права, что всякій можетъ добиться любого положенія. Государство и называлось *республика* (т.-е. общественное дѣло) *римлянъ*. На самомъ дѣлѣ правили какъ прежде, такъ и теперь немногія семьи; между ними лишь различались старыя и новыя.

Войны въ Италіи около 300 г. Большинству крестьянъ были нужны вовсе не должности. Они добивались земли, которой не хватало, особенно для многодѣтныхъ. Надо было захватывать новыя области. Болѣе всего привлекала римлянъ сосѣдняя приморская полоса *Кампанія*, лучшая по плодородію во всей Италіи. Но и другія италійскія племена быстро размножились и тоже искали новыхъ мѣстъ для поселенія. Рим-

Римскій легіонеръ въ полномъ вооруженіи.

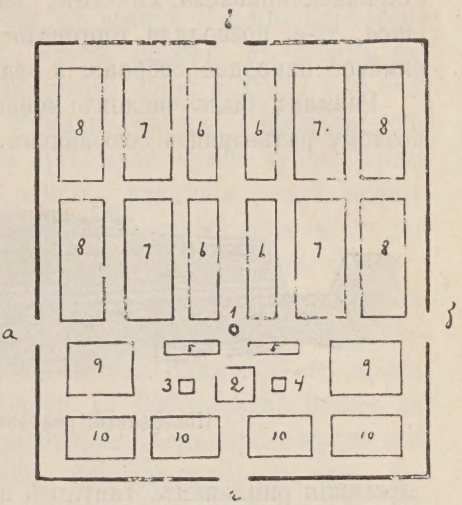
Бѣдный ратникъ, вооруженный только камнями для метанія.

лянамъ пришлось долго и упорно съ ними биться; особенно сильно сопротивлялись горцы *самниты* въ южной половинѣ Италіи.

Войны эти тянулись подолгу. Съ той и другой стороны чуть не каждый годъ приходили биться крестьянскія ополченія; побѣдители медленно подвигались впередъ, выстраивая новые поселки. Походъ обыкновенно тянулся недолго, нѣсколько недѣль, въ свободное отъ полевыхъ занятій время; по окончаніи его ратники возвращались къ своимъ сельскимъ и домашнимъ работамъ. Имъ не платили жалованья за службу; иногда съ нихъ же брали взносъ, смотря по достатку воиновъ, что-

бы заплатить за подвозъ припасовъ или осадныхъ орудій. Если походъ кончался удачно и захватывали добычу, ее раздѣляли между ратниками: такимъ способомъ ратники возвращали себѣ свой взносъ и еще получали выгоду, какъ будто бы дали взаймы казнѣ. Когда нужно было спасти Римъ отъ опаснаго врага или собрать противъ него всѣ силы свои, римляне назначали опытнаго вождя *диктаторомъ*, т.-е. давали ему на извѣстный срокъ власть безграничную.

Строй войска у римлянъ былъ своеобразный. Они раздѣляли въ бою полкъ (*легіонъ*) на небольшія отдѣленія и ставили ихъ въ три ряда, съ промежутками въ каждомъ ряду; отдѣленія второго ряда стояли противъ промежутковъ въ первомъ ряду; когда утомлялись въ битвѣ воины перваго ряда, въ пустыя мѣста между ними быстро и безъ помѣхи вдвигали второй рядъ. Въ запасѣ стоялъ еще третій рядъ изъ старшихъ солдатъ, которыхъ выводили въ случаѣ крайней опасности.



Планъ римскаго лагеря; аб и вг—двѣ главныя улицы, проведенныя вдоль линій креста, который вначалѣ начертилъ гадатель, 1—алтарь на пересѣченіи креста, 2—палатка вождя, 3—рынокъ, 4—казна, 5—офицеры, 6 и 7—конница и пѣхота римлянъ, 8—союзники, 9 и 10—отборныя и вспомогательныя войска.

У римлянъ былъ замѣчательный обычай строить укрѣпленный лагерь, со рвомъ, валомъ, стѣной и бойницами. Лагерь строили при всякой, даже недолгой, остановкѣ. Если приходилось оставаться дольше на одномъ мѣстѣ, онъ обращался въ настоящую крѣпость. Лагерь давалъ солдатамъ неприступную защиту, если они были окружены непріятелемъ: они могли выходить изъ него на бой и опять въ немъ замыкаться.

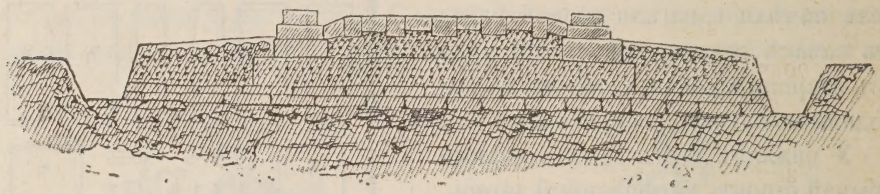
Солдаты несли съ собою въ походъ, кромѣ оружія, инструменты, а иногда и колья. Служба была долгая и трудная; греки никогда не согласились бы выполнять ее. У римлянъ она держалась очень строгой выправкой.

Италійскій союзъ. Постепенно лучшія земли въ Италіи достались римлянамъ. Они забирали себѣ куски земли въ разныхъ мѣстахъ; остальное сохраняли побѣжденные, которыхъ римляне принуждали войти съ ними въ союзъ. Отъ *союзниковъ народа римскаго* требовалась та же служба, что отъ римскихъ гражданъ: они должны были ставить ополченцевъ къ войнѣ. Эти союзные ратники тоже вооружались на свой

счетъ; продовольствіе они получали отъ Рима. Они приходили подъ начальствомъ своихъ выборныхъ вождей и присоединялись къ римскому ополченію. Только общій главнокомандующій былъ римскій консулъ.

Римляне не вмѣшивались въ дѣла союзниковъ. Каждое союзное племя или каждый союзный городъ управлялся по своему старому обычаю: имѣлъ своихъ выборныхъ начальниковъ и судей, свой совѣтъ старѣйшинъ, свое народное собраніе, но въ дѣлахъ общихъ, которыя касались Рима и всѣхъ союзниковъ, римляне приказывали остальнымъ народцамъ и городамъ. Крупныхъ людей между союзниками римляне старались привлечь къ себѣ; давали имъ право *римскаго гражданства*, т.-е. позволяли торговать безпошлинно въ Римѣ, приходить въ римское народное собраніе и занимать римскія должности.

Римлянъ было числомъ меньше, чѣмъ союзниковъ; они старались поэтому разъединить союзниковъ. «Римское поле», т.-е. земли, принад-



Поперечный разрѣзъ римской военной дороги.

лежавшія римлянамъ, тянулось по равнинамъ вдоль лучшаго западнаго берега и еще перерѣзывало Аппенинскій хребетъ посрединѣ отъ одного моря до другого: этимъ раздѣлялись сѣверные и южные союзники.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ Италіи, среди земель союзниковъ, римляне выстроили *военныя колоніи*. Это были крѣпости, служившія для наблюденія за побѣжденными и для опоры на случай войны. Въ нихъ были поселены латинскіе крестьяне, которые получали хорошіе надѣлы земли кругомъ города и служили здѣсь гарнизономъ. Къ колоніямъ были проведены изъ Рима военныя дороги, по которымъ можно было быстро передвигать войска, провозить военные снаряды, доставлять почту. Эти дороги до сихъ поръ остаются чудомъ инженернаго искусства: чтобы сдѣлать ихъ какъ можно прямѣе, римляне перебрасывали мосты черезъ долины, возводили широкіе каменные фундаменты на болотистыхъ мѣстахъ, укрѣпляли бока на скатахъ громадными стѣнами, прорѣзывали туннели черезъ горы. Сама дорога для прочности строилась, какъ стѣна: въ ровъ, глубиной около сажени, клали плотно прилаженные камни, а верхъ выкладывался гладкими большими плитами. До нашего времени стоятъ мѣстами эти дороги безъ всякой починки.

VIII.

Римъ въ началѣ большихъ завоеваній. 270—130 гг. до Р. Х.

Карѳагенъ. Къ 270 году вся Италія, кромѣ долины рѣки По, подчинялась римлянамъ. Въ союзъ съ ними вошли также торговые и мореходные жители городовъ южной Италіи, *Капуи*, греческаго *Тарента* и др. Владѣнія Рима подошли близко къ великой западной морской державѣ, Карѳагену. Между ними лежала Сицилія, которая протянулась, точно мостъ, отъ сѣвернаго угла Африки къ южной Италіи. Карѳагенъ старался завладѣть Сициліей для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ торговлю въ западной части Средиземнаго моря, и давно уже бился изъ-за этого острова съ греками. Римляне прежде обращали мало вниманія на море: торговать къ нимъ пріѣзжали чужіе купцы, среди которыхъ были карѳагеняне. Теперь римскія владѣнія вездѣ примыкали къ морю; нельзя было отдать Карѳагену Сицилію, потому что тогда Карѳагенъ могъ бы держать въ осадѣ всѣ берега Италіи.

Новый соперникъ Рима, Карѳагенъ, былъ богатъ и силенъ. Огромный городъ лежалъ на краю хлѣбородной долины рѣки *Баграда*, у глубокаго закрытаго морского залива (Тунисскаго). Владѣнія его протянулись вдоль берега отъ нынѣшней Барки до Гибралтара. Всѣмъ заправляли финикійскіе купцы и промышленники, державшіе въ своихъ рукахъ морскую торговлю. На земляхъ, принадлежавшихъ имъ, работали туземные африканскіе крестьяне, которые ставили и солдатъ. Сосѣдніе кочевники (*нумидійцы* въ нынѣшнемъ Алжирѣ) должны были платить дань и выставлять конную подмогу. Карѳагеняне могли, кромѣ того, нанять большія военныя силы изъ африканцевъ, испанцевъ или грековъ. Они имѣли то, чего не было у римлянъ: большія денежныя средства.

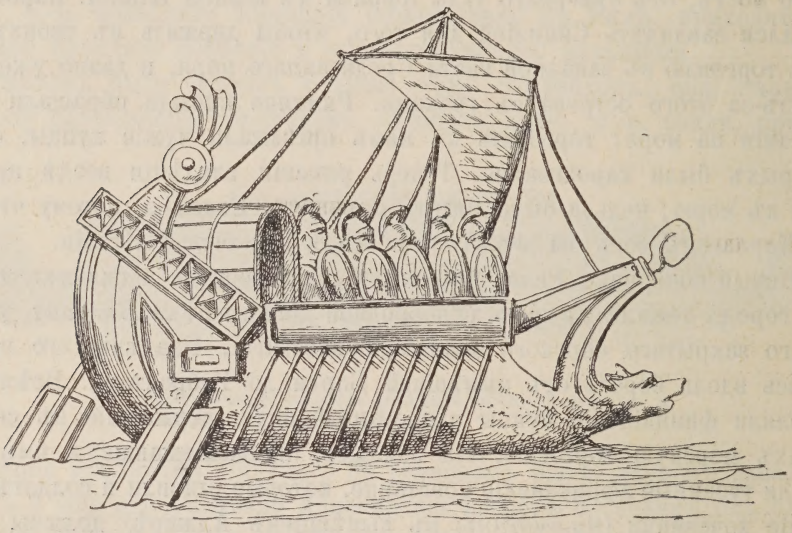
Въ одномъ карѳагеняне были слабѣе римлянъ: господствующій народъ, финикіяне, былъ малочисленъ сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Они напоминаютъ положеніе англичанъ въ нынѣшней Индіи. Въ войскѣ карѳагеняне служили только офицерами; они командовали надъ иноплеменными солдатами. Купеческія компаніи, которыя правили городомъ, неохотно пускались въ войны: онѣ готовы были предоставить далекія военныя предпріятія смѣлымъ командирамъ на собственный ихъ рискъ.

Первая война съ Карѳагеномъ до и послѣ 250 г. Римлянамъ предстоялъ очень важный шагъ: идти или не идти за море? До тѣхъ поръ всѣ войны велись на сухомъ пути недалеко отъ дома, и римскіе крестьяне въ народномъ собраніи долго не соглашались на заморскую войну.

Легіоны было не трудно переправить черезъ узкій проливъ въ Сицилію; они вездѣ били карѳагенскихъ наемниковъ въ открытомъ полѣ и при осадѣ городовъ. Но карѳагеняне могли высадиться въ любомъ мѣстѣ острова съ моря и отрѣзать римскому войску подвозъ припасовъ.

Пришлось Риму поневолѣ строить военные корабли. На морскую службу забирали особенно грековъ-союзниковъ изъ южной Италіи. Римляне старались однако и морскую войну обратить въ сухопутную: они сцѣплялись съ вражескими судами бортъ о бортъ и бились на палубахъ.

И Римъ, и Карѳагенъ несли огромныя жертвы людьми и деньгами: въ большомъ морскомъ сраженіи близъ Сициліи съ обѣихъ сторонъ



Старинное изображеніе римскаго военнаго корабля; направо у носа крюкъ, чтобы сцѣпляться съ вражескимъ кораблемъ; налѣво у кормы привязанъ мостокъ, который перебрасываютъ на чужую палубу.

было около 700 кораблей. Корабли были очень крупны, и гребцы сидѣли пятью этажами, одинъ рядъ надъ другимъ. На кораблѣ люди помѣщены были такъ тѣсно, что съ крушеніемъ его обыкновенно тонулъ весь его экипажъ. Три большихъ флота римлянъ погибли отъ бурь.

Наконецъ римляне рѣшились на совершенно для нихъ новое дѣло: переправить войско въ Африку и пойти къ Карѳагену. Скоро оказалось, что ихъ порядки совсѣмъ не подходятъ для такого дальняго предпріятія. Ратники, привыкшіе къ недолгимъ походамъ въ Италіи, не хотѣли оставаться въ Африкѣ; половину войска пришлось отпустить по домамъ. Самъ начальникъ, консулъ Регулъ, жаловался въ письмѣ сенату, что небольшое его имѣніе въ Италіи осталось безъ призора и въ полномъ разореніи: приказчикъ умеръ, а батракъ ушелъ и забралъ ин-

струменты. Римлянъ осталось въ Африкѣ слишкомъ мало; они были разбиты греческими наемниками Карѳагена, и консулъ попалъ въ плѣнъ.

Двадцать три года (264—241) съ перемѣннымъ счастіемъ тянулась эта тяжелая война. Солдаты, которые сражались въ концѣ войны, въ ея началѣ еще не родились. Наконецъ Карѳагенъ отдалъ Риму Сицилію: купцы не хотѣли больше воевать, такъ какъ война разстраивала всю торговлю. Въ Римѣ многіе были также недовольны этой заморской войной: она разоряла крестьянъ, и ихъ вождь въ народномъ собраніи, трибунъ Фламиній, громко нападалъ на членовъ сената, которые взяли себѣ большую выгоду отъ новаго морского дѣла и завели на свой счетъ торговые корабли для поставки товаровъ въ Италію.

Фламиній требовалъ, чтобы по-старому вели войну на сушѣ и добывали хорошіе надѣлы для малоимущихъ крестьянъ. Когда народъ выбралъ его консуломъ, онъ разбилъ галловъ въ долинѣ рѣки По, захватилъ ихъ землю для раздачи крестьянамъ и провелъ первую военную дорогу на сѣверъ. Фламиній былъ «новый человѣкъ»: этимъ именемъ старинныя семьи, привыкшія занимать должности и сидѣть въ сенатѣ, называли людей, которые не принадлежали къ нимъ и пробивались собственными силами. На Фламинія подняли сильныя обвиненія въ сенатѣ, но народъ горячо вступился за своего вождя и не далъ его въ обиду.

Въ это время въ Карѳагенѣ выдвинулись предпріимчивые вожди изъ фамиліи Барка (молнія). Они дѣйствовали на свой страхъ въ Испаніи и завоевали болѣе половины полуострова. Испанія стала какъ будто ихъ княжествомъ.

Вторая война, съ 220 г. Изъ Испаніи Ганнибалъ Барка задумалъ большой походъ на Римъ. Войска его состояли изъ обученныхъ варваровъ, африканцевъ и испанцевъ. Болѣе опаснаго противника у римлянъ не было ни раньше, ни позже. Ганнибалъ былъ безконечно изобрѣтателенъ, отлично умѣлъ управляться со своими полудикими людьми, быстро изучалъ непріятеля и превосходно пользовался его слабостями. О хитрости его разсказывали чудеса, будто онъ, переодѣтый, съ фальшивой бородой проникалъ въ чужой лагерь. Его лазутчики были вездѣ и чуть не въ самомъ Римѣ.

Ганнибалъ повелъ войско далекимъ кружнымъ путемъ вдоль Средиземнаго моря, черезъ Испанію, Пиренеи, южную Францію, Альпы— въ сѣверную Италію. Переходы черезъ горы были очень трудны и стоили огромныхъ потерь; всѣ боевые слоны погибли въ Альпахъ. Но появленіе Ганнибала на сѣверѣ было страшной опасностью для Рима. Въ долинѣ рѣки По на его сторону стали галлы, только что покоренные Фламиніемъ; римскіе крестьяне, поселенцы этого края, были выгнаны. Ганнибалъ разбилъ одну за другой двѣ римскія арміи.

Въ Римѣ заволновался народъ: говорили, что родовитые люди, которые сидятъ въ сенатѣ, своею медленностью губятъ дѣло; надо все покончить однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Народъ выбралъ консуломъ своего любимца Фламинія. Съ горячею увѣренностью въ побѣдѣ отправился Фламиній навстрѣчу Ганнибалу и занялъ крѣпкую позицію на высотахъ Аппенинъ. Но Ганнибалъ обошелъ его; нѣсколько дней двигался онъ ужасными болотами; солдаты его шли въ водѣ и могли отдыхать только на трупахъ павшихъ лошадей; внезапно Фламиній увидалъ Ганнибала позади себя на дорогѣ къ Риму. Консулъ бросился назадъ: утромъ, когда его армія растянутой линіей спѣшила вдоль Тразименскаго озера, съ покрытыхъ туманомъ высотъ ринулись солдаты Ганнибала и перебили почти всѣхъ римлянъ; Фламинія зарѣзалъ одинъ галлъ.

Дорога къ Риму была открыта. Сенатъ видѣлъ теперь все спасеніе въ осторожности. Назначили диктаторомъ человѣка старинной фамиліи, Фабія. Онъ старался избѣгать открытыхъ сраженій, въ которыхъ Ганнибалъ былъ непобѣдимъ, и затруднять врагу добываніе припасовъ. Опять народъ зашумѣлъ противъ медленности Фабія. Опять сдѣлали уступку, смѣстили диктатора; однимъ изъ консуловъ былъ выбранъ народный вождь Варронъ, сынъ мясника. Консулы дали Ганнибалу битву при *Каннахъ*; она кончилась отчаяннымъ пораженіемъ римлянъ. Римъ, казалось, долженъ былъ погибнуть. На сторону Ганнибала перешли римскіе союзники южной Италіи и второй городъ Италіи, Капуа. Сицилія отпала.

Однако положеніе скоро измѣнилось. Всѣ успѣхи Ганнибала были одержаны безъ всякой помощи со стороны самого Карѳагена. Ганнибалъ не могъ собственными силами довести дѣло до конца. Его войско очень уменьшилось, и о нападеніи на Римъ нельзя было и думать. Римляне ободрились. По всей Италіи держались выстроенныя ими раньше крѣпости. Страна могла выставить еще много ратниковъ-крестьянъ, и они постояли за себя. Но народные вожди потеряли силу. Послѣ двухъ большихъ неудачъ, понесенныхъ по ихъ винѣ, сенатъ опять взялъ дѣла въ свои руки.

Главныя силы римлянъ двинулись за предѣлы Италіи. Молодой Сципіонъ отбилъ у карѳагенянъ важную Испанію, съ ея рудниками и большимъ запасомъ сильныхъ людей для войска. Оттуда онъ переправился въ Африку и привлекъ на свою сторону союзныхъ съ Карѳагеномъ нумидійцевъ. Изъ своихъ новыхъ африканскихъ союзниковъ онъ составилъ отличную конницу, которой не хватало у римлянъ. Сципіонъ, не похожій на старинныхъ римлянъ, мягкій въ обращеніи, образованный въ греческой наукѣ, умѣлъ располагать къ себѣ людей. Онъ умѣлъ также управиться въ новой странѣ съ незнакомыми племенами. Теперь, обратно, Карѳагенъ оказался въ отчаянномъ положеніи. Патріоты думали

спасти городъ, вызвавъ Ганнибала изъ Италіи. Но ему дали большею частью новыя, неиспытанныя войска. Сципіонъ разбилъ его при *Замѣ*, недалеко отъ Карѳагена.

Римъ поставилъ противнику тяжелыя условія: выдать на сожженіе весь военный флотъ, отдать всѣ владѣнія, кромѣ небольшой области около города, платить 50 лѣтъ огромную дань и не сноситься съ другими государствами безъ вѣдома и согласія Рима.

Могущество Римской республики послѣ 200 г. Сила Карѳагена была совершенно уничтожена. Онъ сталъ въ полную зависимость отъ Рима, и къ Риму перешли его богатства и владѣнія, находившіяся въ Испаніи, Сициліи, Сардиніи и Корсикѣ.

Эти успѣхи были достигнуты двумя тяжелыми *пуническими* войнами (такъ называли римляне войны съ Карѳагеномъ; по-латыни финикійскій—пунической). Римъ сталъ послѣ ихъ окончанія самымъ сильнымъ государствомъ въ тогдашнемъ свѣтѣ. Греческіе цари на востокѣ, македонскій и сирійскій, пытались еще сопротивляться Риму. Легіоны перешли опять за море, уже на востокъ, и одолѣли македонскую фалангу. Оба царя заплатили большую дань. Сирія и Египетъ должны были заключить съ римлянами союзы и обязались повиноваться великой республикѣ.

Возставшіе противъ сирійскаго царя іудеи (стр. 120) прислали въ Римъ драгоцѣнный золотой щитъ и просили покровительства: сенатъ отправилъ письма ко всѣмъ правителямъ извѣстнаго тогда міра, требуя охраны для іудеевъ.

До войны съ Карѳагеномъ Италія была крестьянской страной: старые римскіе помѣщики мало отличались по понятіямъ и образу жизни отъ мужиковъ; торговля была большею частью въ рукахъ иностранцевъ; въ казнѣ римской было немного денегъ, съ населенія не собирали податей. Послѣ этихъ завоеваній во всемъ обиходѣ Рима и Италіи началась великая перемѣна.

Теперь въ Римъ стала сходиться отовсюду огромная добыча драгоцѣнностями, золотой и серебряной монетой. У римскаго народа появились заморскія владѣнія: Сицилія, Сардинія, Корсика, Испанія. Области эти платили дань нерѣдко доставкой товара, напримѣръ, плодородная Сицилія присылала хлѣбъ. Лишь немногіе города внѣ Италіи, сдавшіеся римлянамъ, сохраняли самостоятельность. Большею частью страну, куда вступили римскія войска, Римъ объявлялъ *провинціей*, т.-е. областью подъ военной командой. Для управленія провинціей посылали одного изъ бывшихъ римскихъ консуловъ военнымъ начальникомъ, проконсуломъ. Онъ распоряжался полновластно. Туземные жители должны были содержать его дворъ и свиту. Онъ могъ тѣснить ихъ большими

поборами. Тягаться съ нимъ было очень трудно: пока онъ управлялъ провинціей, въ Римѣ не принимали на него жалобъ.

Римскіе откупщики. Въ отличіе отъ римскихъ гражданъ и союзниковъ жители провинціи были данниками, платили подать. Въ нынѣшнихъ европейскихъ государствахъ подати собираютъ, считаютъ и провѣряютъ чиновники, назначенные правительствомъ; для этого приходится держать много служащихъ и платить имъ жалованье. Римскіе правители не хотѣли входить въ разныя заботы и траты для сбора податей. Они дѣлали то, что дѣлаетъ помѣщикъ, который не хочетъ самъ хозяйничать: сдавали имѣнія въ аренду.

Вызывалось нѣсколько человѣкъ крупныхъ промышленниковъ, которые соединяли свои капиталы и составляли компанію. Они откупали у казны провинцію: вносили впередъ аренду и получали право взыскать съ провинціи подати, съ выгодой для себя. Они какъ будто покупали всю область оптомъ и потомъ возвращали себѣ затрату съ лихвой врозницу, собирая деньги съ городовъ и поселковъ.

Римскій мѣняла за своимъ столомъ.

Эти капиталисты, *откупщики*, какъ ихъ называли въ Римѣ, нанимали уже отъ себя множество сборщиковъ, счетчиковъ, писцовъ, заводили канцеляріи и склады; изъ Рима, гдѣ сидѣли директора компаніи, посылалось въ разныя мѣста провинціи и обратно множество дѣловыхъ писемъ: для этого была устроена правильная почта, которая тоже была въ рукахъ этихъ капиталистовъ. Служащіе у нихъ были большею частью рабы или вольноотпущенные. Откупщики брали также въ аренду у казны рудники, лѣса, пастбища, соляныя варницы, сборъ пошлины въ гаваняхъ, подвозъ хлѣба въ столицу.

Зажиточные люди въ Римѣ старались, при помощи капиталистовъ, также получить выгоду съ провинцій: какъ у насъ кладутъ деньги въ банкъ, такъ въ Римѣ ихъ отдавали на сбереженіе или въ промыселъ откупщикамъ; сберегатель получалъ на свой взносъ процентъ. Передъ началомъ какого-нибудь предпріятія, напримѣръ, разработки большого рудника, множество людей давали свои деньги впередъ на устройство и обзаведеніе дѣла; за свой взносъ они получали въ предпріятіи долю, пай или нѣсколько паевъ; въ случаѣ удачи всѣмъ пайщикамъ выплачивалась выгода, соотвѣтственно взносу каждаго. Дѣло могло разрастись, давать все бо̀льшіе барыши, тогда паи получали

болѣе дорогую цѣну, ихъ можно было перепродавать съ выгодой другимъ лицамъ Въ Римѣ граждане стали разсуждать и горячиться по поводу разныхъ доходныхъ заморскихъ дѣлъ: на *форумѣ*, большой базарной площади, образовалась биржа: за столами сидѣли банкиры, которые покупали и продавали паи, обмѣнивали монеты, сходившіяся изъ разныхъ странъ, давали ссуды.

У промышленниковъ было чрезвычайно много довѣрителей и должниковъ между гражданами; въ сенатѣ и въ народныхъ собраніяхъ капиталисты могли легко склонить голоса въ свою пользу, если имъ хотѣлось захватить новую доходную область. Своихъ торговыхъ противниковъ римскіе купцы и банкиры безжалостно уничтожали. Въ угоду имъ, черезъ 50 лѣтъ послѣ войны съ Ганнибаломъ, сенатъ рѣшилъ покончить съ Карѳагеномъ.

Начало римской имперіи послѣ 150 г. Карѳагеняне нѣсколько разъ откупались отъ бѣды, исполняя всѣ требованія Рима; они выдали даже все свое вооруженіе. Но когда въ Африкѣ высадилось римское войско и карѳагенянамъ было приказано, чтобы они сами разрушили свой городъ и переселились за двѣ мили отъ моря, т.-е. отказались вовсе отъ морской торговли, въ городѣ всѣ обезумѣли отъ негодованія. Доведенный до отчаянія, Карѳагенъ быстро вооружился. Римляне нашли передъ собою высокія тройныя стѣны съ четырехъэтажными башнями, настолько просторныя, что въ нихъ помѣщались конюшни для цѣлой кавалеріи, для массы слоновъ и казармы для большого войска. Три года простояли римляне, осаждая городъ, и нужно было все искусство лучшаго военнаго вождя, Сципіона (Младшаго), чтобы взять Карѳагенъ. Онъ былъ разрушенъ до основанія (146 г.), и его область римляне обратили въ провинцію *Африку*.

Въ томъ же году прибавились еще двѣ провинціи на востокѣ. Такъ же, какъ Карѳагенъ, былъ уничтоженъ богатый торговый Коринѳъ. Римляне обратили въ провинціи Грецію и Македонію. Еще черезъ 12 лѣтъ римляне ступили на почву Азіи. По завѣщанію умершаго греческаго царя, правившаго въ Пергамѣ (около древней Трои), къ Риму перешла безъ войны западная половина Малой Азіи съ богатыми приморскими греческими городами. Она стала называться провинціей *Азіей*.

Къ 130 году во власти римлянъ находились всѣ выдавшіеся въ Средиземное море полуострова Европы, Азіи и Африки. Кромѣ Италіи, всѣ эти земли были провинціями, или, иначе говоря, входили въ *имперію* Рима, т.-е. находились подъ военнымъ управленіемъ.

Вмѣстѣ съ легіонами вездѣ появлялись также римскіе денежные люди. Они ссужали данниковъ Рима, а также сосѣдніе города и вла-

дѣтельныхъ князей. Ссуды давались за крайне высокіе проценты, и римскіе ростовщики безпощадно взыскивали долги съ жителей провинцій и даже съ союзниковъ Рима. Одинъ городъ на островѣ Кипрѣ задолжалъ важному римскому капиталисту огромную сумму за 48% въ годъ; но средствъ не было, и городской совѣтъ отказался платить; тогда ходатай капиталиста выпросилъ у римскаго намѣстника сосѣдней области отрядъ и заперъ весь городской совѣтъ въ зданіи думы: нѣсколько совѣтниковъ во время осады умерли съ голоду.

Страшно стало римское имя по всему побережью Средиземнаго моря: римляне гордились тѣмъ, что въ чужой землѣ достаточно назваться римскимъ гражданиномъ, чтобы заставить себя уважать и бояться: Римъ не дастъ волоска тронуть у кого-либо изъ своихъ; всюду могутъ появиться его страшные легіоны.

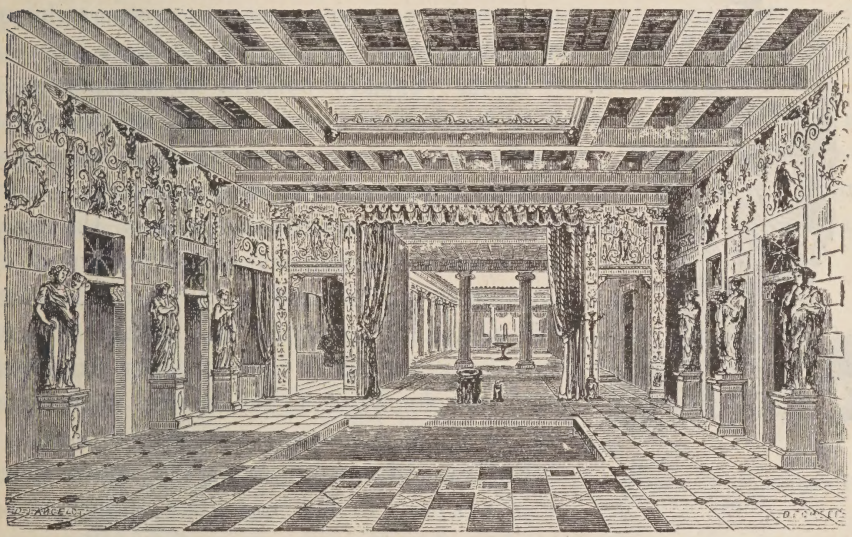
Нобили. Тѣ семьи, которыя правили дѣлами въ Римѣ, стали несравненно богаче и сильнѣе, чѣмъ были раньше.

Во время большихъ войнъ ихъ служба и положеніе совершенно измѣнились. Въ прежнихъ войнахъ, которыя велись въ Италіи, отъ вождей главнымъ образомъ требовалось упорство и добросовѣстность; на войнѣ примѣнялись стародавніе и однообразные пріемы и порядки, такъ какъ противники мало чѣмъ отличались отъ римлянъ. Не то стало теперь, когда начались морскія войны, когда легіоны посылались въ Испанію, Африку, Грецію, Азію, противъ народовъ разнаго обычая и разнаго характера боя. Начальникъ долженъ былъ выказать много ловкости, умѣнія обойтись съ чужими людьми; ему приходилось быстро изучать новыя мѣстности, придумывать или перенимать новые военные способы. Бравый, но ненаходчивый человѣкъ, въ родѣ Регула, пропадалъ въ такомъ положеніи. Гибкіе талантливые вожди, какъ Сципіоны, напротивъ, достигали огромныхъ успѣховъ.

Такихъ людей римляне подолгу оставляли у команды, гораздо дольше стариннаго годового срока; имъ поручали послѣ войны устроить захваченную провинцію и управлять ею первое время. Эти намѣстники чувствовали себя точно царями надъ покоренными жителями: они издавали приказы, черезъ ихъ руки проходили огромныя суммы добычи и дани. Войско выражало имъ свою преданность: иногда солдаты громко объявляли своего вождя *императоромъ*: это былъ почетный титулъ побѣдителя.

При возвращеніи въ Римъ ему устраивали торжество, *тріумфъ*. Императоръ въ сопровожденіи своихъ солдатъ, которые пѣли побѣдныя пѣсни, ѣхалъ черезъ весь городъ въ раскрашенной повозкѣ, имѣвшей видъ круглой башни, въ ярко-красномъ плащѣ съ золотой каймой, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и браслетами на рукахъ.

Надъ нимъ рабъ держалъ золотую корону съ драгоцѣнными камнями и повторялъ: «гляди назадъ», т.-е. не возгордись. Впереди несли его добычу, золото и серебро, диковинныя вещи, невиданныя растенія и животныя, вели плѣнниковъ въ оковахъ и между ними иногда побѣжденныхъ царей; несли большія картины, изображавшія всѣ его побѣды, крѣпости, которыя онъ взялъ, горы, рѣки, моря, города, которые онъ захватилъ. Побѣдитель Македоніи, Эмилій Павлъ, везъ въ теченіе трехъ дней свою добычу: первый день на 250 огромныхъ телѣгахъ прошли взятыя у грековъ статуи и картины, на другой— появился цѣлый арсеналъ оружія, нѣсколько тысячъ человѣкъ тащили



Пріемные покои въ домѣ нобиля.

на плечахъ сосуды съ серебряной монетой, на третій—несли золото въ деньгахъ, золотую посуду побѣжденнаго царя и т. д. По всѣмъ улицамъ стоялъ народъ въ праздничныхъ бѣлыхъ плащахъ. Шествіе направлялось къ Капитолію, старинной крѣпости, въ храмъ Юпитера, гдѣ богу возносили молитвы и отдавали лучшія вещи.

Бывшій вождь сохранялъ въ Римѣ видное положеніе: нерѣдко къ нему обращались и во второй разъ; или же, какъ Сципіонъ послѣ побѣды надъ Ганнибаломъ, онъ легко могъ провести на должности своихъ родственниковъ и близкихъ друзей. Эмилій Павлъ былъ близокъ къ Сципіону Старшему; сынъ Эмилія послѣ смерти отца былъ принятъ въ семью Сципіоновъ и получилъ ея имя (это—Сципіонъ Младшій, который окончательно взялъ Карѳагенъ). Семьи заслужен-

ныхъ людей въ Римѣ стали называться *нобилями* (т.-е. видными, знатными).

Нобили выдѣлялись въ Римѣ особымъ правомъ: въ домѣ нобиля хранились восковыя маски, снятыя съ лицъ всѣхъ предковъ, которые занимали должности: маски были помѣщены въ главномъ залѣ, въ шкапчикахъ вдоль стѣны, а между ними были нарисованы на стѣнѣ линіи, соединявшія ихъ въ большое родословное древо; надъ каждымъ изображеніемъ была надпись, которая разсказывала о подвигахъ и отличіяхъ умершаго; если въ родѣ нобиля были императоры, то въ честь ихъ въ домѣ ставились статуи. Въ праздничные дни шкапчики раскрывались, и маски увѣнчивались лавромъ.

Римлянинъ въ плащѣ (тогѣ).

Когда у́миралъ нобилъ, на похоронахъ народу показывали весь блескъ рода; впереди гроба ѣхали на колесницахъ люди въ маскахъ предковъ умершаго и въ старинныхъ консульскихъ и тріумфальныхъ костюмахъ. На форумѣ эта процессія останавливалась; умершаго приподнимали на носилкахъ; актеры, изображавшіе предковъ, садились въ кресла, и одинъ изъ родственниковъ произносилъ хвалебную рѣчь покойному и всѣмъ словно воскресшимъ кругомъ него членамъ знаменитаго рода.

Нобили заполняли *сенатъ*. Въ сенатъ собиралось отъ 300 до 600 человѣкъ. Консулъ объявлялъ дѣло, которое надо было обсудить, и приглашалъ сенаторовъ по порядку сказать свое мнѣніе. Одинъ за другимъ вставали они, и кто могъ, подробно объяснялъ свой взглядъ, но говорили лишь тѣ, кому уже пришлось занимать должности или, какъ римляне выражались, имѣть кресло (консулы, судьи и др. садились передъ народомъ на кресло, обитое слоновою костью). Остальные молча присоединялись къ говорившимъ. Чтобы узнать, къ чему клонитъ большинство, консулъ предлагалъ разступиться: направо садились тогда сенаторы, которые держались одного мнѣнія, налѣво— тѣ, кто стоялъ за мнѣніе противоположное.

Нобили устанавливали между собою очередь для управленія провинціями. Изъ провинцій они привозили громадныя богатства. Но для того, чтобы стать намѣстникомъ, надо было сначала пройти должность консула или судьи *(претора)* въ Римѣ, а въ эти должности выбиралъ народъ. Нобиль старался всѣми средствами получить расположеніе на-

рода: устраивалъ большіе общіе обѣды на улицахъ въ разныхъ частяхъ города, забавлялъ народъ зрѣлищами въ театрѣ и циркѣ, нерѣдко прямо раздавалъ деньги сотнямъ и тысячамъ людей черезъ особыхъ кассировъ; однажды четыре нобиля, которые соперничали изъ-за консульства, уплатили каждый по 1 милліону рублей на наши деньги. Такимъ способомъ нобиль какъ бы покупалъ себѣ въ будущемъ доходную провинцію, а въ ожиданіи богатства иногда совершенно разорялся. Въ дни выборовъ тѣ, кто желалъ получить должности, выходили въ бѣлыхъ плащахъ, и народъ быстро различалъ своихъ угодниковъ и любимцевъ.

Нобиль считалъ для себя недостойнымъ заниматься лично торговлей, мореходствомъ, но онъ отдавалъ обыкновенно капиталъ своимъ рабамъ или вольноотпущеннымъ; тѣ заводили какое-нибудь дѣло, лавку, ссуду, доставку товаровъ моремъ; выгода доставалась господину.

Множество людей искали у нобилей занятій, поддержки или подачки: они назывались *кліентами* (послушными, зависимыми людьми). Куча челядинцевъ наполняла большой домъ нобиля: онъ держалъ множество ненужныхъ рабовъ ради важности, блеска: одинъ открывалъ

Римскій обѣдъ.

двери, другой кричалъ, какое подаютъ кушанье за обѣдомъ, третій былъ шутомъ и т. д. Ихъ бывало въ домѣ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ передней у нобиля и у дверей снаружи дожидались кліенты и искатели подачекъ: когда онъ выходилъ, его поздравляли, выпрашивали у него порученія. Онъ часто не зналъ всей своей свиты: особый рабъ называлъ ему имена пришедшихъ. Иногда имъ раздавали монетки, старые плащи, кормили ихъ за господскимъ столомъ и т. д.

Большія имѣнія. Нобиль считалъ своею гордостью пріобрѣсти побольше земли: часто онъ скупалъ имѣнія разорившихся крестьянъ или мелкихъ помѣщиковъ. Составлялось огромное имѣніе въ нѣсколько тысячъ десятинъ.

Часто въ такомъ имѣніи не было хозяйства: владѣлецъ строилъ себѣ великолѣпную дачу, запускалъ большой просторъ подъ паркъ для охоты или вмѣсто того, чтобы обрабатывать землю, оставлялъ огромныя пространства подъ пастбища; по большимъ пустырямъ, гдѣ прежде были населенныя деревни, особенно на югѣ Италіи, стали бродить обширныя стада, а за ними смотрѣли полудикіе рабы-пастухи, которыхъ вооружали на случай нападенія звѣрей; пастухи эти нерѣдко обращались въ разбойниковъ и бросались на проѣзжихъ. Много земли пропадало такъ даромъ.

Рабы. Но иной нобиль заводилъ у себя обширное хозяйство въ имѣніи: сажалъ виноградъ и оливку, держалъ птичникъ и т. д. Свободныхъ людей онъ старался брать къ себѣ на работу, потому что имъ надо было платить: онъ искалъ себѣ самыхъ дешевыхъ работниковъ, рабовъ, которыхъ приходилось только кормить и держать подъ крышей.

Рабовъ можно было теперь покупать въ огромномъ количествѣ: каждая война кончалась продажей множества плѣнныхъ; кромѣ того, на Средиземномъ морѣ завелся особый промыселъ: морскіе разбойники похищали людей по приморскимъ деревнямъ. Всѣхъ этихъ плѣнныхъ, присужденныхъ къ каторгѣ или похищенныхъ людей привозили толпами на рынки: на островѣ Делосѣ, гдѣ былъ одинъ изъ такихъ рынковъ, въ одинъ день высаживали на берегъ, запродавали, къ вечеру сажали на другіе корабли для отсылки до 10.000 рабовъ.

Домашній рабъ, несущій блюдо.

Римляне, народъ суровый, жестче относились къ рабамъ, чѣмъ греки. Одинъ практичный римскій хозяинъ говорилъ, что надо купить раба очень молодымъ, чтобы было подешевле, и самому ему обучить; когда онъ начнетъ старѣть, надо отъ него отдѣлаться, продать его, пока онъ не сталъ обузой. Былъ и другой совѣтъ: заставить раба работать до такой степени, чтобы онъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ ѣды и сна. Рабъ вѣдь и не человѣкъ: онъ хозяйское орудіе. Есть орудіе безгласное, напримѣръ, плугъ; есть орудіе полугласное — скотъ; есть орудіе гласное, это—рабъ.

Рабамъ въ большомъ имѣніи *(виллѣ)* обыкновенно не позволяли обзаводиться семьями; они жили въ казармѣ. Провинившихся заковывали въ цѣпи и запирали въ тюрьму, гдѣ до узкихъ окошекъ въ стѣнѣ нельзя было съ полу достать рукой. Рабовъ выводили на работу отрядами, нерѣд-

ко въ цѣпяхъ; впереди шелъ десятникъ съ бичемъ или заостренной палкой, чтобы подгонять нерадивыхъ. Они складывали вмѣстѣ верхнюю одежду, которую берегъ особый надсмотрщикъ. Владѣльцы справдывали свою жестокость тѣмъ, что рабовъ кругомъ у нихъ огромная масса, и что рабы — чужіе, иновѣрные, иноязычные люди: живешь какъ будто среди враговъ, и иначе, какъ неумолимою строгостью, нельзя ихъ держать въ страхѣ. Случаи убійства господъ рабами были нерѣдки. Поэтому нобили въ сенатѣ издали особый законъ для устрашенія рабовъ: въ случаѣ, если господинъ будетъ найденъ въ своемъ домѣ или въ путешествіи убитымъ, то пыткѣ и казни должны быть подвергнуты всѣ рабы, которые жили въ домѣ или были въ пути съ убитымъ, хотя бы ихъ оказалось нѣсколько десятковъ или сотъ человѣкъ.

Рабъ-рабочій въ оковахъ.

Число рабовъ въ большомъ имѣніи могло доходить до нѣсколько тысячъ. Хозяинъ старался отрѣзать своихъ рабовъ отъ остального міра: онъ не пускалъ чужихъ на свой дворъ; рабы должны были сами сдѣлать себѣ одежду, посуду (большую мастерскую рабовъ въ имѣніи называли *фабрикой*). У входа во дворъ сидѣлъ привратникъ и строго наблюдалъ за входящими и выходящими; а надъ воротами въ большомъ домѣ было устроено окно, въ которое глядѣлъ управляющій, наблюдая за привратникомъ.

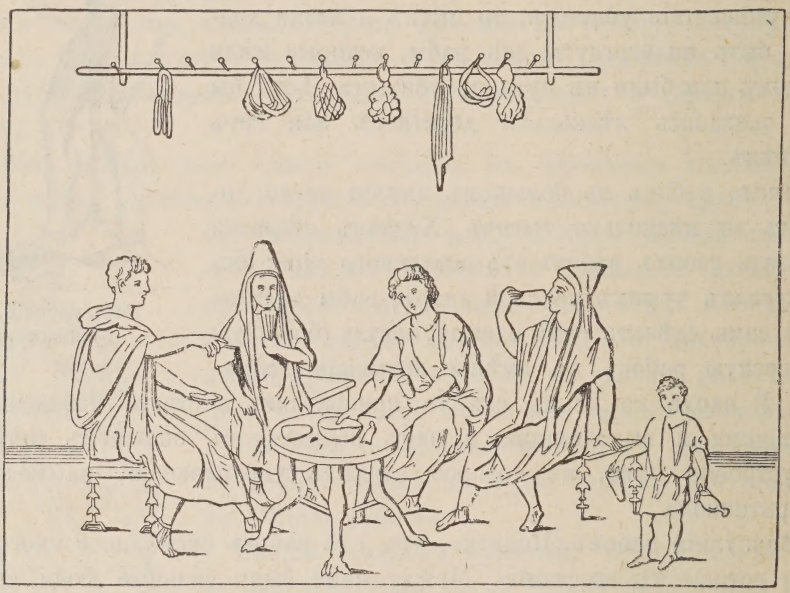
Возстанія рабовъ. Понятно, что, гдѣ рабовъ скоплялось много, они были готовы къ возстанію. Между ними были сильные люди, напримѣръ, пастухи въ южной Италіи или гладіаторы, т.-е. рабы, обученные военнымъ пріемамъ для игръ въ римскихъ театрахъ.

Однажды вся Сицилія, гдѣ были особенно крупныя помѣстья, была захвачена возставшими рабами: это были все чужіе люди, уроженцы востока. Началось возмущеніе заговоромъ среди дворни одного крупнаго землевладѣльца, извѣстнаго истязателя рабовъ. Толпа рабовъ бросилась въ сосѣдній городъ, гдѣ былъ хозяинъ, и убила его среди театра. На всемъ островѣ перебили господъ; къ рабамъ присоединились обнищавшіе свободные люди. Одинъ сирійскій невольникъ Эвнъ, котораго хозяинъ показывалъ, какъ фокусника и шута, а товарищи чтили, какъ предсказателя, былъ выбранъ рабами въ цари. Три года распоряжались они въ Сициліи, и цѣлыя римскія арміи съ консулами во главѣ ничего не могли сдѣлать противъ нихъ. Наконецъ ихъ

одолѣли, и расправа была самая безчеловѣчная: 20.000 рабовъ было распято на крестахъ.

Городъ Римъ. Послѣ большихъ завоеваній совершенно измѣнился видъ самаго Рима. Прежде городъ состоялъ изъ низкихъ, безпорядочно разбросанныхъ домовъ, которые прерывались большими пустырями. Только въ базарные дни да когда грозила опасность отъ врага, наполнялся онъ пришлымъ народомъ изъ деревень, а то въ немъ было мало своего населенія и мало движенія.

Совсѣмъ иное дѣло, когда Римъ сталъ столицей всѣхъ земель около Средиземнаго моря. Въ городъ являлось множество иностранцевъ:



Обѣдъ въ харчевнѣ. Сидящіе—въ дорожныхъ платьяхъ.

послы другихъ державъ со своими свитами, торговцы, художники, риторы. Откупщики устраивались со своими канцеляріями и посыльными. Около нобилей скоплялось большое количество кліентовъ. На всѣхъ этихъ разнообразныхъ пріѣзжихъ, служащихъ, дворовыхъ людей надо было готовить и подвозить съѣстные припасы, одежду, посуду, мебель, предметы роскоши; множество ремесленниковъ, лавочниковъ, извозчиковъ и носильщиковъ стали получать заработокъ въ Римѣ.

Вмѣсто прежняго населенія въ нѣсколько десятковъ тысячъ, количество народа въ Римѣ доросло до милліона. Пустыри застроились, стройка далеко зашла за черту старыхъ стѣнъ. Теперь пришлось строить въ высь многоэтажные дома. Правда, для площадей, для кра-

сивыхъ построекъ храмовъ, цирковъ, театровъ, сенатскихъ залъ отводили широкій просторъ; много мѣста занимали дворцы нобилей съ обширными садами около нихъ. Но отъ этого становилось еще тѣснѣе въ кварталахъ, гдѣ жила бѣднота. Тутъ поднимались шести-семиэтажныя громады, казармы на видъ, раздѣленныя внизу на лавочки и мастерскія, наверху—на множество мелкихъ квартиръ и угловъ для бѣднаго люда. Бѣдняку приходилось взбираться часто на 200 ступенекъ вверхъ, а то, напротивъ, онъ спускался на 10—20 ступенекъ внизъ отъ земли въ подвальное помѣщеніе.

Грязно, нездорово и опасно было жить въ этихъ «крѣпостяхъ» (вмѣсто этого нашего выраженія въ Римѣ называли подобные дома «островами», потому что они занимали цѣлый кварталъ, какъ бы островъ между проѣздами): между ними ползли узкія, кривыя улички, куда не проникалъ солнечный лучъ. Верхніе этажи домовъ наскоро строились изъ дерева: въ случаѣ пожара изъ множества скученныхъ домовъ получался настоящій костеръ. Пожары въ Римѣ бывали часто: тогда выгорали цѣлыя части города, и много бывало человѣческихъ жертвъ.

Народъ въ Римѣ. Населеніе Рима стало очень пестро. Помимо того, что въ столицу являлось много пріѣзжихъ, составъ самихъ гражданъ очень измѣнился. Побѣдители привозили толпы плѣнныхъ рабовъ. Во множествѣ ихъ потомъ отпускали на волю. Вольноотпущенный, живя въ Римѣ, могъ стать римскимъ гражданиномъ. Вслѣдствіе этого въ Римѣ, все подъ тѣмъ же старымъ названіемъ римлянъ, скоплялась разноплеменная толпа: испанцы, африканцы, галлы, греки, сирійцы и т. п. Другія лица виднѣлись теперь въ народномъ собраніи; другіе нравы проникли сюда: вмѣсто серьезныхъ тяжеловатыхъ плебеевъ-крестьянъ стали шумѣть бойкіе городскіе жители; вошли въ обычай споры, перерывы, возбуждающія рѣчи. Когда однажды знаменитаго побѣдителя Карѳагена, Сципіона Младшаго, стали прерывать въ народномъ собраніи, онъ гнѣвно крикнулъ: «молчите вы, рабы, которыхъ я вчера привелъ въ оковахъ въ Римъ!»

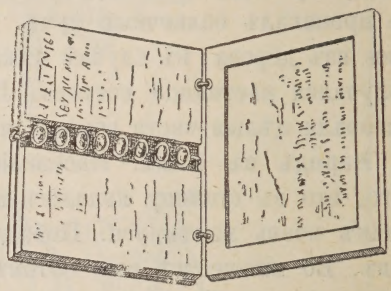
Чужіе обычаи и вѣра. Вмѣстѣ съ иностранцами проникла въ Римъ и чужая вѣра: переселенцы приносили своихъ боговъ, за ними двигались проповѣдники и жрецы. Уже раньше стали появляться греческіе боги; римляне по большей части соединили ихъ въ умѣ со своими богами, какъ, напр., Зевса съ Юпитеромъ. Между римлянами и греками были издавна сношенія: оттого латинская азбука взята съ греческой. Греческіе архитекторы строили теперь по греческимъ образцамъ храмы римскихъ боговъ, греческіе художники ставили ихъ изображенія.

Но были принесены и совсѣмъ чужіе боги. Египетскіе жрецы въ бѣлыхъ льняныхъ одеждахъ съ трещетками въ рукахъ голосили и

плакали по умершему своему богу Озирису. Почитатели малоазіатской богини Кибелы, великой матери боговъ, поднимали оглушающій шумъ бубенъ, стукъ оружія, дикіе крики и бѣшеный танецъ, стараясь привести себя въ состояніе восторга. Позднѣе другихъ стали переселяться евреи, которые заняли потомъ большой особый кварталъ въ Римѣ; они поражали всѣхъ отсутствіемъ изображеній и пышности въ своихъ залахъ, *синагогахъ*, гдѣ они собирались для чтенія Писанія и для бесѣды.

Римскіе правители очень подозрительно относились къ этимъ чужимъ вѣрованіямъ и обычаямъ. Они считали все это «суевѣріемъ». Сторонники старины думали, что если испортился нравъ народа, такъ именно отъ чужихъ обычаевъ, что оттого народъ сталъ жаденъ, не-

Чтеніе книги. Направо раскрытый шкапчикъ со свитками и чернильницей.



Таблички для письма; съ внутренней стороны онѣ покрывались тонкимъ слоемъ воска, по которому писали острымъ концомъ небольшой палочки (стиля); тупымъ закругленнымъ концомъ палочки можно было стирать написанное.

честенъ, бросилъ свои прежнія занятія и сталъ уходить изъ деревень въ города. Ревнители старины не знали только, за что взяться, чтобы искоренить чужой духъ: они то запрещали иностранные наряды, то ограничивали количество серебряной посуды въ домахъ, то выгоняли иноземныхъ проповѣдниковъ и учителей. Всѣ эти мѣры оставались безполезны.

Греческое образованіе. Между нобилями особенно сильно распространялись чужіе обычаи. Оба Сципіона и Эмилій Павлъ были большіе почитатели Греціи. Въ высшемъ обществѣ моднымъ разговорнымъ языкомъ сталъ греческій. Нобили приставляли къ своимъ дѣтямъ греческихъ рабовъ-учителей. Они любили развлекаться слушаніемъ греческихъ стиховъ или греческихъ рѣчей. Они учились искусству рѣчи у пріѣзжихъ знаменитыхъ греческихъ риторовъ; на судѣ и въ на-

родномъ собраніи стали появляться особые мастера художественной рѣчи, *ораторы*.

У римлянъ раньше вовсе не было литературы. Въ то время какъ у грековъ особые художники-пѣвцы исполняли цѣлыя поэмы о подвигахъ боговъ и героевъ, у римлянъ за столомъ заставляли мальчика протянуть какую-нибудь незатѣйливую пѣснь о старинномъ вождѣ. Теперь, когда въ Римъ стали стекаться иностранцы, многіе греки задумали познакомить римлянъ со своей поэзіей; греческія поэмы были переведены на латинскій языкъ, писались подражанія Гомеру, въ Римѣ начали ставить театральныя пьесы наподобіе греческихъ. Однако эти занятія были чѣмъ-то чужимъ для римлянъ: литераторы, писавшіе на латинскомъ языкѣ, были по большей части не римляне родомъ и не изъ свободныхъ гражданъ, а иностранцы и вольноотпущенные. Въ Римѣ гораздо менѣе людей, чѣмъ въ Греціи, читали поэзію и любили театръ.

Еще менѣе римляне интересовались наукой: они были великіе техники, инженеры и воины, великіе мастера въ дѣлѣ управленія; но ихъ мало занимали вопросы о строеніи вселенной или о душѣ человѣческой, въ которые такъ углублялись греки.

IX.

Конецъ республики въ Римѣ. 130—30 гг. до Р. Х.

Разореніе Италіи. Въ то время, какъ богатѣлъ Римъ и росло его населеніе, Италія разорялась. Страшно опустошили страну варвары Ганнибала за тѣ 15 лѣтъ, которыя они въ ней пробыли. Многія области такъ и не поправились потомъ. Римляне увеличили разореніе еще тѣмъ, что отобрали земли у союзниковъ, бывшихъ на сторонѣ Ганнибала. Земли эти считались съ тѣхъ поръ казенными. Ихъ называли *общественное поле*. По большей части ихъ разобрали нобили за небольшую плату казнѣ.

Вездѣ, гдѣ прошло разореніе, или гдѣ земли были отобраны, не стало больше крестьянъ. Мужикъ, потерявшій дворъ и землю, уходилъ въ Римъ или другой городъ на заработокъ, поступалъ во флотъ, уѣзжалъ въ другую страну. Онъ становился во всякомъ случаѣ *пролетаріемъ*, т.-е. человѣкомъ, у котораго завтрашній день не обезпеченъ.

Да и тѣмъ крестьянамъ, которые остались на землѣ, стало тяжело. Они не могли больше сбывать свой хлѣбъ въ Римъ и крупные го-

рода у моря, хотя именно теперь тамъ нужно было гораздо больше хлѣба, чѣмъ раньше. Дѣло въ томъ, что римляне захватили сами въ свои руки морскіе пути и богатыя заморскія области и везли къ себѣ даровой хлѣбъ: Сицилія, Африка, а позднѣе еще и Египетъ должны были хлѣбомъ платить дань своему властелину. Только провозъ этого хлѣба стоилъ денегъ; поэтому чужой дальній хлѣбъ выходилъ гораздо дешевле домашняго итальянскаго. Крестьянину итальянскому некуда было дѣваться съ урожаемъ своихъ полей, а между тѣмъ онъ долженъ былъ достать денегъ для разныхъ надобностей. Вслѣдствіе этого многіе крестьяне продавали свои участки, и въ деревняхъ народу становилось меньше.

Популяры. Объ этомъ разореніи итальянскихъ крестьянъ очень стоило подумать. Вѣдь изъ числа крестьянъ Римъ получалъ бо́льшую и лучшую часть солдатъ; болѣе слабые городскіе обыватели гораздо менѣе годились въ тяжелую военную службу. Въ средѣ нобилей появились люди, которые считали разореніе крестьянъ большой бѣдой для Рима. Ихъ звали *популярами*, сторонниками народа. Одинъ изъ популяровъ, Тиберій Гракхъ, внукъ Сципіона Старшаго, видѣвшій много нужды крестьянской, говорилъ въ народномъ собраніи: «звѣри и птицы имѣютъ логовища, а людямъ, покорившимъ весь свѣтъ, некуда голову преклонить!»

Популяры искали должности трибуновъ, потому что, по старой памяти, трибунъ считался народнымъ защитникомъ и имѣлъ большую силу въ народномъ собраніи. Популяры думали, что можно помочь горю, если раздать бѣднымъ семьямъ пустыя и даромъ пропадающія земли; сколько будетъ роздано участковъ, столько будетъ опять крестьянъ.

Когда Тиберія Гракха выбрали трибуномъ, онъ предложилъ взять для такой раздачи землю общественнаго поля. Такъ какъ этой землей уже владѣли нобили, Гракхъ рѣшилъ ихъ ограничить: никто не долженъ былъ держать больше 250 десятинъ изъ общественнаго поля и гонять больше 1000 головъ скота на общій выгонъ. Излишекъ земли свыше этого размѣра нобили должны были выдать назадъ; эту землю Гракхъ предложилъ раздѣлить на мелкіе крестьянскіе участки по 2 десятины и раздавать бѣднымъ.

Большинство нобилей въ сенатѣ было сильно раздражено за то, что перемѣну производятъ на ихъ счетъ. Они образовали противъ популяровъ партію *оптиматовъ* (т.-е. «лучшихъ», первыхъ людей). Когда дошелъ годовой срокъ должности Тиберія Гракха, и онъ стоялъ въ шумной народной толпѣ, дожидаясь новаго выбора, изъ залы сената быстро вышли оптиматы, подхватившіе, что пришлось, ножки стульевъ и палки;

толпа разступилась передъ знатными людьми, и они легко перебили безоружнаго Гракха и небольшую кучку его друзей (133 г.).

Кай Гракхъ. Десять лѣтъ спустя прибылъ изъ провинціи и сталъ также трибуномъ его младшій братъ, Кай. Онъ умѣлъ увлекательно говорить; горячо и сильно велъ онъ всякое дѣло. Онъ считалъ, что многое надо измѣнить въ римскихъ порядкахъ, и видѣлъ, что придется объявить непримиримую войну оптиматамъ. Кай Гракхъ предложилъ раздавать бѣднымъ участки земли не только въ Италіи, но и въ провинціяхъ. Онъ хотѣлъ помочь раздачей земли и союзникамъ, а для этого принять ихъ въ число римскихъ гражданъ.

Такъ какъ въ сенатѣ большинство было противъ этихъ перемѣнъ, Кай Гракхъ могъ разсчитывать только на народное собраніе. Въ этомъ собраніи теперь мало было крестьянъ. Главные вѣскіе голоса принадлежали промышленникамъ и откупщикамъ, а большинство составляла городская толпа. Тѣмъ и другимъ Кай Гракхъ сдѣлалъ уступки, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Откупщикамъ онъ отдалъ для сбора податей только что полученную римлянами область, провинцію Азію (стр. 139). Городской толпѣ онъ устроилъ раздачу по дешевой цѣнѣ казеннаго хлѣба. Казна должна была взять на прокормъ болѣе сотни тысячъ человѣкъ въ Римѣ.

Кай Гракхъ получилъ огромную силу: по порученію народа онъ устроилъ большія работы въ Италіи, которыми занялъ много людей; послы отъ союзниковъ, отъ провинцій и иностранныхъ державъ совѣщались съ нимъ. Какъ трибунъ, онъ могъ остановить дѣла въ сенатѣ, положить на все запретъ и свою печать, если бы сенатъ сталъ ему сопротивляться. Самъ онъ по своей должности защитника народа былъ «священной особой». Онъ правилъ почти неограниченно въ Римѣ два года, пока былъ трибуномъ. Но на третій годъ народъ его не выбралъ: римскимъ горожанамъ не нравилось, что онъ стоитъ за союзниковъ.

Кай Гракхъ пересталъ быть священнымъ лицомъ. Сенатъ поручилъ консулу захватить его. Кай Гракхъ съ нѣсколькими тысячами сторонниковъ окопался на одномъ изъ римскихъ холмовъ. Въ жестокой схваткѣ онъ былъ убитъ (121 г.).

Оптиматы поспѣшили раздѣлить между собою навсегда общественное поле въ Италіи, чтобы уже о немъ не поднималось больше рѣчи. Они нашли, что одну мѣру, введенную Каемъ Гракхомъ, хорошо сохранить для того, чтобы имѣть на своей сторонѣ городскую толпу, а именно: они согласились раздавать ей дешевый, а потомъ и даровой хлѣбъ. Болѣе 300,000 человѣкъ въ Римѣ стали получать изъ казенныхъ амбаровъ зерно, подвозившееся моремъ. Ежемѣсячно по особымъ биле-

тамъ выдавали около двухъ пудовъ на каждаго человѣка; получали только мужчины, между ними мальчики съ 11 л.

Черезъ 20 лѣтъ послѣ Кая Гракха популяры попытались добиться большаго раздѣла земель для неимущихъ при помощи солдатъ.

Новое войско, около 100 г. Солдаты въ старину были ополченцы, тѣ же граждане; ихъ отпускали послѣ короткаго похода по домамъ. Въ долгихъ заморскихъ войнахъ легіоны обратились въ нераспускаемыя постоянныя войска: солдатъ совсѣмъ отрывали отъ домашней работы; казна стала имъ платить жалованье; послѣ большихъ побѣдъ они получали отъ вождей крупные подарки. Солдатское дѣло обратилось въ особое ремесло: вмѣсто набора молодыхъ парней изъ всѣхъ семей стали вербовать солдатъ, брать охотниковъ. Въ войскѣ исчезло раздѣленіе по богатству и по виду оружія.

Солдаты вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отдѣлились по образу жизни и понятіямъ отъ остальныхъ гражданъ. Они считали себя выше гражданъ и обижались, когда ихъ звали гражданами. Имъ не было дѣла до рѣшеній сената и народа въ Римѣ. Военный вождь былъ ихъ единственнымъ начальствомъ; они были увѣрены, что ихъ благополучіе зависитъ отъ его искусства на войнѣ и его щедрости послѣ войны.

Въ походахъ и на стоянкахъ вожди требовали отъ нихъ тяжелой работы; солдаты сами должны были окопать и возвести весь свой лагерь; они строили крѣпости и корабли, мостили дороги, дѣлали водопроводы. За проступки имъ грозили самыя тяжелыя наказанія: розги и плети, клейма на тѣлѣ; въ случаѣ бѣгства цѣлаго отряда съ поля битвы каждаго десятаго солдата казнили отрубленіемъ головы. Но и солдаты привыкли ставить вождю свои требованія: въ лагерѣ постоянно собирались сходки солдатъ и офицеровъ; начальникъ выходилъ къ нимъ, говорилъ имъ рѣчи, какъ въ народномъ собраніи, сообщалъ свои намѣренія, давалъ обѣщанія. Если солдаты были недовольны, они свергали своего вождя или переходили къ другому. Нужно было большое искусство, чтобы съ ними ладить и надъ ними господствовать; но вождю приходилось также угождать имъ большой добычей.

Въ это время на сѣверѣ и на востокѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поднимались одно за другимъ крупныя военныя предпріятія, которыя выдвигали вождей и ихъ солдатъ.

Началось съ движенія сѣверныхъ ордъ, *кимвровъ* и *тевтоновъ*, которые шли изъ-за Альпъ. Въ Италіи ходили преувеличенные разсказы о ихъ силѣ. Они могли бѣжать рядомъ со скачущимъ конемъ; вождь тевтоновъ прыгалъ черезъ 6 лошадей, поставленныхъ рядомъ. Пронзивъ человѣка копьемъ, варваръ могъ его и поднять на копьѣ. Въ сраженіи они приходили въ ярость, вырывали съ корнемъ деревья, от-

ламывали руками куски сталъ и метали ихъ во враговъ, стаскивали въ рѣку цѣлыя кучи земли, такъ что вода выступала изъ береговъ. Женщины ихъ, крѣпкія, какъ мужья, бились вмѣстѣ съ ними. Варвары искали новыхъ мѣстъ для поселенія въ равнинахъ рѣкъ По и Роны, угрожая римскимъ поселеніямъ въ той и другой области.

Лучшимъ генераломъ въ Римѣ въ это время былъ Марій. Онъ считался новымъ человѣкомъ, т.-е. не принадлежалъ къ нобилямъ, и пробился на должности при помощи популяровъ и богатыхъ откупщиковъ. Марія послали на сѣверъ и пять лѣтъ подъ рядъ, противъ обычая, выбирали консуломъ. Онъ долго готовилъ и снаряжалъ своихъ солдатъ и наконецъ въ упорной борьбѣ истребилъ большую часть варваровъ; остальные были захвачены въ плѣнъ и проданы въ рабство; ихъ купили владѣльцы большихъ имѣній въ Италіи.

Войско Марія было набрано совсѣмъ по-новому; онъ сталъ призывать подъ оружіе по большей части безземельныхъ людей, пролетаріевъ. Такіе солдаты ничего не теряли, уходя съ родины на службу; но когда они возвращались послѣ походовъ *ветеранами*, т.-е. отслужившими, имъ грозила участь опять стать нищими. Поэтому они требовали, чтобы вождь обезпечилъ ихъ землей въ самой Италіи.

Междоусобныя войны. Болѣе всего помогъ Марію пройти въ консулы трибунъ Аппулей Сатурнинъ; солдатамъ Марія онъ обѣщалъ земельные надѣлы. Когда войско Марія вернулось, Сатурнинъ предложилъ раздать неимущимъ земли, отобранныя римлянами въ провинціяхъ. Онъ вызывалъ нѣсколько разъ безземельныхъ крестьянъ со всей Италіи на народныя собранія въ Римѣ, приглашалъ бывшихъ солдатъ Марія и хотѣлъ ими запугать сенатъ. Нобили обратились за помощью къ тому же Марію и поручили ему истребить крестьянъ, вызванныхъ въ Римъ и вооруженныхъ Сатурниномъ. Марій осадилъ своихъ бывшихъ друзей и сторонниковъ въ Капитоліи и перебилъ ихъ (100 г.).

Но итальянскіе крестьяне не успокоились. Жители союзныхъ общинъ со времени Кая Гракха раздражены были тѣмъ, что ихъ не принимаютъ въ число гражданъ, между тѣмъ какъ въ войнахъ они несли больше повинностей, чѣмъ римляне. Въ 90 году они отложились отъ Рима, выбрали своихъ консуловъ и свой сенатъ, устроили новую столицу противъ Рима, по другую сторону Апеннинъ, и назвали этотъ городъ Италіей. Въ войскѣ возставшихъ союзниковъ преобладали горцы средней и южной Италіи, и первое мѣсто заняли старинные соперники римлянъ, самниты.

Римъ долженъ былъ напрягать всѣ усилія въ этой войнѣ. Два года кипѣла отчаянная борьба по всему полуострову. Множество союзниковъ, большею частью крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, погибло;

ихъ земли захватили богатые римскіе нобили. Остальныхъ союзниковъ пришлось принять въ гражданство, и въ этомъ Римъ уступилъ.

Всѣ итальянцы стали теперь римскими гражданами. Но страна сильно опустѣла. Много было людей раздраженныхъ, обнищавшихъ, дожидавшихся случая отомстить разорителямъ; съ другой стороны, многіе обогатились захватомъ чужого; тѣ и другіе привыкли разсчитывать на насиліе.

Неограниченная власть военныхъ вождей. Сулла. Въ трудной войнѣ съ союзниками больше всего услугъ оказалъ Риму Корнелій Сулла, человѣкъ старинной знатной семьи.

Во время войны съ союзниками римляне потеряли почти всѣ владѣнія на востокѣ. Полуварварскій царь Понта (т.-е. южнаго Черноморья) Митридатъ замѣтилъ, какъ ненавидятъ греки римскихъ откупщиковъ и торговцевъ. Онъ поддержалъ возстаніе въ Малой Азіи: нѣсколько десятковъ тысячъ римскихъ поселенцевъ были перерѣзаны. Митридатъ выстроилъ флотъ и захватилъ европейскую Грецію.

Главнымъ начальникомъ для веденія войны на востокѣ сенатъ назначилъ Суллу. Старый, почти семидесятилѣтній Марій былъ глубоко оскорбленъ этимъ назначеніемъ: его сторонники добились того, что народное собраніе отняло у Суллы начальство и отдало Марію. Когда солдаты Суллы, уже готовые къ отплытію на востокъ, узнали о рѣшеніи народа, они потребовали, чтобы Сулла велъ ихъ на Римъ. Сулла сдѣлалъ видъ, что соглашается поневолѣ. Солдаты и ихъ вождь вступили въ Римъ господами: рѣшеніе народа было уничтожено. Марій и его сторонники бѣжали и были заочно приговорены къ смерти. Это было неслыханное дѣло: солдаты какъ будто завоевали столицу и дали приказъ самому народу римскому.

Послѣ этого Сулла отправился на востокъ и отвоевалъ у Митридата Грецію и Малую Азію. Съ греческихъ городовъ онъ собралъ огромную дань и изъ нея раздавалъ богатые подарки солдатамъ. Въ отсутствіе Суллы популяры вернулись въ Римъ, а къ Суллѣ бѣжали побили, испуганные народнымъ движеніемъ. Когда Сулла послѣ побѣдъ возвратился въ Италію, наступило въ свою очередъ торжество оптиматовъ.

Сулла составилъ опальные списки; кто былъ на нихъ записанъ, лишался защиты суда и законовъ; всякій могъ убить опальнаго; имущество его продавалось съ торговъ. Многіе попадали въ списки по доносу своихъ недруговъ. Около Суллы тѣснились люди, которые быстро наживались, скупая дешево имущество опальныхъ. У самого Суллы не было ни жадности, ни ненависти: онъ только не мѣшалъ грабежу и неистовству другихъ. Онъ былъ умный, тонко образованный человѣкъ; но его увлекала постоянная удача, и онъ не хотѣлъ тратить усилій на

что-нибудь хорошее. Суллу признали *диктаторомъ безъ срока* (въ 82 г.): онъ могъ по усмотрѣнію устроить всѣ порядки въ Римѣ. Онъ отдалъ солдатамъ имѣнія въ Италіи, взятыя у опальныхъ, и ушелъ на покой. Грубые и страшные его ветераны во многихъ мѣстахъ сами выгнали старыхъ владѣльцевъ; заодно съ ними многіе нобили, набравъ рабовъ и слугъ, вторгались къ мелкимъ сосѣдямъ своимъ, отнимали ихъ имущество и пускали ихъ по міру.

Сулла былъ оптиматъ и хотѣлъ помочь оптиматамъ противъ популяровъ: онъ стѣснилъ народныя собранія и отнялъ почти всю силу у трибуновъ; но онъ достигъ успѣха при помощи солдатъ, которыхъ привелъ съ собой въ Италію, а солдаты произвели общій великій грабежъ. Съ этого времени всѣ, кто владѣлъ землею или капиталомъ, стали бояться военныхъ вождей. А между тѣмъ не прекращались крупныя военныя предпріятія, для исполненія которыхъ необходимо было давать генераламъ огромныя полномочія. Нобили считались равными между собою: сенатъ, гдѣ они всѣ были соединены, стоялъ выше ихъ всѣхъ въ отдѣльности взятыхъ. Но вождь, сдѣлавшійся начальникомъ крупной арміи и намѣстникомъ большихъ постороннихъ владѣній, уже не желалъ болѣе подчиняться сенату; онъ добивался перваго, исключительнаго мѣста въ государствѣ.

Послѣ Суллы на положеніе такого вождя поднялся его прежній помощникъ, Помпей. Онъ быстро исполнилъ большое и трудное дѣло: перехваталъ страшныхъ морскихъ разбойниковъ въ Средиземномъ морѣ, большею частью бывшихъ рабовъ, у которыхъ образовалась на морѣ цѣлая держава, былъ флотъ, крѣпости, огромные склады. Помпею дали неограниченную власть на морѣ надъ всѣми островами и берегами, чтобы разстроить силы разбойниковъ. Такія же полномочія дали Помпею годъ спустя въ Азіи противъ вновь поднявшагося Митридата. Помпей прошелъ почти до Каспійскаго моря и до Евфрата, захватилъ царство Сирійское и Іудею съ Іерусалимомъ. Какъ царь распоряжался онъ на востокѣ.

Борьба внутри Рима за богатства имперіи. Во время восточной войны Помпея въ Италіи еще разъ поднялось сильное народное движеніе.

Изъ пріобрѣтеній Рима за моремъ сложилась огромная держава, имперія. Въ своихъ рѣчахъ передъ народомъ люди, искавшіе должностей, постоянно говорили о великихъ богатствахъ, которыя принадлежатъ теперь римлянамъ во всемъ свѣтѣ, о «доходныхъ имѣніяхъ» римскаго народа. Въ тяжелыя минуты, когда надо было посылать войско на границу, къ народу взывали о защитѣ этого достоянія. Римскіе пролетаріи, слушавшіе эти рѣчи, дѣлали изъ нихъ свои заключенія: то, что принадлежитъ народу, должно поступить въ прямое его распоряженіе. Трибунъ Руллъ предлагалъ соединить добычу, полученную съ побѣжден-

ныхъ, продать казенныя угодья и имущества въ провинціяхъ и на вырученный капиталъ пріобрѣсти во всѣхъ странахъ, принадлежавшихъ Риму, обширныя земли для раздачи неимущимъ гражданамъ. Это было повтореніемъ плана Гракховъ, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ.

Предложеніе такой раздачи народу вызвало въ Римѣ большую тревогу. Противъ него выступили, кромѣ большей части нобилей, обогащавшихся изъ добычи, еще откупщики и денежные люди: они должны были, въ случаѣ продажи казенныхъ имуществъ въ провинціяхъ, потерять всѣ выгоды, которыя получали отъ пользованія ими. Разстроить планъ популяровъ постарался Цицеронъ, замѣчательный сраторъ въ судѣ и народномъ собраніи. Цицеронъ былъ «новый человѣкъ», поднявшійся благодаря поддержкѣ откупщиковъ.

Когда не удалось мирнымъ путемъ добиться раздачи богатствъ имперіи, болѣе рѣшительные народные вожди задумали дѣйствовать противъ своихъ враговъ уже безъ всякой пощады: перебить видныхъ оптиматовъ, которые противились перемѣнамъ, занять главныя должности и произвести раздачи народу. Во главѣ всего дѣла стоялъ одинъ изъ нобилей, Катилина. Онъ выработалъ большой планъ и привлекъ въ свою тайну, или «заговоръ», множество недовольныхъ лицъ всякаго званія; въ разныхъ частяхъ Италіи онъ сталъ вербовать вооруженные отряды изъ среды обѣднѣвшихъ крестьянъ и рабовъ, убѣжавшихъ изъ большихъ имѣній. Въ Римѣ онъ разсчитывалъ на кружки и товарищества, которые собирались передъ выборами и въ народномъ собраніи отдавали свои голоса тѣмъ, кто обѣщаетъ больше выдачъ; изъ этихъ кружковъ можно было составить также военныя дружины для устрашенія сената.

Всѣ имущіе люди въ Римѣ и Италіи были сильно напуганы грозившимъ переворотомъ. Но Катилинѣ не удалось, какъ онъ разсчитывалъ, пройти въ консулы. Вмѣсто него былъ выбранъ Цицеронъ. Онъ предложилъ нобилямъ и откупщикамъ дѣйствовать вмѣстѣ. Цицерону удалось узнать о планахъ Катилины и заставить его уйти изъ Рима прежде, чѣмъ все было готово для возстанія. Сообщниковъ Катилины въ Римѣ Цицеронъ арестовалъ и казнилъ безъ суда. Противъ Катилины было послано войско, и лишь съ трудомъ удалось разбить его въ сраженіи, гдѣ онъ и погибъ (въ 63 г.). Въ Римѣ сенатъ запретилъ народные кружки и товарищества. Большое движеніе, волновавшее все римское общество, разстроилось, но у высшихъ слоевъ остался страхъ передъ народными возстаніями. Они были теперь между двухъ огней: для подавленія возстаній надо было призывать военныя силы, а это значило увеличивать власть военныхъ начальниковъ, которыхъ они боялись въ свою очередь.

Помпей и Цезарь съ 60 года. Между тѣмъ Помпей возвращался завоевателемъ богатаго Востока. Ему хотѣлось остаться постояннымъ верховнымъ военачальникомъ въ Римѣ. Такого единовластія именно опасалось большинство оптиматовъ, находившихся въ сенатѣ. Но Помпей, слишкомъ увѣренный въ своемъ вліяніи, прибывъ въ Италію, отпустилъ своихъ солдатъ по домамъ. Тогда въ сенатѣ перестали его бояться и отказались дать земли его ветеранамъ. Помпей былъ точно свергнутъ съ привычнаго высокаго положенія своего. Въ это время ему предложилъ поддержку Юлій Цезарь, одинъ изъ популяровъ.

Цезарь былъ изъ старинной фамиліи, но разошелся съ большинствомъ оптиматовъ. Чтобы привлечь столичную толпу на свою сторону, Цезарь въ первой же должности, которую занялъ, истратилъ огромныя деньги и разорился на устройство большихъ игръ: никто до него не выпускалъ такого множества гладіаторовъ. Цезарь зналъ въ свое время о замыслѣ Катилины и готовъ былъ поддержать его, разсчитывая въ отсутствіе Помпея подняться на первое мѣсто.

Галлъ, защищающій отъ римлянъ свое жилище.

Цезарь заключилъ теперь съ Помпеемъ тайный уговоръ взаимной помощи. Цезаря выбрали консуломъ; онъ возстановилъ запрещенные кружки, составилъ военные отряды изъ простого народа въ Римѣ и запугалъ ими сенатъ. Оптиматы согласились надѣлить ветерановъ Помпея землей; сами Цезарь и Помпей взяли себѣ военное начальство на долгій срокъ и получили, по своему желанію, области для управленія. Сенатъ и народное собраніе продолжали собираться; но республика по-настоящему перестала дѣйствовать; все дѣлалось по волѣ всесильныхъ правителей. Изъ народнаго вождя Цезарь скоро сталъ такимъ же крупнымъ владѣтельнымъ княземъ, какимъ былъ до этого времени на Востокѣ Помпей.

Цезарь получилъ обширную область *галловъ* по обѣ стороны Альпъ, доходившую до моря на сѣверѣ и западѣ, а на востокѣ до Рейна. За Альпами только узкая полоса у Средиземнаго моря принадлежала Риму. Остальная независимая Галлія раздѣлялась на много самостоятельныхъ областей и народцевъ. Вездѣ правили большіе роды знатныхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ были крестьяне въ крѣпостной зави-

симости; ихъ окружали большія дружины, у иныхъ было до 10.000 слугъ. Рабовъ было много; они цѣнились такъ дешево, что человѣка можно было купить за мѣру вина.

Большой вѣсъ среди галловъ имѣли ихъ жрецы, *друиды*; они были свободны отъ налоговъ и военной службы и подчинялись выборному верховному жрецу; разъ въ годъ въ священномъ мѣстѣ, въ срединѣ Галліи, друиды сходились на общее собраніе. Здѣсь они разбирали судебные споры; ослушниковъ друиды отлучали, запрещая, имъ участіе въ молитвахъ и жертвахъ; отлученнаго всѣ избѣгали, какъ нечестивца. У друидовъ было тайное ученіе, которое они передавали въ стихахъ устно, хотя и знали греческую азбуку; въ теченіе долгихъ лѣтъ старшіе наставляли въ этомъ ученіи новообращенныхъ. Многіе уѣзжали учиться въ Британію и Ирландію, гдѣ болѣе всего хранилась мудрость друидовъ.

Въ упорныхъ войнахъ, въ теченіе восьми лѣтъ (58—50 гг. до Р. Х.), Цезарь захватилъ нынѣшнюю Францію, Бельгію и западную Германію. Римлянамъ досталась богатая населенная страна. Галлы могли бы задавить римлянъ числомъ. Но они были раздроблены; Цезарь подчинялъ ихъ по частямъ. Богатыхъ видныхъ людей увлекала служба у римлянъ. Въ народѣ нехватало выдержки; онъ скоро забывалъ старину, перенималъ чужой языкъ; черезъ сто лѣтъ послѣ завоеванія Цезаря знатные галлы готовы были гордиться, что они настоящіе римляне. Цезарь сталъ владѣть Галліей, какъ настоящимъ царствомъ своимъ: солдаты, прошедшіе съ нимъ всѣ походы и трудности, составляли превосходное, преданное ему войско; онъ могъ привести съ собой въ Италію много галльской подмоги; изъ галльскихъ сокровищъ у него образовалась большая казна.

Въ это время Помпей оставался безъ дѣла въ Римѣ. Большинство нобилей не хотѣло подчиняться ни ему, ни Цезарю; особенно рѣзко нападалъ на обоихъ Катонъ, человѣкъ суровой прямоты и правдивости. Между тѣмъ союзъ двухъ властителей расшатался. Изъ вражды къ Цезарю Помпей сталъ искать поддержи сената и выражалъ сочувствіе старому порядку. Когда сенатъ послалъ Цезарю требованіе, чтобы онъ сложилъ военное начальство и отказался отъ своей провинціи, Цезарь началъ междоусобную войну и повелъ на Италію свои галльскіе легіоны. Тогда нобили въ большинствѣ, въ томъ числѣ и Катонъ, примкнули къ Помпею и передали ему главную команду противъ Цезаря. Но республиканцы вынуждены были бѣжать на востокъ, гдѣ когда-то полновластно правилъ Помпей.

Единовластіе Цезаря 45 г. Цезарь не скрывалъ своего намѣренія уничтожить старый порядокъ. Онъ захватилъ въ Римѣ казну; когда

одинъ трибунъ попробовалъ заступить ему дорогу въ храмъ на Капитоліи, гдѣ лежала казна, Цезарь погрозилъ ему смертью, хотя по-старому закону трибунъ считался неприкосновеннымъ.

Четыре года длилась война между Цезаремъ и его противниками. Сначала республиканцы, подъ начальствомъ Помпея, были разгромлены при *Фарсалѣ* въ сѣверной Греціи; самъ Помпей бѣжалъ въ Египетъ къ царю Птолемею, но былъ убитъ, не успѣвъ ступить на берегъ. Тогда помпеянцы и республиканцы, между послѣдними Катонъ, собрались въ Африкѣ; они были вновь разбиты Цезаремъ, и Катонъ, считая дѣло республики погибшимъ, пронзилъ себя мечомъ. Еще въ послѣдній разъ собрались противники Цезаря въ Испаніи. Но Цезарь вездѣ бралъ верхъ. Однако чѣмъ больше требовалось усилій въ борьбѣ, тѣмъ больше онъ давалъ обѣщаній своимъ солдатамъ. Почти каждый походъ начинался съ большого возстанія солдатъ; они отказывались отъ службы, вызывали императора на свое собраніе и ставили ему свои требованія относительно наградъ деньгами и землей.

Цезарь въ своемъ торжествѣ показалъ себя лучше Суллы; онъ не мстилъ своимъ врагамъ опалами и старался даже привлечь многихъ изъ нихъ, напр., Цицерона, на свою сторону. Но люди независимые не хотѣли передъ нимъ унижаться: они стояли за старую республику. Для нобилей республика значила, чтобы, никто изъ нихъ не поднимался надъ другими. Между ними были сильные характеры: такіе люди, какъ Катонъ, говорили, что величайшія сокровища человѣка—простота жизни и спокойный духъ; если нѣтъ силъ бороться противъ того, что считаешь несправедливымъ, долгъ человѣка—отнять самому у себя жизнь. Очень многіе нобили переходили однако къ Цезарю; они становились какъ бы его придворными и принимали должности по его назначенію вмѣсто того, чтобы ждать народнаго выбора.

Вернувшись послѣ всѣхъ побѣдъ въ Римъ, Цезарь наградилъ своихъ солдатъ: каждый изъ нихъ получилъ около $2^1/_2$ тысячъ рублей на наши деньги, офицеры втрое больше. Затѣмъ, какъ Сулла, Цезарь былъ признанъ диктаторомъ безъ срока. Онъ могъ объявлять войну и заключать миръ, назначать на всѣ должности, издавать приказы, распоряжаться провинціями, т.-е. все, что прежде рѣшали сенатъ и народъ, перешло въ его руки Въ знакъ величія Цезарь сталъ постоянно выходить въ тріумфальномъ плащѣ и вѣнкѣ. Его признали полубогомъ, и въ честь его былъ построенъ храмъ. Цезарь нарочно принизилъ сенатъ: онъ посадилъ туда неразвитыхъ галльскихъ офицеровъ и только, когда ему нравилось, спрашивалъ сенатъ о мнѣніи. Населенію Рима онъ опять далъ огромныя увлекательныя игры, и каждый гражданинъ получилъ отъ него большой денежный подарокъ. Въ Италіи пока мол-

чали, но всѣ ожидали со страхомъ, что Цезарь отниметъ у крестьянъ и землевладѣльцевъ земли для своихъ солдатъ.

Цезарь хотѣлъ еще большаго—установленія царской власти. Онъ готовилъ походъ за Евфратъ, противъ парѳянъ, опасныхъ сосѣдей новыхъ римскихъ владѣній, и хотѣлъ связать съ войной провозглашеніе себя царемъ. Тогда между нобилями составился заговоръ, чтобы его убить. Во главѣ ихъ были прежніе сторонники Помпея, Брутъ и Кассій. Заговорщики окружили Цезаря въ засѣданіи сената и закололи его кинжалами (въ 44 г. до Р. Х.). Но имъ не удалось возстановить прежніе порядки въ Римѣ.

Въ городѣ находилось много ветерановъ Цезаря, которые ожидали надѣленія землею и въ смерти своего вождя видѣли крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ и расчетовъ. Отъ ихъ раздраженія республиканцы, убившіе Цезаря, бѣжали на востокъ. Цезаревыхъ солдатъ старался привлечь на свою сторону Антоній, ближайшій помощникъ диктатора. Но больше успѣха имѣлъ 18-тилѣтній Октавіанъ, усыновленный Цезаремъ его племянникъ. Старый Цицеронъ повѣрилъ обѣщаніямъ Октавіана защищать республику противъ Антонія. Солдаты однако не хотѣли войны между двумя наслѣдниками Цезаря; они заставили Антонія и Октавіана помириться и вмѣстѣ идти на Римъ мстить врагамъ погибшаго диктатора. Повторилось все, что было во времена Суллы: два императора составили опальные списки и въ числѣ первыхъ отрубили голову у Цицерона. Они ограбили богатыхъ людей въ Римѣ, взяли добычу съ городовъ Италіи и на эти средства повели войну съ Брутомъ и Кассіемъ, укрѣпившимися въ Македоніи.

Наслѣдники Цезаря взяли верхъ, и Кассій съ Брутомъ пронзили себя мечами, какъ Катонъ. Ихъ имена стали нарицательными, для обозначенія послѣднихъ республиканцевъ. Въ свою очередь имя Цезаря (по греческому произношенію — Кесаря) стало нарицательнымъ для позднѣйшихъ властителей; это былъ титулъ, который они принимали. Наслѣдники Цезаря объявили его богомъ; на мѣстѣ сожженія его праха былъ поставленъ алтарь, который признали, наравнѣ съ храмами боговъ, убѣжищемъ для преступниковъ и бѣглыхъ рабовъ. Для служенія новому богу были приставлены новые жрецы. По всей Италіи у владѣльцевъ были отобраны земли для раздачи ветеранамъ Цезаря и солдатамъ новыхъ властителей.

Республика не могла удержаться въ Римѣ. Всякій новый военный вождь сталъ бы поступать такъ же, какъ Сулла и Цезарь. Все дѣло было только въ томъ, кто именно изъ военныхъ вождей сумѣетъ удержаться выше другихъ.

X.

Римская имперія. 30 г. до Р. Х.—200 г. послѣ Р. Х.

Новое устройство. Принцепсъ и сенатъ. Антоній и Октавіанъ раздѣлили между собою имперію: первый взялъ себѣ восточныя провинціи, женился на египетской царицѣ Клеопатрѣ и сталъ жить въ Александріи, второй остался въ Римѣ. Между ними никогда не было дружбы, каждый изъ нихъ искалъ единовластія. Октавіанъ, болѣе предусмотрительный, заставилъ сенатъ объявить Антонія врагомъ отечества, разбилъ флотъ Антонія у береговъ Греціи и послѣдовалъ за нимъ въ Египетъ. Антоній и Клеопатра покончили самоубійствомъ, а царство Птолемеевъ въ 30 г. до Р. Х. было присоединено къ римской имперіи.

Октавіанъ достигъ той же цѣли, что и Цезарь. Онъ казался менѣе даровитымъ, былъ невзраченъ, застѣнчивъ, скрытенъ, у него не было военнаго таланта, какъ у Цезаря. Ему много помогло само положеніе дѣлъ.

Долгая война во всѣхъ областяхъ кругомъ Средиземнаго моря утомила большинство людей: очень многіе искали покоя и тѣснились къ сильному человѣку, надѣясь на его охрану. Такъ примкнулъ къ Октавіану поэтъ Горацій, который бился въ послѣдній разъ за республику подъ начальствомъ Брута и Кассія. Въ одномъ стихотвореніи Горацій вспоминалъ потомъ, что «нехорошо бросилъ свой щитъ», т.-е. бѣжалъ съ поля битвы; но онъ горячо совѣтовалъ своимъ друзьямъ покинуть войну и участіе въ смутахъ, чтобы уйти отъ всѣхъ опасностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ борьбѣ погибли по большей части независимые гордые нобили, которые не хотѣли видѣть никакого господина надъ собой. Жители провинцій привыкли подчиняться Риму; имъ было все равно, пришлетъ ли имъ начальника римскій сенатъ или военный правитель изъ Рима. Населеніе самого Рима мирилось съ тѣмъ властителемъ, который готовъ былъ больше всѣхъ дарить ему.

Но Октавіанъ добился власти также своимъ терпѣніемъ и искусствомъ. Онъ не принималъ названія диктатора, которое напоминало торжество Суллы и Цезаря; онъ не хотѣлъ ни въ титулахъ, ни въ обстановкѣ ничего такого, что было бы похоже на царя, чтобы не раздражать старыхъ привычекъ и понятій римлянъ. Между прочимъ онъ принялъ званіе трибуна. Въ то же время Октавіанъ постоянно повторялъ, что его главная забота—возстановить въ Римѣ старинный порядокъ. Онъ старался окружить себя остатками старинныхъ аристократическихъ фамилій. Въ его дворцѣ былъ хорошо принятъ

историкъ Титъ Ливій, который въ огромномъ сочиненіи своемъ возвеличилъ республику, изобразивъ возвышеннымъ ораторскимъ слогомъ ея судьбу отъ древнѣйшихъ временъ.

Октавіанъ назвался *принцепсомъ*, т.-е. первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Это значило, что онъ какъ бы считается уполномоченнымъ на свою власть отъ народа. Онъ рѣшилъ не пугать населеніе Италіи военными силами: солдатъ увели и разставили по границамъ. Наконецъ Октавіанъ подѣлился со старыми господами, нобилями. Въ

Римская держава около времени Р. Х. Клѣточками обозначены земли, пріобрѣтенныя Римомъ во времена республики; полосками—земли, захваченныя Помпеемъ, Цезаремъ и Октавіаномъ. Первыя всѣ почти остались въ управленіи сената, вторыя были удержаны императоромъ.

важныхъ случаяхъ принцепсъ совѣтовался съ сенатомъ, какъ раньше это дѣлали консулы.

Было положено, что попрежнему сенатъ будетъ распоряжаться старинными провинціями: сенатъ будетъ посылать туда намѣстниковъ изъ своей среды. Области вновь присоединенныя, пограничныя остались за Октавіаномъ: Галлія, бывшее владѣніе Цезаря, и богатый Египетъ, который захватилъ самъ Октавіанъ. Въ этихъ областяхъ стояли всѣ римскія войска, около 250.000, чтобы держать въ повиновеніи недавно покоренныхъ жителей и оберегать границу. Войска были подчинены Октавіану, солдаты приносили присягу только ему. Старое названіе военнаго *императора* онъ присвоилъ себѣ одному; оно означало теперь власть верховнаго главнокомандующаго. Императоромъ звали его въ

провинціяхъ. Въ свои области Октавіанъ посылалъ для управленія своихъ офицеровъ и приказчиковъ.

Принцепсъ и народъ. Народъ перестали созывать на собранія. Однако новый правитель долженъ былъ также угождать столичному населенію, какъ раньше это дѣлали народные вожди или сенатъ. Онъ только принялъ одинъ на свой счетъ всѣ траты, какія прежде дѣлались въ пользу народа разными лицами. Принцепсъ взялъ на себя прокормленіе столичныхъ пролетаріевъ хлѣбомъ: его чиновники заготовляли, привозили моремъ нужное количество зерна, складывали его въ огромные магазины, которые занимали цѣлый городской округъ противъ гавани, и производили выдачу.

Статуя Октавіана въ костюмѣ императора и въ положеніи говорящаго къ народу.

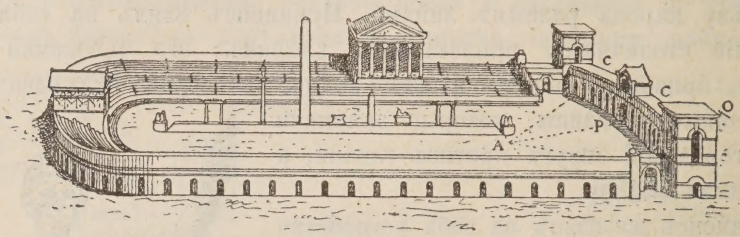
Принцепсъ же взялъ на себя устройство развлеченій, которыхъ народъ настойчиво требовалъ. Это были разнообразныя игры и зрѣлища въ праздничные дни. Число праздниковъ было очень велико и доходило до трети, а потомъ даже до половины всѣхъ дней въ году. По временамъ, въ знакъ особаго торжества, напримѣръ, послѣ окончанія счастливой войны, народу устраивали непрерывный праздникъ въ теченіе мѣсяца или даже двухъ, трехъ мѣсяцевъ.

Вкусы римскаго народа были гораздо грубѣе, чѣмъ у грековъ. Въ театрахъ не слушали музыки, чтенія стиховъ и рѣчей. Пьесы были невысокаго сорта; болѣе всего любили *пантомимы*, т.-е. представленія безъ рѣчей, балетъ и фееріи. Но особенно были въ ходу состязанія въ бѣгѣ колесницъ и разные кровавые бои. Первыя происходили въ циркахъ, вторые—въ амфитеатрахъ. Тѣ и другія помѣщенія были очень велики размѣрами. Огромный амфитеатръ, называемый Колизеемъ, наполовину сохранившійся до нашего времени, могъ вмѣстить двѣсти тысячъ человѣкъ. Но все-таки, чтобы занять мѣста, толпа собиралась часто наканунѣ представленія и ждала всю ночь.

Представленіе начиналось съ торжественнаго обряда. Длинная процессія спускалась съ Капитолія и черезъ форумъ проѣзжала въ ворота цирка. Впереди ѣхалъ сановникъ, открывавшій игры; на разукрашенныхъ колесницахъ, запряженныхъ иногда слонами, везли изображенія боговъ и обоготворенныхъ цезарей, кругомъ шли жрецы. Въ циркѣ

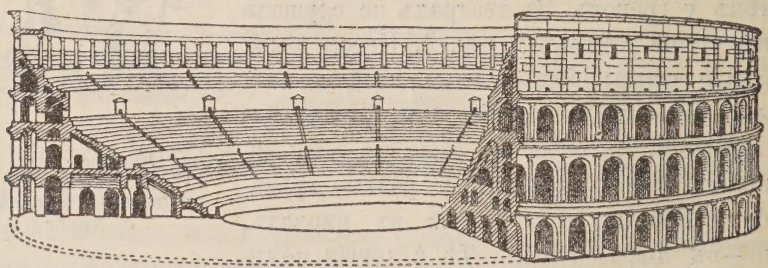
на почетныхъ мѣстахъ садился принцепсъ со свитой и сенаторы. Это былъ случай парадной всенародной встрѣчи принцепса.

Народъ привѣтствовалъ его кликами. Но народъ иногда выражалъ ему также свое раздраженіе, громко жаловался на какое-нибудь притѣсненіе Принцепсъ узнавалъ въ циркѣ настроеніе народа и, если



Планъ цирка. Бѣгъ происходитъ кругомъ возвышенія въ серединѣ, на которомъ поставлены колонны, статуи и т. д. А—мѣсто, откуда начинаютъ, ОО—парадная сторона для въѣзда, Р—главныя ворота, СС—конюшни.

нужно было, спѣшилъ его успокоить. Циркъ какъ будто замѣнилъ народныя собранія, которыя перестали созывать. Принцепсъ и народъ вмѣстѣ распоряжались въ циркѣ: принцепсъ давалъ приказъ къ началу игръ, къ различнымъ смѣнамъ и дѣйствіямъ; народъ раздѣлялся на партіи, выражалъ громко свое сочувствіе любимцамъ между возницами и гладіаторами. Въ циркѣ кучера дѣлились по цвѣтамъ костюма на красныхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ и синихъ. Зрители, вплоть до самого



Разрѣзъ амфитеатра: овалъ внизу — арена представленій; кругомъ уступами поднимаются мѣста для зрителей; крыши нѣтъ.

принцепса, выбирали себѣ также цвѣта, шумѣли, волновались, держали пари за кучеровъ и лошадей, горячо привѣтствовали однихъ, посылали проклятія другимъ; многіе задолго спрашивали у предсказателей объ исходѣ игръ.

Особенностью Рима были гладіаторскіе бои. Они произошли отъ старинныхъ человѣческихъ жертвъ при поминаніи умершихъ вождей:

на могилѣ убивали плѣнныхъ и рабовъ или заставляли ихъ биться парами между собою. Позднѣе эти бои стали повторять въ разные праздники и все увеличивали число выпускаемыхъ паръ. Цезарь поразилъ народъ, выпустивъ болѣе 600 гладіаторовъ. Потомъ ихъ число доходило иногда до 10.000. Между гладіаторами были осужденные преступники; иныхъ отпускали на свободу послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ бояхъ. Большую часть обучали въ особыхъ школахъ.

Ихъ выпускали въ странномъ вооруженіи: то въ слѣпыхъ шлемахъ, закрывавшихъ глаза; то, напримѣръ, противъ бойца въ полномъ вооруженіи выходилъ другой, совершенно обнаженный съ однимъ трезубцемъ въ рукѣ, но зато съ большою сѣтью, которую онъ

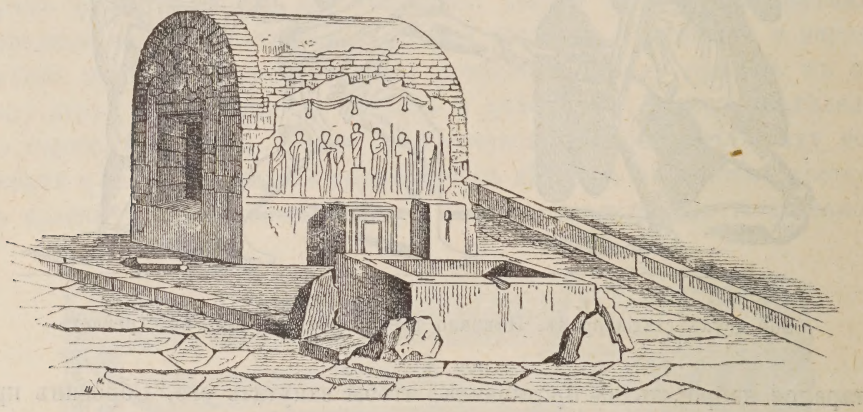
Бой двухъ гладіаторовъ. Направо третій, который ихъ подстрекаетъ.

старался набросить на противника, чтобы запутать его. Сбросивъ противника на землю, гладіаторъ-побѣдитель ставилъ на него ногу и обращался къ зрителямъ: если они махали платками, это означало пощаду сброшенному; если зрители опускали большой палецъ книзу, гладіаторъ на мѣстѣ убивалъ противника.

Принцепсы, преемники Октавіана, придумывали все новые и новые виды развлеченій для народа: привозили въ огромномъ количествѣ дикихъ и невиданныхъ звѣрей и птицъ: львы, тигры, слоны, носороги, крокодилы, жираффы, страусы появлялись въ амфитеатрахъ; ихъ держали въ клѣткахъ нижняго этажа и сразу въ большомъ количествѣ выпускали въ средину, на арену. Противъ нихъ выходили охотники съ оружіемъ или имъ отдавали на съѣденіе плѣнныхъ и осужденныхъ: амфитеатръ былъ мѣстомъ публичной казни.

Или изъ-подъ земли поднимались внезапно тропическіе лѣса, и въ нихъ выпускали оленей, кабановъ, антилопъ; на вѣтвяхъ появлялись птицы, и народу позволяли за ними охотиться; каналы вдоль арены наполнялись водой, и въ нихъ плавали дрессированныя рыбы. Иногда зрѣлище принимало неслыханные размѣры: вся арена обращалась въ глубокое озеро; въ нее вводили настоящіе морскіе корабли съ экипажемъ обученныхъ рабовъ и устраивали полную морскую битву съ крушеніемъ судовъ и гибелью людей.

Въ дни праздниковъ и представленій народъ какъ бы считался гостемъ принцепса. Однажды 5000 рабовъ съ зажженными факелами провожали зрителей по домамъ. За зрѣлищемъ слѣдовало какое-нибудь угощеніе, подарки: то на арену выкладывали куски мяса, то сверху на толпу сыпались тучи птицъ, африканскихъ куръ, египетскихъ утокъ и т. д., то въ середину бросали огромный гардеробъ плащей Такъ какъ въ толкотнѣ и дракѣ, которая неизбѣжно поднимались, вещи рвались на части, то придумали бросать въ толпу



Святилище ларовъ на улицѣ; небольшой выступъ впереди — алтарь; еще ближе спереди — фонтанъ.

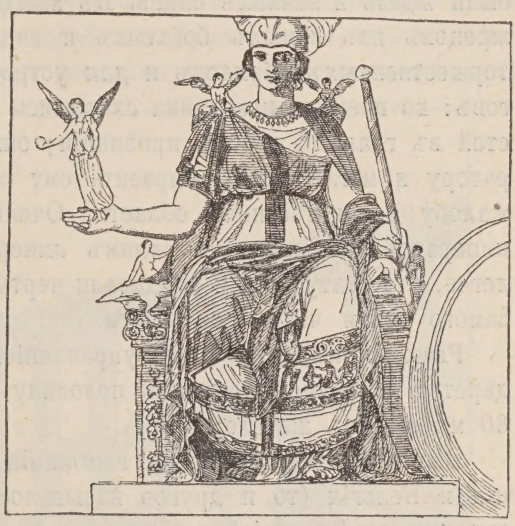
значки, деревянные шарики. По такимъ билетикамъ можно было потомъ получить мясо, хлѣбъ, одежду, золото, жемчугъ, цѣнные камни, картины, рабовъ, домашнихъ животныхъ, ручныхъ тигровъ и львовъ и даже корабли, дома и земли.

Принцепсъ помимо того раздавалъ много деньгами. Октавіанъ много разъ дарилъ сотнямъ тысячъ римлянъ по 100, 200, 300 рублей на наши деньги. Всего онъ выдалъ народу на сумму около $2^1/_2$ милліардовъ.

Поклоненіе императору. Когда установили новый порядокъ, Октавіанъ принялъ и новый титулъ Августа, т.-е. священнаго. Этотъ ти-

тулъ обратился въ его имя: правитель точно поднялся надъ всѣми, какъ высшее существо. Его окружало множество людей, обязанныхъ ему. Поэтъ Виргилій, дважды изгнанный со своего помѣстья страшными солдатами, былъ спасенъ Августомъ и получилъ у него пріютъ. Онъ восторженно привѣтствовалъ обоготвореннаго Цезаря и самого Августа.

Виргилій написалъ большую поэму, *Энеиду*, въ подражаніе Гомеру; ея содержаніе—судьба троянскаго героя Энея, уцѣлѣвшаго отъ пожара и гибели разрушенной греками Трои; послѣ многихъ странствованій Эней добирается до Италіи и становится со своими троянцами родоначальникомъ римскаго народа; боги пророчатъ ему великое будущее римлянъ. Поэма Виргилія прославляла вмѣстѣ съ Римомъ и послѣднихъ двухъ великихъ императоровъ, такъ какъ Эней считался прямымъ предкомъ Юлія Цезаря и Августа.



Богиня Рома, представленная въ парадномъ платьѣ.

У Виргилія Эней представленъ благочестивымъ героемъ: онъ все дѣлаетъ такъ, какъ укажутъ боги: оттого вездѣ ему удача. Во времена смутъ старая вѣра была сильно потрясена. Многіе, покинувъ обряды, говорили, что и жрецы не могутъ безъ смѣха смотрѣть другъ на друга. Иные представляли себѣ, что въ мірѣ нѣтъ боговъ; собственной силой, никѣмъ не управляемый, живетъ и движется онъ. Самъ Юлій Цезарь былъ въ числѣ невѣрующихъ. Разоренія и несчастія смутной поры иначе настроили людей: многіе стали искать утѣшенія въ богомольяхъ, обращаться къ предсказателямъ, отыскивать старыя святыни. Виргилій раздѣлялъ эти чувства: его герой какъ будто долженъ былъ напомнить римлянамъ, что все величіе Рима создали боги. Августъ хотѣлъ поддержать это настроеніе и показать, что и онъ вездѣ и всегда заодно съ богами. Онъ принялъ званіе верховнаго жреца и получилъ силу устанавливать обряды.

Въ Римѣ на каждомъ перекресткѣ стояли алтари боговъ-охранителей околотка, *ларовъ;* время отъ времени около нихъ народъ собирался на праздникъ, украшалъ площадку и алтарь цвѣтами и зе-

ленью, водилъ хороводы. Августъ предписалъ, чтобы въ молитвахъ призывали, вмѣстѣ съ ларами, «генія» императора, т.-е. его духа-покровителя.

Было положено молиться этому генію Августа, вмѣстѣ съ богиней Ромой (т.-е. богиней города Рима), во всѣхъ провинціяхъ. Каждая область, каждый подчиненный народъ могъ соединить Августа и Рому со своими богами и чтить ихъ на своемъ языкѣ по своимъ особымъ обрядамъ. Смыслъ этого подчиненія былъ тотъ, что всѣ выражали покорность Риму и его правителю: отъ Ромы и Августа всѣ должны были ждать и всякихъ благъ. Въ каждой области выбирали нѣсколько жрецовъ изъ самыхъ богатыхъ и видныхъ фамилій для совершенія торжественныхъ обрядовъ и для устройства игръ въ честь этихъ боговъ: ко времени праздника сходились выборные изъ разныхъ мѣстностей въ главный городъ провинціи; они составляли привѣтствіе императору и могли также выразить ему свои желанія или принести ему жалобу на намѣстника области. Очень скоро въ провинціяхъ генія императора смѣшали съ самимъ императоромъ: это произошло тѣмъ легче, что статуѣ генія придавали черты самого правителя. Императора самого стали чтить какъ бога.

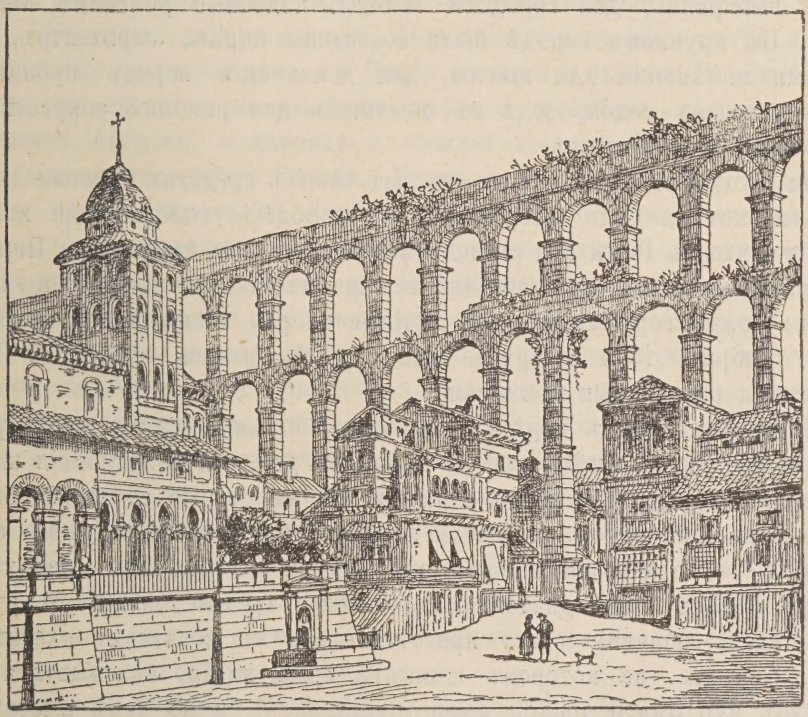
Римская имперія. Подъ управленіемъ римлянъ было теперь государство величиной почти съ половину Европы, съ населеніемъ около 60 милліоновъ жителей.

Въ его составъ входили нынѣшнія: Испанія и Португалія, Франція и Бельгія (то и другое называлось вмѣстѣ Галлія), Англія (называвшаяся Британіей и захваченная римлянами 80 лѣтъ спустя послѣ Августа), Италія, Швейцарія, южная часть Австро-Венгріи, весь Балканскій полуостровъ, большая часть нынѣшней Азіатской Турціи (кромѣ земель за Евфратомъ), Египетъ и вся береговая полоса сѣверной Африки, кончая Марокко (у римлянъ Мавританія).

Общаго между землями, входившими въ составъ имперіи, и было всего только одно военное начальство и управленіе Рима. Онѣ были населены по крайней мѣрѣ двѣнадцатью большими народами: кромѣ итальянцевъ, которые образовались изъ соединенія римлянъ и прежнихъ союзниковъ, въ имперію входили греки, иллирійцы (между Адріатическимъ моремъ и Дунаемъ), африканцы (бывшіе карѳагеняне), евреи, галлы, испанцы и др. Большинство сохраняло свой прежній языкъ, вѣру, обычаи. Только менѣе образованные испанцы и галлы на западѣ принимали быстро языкъ римлянъ и становились народами *романскими* (отъ Рома, романи). Римская имперія заключала въ себѣ большую часть извѣстныхъ въ то время странъ: на сѣверъ отъ нея были глухіе лѣса варваровъ, на западъ—океанъ, за которымъ дальше ничего не знали, на югъ—безконечные пески Сахары.

Римлянамъ казалось теперь, что они родились для того, чтобы покорить весь свѣтъ и всѣмъ поставить порядки и законы. У Горація говорится, что римское оружіе «дошло до послѣднихъ предѣловъ міра, гдѣ на одномъ концѣ вырывается полуденный огонь изъ жерла, а на другомъ стоитъ вѣчный туманъ и дождь». На монетахъ римскихъ ставились надписи: «вѣчный Римъ». Римляне гордились тѣмъ, что, покоривъ всѣхъ, они истребили войну, дали всѣмъ прочный миръ, «римскій миръ».

По Средиземному морю во всѣхъ направленіяхъ спокойно проѣзжало множество купеческихъ кораблей. Прилегающія страны обмѣнивались своими произведеніями: Испанія давала металлическую руду,



Остатки римскаго водопровода среди зданій современнаго города въ Испаніи.

Азія—шерсть, Африка и Египетъ—хлѣбъ. Изъ греческихъ ремесленныхъ городовъ везли въ Римъ посуду, тонкія издѣлія, предметы роскоши. Въ самомъ Римѣ готовилось немного фабричныхъ вещей; гораздо болѣе покупали чужого. Римляне набрали много добычи во время своихъ войнъ; въ столицу стекались подати и взносы подчиненныхъ народовъ; изъ всѣхъ этихъ огромныхъ суммъ, скоплявшихся въ Римѣ, римляне теперь и платили за привозъ. Ежегодно болѣе ста ко-

раблей выѣзжали Краснымъ моремъ въ Индію за пряностями и слоновою костью для Рима; греческіе моряки замѣтили вѣтры-муссоны Индійскаго океана и направляли по нимъ поѣздки туда и назадъ. На востокѣ главнымъ торговымъ городомъ осталась Александрія. На западѣ поднялся возстановленный при Юліи Цезарѣ Карѳагенъ. Въ Галліи римляне расширили до крупныхъ размѣровъ городъ *Ліонъ* (по-латыни Лугдунъ).

Въ серединѣ каждой захваченной области римляне выстраивали городъ; этотъ городъ былъ рынкомъ для окрестныхъ жителей, мѣстомъ, гдѣ находился судъ для нихъ, и куда они доставляли подать. Областной городъ былъ малымъ повтореніемъ Рима; въ немъ былъ сенатъ изъ именитыхъ людей, владѣвшихъ помѣстьями подъ городомъ; ежегодно выбирались два городскіе головы, подобные римскимъ консуламъ. Въ крупномъ городѣ были возведены циркъ, амфитеатръ, обширныя помѣщенія для школы, для декламацій передъ публикой, былъ устроенъ водопроводъ съ обычнымъ для римлянъ искусствомъ въ такихъ сооруженіяхъ.

На постройки и игры тратились изъ своихъ средствъ богатые люди, которые хотѣли быть выбранными въ городскіе головы; они повторяли то, что въ Римѣ для столичной толпы дѣлалъ принцепсъ. Передъ выборами богатые люди, добивавшіеся почета, давали наперерывъ обѣщанія; между горожанами шли шумные споры, составлялись кружки, чтобы выбрать то или другое лицо, вывѣшивались афиши съ ихъ именами и различными призывами.

Богатый человѣкъ нерѣдко оставлялъ большую сумму на устройство общественной библіотеки въ городѣ. Греческія и латинскія книги заносились въ далекіе концы имперіи. На нѣкоторыя сочиненія былъ очень большой спросъ. Издатель такихъ книгъ набиралъ много обученныхъ рабовъ-переписчиковъ; они сидѣли въ большихъ залахъ и быстро писали подъ диктовку раба-чтеца, громко читавшаго рукопись. Такъ сочиненіе сразу приготовлялось въ десяткахъ экземпляровъ. Свитокъ, на которомъ написана была книга, вкладывался въ футляръ изъ бѣлой тонкой кожи (пергаментъ), и на немъ выставлялось заглавіе книги.

Императоры послѣ Августа. Порядокъ, установленный Августомъ, держался около 300 лѣтъ. Хотя Августъ (умеръ 77 лѣтъ въ 14 г. послѣ Р. Х.) и назывался императоромъ, т.-е. высшимъ военнымъ начальникомъ, но не появлялся на границѣ во главѣ своихъ войскъ; войны вели его генералы. Также поступали по большей части и его преемники. Они жили блестящимъ дворомъ въ Римѣ и итальянскихъ загородныхъ дачахъ. Но войско помнило, что оно посадило императора въ Римѣ. Какимъ бы способомъ ни досталась власть новому импе-

ратору, по наслѣдству отъ отца, по желанію ли сената, онъ не могъ удержаться безъ одобренія войска.

Послѣ Августа нѣсколькихъ императоровъ провозглашала гвардія, стоявшая въ казармахъ Рима для охраны властителя отъ республиканцевъ. Но легіоны на границѣ возмутились противъ послѣдняго императора изъ семьи Августа — Нерона (болѣе 50 лѣтъ послѣ смерти Августа).

Неронъ раздражилъ противъ себя всѣхъ: онъ принималъ отъ рабовъ доносы на видныхъ сенаторовъ, казнилъ ихъ и отбиралъ имѣнія; такъ, онъ захватилъ половину провинціи Африки, принадлежавшую шести крупнымъ владѣльцамъ. Расплодилось много доносчиковъ всякаго званія, которые наживались насчетъ опальныхъ, какъ при Суллѣ. Безумныя деньги бросалъ Неронъ на различныя затѣи свои, на постройку «золотого дома» въ Римѣ, на пиры и забавы. Въ Римѣ говорили, что это уже не правленіе «перваго человѣка», какое хотѣлъ установить Августъ, а капризъ и насиліе деспота. Между нобилями стали вспоминать опять Катона, Брута и Кассія. Неронъ поднялъ противъ себя и народъ въ Римѣ: при немъ хлѣбъ подвозили неправильно, зерно вздорожало и столицѣ грозилъ голодъ. Разсказывали, что въ то время какъ народъ въ безпокойствѣ ожидалъ, не подъѣзжаютъ ли спасительныя суда съ зерномъ изъ Египта, на взморьѣ показался дѣйствительно корабль изъ Александріи; но онъ ѣзъ тонкій нильскій песокъ для театральной арены по заказу Нерона. Однако Неронъ все еще держался, пока войска не объявили себя противъ него.

Легіоны, стоявшіе въ разныхъ провинціяхъ, выбрали одновременно императорами своихъ начальниковъ и двинулись къ Риму; Неронъ покончилъ съ собою. Между избранниками легіоновъ споръ былъ рѣшенъ силой, какъ въ первый разъ между Помпеемъ и Цезаремъ. Перевѣсъ остался за начальникомъ сирійскаго войска Веспасіаномъ, который былъ въ это время занятъ подавленіемъ великаго іудейскаго возстанія (въ 70 году послѣ Р. Х.).

Іудея подъ властью Рима. Большинство евреевъ жило въ чужихъ странахъ, на Евфратѣ, въ Египтѣ, въ Малой Азіи, въ самомъ Римѣ. Среди этихъ «іудеевъ разсѣянія» было много писателей и проповѣдниковъ, которые распространяли ветхозавѣтное ученіе между греками и другими народами; живя въ средѣ иноплеменниковъ, они привыкли относиться къ нимъ мягче. Гораздо болѣе замкнуты и упорны въ старинѣ были іудеи, оставшіеся на родинѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ они должны были подчиниться Помпею, который къ ужасу вѣрующихъ, вошелъ въ Святое святыхъ іерусалимскаго храма, началась вражда ихъ съ римлянами.

Римляне оставили сначала управленіе Палестиной мѣстнымъ царямъ; таковъ былъ Иродъ (Геродъ), изъ племени идумеевъ, современникъ Антонія и Октавіана, который оттѣснилъ царя-первосвященника, потомка Маккавеевъ. Большой сторонникъ римлянъ, Иродъ хотѣлъ обратить Іерусалимъ въ настоящій западный городъ съ играми, театромъ, греческими постройками. Около времени Рождества Христова римляне начали посылать въ Палестину намѣстниковъ; таковъ былъ извѣстный изъ Евангелій Понтій Пилатъ. Поборы римскихъ откупщиковъ тяжело разоряли страну. Множество людей попали въ долги; по народнымъ понятіямъ того времени, несчастливѣйшій человѣкъ—должникъ, отводимый въ тюрьму. Ненавистны стали народу тѣ единоплеменники, которые шли на службу къ римлянамъ и брали на себя сборъ податей. Эта бѣда для народа связывалась съ оскорбленіемъ его вѣры. Римляне затрогивали ее всѣми своими дѣйствіями.

Римскій намѣстникъ рѣшилъ произвести народную перепись въ странѣ, чтобы положить поголовную подать: еврейскіе книжники объявили, что исчисленіе народа противно закону Моисееву и вызоветъ великую кару Божію, чуму. Римляне хотѣли собирать подать съ земли; но, по еврейскимъ понятіямъ, такой сборъ можно было взимать только въ пользу храма. У каждаго моста и разъѣзда, гдѣ сидѣлъ римскій мытарь, поднимался споръ, а по временамъ въ Палестинѣ вспыхивали кровавыя возстанія. Римляне поставили въ Іерусалимѣ свой гарнизонъ и вмѣстѣ съ нимъ хотѣли помѣстить у воротъ храма свой гербъ—изображеніе орла; но, въ глазахъ евреевъ, это было оскорбленіемъ священнаго города и священнаго мѣста.

Пилатъ, вступая въ свою должность, рѣшилъ насильно ввести въ Іерусалимѣ римскіе военные значки съ серебряными изображеніями императора. Ночью онъ велѣлъ поставить ихъ близъ храма. Утромъ поднялось страшное волненіе. Множество народа сошлось изъ деревень. Раввины стали обсуждать, что дѣлать. Наконецъ толпа пошла къ намѣстнику въ приморскій городъ за нѣсколько десятковъ верстъ. Пять сутокъ она стояла передъ домомъ Пилата и шумно требовала удаленія римскаго герба отъ храма. Пилатъ велѣлъ евреямъ идти въ циркъ будто бы для того, чтобы говорить съ ними; здѣсь онъ оцѣпилъ толпу солдатами и велѣлъ обнажить оружіе. Тогда евреи бросились на землю и открыли свои шеи, какъ для казни: они объявили, что лучше имъ умереть, чѣмъ допустить нарушеніе закона. Пилатъ въ замѣшательствѣ долженъ былъ уступить. Римлянъ поражало упорство, съ какимъ евреи сопротивлялись всему чуждому: они говорили, что у этого народа ненависть ко всему роду человѣческому.

Чѣмъ тяжелѣе становилась участь евреевъ, тѣмъ больше росла у

нихъ вѣра, что явится чудесное избавленіе. Пророчества говорили о Мессіи. Въ народѣ представляли себѣ Мессію великимъ земнымъ царемъ, подобнымъ Давиду, и вѣрили, что Онъ дастъ торжество евреямъ во всемъ свѣтѣ.

Богатыя семьи, изъ которыхъ выбирали первосвященниковъ, держались въ сторонѣ отъ этой вѣры; но она была распространена между людьми средняго достатка и бѣдными, и ее раздѣляли многіе простые священники и книжники; они учили, что спасеніе придетъ, если всѣ будутъ строго выполнять обряды и Моисеевъ законъ; вся забота должна быть въ томъ, чтобы соблюдать чистоту стариннаго обычая и чуждаться иностранцевъ, ихъ звали *фарисеями*, т.-е. отдѣлившимися. Фарисеи не приняли Христова ученія о любви и прощеніи. На ихъ вопросъ, надо ли платить римлянамъ подать, Христосъ отвѣтилъ: «отдайте Богу Божье, а Кесарю Кесарево». Эти слова возбудили въ нихъ гнѣвъ, потому что они постоянно выражали ненависть къ Риму.

Фарисеи ожидали мирнаго наступленія великой спасительной поры въ награду за несказанныя страданія и стойкость народа. Гораздо дальше ихъ шли *ревнители*, готовые искоренить все чужое. Они учили признавать главою земли лишь Бога и отрекаться отъ всякаго правителя, не бояться смерти, убивать всѣхъ противниковъ, если дѣло идетъ о свободѣ страны; они одушевляли себя картинами злой гибели нечестивыхъ чужестранцевъ.

Тріумфальная арка въ Римѣ (императора Тита, разрушившаго Іерусалимъ).

Паденіе Іерусалима въ 70 г. по Р. Х. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе ревнители брали верхъ надъ умѣренными. Около тридцати лѣтъ спустя послѣ проповѣди Христовой въ концѣ правленія Нерона во всей почти Палестинѣ поднялось возстаніе противъ Рима. Римскіе отряды, стоявшіе въ странѣ, были разбиты, и пришлось отправить сильное войско для усмиренія мятежа. Іудейскіе ревнители не сдавались, а шли отчаянно на смерть. Въ ожесточеніи они избивали не только враговъ, но и своихъ, кто стоялъ за миръ. Намѣстникъ Сиріи Веспасіанъ занялъ уже Галилею, когда легіоны провозгласили его императоромъ. Онъ поспѣшилъ въ Римъ и предоставилъ осаду Іерусалима

своему сыну Титу. Мятежники заперлись въ городѣ, гдѣ собралось множество евреевъ на празднованіе Пасхи. Три мѣсяца бились подъ его крѣпкими стѣнами; раздраженные римляне распинали ежедневно по нѣскольку тысячъ плѣнныхъ. Когда они ворвались въ городъ, возставшіе бросились защищаться въ храмѣ, который считался несокрушимымъ. Наконецъ и храмъ былъ подожженъ; но кучка погибающихъ, стоя на краю его, все еще глядѣла наверхъ, ожидая, что въ послѣднюю минуту совершится чудо, и съ неба придетъ спасительная вѣсть о Мессіи.

Римляне сурово наказали возставшихъ; огромное количество евреевъ было продано въ рабство и выселено изъ страны. Храмъ и почти весь Іерусалимъ были срыты до основанія.

Борьба съ варварами. Сѣверная граница Римской имперіи была также границей образованныхъ народовъ. Въ настоящее время дикія и мало развитыя племена живутъ далеко отъ образованныхъ европейцевъ: европейцы не боятся ихъ у себя дома и везутъ въ ихъ страны свой товаръ, иногда совершаютъ за моремъ завоеванія. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ отношеніе между образованными и дикими народами было почти обратное. Дикихъ было очень много въ самой Европѣ: они занимали середину, сѣверъ и востокъ, около $^4/_5$ материка. Они стояли у самаго порога образованнаго міра: время отъ времени какая-нибудь орда вторгалась въ обработанныя страны юга и страшно опустошала ихъ. Такъ обрушились на Италію и берега Средиземнаго моря кимвры и тевтоны.

Въ самихъ пограничныхъ горахъ гнѣздились разбойничьи народцы; рямляне долго не могли пользоваться альпійскими проходами для сообщенія между Италіей и южной Галліей. Альпійскіе горцы бросались на проѣзжавшихъ, скатывали съ высотъ громадные обломки на проходившія римскія войска, однажды ограбили цѣлый обозъ съ серебромъ, предназначавшійся для императора. Римляне стали прямо истреблять эти горныя гнѣзда. Цѣлый народецъ въ 45.000 человѣкъ былъ проданъ въ рабство съ условіемъ, чтобы покупатели увели ихъ въ далекія мѣста и не освобождали ранѣе, чѣмъ черезъ 20 лѣтъ.

Германцы. Когда римляне перешагнули Альпы и завладѣли Галліей и Иллиріей (нынѣшняя Далмація, Боснія, Сербія и юго-западная часть Австріи), они встрѣтились съ многочисленными племенами; между ними главныя были *германцы*. Въ первый разъ увидали римляне германцевъ на своей землѣ во времена Марія. Потомъ Цезарь бился съ германцами, приходившими изъ-за Рейна грабить Галлію.

Германцы были въ то время дикарями въ родѣ нынѣшнихъ среднеафриканскихъ. Они едва умѣли взрыхлять землю и питались больше дичью, рыбой, яйцами дикихъ птицъ, молокомъ своихъ стадъ; мясо

они нерѣдко ѣли въ сыромъ видѣ, потому что въ лѣсу трудно было развести огонь. Изъ-за соляныхъ источниковъ у нихъ обыкновенно шла ожесточенная борьба. Соль добывали самымъ грубымъ способомъ: надъ огнемъ косо ставили древесные стволы и на нихъ сливали соляную воду: осѣдавшую на деревѣ соль соскабливали съ углемъ и золой и примѣшивали въ ѣду.

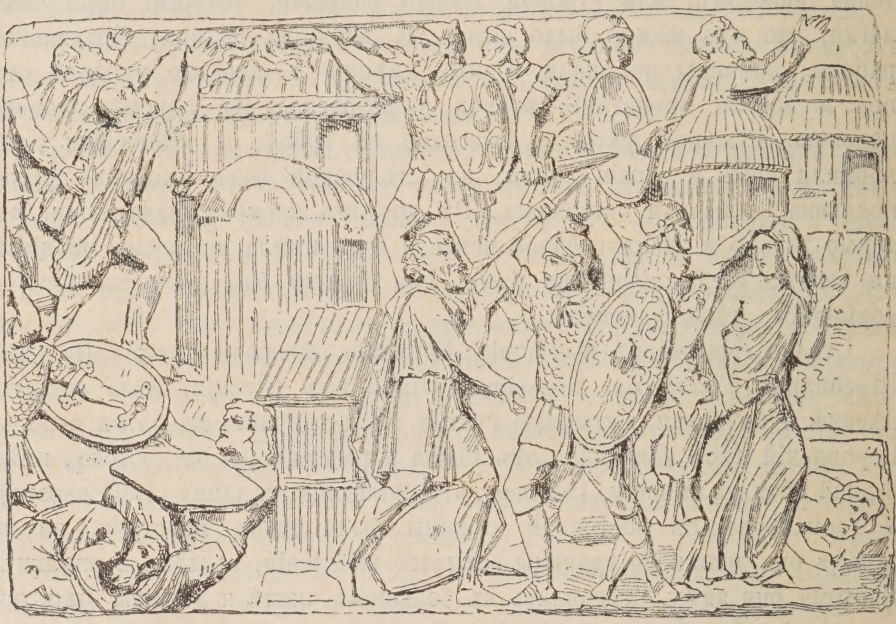
Германцы жили въ землянкахъ, которыя накрывали сверху для тепла навозомъ, или строили жалкія избушки, которыя были такъ легки, что ихъ можно было возить за собой въ походъ. Правильной работы германцы не знали. Самые крѣпкіе и молодые уходили отъ нея и искали пропитанія войной и разбоемъ. Въ одномъ племени половина мужчинъ уходила ежегодно на войну, а оставшіеся дома кормили свои и чужія семьи; на слѣдующій годъ уходила другая половина, а первая оставалась. Въ другомъ племени были люди, которые только и знали военное ремесло и не имѣли ни земли, ни дома, ни семьи; когда войны не было, они ходили изъ дому въ домъ и кормились, чѣмъ угостятъ.

Страна германцевъ (нынѣшнія: Германія, сѣверная Австрія, Польша, Швейцарія, Голландія, Бельгія, Данія и югъ Швеціи) была покрыта лѣсомъ и болотами. Огромные густые боры тянулись на сотни верстъ: Герцинскій лѣсъ начинался отъ Рейна и разстилался на востокъ, имѣя 6 дней пути въ ширину (150 верстъ) и 2 мѣсяца въ длину (1500 верстъ). У германцевъ съ восточной стороны было много простору, но на западѣ они дошли до границы осѣдлаго населенія, галловъ и римлянъ. Поэтому они здѣсь стѣснились въ большемъ числѣ и должны были поневолѣ больше заняться обработкой земли.

Но земледѣліе ихъ долго оставалось очень жалкимъ. Силачъ-воинъ лежалъ цѣлый день лѣниво на медвѣжьей шкурѣ и посылалъ на поле женщинъ, стариковъ, рабовъ. Для начала выжигали лѣсъ и получали удобреніе отъ пепла. Деревянный плугъ едва поднималъ верхній слой земли. Первоначально сѣяли только яровые хлѣба, овесъ и ячмень; позднѣе появилась рожь. Сѣяли подъ рядъ одну и ту же породу хлѣба безъ унавоживанія; когда почва истощалась, старое поле бросали или вовсе, или на долгіе годы, и оно зарастало опять травой или лѣсомъ, обращалось въ дикое пастбище. Если вся земля кругомъ деревни была истощена, всѣмъ приходилось покидать свои жилища, передвигаться на новое мѣсто и мастерить опять хижины или землянки. Германцы были кочевыми земледѣльцами.

Цѣлыя племена постоянно снимались съ мѣста: поднявшіяся тѣснили сосѣдей, истребляли ихъ, захватывали ихъ запасы, обращали болѣе слабыхъ въ своихъ крѣпостныхъ. Тѣснимое племя успѣвало часто

уйти, въ свою очередь принималось бродить или рѣзало своихъ сосѣдей: однажды, напримѣръ, изрублено было племя въ 60.000 человѣкъ. Иное племя, чтобы оградить себя отъ такихъ нападеній, оставляло кругомъ своихъ поселеній во всѣ стороны огромный пустырь. Когда племя захватывало землю, оно, по настоящему, опредѣляло себѣ кругъ для кочеванія: если на него нападали съ одного конца этого круга, оно забиралось въ отдаленный другой уголъ.



Римскіе солдаты разоряютъ варварскую деревню (выпуклая картина на колоннѣ Траяна).

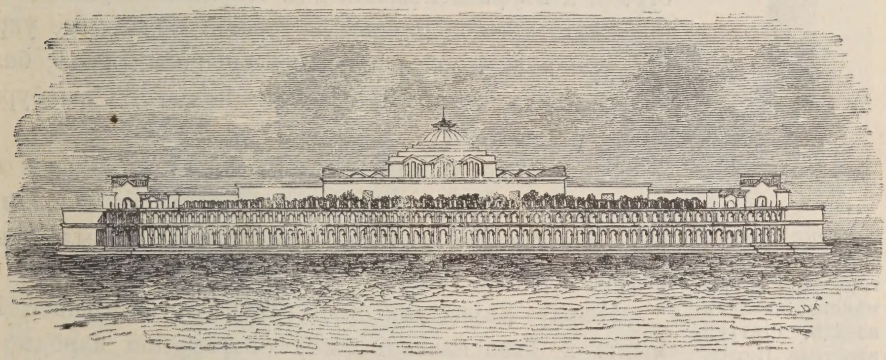
Всѣ свободные должны были владѣть оружіемъ. Германское племя было бродячимъ войскомъ. Все рѣшалось на сходкахъ воиновъ. Воины выбирали вождя и въ знакъ выбора поднимали его на щитъ. Свое одобреніе они шумно выражали стукомъ оружія. Вождь ыыбирался у иныхъ племенъ только на время похода; это былъ *герцогъ*. Другія племена имѣли обычай выбирать вождей на всю жизнь: это были *конунги*, короли. Обыкновенно конунгомъ выбирали самаго храбраго и умнаго изъ опредѣленной семьи, которая стала знаменита своими подвигами и выводила себя отъ боговъ.

Вождя окружала *дружина* лучше вооруженныхъ воиновъ, большею частью молодыхъ людей; они набирались изъ разныхъ племенъ, иногда являлись издалека, привлеченные славою вождя. У нихъ не было ни двора, ни семьи, они сходились въ большомъ залѣ у вождя

на обѣдъ и тутъ же вмѣстѣ спали; вождь дѣлилъ съ ними добычу, по-товарищески давалъ имъ коней и оружіе, а они давали ему клятву безусловной вѣрности, стояли рядомъ съ нимъ въ битвѣ и считали позоромъ вернуться безъ него домой.

Германцы и римляне. Римлянамъ нечего было искать въ странѣ этихъ дикарей. Но германцы представляли отличную военную и рабочую силу, и римляне старались забрать ее себѣ. Римляне сначала не имѣли яснаго понятія о размѣрахъ далекой сѣверной страны. Дикари были сильны, но у нихъ было плохое каменное, костяное, роговое оружіе; развѣ только въ переднемъ ряду стояли воины, вооруженные длинными копьями съ бронзовымъ и желѣзнымъ наконечникомъ: у остальныхъ были стрѣлы да короткіе деревянные дротики, съ обожженными на огнѣ остріями. Но въ ихъ странѣ совсѣмъ не было дорогъ; припасовъ нельзя было достать. Поэтому походы римлянъ въ глубь страны германцевъ были неудачны. Въ концѣ правленія Августа три римскихъ легіона, т.-е. около 20.000 человѣкъ, были окружены германцами въ *Тевтобургскомъ бору* за Рейномъ и изрублены.

Римляне очень интересовались германцами. Спустя лѣтъ 100 послѣ Августа историкъ Тацитъ составилъ описаніе быта германцевъ. Тацитъ былъ недоволенъ своимъ временемъ. Его привлекали нравы стариннаго Рима. Избалованнымъ въ довольствѣ римлянамъ онъ старался показать въ германцахъ образецъ силы; по его изображенію, это—народъ свѣжій, полный прямоты и болѣе всего на свѣтѣ любящій свободу.

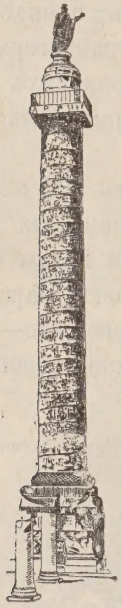


Общій видъ римскихъ термъ (самыя большія термы заключали въ себѣ театръ, библіотеку и бассейнъ на 3000 человѣкъ).

Военная граница Рейна и Дуная. Послѣ нѣсколькихъ походовъ вовнутрь Германіи римляне рѣшили загородиться отъ безпокойныхъ сосѣдей. На сѣверной границѣ вдоль Рейна и Дуная помѣстили 15 легіоновъ, т.-е. болѣе половины всѣхъ военныхъ силъ имперіи. У боль-

шихъ переправъ, при сліяніи рѣкъ были выстроены крѣпости. Гдѣ не хватало защиты въ видѣ рѣки или горнаго хребта, проводили искусственную ограду и валъ; по валу на извѣстномъ разстояніи стояли сторожевые посты и поднимались редуты. Въ трехъ мѣстахъ особенно замѣчательны римскіе валы, остатки которыхъ сохранились до нашего времени: въ углу между Нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ, въ углу между Верхнимъ Дунаемъ и Рейномъ и на сѣверѣ нынѣшней Англіи.

На границѣ были не однѣ только военныя схватки: сосѣдніе варвары приходили мѣняться товарами съ римлянами; многіе германцы искали заработка, просили земли, поступали къ римлянамъ на службу въ войско. Германцы, селившіеся у границы, многому научились у римлянъ: прививать плодовыя деревья, сажать виноградную лозу, удобрять землю, устраивать большія мельницы, печь хлѣбъ, возводить каменныя постройки, употреблять въ домѣ столы, скамьи, шкапы.



Колонна Траяна. Фигура императора наверху замѣнена, 300 лѣтъ назадъ, статуей апостола Петра.

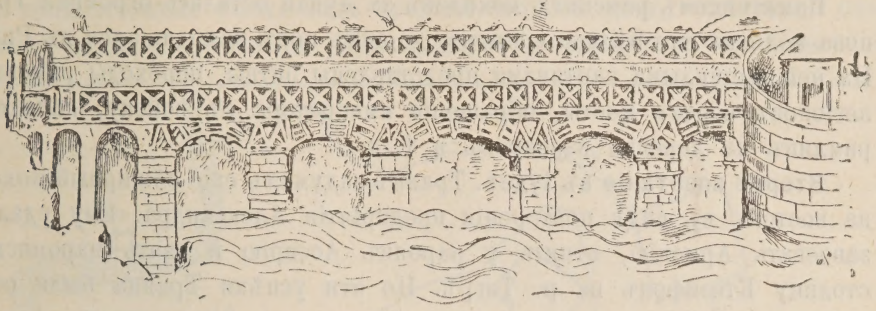
Римскіе военные посты на границѣ превращались въ правильныя поселенія. Изъ базаровъ, торговыхъ бараковъ около лагерей составлялись слободы. Самые лагери при долгомъ стояніи войскъ на одномъ мѣстѣ становились городами. До сихъ поръ еще нѣкоторые европейскіе города носятъ имя отъ латинскаго названія лагеря (напримѣръ, Честеръ въ Англіи—отъ «кастра»), и въ расположеніи ихъ старинныхъ улицъ можно узнать крестъ лагерныхъ дорогъ. Нѣкоторые укрѣпленные пункты обратились въ крупные города; большинство ихъ стоитъ и сейчасъ: Кёльнъ, Страсбургъ, Вѣна, Буда-Пештъ.

Траянъ, послѣ 100 года по Р. Х. Въ теченіе ста лѣтъ послѣ Августа римское оружіе расширяло имперію. Послѣднимъ римскимъ завоевателемъ былъ императоръ Траянъ (98—117 гг. послѣ Р. Х.).

Между Карпатами и Дунаемъ въ нынѣшней Румыніи и Трансильваніи жилъ варварскій народъ *даковъ*. Даки быстро поднялись и усилились. Въ ихъ землѣ были богатые рудники; они торговали съ греками; рабочіе, вызванные изъ Римской имперіи, устроили ихъ вождю, «великому государю», крѣпости. Даки стали опасны Риму; къ нимъ тянули многія племена Балканскаго полуострова, жившія на югъ отъ Дуная.

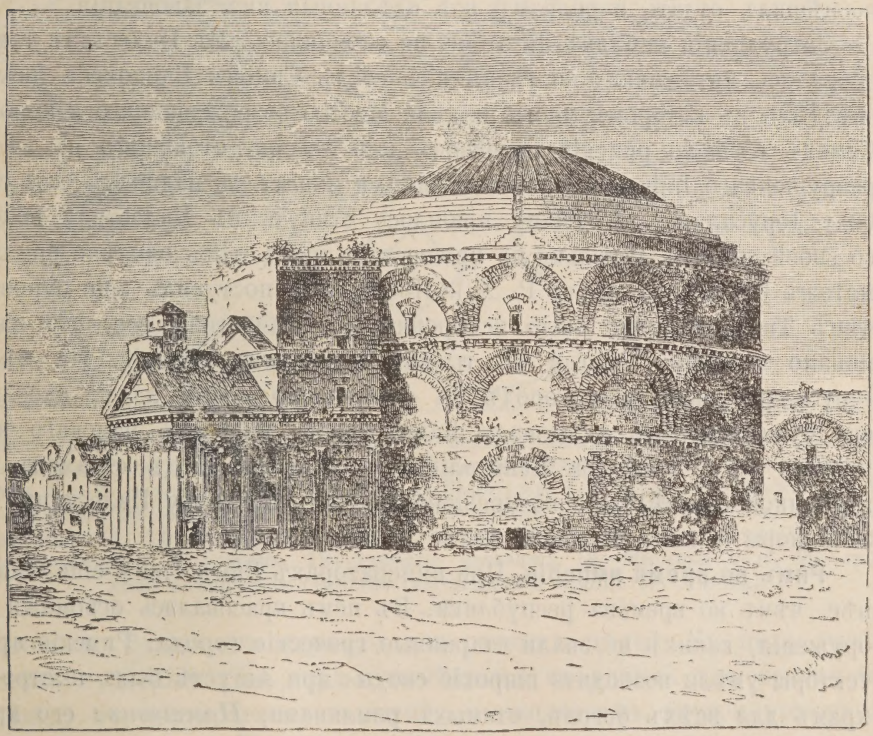
Траянъ приготовилъ противъ даковъ огромныя сооруженія вдоль Дуная: у Желѣзныхъ воротъ, гдѣ Дунай пробивается между горъ,

онъ выстроилъ для переправы къ дакамъ каменный мостъ болѣе версты длиною, остатки котораго и сейчасъ видны. Римляне повели противъ даковъ истребительную войну: тѣхъ, кто оставался въ живыхъ, переселяли внутрь имперіи. На мѣсто выселенныхъ двинули



Траяновъ мостъ черезъ Дунай (изображеніе съ колонны Траяна).

колонистовъ изъ самыхъ различныхъ мѣстъ имперіи. Много было поселено римскихъ солдатъ съ семьями. Хотя римляне потеряли эту область черезъ 200 лѣтъ послѣ Траяна, но слѣды римскаго господства



Пантеонъ въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился до его перестройки въ Новое время.

и поселенія остались тамъ до сихъ поръ. Народъ, живущій въ этой странѣ теперь, зоветъ себя *румынами* (т.-е. романами, римлянами). Въ названіяхъ мѣстъ, въ сказаніяхъ Нижняго Дуная и Карпатъ живетъ имя Траяна.

Памятникомъ римскихъ походовъ за Дунай осталась огромная Траянова колонна изъ бѣлаго мрамора, до сихъ поръ находящаяся въ Римѣ. На ней выпуклыми картинами представлены битвы, переходы римскихъ легіоновъ черезъ мосты, обращеніе императора къ войску, нападенія римлянъ на деревни варваровъ и т. д.

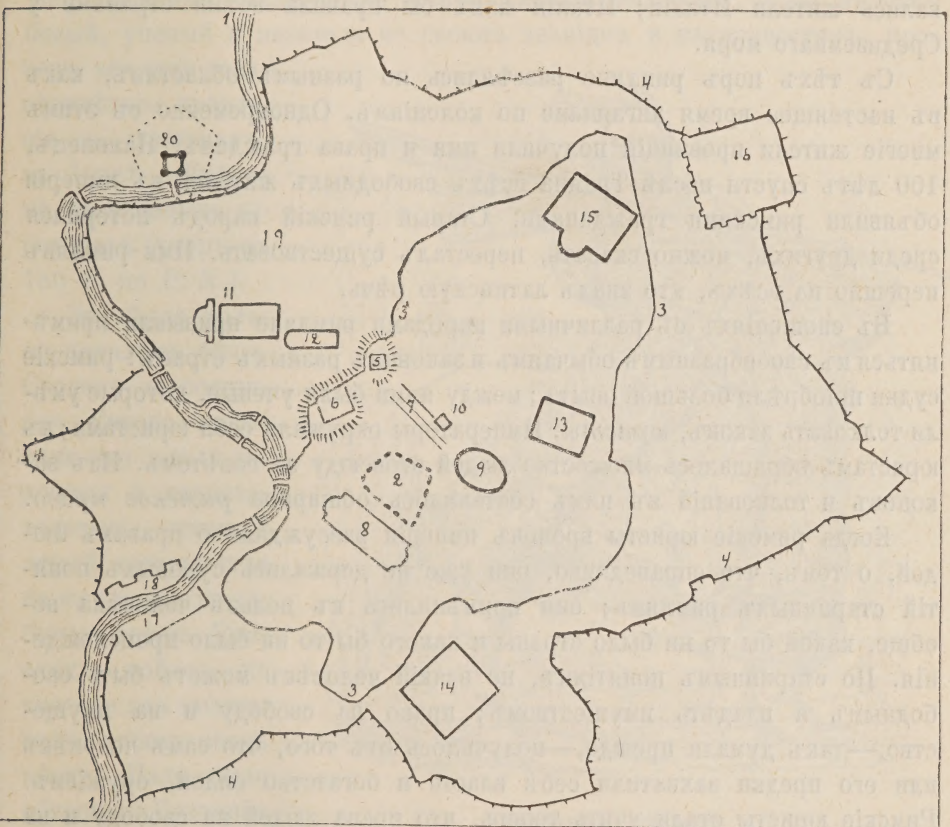
Второе возстаніе въ Іудеѣ. Траянъ задумалъ еще обширный походъ на востокъ въ видѣ повторенія предпріятія Александра. Ему удалось завоевать Арменію, отнять у парѳянъ Ассирію и взять парѳянскую столицу Ктезифонъ на р. Тигрѣ. Но эти успѣхи Траяна были остановлены страшнымъ возстаніемъ евреевъ, которое вспыхнуло въ тылу завоеванія: одновременно возмутились и тѣ евреи, которые жили въ имперіи, въ Египтѣ, Киренѣ и на островѣ Кипрѣ, и тѣ которые жили въ парѳянскомъ государствѣ по рѣкѣ Евфрату. Среди этихъ событій Траянъ умеръ, а его преемникъ, усыновленный имъ Гадріанъ, поспѣшилъ отдать парѳянамъ всѣ сдѣланныя имъ завоеванія.

Затрудненія римлянъ на этомъ не окончились. Въ Палестинѣ также собрались мятежники; во главѣ ихъ сталъ Симонъ Баркохеба («сынъ звѣзды»), въ которомъ многіе видѣли Мессію возрождающагося народа. Симонъ изгналъ римскій гарнизонъ изъ лагеря, стоявшаго на мѣстѣ разрушеннаго Іерусалима; онъ чеканилъ монету съ надписью: «за свободу Іерусалима». Гадріану пришлось стянуть въ Палестину войска со своей имперіи, и только по прошествіи трехъ лѣтъ одолѣли римляне мятежъ (въ 135 г. послѣ Р. Х.). Побѣдитель поступилъ еще суровѣе, чѣмъ Титъ. Рѣшено было искоренить въ Палестинѣ все, что напоминало старину. Сожгли до тысячи іудейскихъ селеній. На мѣстѣ Іерусалима выстроили городъ на совершенно новый ладъ, населили его чужестранцами и назвали Капитолиной, въ честь римскаго верховнаго бога, Юпитера Капитолійскаго. Евреямъ подъ страхомъ немедленной смерти было воспрещено вступать на почву Палестины. Съ этой поры у нихъ не было болѣе родины.

Римъ во время имперіи. При императорахъ Римъ сталъ еще обширнѣе, чѣмъ во времена республики. Въ немъ красовались огромныя сооруженія, какихъ не знали старинные греческіе города. Римскіе архитекторы умѣли возводить широкіе своды: при Августѣ былъ выстроенъ храмъ для всѣхъ боговъ, чтимыхъ римлянами, *Пантеонъ:* его круглый сводъ имѣетъ въ поперечникѣ 20 саженъ. Императоры ставили въ память своихъ побѣдъ большія каменныя тріумфальныя арки. Въ раз-

ныхъ мѣстахъ города поднимались просторныя *термы* (бани съ купальнями, гимнастическими залами и садами), занимавшія размѣры цѣлыхъ кварталовъ и усадебъ.

На большихъ площадяхъ были выстроены *базилики*. Это — высокія продолговатыя залы: надъ средней полосой залы, отдѣленной отъ боковъ двумя продольными рядами колоннъ, подымается болѣе высокій



Планъ древняго Рима. 1—рѣка Тибръ, 2—первоначальный Римъ на холмѣ Палатинскомъ, 3—стѣна, замыкавшая Римъ временъ республики, 4—стѣна императорскаго Рима, 5 и 6—замокъ и храмъ Юпитера на Капитоліи, 7—форумъ, 8—большой циркъ, 9—Колизей, 10—базилика Константина, 11—театръ и портикъ Помпея, 12—циркъ Фламинія, 13, 14 и 15—самыя большія термы, 16—лагерь императорской гвардіи (преторьянцевъ), 17—гавань, 18—хлѣбные магазины, 19—Марсово поле, 20—гробница императора Гадріана (впослѣдствіи замокъ св. Ангела).

потолокъ. Зданія эти служили для разныхъ цѣлей. Въ нихъ разбирались судебныя дѣла; судья помѣщался на одномъ изъ краевъ базилики, въ полукругломъ выступѣ; къ колоннамъ внутри примыкали обходившіе все зданіе хоры; на нихъ скоплялась публика, когда говорилъ рѣчь знаменитый адвокатъ. Въ боковыхъ галлереяхъ базилики

располагались торговцы, внутри помѣщалась биржа. Въ эти прохладныя залы, защищенныя отъ солнца, приходили поговорить о дѣлахъ, отдохнуть и поболтать о новостяхъ.

Когда въ странахъ кругомъ Средиземнаго моря установилась римская имперія — во времена Помпея и Цезаря, — римляне рѣзко отдѣлялись отъ подвластныхъ народовъ. Римлянами въ то время назывались жители Италіи; Италія какъ бы правила всѣми странами у Средиземнаго моря.

Съ тѣхъ поръ римляне разсѣялись по разнымъ областямъ, какъ въ настоящее время англичане по колоніямъ. Одновременно съ этимъ многіе жители провинцій получили имя и права гражданъ. Наконецъ, 100 лѣтъ спустя послѣ Траяна всѣхъ свободныхъ жителей въ имперіи объявили римскими гражданами. Старый римскій народъ потерялся среди другихъ, можно сказать, пересталъ существовать. Имя римлянъ перешло на всѣхъ, кто зналъ латинскую рѣчь.

Въ сношеніяхъ съ различными народами римляне привыкли примѣняться къ своеобразнымъ обычаямъ и законамъ разныхъ странъ: римскіе судьи пріобрѣли большой опытъ; между ними были ученые, которые умѣли толковать законъ, *юристы*. Императоры окружали себя юристами; къ юристамъ обращалось множество людей отовсюду за совѣтомъ. Изъ законовъ и толкованій къ нимъ составилось обширное *римское право*.

Когда римскіе юристы временъ имперіи разсуждали о правахъ людей, о томъ, что справедливо, они уже не держались суровыхъ понятій старинныхъ римлянъ; они примѣнялись къ пользѣ человѣка вообще, какой бы то ни было страны и какого бы то ни было происхожденія. По старинным понятіямъ, не всякій человѣкъ можетъ быть свободнымъ и владѣть имуществомъ; право на свободу и на имущество,—такъ думали прежде,—получилось отъ того, что самъ человѣкъ или его предки захватили себѣ власть и богатство силой, оружіемъ. Римскіе юристы стали учить теперь, что права людей на свободу и на владѣніе имуществомъ—прирожденныя права, что они происходятъ не отъ силы, а отъ достоинства человѣческаго; въ этомъ отношеніи всѣ люди равны. Это были понятія, перешедшія отъ грековъ.

XI.

Имперія и варвары. Христіанство 200—400 гг. по Р. Х.

Движеніе варваровъ на имперію. 200—300 гг. Дальше того, гдѣ былъ съ войсками Траянъ, римляне уже не ходили болѣе. Напротивъ, скоро пришлось отчаянно защищать свою старую границу и даже от-

ступать отъ нея. Лѣтъ 50 спустя послѣ походовъ Траяна на Дунаѣ стало непокойно. Здѣсь появились большія орды варваровъ. Они прорвались въ разныхъ мѣстахъ черезъ линію укрѣпленій, увели нѣсколько сотъ тысячъ плѣнныхъ изъ римскихъ владѣній, разграбили дунайскія области, пробились даже за Альпы въ сѣверную Италію. Правда, римляне ихъ отбросили, но на это потребовалось около 15 лѣтъ упорной войны. Императоръ Маркъ Аврелій Философъ, очень миролюбивый, ученый и писатель по своимъ знаніямъ и наклонностямъ, провелъ все свое двадцатилѣтнее правленіе на границахъ, на Дунаѣ и Евфратѣ, въ военныхъ переходахъ (умеръ въ 180 г. по Р. Х.).

Персидскій всадникъ.

Это было только началомъ бѣды. Средняя и восточная Европа высылала все новыя голодныя и завоевательныя громады людей, которыя шли на югъ и западъ добывать землю. Римскихъ войскъ не хватало для защиты всѣхъ угрожаемыхъ мѣстъ. Надо было оберегать Британію отъ шатландскихъ горцевъ, Рейнъ и Верхній Дунай — отъ германцевъ, Нижній Дунай — отъ кочевниковъ нынѣшней южной Россіи.

Новоперсидское государство, около 230 г. Ко всему прибавилась еще гроза на востокѣ; персы, за 500 лѣтъ передъ тѣмъ потерявшіе господство въ Азіи, опять поднялись и захватили страну отъ Евфрата до Инда.

Персидскій владыка принялъ старый титулъ царя царей. Всю Азію хотѣли персы очистить отъ римлянъ. Впереди бились закованные въ латы всадники на богато украшенныхъ коняхъ. Они любили сказанія объ удалыхъ подвигахъ; одно изъ ихъ преданій разсказываетъ, что

въ спорѣ двухъ царей за власть было рѣшено бросить царскую корону среди голодныхъ львовъ; одинъ изъ противниковъ спустился на арену, убилъ обоихъ львовъ и получилъ вѣнецъ.

Персы вели войну во имя вѣры. Они были почитатели священной силы огня: на монетахъ они изображали огненный алтарь. Большую силу среди нихъ взяли священники, маги. Они вмѣшивались во всѣ дѣла; ихъ глава, верховный магъ, стоялъ почти такъ же высоко, какъ царь, и короновалъ его.

Разореніе и одичаніе. Полтораста лѣтъ спустя послѣ Траяна Римская имперія была на краю гибели. Императоръ Валеріанъ, разбитый персами, попалъ къ нимъ въ плѣнъ (256 г.). Персы взяли Антіохію. Разбойничьи отряды германцевъ пробѣгали по всѣмъ областямъ: нѣкоторые изъ нихъ перешли Дунай, разграбили всю Грецію до Аѳинъ, захватили въ Византіи торговыя суда и перекинулись въ Малую Азію; иные добрались даже на своихъ ладьяхъ до устьевъ Нила.

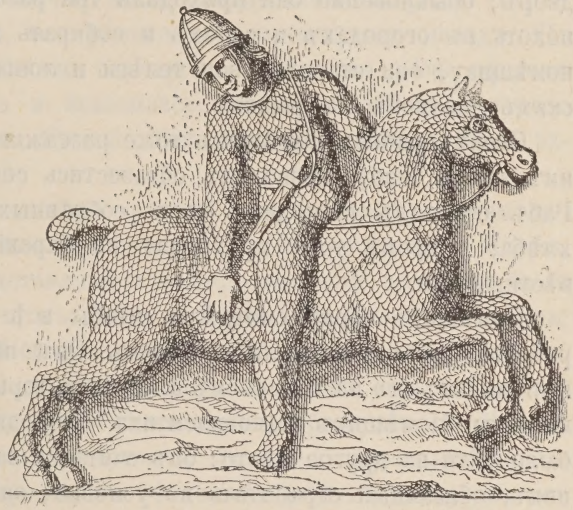
Линія укрѣпленій вдоль границы нигдѣ не могла сдержать напиравшихъ варваровъ. Пришлось укрѣплять чуть не каждый городъ внутри страны. Земля точно ощетинилась отъ грозныхъ крѣпостныхъ валовъ и башенъ. Укрѣпленный городъ становится втрое-впятеро меньше прежняго, открытаго и мирнаго, который могъ свободно раскинуться. Люди сжимались для защиты на небольшомъ клочкѣ земли. Мрачныя стѣны въ 3—4 сажени ширины, иногда выстроенныя изъ мрамора разрушенныхъ памятниковъ, закрывали отовсюду горизонтъ и висѣли тѣнями надъ узкими улицами. Улицы упирались прямо въ крѣпостныя ворота; эти ворота, низкія и темныя, были похожи скорѣе на подземные выходы. Если городъ былъ на большой рѣкѣ, ее всю отгораживали вдоль берега стѣной; горожане не видѣли своей рѣки: суда, чтобы пройти на городскую пристань, проѣзжали подъ стѣной.

У казны не было средствъ строить и содержать эти укрѣпленія; всѣ траты были положены на самихъ горожанъ. Оттого многіе города совсѣмъ разорились. Исчезло все, что прежде дѣлало городъ привлекательнымъ; водопроводы были заброшены; не на что было воздвигать большія красивыя постройки храмовъ, базиликъ, библіотекъ; не на что было поддерживать театръ и игры; школы по большей части закрылись. Художественныхъ вещей не спрашивали больше; вкусъ къ нимъ пропалъ, и художниковъ не стало; когда ставили статую императора или надгробный памятникъ, довольствовались дубоватой работой каменотеса и маляра.

Люди отвыкли отъ всѣхъ удобствъ, кругозоръ ихъ становился бѣденъ и нравы грубѣе. Разорившіеся крестьяне и владѣльцы обращались въ бродягъ, составляли разбойничьи шайки; ихъ было такъ

много, что населеніе откупалось отъ нихъ данью, оставляло имъ похищенныя вещи, чтобы сберечь остальное.

Прикрѣпленіе людей къ службѣ. Всѣ силы государства были напряжены для борьбы. Съ городовъ собирали большія подати для содержанія войска, для военныхъ сооруженій; богатыхъ людей, сидѣвшихъ въ городскихъ думахъ, заставляли отвѣчать своимъ имуществомъ за исправный платежъ всѣхъ остальныхъ обывателей; а для того, чтобы эти видные граждане не могли уклониться отъ своей повинности, правительство держало ихъ въ городѣ, какъ крѣпостныхъ. За попытку побѣга имъ грозило суровое наказаніе. Также прикрѣпили къ мѣсту купцовъ и ремесленниковъ. Они не смѣли мѣнять занятій и мѣста жительства: сынъ обязанъ былъ продолжать занятіе отца. Помимо заказовъ, которые давали имъ заработокъ, они еще должны были работать даромъ на войско и казну: готовить обувь, одежду, оружіе, подвозить хлѣбъ.



Всадникъ и его конь въ металлической чешуѣ (вооруженіе, которое варвары сохраняли, поступая на римскую службу).

Войско пришлось увеличить: такъ какъ въ римскихъ областяхъ людей не хватало для военной службы, въ легіоны стали брать все больше и больше варваровъ, особенно германцевъ. Иногда римляне мирились съ нападавшими германцами на условіи, что тѣ будутъ поставлять изъ своей среды солдатъ. Или же германцамъ уступали у границы землю съ тѣмъ, чтобы каждая семья, получившая участокъ, ставила солдатъ. Такъ какъ работа солдатъ была тяжелая, а жалованья не хватало, рѣшили вообще надѣлять солдатъ землею. По всей границѣ водворили солдатъ-поселенцевъ: въ свободное время они пахали землю; ремесло ихъ сдѣлалось наслѣдственнымъ, сыновья ихъ обязаны были идти на службу. Значитъ, и солдаты стали какъ будто крѣпостными людьми. Если приходилось держать солдатъ внутри страны, то ихъ помѣщали на постой къ землевладѣльцамъ. Каждый владѣлецъ долженъ былъ уступать имъ треть своей земли или содержать ихъ на треть своихъ доходовъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ. Тяжелое время наступило для всѣхъ. На владѣльцевъ земли ложились большія подати. Помѣщикамъ трудно было теперь доставать рабовъ. Рынки рабовъ, наполнявшіеся прежде, во время господства римлянъ, военноплѣнными и награбленными людьми, опустѣли. Для того, чтобы имѣть всегда готовыхъ рабочихъ, помѣщики стали всячески тянуть къ себѣ на барщину сосѣднихъ крестьянъ: то какой-нибудь льготой, уступкой земли или позволеніемъ брать у себя лѣсъ, то силой, принужденіемъ. Крестьяне (*колоны*) обязывались приходить на нѣсколько дней въ самое горячее время на барскій дворъ; обыкновенно они приходили три раза: пахать и копать землю, полоть въ огородахъ и садахъ и собирать жатву. Когда было нужно помѣщику, они ставили свои телѣги и лошадей для перевозки хозяйскихъ товаровъ на рынокъ.

Своихъ рабовъ помѣщикъ тоже разсаживалъ по участкамъ: давалъ имъ землю, избу, позволялъ обзавестись семьей, огородомъ, скотомъ. Рабъ отдавалъ господину часть собранныхъ съ участка плодовъ и хлѣба, а кромѣ того приходилъ на барскій дворъ работать въ извѣстные дни.

Помѣщикъ зорко смотрѣлъ, чтобы всѣ эти люди, обязанные ему работой, не ускользнули отъ него. Онъ писалъ для нихъ уставъ и вырѣзывалъ его на каменномъ алтарѣ, который водружался въ серединѣ вотчины. Помѣщикъ становился ихъ «господиномъ». Колону уже нельзя было уйти на другое мѣсто: онъ считался за помѣщикомъ, какъ должникъ, обязанный отработать по условію; онъ обратился въ такого же крѣпостного человѣка, какимъ былъ и рабъ, посаженный на землю. Дѣти крѣпостного тоже принадлежали вотчинѣ и вырастали крѣпостными. За попытку ухода крѣпостного наказывали, какъ преступника.

Помѣщикъ сталъ входить во всѣ его дѣла: онъ разбиралъ споры между крѣпостными, точно его поставили надъ ними судьей; запрещалъ крѣпостному брать жену изъ другого званія и даже изъ другого мѣста, чтобы крѣпостные не отвыкали отъ обязанной работы; назначалъ для вотчины жреца и требовалъ, чтобы всѣ люди въ округѣ были одной вѣры. Въ вотчинѣ открывали два раза въ недѣлю рынокъ, чтобы крѣпостнымъ не надо было ѣздить въ городъ.

Императоры не мѣшали этому: у нихъ были громадныя помѣстья во всѣхъ провинціяхъ и множество своихъ крѣпостныхъ. Они требовали только, чтобы помѣщики отвѣчали за своихъ крѣпостныхъ; помѣщики должны были смотрѣть, чтобы съ крѣпостныхъ исправно шла подать, и чтобы изъ нихъ набиралось нужное число рекрутъ.

Господа. Крупные помѣщики стали точно государями, каждый въ своей округѣ. Ихъ большіе дворы были часто обведены рвомъ и стѣной

и превращены въ настоящіе замки. Они могли отбиваться отъ нападеній варваровъ собственными силами. Многіе люди отдавались подъ ихъ покровительство, сами записывались въ ихъ крѣпостные; такъ поступали, напримѣръ, городскіе торговцы, чтобы уйти отъ тяжелыхъ городскихъ повинностей. Такой «могучій» владѣтель, «господинъ», окруженный множествомъ крѣпостныхъ слугъ и зависимыхъ людей, не пускалъ къ себѣ чиновниковъ, нерѣдко подолгу не платилъ подати, захватывалъ кругомъ своего владѣнія все, что ему нравилось.

Чужіе обычаи въ имперіи. До Траяна не только оружіе римлянъ, но также и рѣчь, вѣра, обычаи всюду подвигались впередъ. 100—200 лѣтъ спустя, обратно, все римское стало отступать назадъ. По краямъ имперіи сѣло множество варваровъ; латинская рѣчь мѣстами исчезла, мѣстами огрубѣла и исказилась. Особенно войско потеряло прежній римскій характеръ. Римскіе боги большею частью были забыты въ войскѣ.

Къ солдатамъ переходила вѣра враговъ имперіи: такъ, напримѣръ, среди нихъ многіе стали чтить персидскаго бога Митру. Алтари Митры, небольшіе храмы его, представлявшіе подобіе пещеры, занесены были солдатами далеко на сѣверъ, къ Рейну и Дунаю. Митра—богъ солнца, «непобѣдимый», побивающій своей палицей бога смерти и духовъ мрака. Онъ провожаетъ души въ подземный міръ и даетъ имъ избавленіе отъ загробныхъ мученій. Но чтобы стать подъ покровительство Митры, надо пройти черезъ тяжелыя испытанія, «казни»: выдержать долгое лишеніе пищи, бичеваніе, пролежать нѣсколько дней на снѣгу, потомъ на гвоздяхъ, пройти разные ужасы, бѣгъ среди обнаженныхъ мечей, сидѣніе въ темномъ затворѣ и т. д.; если посвящаемый выказывалъ твердость, его принимали въ общину, объявляли воиномъ Митры и награждали мечомъ и вѣнцомъ.

Иноплеменники, потомки варваровъ, добирались до важныхъ должностей, получали начальство надъ легіонами, становились императорами по выбору солдатъ. Такъ появились въ Римѣ императоры изъ африканцевъ, сирійцевъ, галловъ.

Діоклетіанъ, около 300 года. Нѣсколько энергичныхъ императоровъ, большею частью родомъ изъ Иллиріи, поправили военныя дѣла имперіи. Они опять загородили границу отъ варваровъ на сѣверѣ; на востокѣ они остановили персовъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ императоровъ былъ Діоклетіанъ.

Діоклетіанъ видѣлъ, что одному невозможно всюду поспѣть: лучше было подѣлиться властью, и нѣсколькимъ императорамъ дѣйствовать сообща, но въ разныхъ мѣстахъ. Діоклетіанъ самъ назначилъ себѣ трехъ товарищей: они получили всѣ титулы, почетъ и власть (285 г.).

Всѣ четыре императора выбрали себѣ столицы далеко отъ Рима, поближе къ границѣ, гдѣ было теперь такъ много дѣла: главный сотоварищъ Діоклетіана — въ городѣ *Миланѣ* близъ альпійскихъ проходовъ, а самъ Діоклетіанъ — близъ пролива Босфорскаго, ведущаго въ Черное море, въ *Никомедіи;* остальные два — у Рейна и на Нижнемъ Дунаѣ.

Все больше и больше исчезали старинные римскіе обычаи и порядки. Въ провинціяхъ давно чтили императора, какъ бога. Теперь онъ сталъ держать себя, какъ земное божество.

При Діоклетіанѣ вошли въ обычай пышные выходы и пріемы императора, земные поклоны передъ нимъ; онъ появлялся въ длинной одеждѣ первосвященника, на головѣ была жреческая бѣлая повязка, усѣянная жемчугами. Когда рисовали его изображеніе, кругомъ головы дѣлали сіяніе или вѣнецъ расходящихся лучей. Въ грамотахъ, на памятникахъ государя прозывали святѣйшимъ, непобѣдимѣйшимъ; говорили, что онъ—видимый, воплощенный богъ, что онъ — живой законъ на землѣ. Все, что его окружало, получало священный характеръ. Его министрамъ было поручено управленіе «священнымъ дворцомъ» и «священной спальней», раздача «священныхъ милостей».

Императоръ уже болѣе не дѣлился властью съ сенатомъ, какъ при Августѣ. Онъ не считался уполномоченнымъ отъ народа; онъ былъ правитель по божественному закону. Къ этой власти болѣе всего подходило греческое слово *монархія*, что значитъ правленіе государя, ничѣмъ не ограниченнаго въ своей волѣ.

Множество чиновниковъ было поставлено по областямъ, чтобы поддерживать порядокъ, собирать подати, принимать поставки хлѣба и другихъ предметовъ на войско и на дворъ. Другіе чиновники были назначены, чтобы смотрѣть за первыми и раскрывать злоупотребленія; а еще новый составъ чиновниковъ находился въ столицѣ, вблизи императора; эти принимали счета, донесенія и извѣстія и составляли доклады государю. Для содержанія всего этого огромнаго количества чиновниковъ нужно было собирать новые большіе налоги съ населенія, а оно и безъ того было разорено нашествіями варваровъ, тратами на укрѣпленіе городовъ и постоемъ солдатъ.

Въ эти тяжелыя времена многіе падали духомъ и искали спасенія или въ старыхъ, отчасти забытыхъ обрядахъ, или въ новыхъ вѣрованіяхъ, привлекавшихъ нерѣдко своею таинственностью и необычайностью. Діоклетіанъ былъ ревностный почитатель старыхъ боговъ. Это столкнуло его съ христіанами.

Христіане. Ученіе Христово распространилось сначала на востокѣ, среди евреевъ «разсѣянія» и грековъ, въ странахъ греческой рѣчи.

Евангелія написаны были на греческомъ языкѣ. Въ первыя полтораста лѣтъ въ Римѣ и въ западной части имперіи было мало послѣдователей христіанства. Греки принимали христіанство скорѣе, потому что они были мягче нравами и образованнѣе (стр. 122). Христіанское ученіе не дѣлало различія между людьми по ихъ происхожденію. Апостолъ говоритъ, что нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни свободнаго, ни раба, а всѣ—одно во Христѣ.

Христіане составляли сначала небольшія дружескія общества. Члены этихъ обществъ сходились на молитву и общую бесѣду, обыкновенно вечеромъ, въ память Тайной вечери Христовой. Происходила братская трапеза, во время которой причащались. Потомъ стали переносить причащеніе на слѣдующее за трапезой утро.

Трапезы составлялись на общіе взносы; къ своему взносу многіе прибавляли дары въ пользу бѣдныхъ: милостыней и благотворительнымъ дѣломъ они хотѣли очистить душу свою. Бѣдныхъ называли «драгоцѣнными сокровищами церкви». Святымъ дѣломъ считалось у христіанъ и освобожденіе раба. «Раба выкупить значитъ душу спасти». Христіанскій архіепископъ Кипріанъ училъ: «Въ плѣненныхъ братьяхъ вы должны видѣть Христа и выкупать Того, Кто насъ выкупилъ отъ смерти, вы должны вырывать изъ рукъ варваровъ Того, Кто насъ вырвалъ у діавола». Христіане праздновали три дня въ недѣлѣ, среду, пятницу и воскресенье, въ память о плѣненіи Христа, мученичествѣ Его и воскресеніи. Въ праздники они не украшали дверей и улицъ цвѣтами, не водили хороводовъ, и это бросалось въ глаза окружающимъ.

Старинное изображеніе христіанской трапезы.

Общины христіанъ. Въ христіанской общинѣ можно было замѣтить различіе между особыми ревнителями вѣры, «совершенными» христіанами, и множествомъ непосвященныхъ. Отъ «совершенныхъ» христіанъ требовалось много стойкости; они не должны были впадать въ тяжкій грѣхъ, поэтому ихъ называли святыми и священниками; они назывались также *пресвитерами*, т.-е. старѣйшими. Они были окрещены, и имъ открыты были главныя тайны вѣры. Крещеніе считалось равнымъ большому покаянію, душевному просвѣтлѣнію и давалось лишь послѣ долгой подготовки.

Большинство состояло изъ *оглашенныхъ*, т.-е. готовящихся къ крещенію. Если посвященный впадалъ въ грѣхъ, его «отлучали» отъ общины и принимали вновь лишь послѣ долгаго покаянія. Когда общины

стали велики, и христіане начали собираться въ большихъ церквахъ, различіе между «совершенными» и всѣми остальными было ясно видно въ богослуженіи. Для оглашенныхъ и кающихся отводили особое большое мѣсто въ передней части церкви. Они слушали только часть службы: считалось, что паствѣ нельзя съ ними молиться, чтобы не осквернить себя. Кающіеся стояли въ дурной одеждѣ среди нищихъ у церковной двери.

Защита христіанства и преслѣдованіе христіанъ. 100—300 гг. по Р. Х. Для чужихъ, совершенно незнакомыхъ съ ученіемъ, христіанскіе писатели составляли воззванія и книги. Все кругомъ людей, говорили они, свидѣтельствуетъ въ пользу христіанства. Вездѣ виденъ крестъ: въ расположеніи дома и лагеря, въ остовѣ корабля, въ формѣ знамени и меча, въ фигурѣ человѣка, простершаго руки на молитвѣ. Тертулліанъ (жившій въ Африкѣ около 200 года) доказывалъ, что душа каждаго человѣка, какъ бы ни была она обманута ложнымъ ученіемъ, жаждетъ истиннаго Бога. «Душа наша отъ природы—христіанка. Когда душѣ тяжко, она зоветъ не боговъ, а Бога и выговариваетъ только это великое имя; она обращается тогда не къ Капитолію, а къ небу; она знаетъ, гдѣ престолъ живого Бога; отъ Него и оттуда она и пришла».

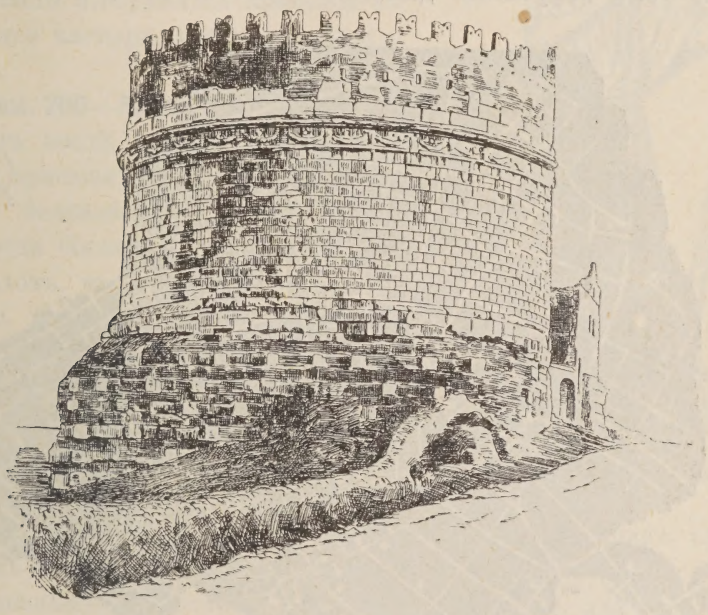
Молящійся христіанинъ по изображенію въ катакомбахъ.

Между христіанами были люди строгаго обычая, которые считали невозможнымъ входить въ какое-либо общеніе съ поклонниками боговъ. Они говорили, что надо избѣгать театра и игръ, потому что это—дѣло дьявола, пышность идолослуженія. Христіанинъ не долженъ быть скульпторомъ, потому что ему придется изображать боговъ; онъ не долженъ держать школы, потому что придется объяснять миѳы о богахъ. Ему нельзя быть солдатомъ, потому что знамена освящены нечестивыми обрядами. Нельзя ему занять какую-нибудь должность, потому что иначе пришлось бы совершать передъ народомъ жертву, присягать передъ статуей императора и т. д.

Когда христіане-ревнители громко отказывались отъ жертвъ, отъ поклона передъ изображеніемъ императора, ихъ брали подъ стражу, осуждали на казнь. Иногда народная толпа подъ впечатлѣніемъ какой-

нибудь бѣды, напримѣръ, землетрясенія, обрушивалась на христіанъ, избивала ихъ; народъ готовъ былъ видѣть причину несчастья въ «безбожіи» христіанъ, въ томъ, что христіане, отрицая боговъ, навлекли ихъ гнѣвъ на всѣхъ.

Погребальныя общества. Катакомбы. Положеніе христіанъ было трудно, потому что римскіе правители во времена имперіи очень подозрительно относились ко всякимъ союзамъ и обществамъ, даже самымъ невиннымъ. Они боялись, что тамъ можетъ завестись заговоръ и измѣна. Траянъ не позволилъ устроить въ городѣ Никомедіи воль-



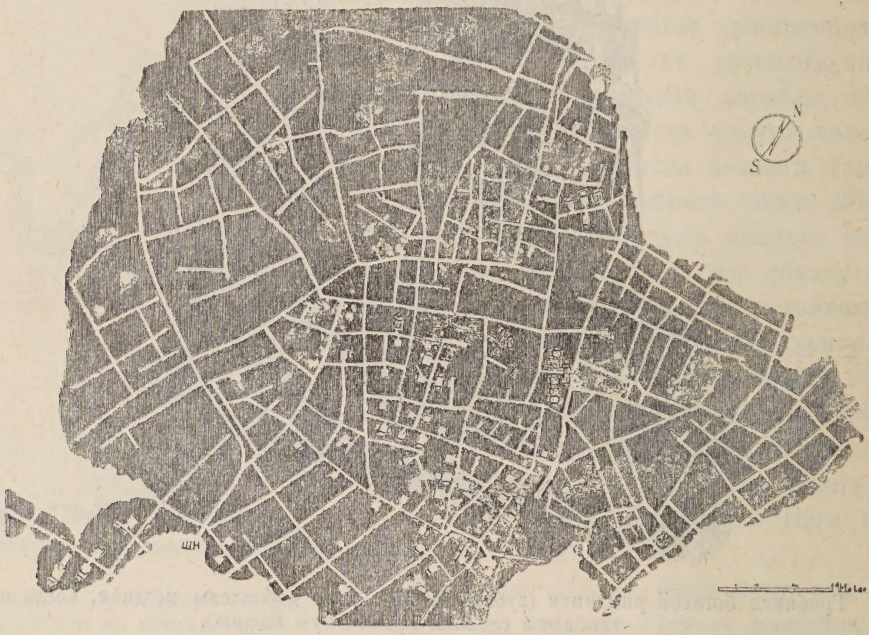
Гробница богатой римлянки (зубцы наверху были добавлены позднѣе, когда изъ гробницы сдѣлали крѣпостную башню).

ную пожарную команду изъ 150 плотниковъ, опасаясь, что у нихъ начнутся еще какія-нибудь тайныя дѣла. Легко разрѣшали только общества погребальныя.

Такія общества составлялись издавна, большею частью въ средѣ людей бѣдныхъ, низкаго званія, рабовъ. Богатый человѣкъ выстраивалъ себѣ большой могильный склепъ, оставлялъ по завѣщанію крупную сумму на пышное погребеніе и на поминаніе. Бѣдные люди старались устроить поминъ души изъ общихъ товарищескихъ взносовъ. Нѣсколько человѣкъ, напримѣръ, люди одного ремесла, рабы одного господина, складывались какъ бы въ одну семью: товарищи называли себя братьями и сестрами; они обязывались приходить всѣ на погре-

беніе умершаго сочлена; они выстраивали большую общую могилу, *схолу*. Это было круглое двухъэтажное зданіе: нижній этажъ находился въ землѣ; тамъ хоронили умершихъ; въ верхнемъ былъ устроенъ залъ, гдѣ собирались для трапезы, для молитвы въ поминальные дни.

Но большинство бѣдныхъ братскихъ союзовъ не могли столько собрать, чтобы устроить схолу; они отыскивали себѣ просто подземелье, часто далеко отъ середины города; напримѣръ, въ Римѣ рыли глубже тѣ ямы и ходы, которые были раньше продѣланы для добыванія глины. Умершихъ клали въ углубленія, пробитыя въ стѣнахъ вдоль проходовъ. Такъ получались длинныя и извилистыя улицы и переулки



Планъ одной части римскихъ катакомбъ.

подъ землею, *катакомбы;* нѣкоторыя такъ узки, что въ нихъ едва могутъ разойтись двое. Долго хоронили въ этихъ подземныхъ кладбищахъ и собирались въ нихъ на поминаніе умершихъ. Во многихъ мѣстахъ они образуютъ нѣсколько этажей, одинъ надъ другимъ. Если растянуть могильныя галлереи Рима въ одну линію, то онѣ составятъ болѣе 1000 верстъ въ длину.

Чтобы не вызывать преслѣдованій, христіанскія общины принимали видъ такихъ же союзовъ. Христіанскіе братья также рыли катакомбы, которыя примыкали къ другимъ, болѣе стариннымъ. Христіане собирались у особенно дорогихъ могилъ, гдѣ погребены были лучшіе

люди, замѣчательные святою жизнью, подвигомъ мученичества или горячею проповѣдью. Нерѣдко надъ такой могилой есть небольшая комната съ выходомъ въ галлерею; въ ней ставился столъ для Евхаристіи, и она постепенно расширялась въ часовню для богослуженія. Первыя церкви были вообще похожи на схолы: въ нижней половинѣ церкви подъ поломъ у молящихся было кладбище. Стѣны христіанскихъ катакомбъ украшались живописью: особенно часто изображался Христосъ въ видѣ добраго пастыря, несущаго заблудшую овцу.

Статуя Христа-добраго пастыря.

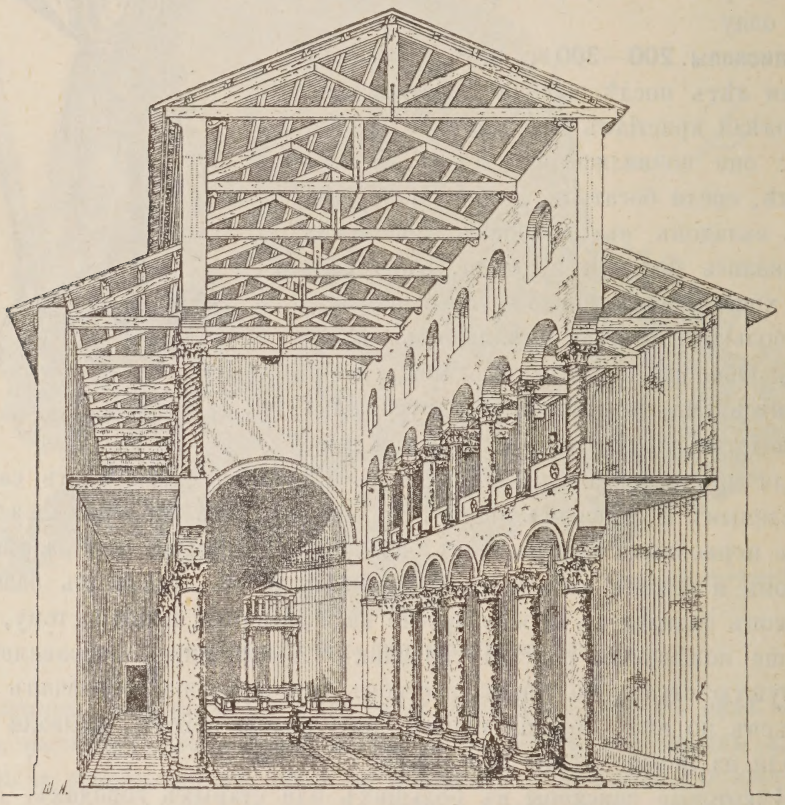
Епископы. 200—300 гг. по Р. Х. Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ начала христіанской проповѣди христіанъ было много и на западѣ: они появились при дворѣ, и въ войскѣ, среди богатыхъ людей. Изъ разныхъ вкладовъ въ общинахъ христіанъ составились большія средства. Въ городахъ христіане выстроили крупныя церкви; онѣ большею частью имѣли видъ базиликъ. Общины пересылались между собою письмами, помогали другъ другу. Для руководства всѣми этими дѣлами они выбирали изъ своей среды *епископовъ*. Епископъ скоро сталъ самымъ уважаемымъ и сильнымъ лицомъ въ общинѣ. Онъ распоряжался большимъ церковнымъ имуществомъ. Къ нему обращались для разрѣшенія споровъ и тяжебъ вмѣсто того, чтобы идти къ судьѣ. Въ базиликѣ епископъ садился въ особое кресло на возвышеніи подобно тому, какъ раньше помѣщался римскій сановникъ. Христіанинъ, отправлявшійся въ чужую страну со свидѣтельствомъ отъ епископа, встрѣчалъ у собратьевъ по вѣрѣ горячій пріемъ: ему давали пріютъ, омывали ноги, сажали на первое мѣсто за столомъ.

Нѣкоторые епископы въ большихъ или старыхъ городахъ, Антіохіи, Александріи, Іерусалимѣ, пользовались особымъ почетомъ; къ мнѣнію этихъ *патріарховъ*, или *папъ*, особенно прислушивались. Всего болѣе значенія имѣлъ *римскій епископъ*, потому что Римъ считали вѣчнымъ городомъ, главою міра.

Христіанскія общины распространились къ 300 году по всѣмъ областямъ Римской имперіи. Епископы стремились утвердить во всѣхъ общинахъ одни порядки, одно ученіе, одни обряды. Когда подни-

мался между общинами споръ о томъ, какъ понимать ученіе, епископы съѣзжались вмѣстѣ съ пресвитерами на собранія; на этихъ *синодахъ* старались установить согласіе. Кто отступалъ въ чемъ-нибудь отъ утвержденнаго порядка или ученія, считался *еретикомъ*, т.-е. «раскольникомъ», «отрѣзающимъ» себя отъ общей церкви. Еретиковъ отлучали отъ церкви, т.-е. объявляли лишенными спасенія.

Ко времени Діоклетіана христіане были большой силой въ имперіи. Мѣстами старые боги и ихъ алтари были покинуты. Императоры и ихъ намѣстники видѣли, какъ велика была власть епископовъ. Имъ казалось, что церковь отвлекаетъ и людей, и богатства



Внутренній видъ христіанской базилики.

отъ службы имперіи. Еще за 50 лѣтъ до Діоклетіана были изданы строгіе указы противъ христіанъ; собранія ихъ были запрещены, и имъ грозили отобраніемъ имущества. При императорѣ Валеріанѣ (стр. 184) сильно преслѣдовали пресвитеровъ и епископовъ, около которыхъ тѣснились вѣрующіе: ихъ ждала ссылка или казнь. Съ тѣхъ

поръ прошло много лѣтъ, въ теченіе которыхъ христіане могли жить спокойно.

Къ концу правленія Діоклетіана эти указы были возобновлены, и къ нимъ прибавились еще суровыя мѣры. Сначала погрозили выключить изъ среды войска и изъ числа чиновниковъ всѣхъ, кто откажется принести жертву генію императора. Затѣмъ Діоклетіанъ предписалъ сжечь книги христіанъ и сломать церкви и молитвенные дома.

Константинъ. Преслѣдованіе христіанъ не имѣло успѣха. Хотя нѣкоторые поколебались и выдали книги, но большинство осталось твердымъ; выступали исповѣдники, которые громко объявляли свою вѣру. Христіане еще крѣпче держались за пострадавшихъ епископовъ, еще болѣе слушались ихъ слова. Діоклетіанъ во время преслѣдованій отказался отъ власти императора.

Сынъ его товарища по власти, Константинъ (311—337 гг.), также иллиріецъ по происхожденію, правившій крайней западной четвертью имперіи, сначала примирился съ христіанами, потомъ перешелъ на ихъ сторону Десять лѣтъ спустя послѣ гоненій Діоклетіана Константинъ указомъ въ Миланѣ позволилъ христіанамъ свободно исповѣдовать вѣру. Потерпѣвшіе получили назадъ свое имущество.

Константинъ сталъ потомъ давать перевѣсъ христіанамъ. Въ своемъ войскѣ Константинъ ввелъ новое крестообразное знамя: наверху его были изображены начальныя буквы имени Христова; на немъ стояла надпись: «Симъ побѣдишь». Было позволено изображать крестъ на императорскихъ монетахъ. Константинъ сталъ особенно приближать къ себѣ епископовъ. Онъ позволилъ имъ участвовать въ судѣ, рѣшать тяжбы; позволилъ отпускать рабовъ на волю въ церквахъ. Константинъ освободилъ духовенство отъ податей и отъ тяжелой повинности доставлять хлѣбъ въ казну. Онъ приглашалъ епископовъ къ своему столу и щедро одарялъ церкви. Епископы стали главной опорой его управленія. Своихъ дѣтей Константинъ воспиталъ въ христіанствѣ.

Константинополь. Вездѣ христіане примыкали къ Константину: онъ завладѣлъ сначала всей западной половиной имперіи, а потомъ и восточной и сталъ опять единственнымъ императоромъ. Константинъ выбралъ столицей городъ, близко стоявшій къ границамъ, *Византію*, у того же пролива къ Черному морю, какъ и его предшественникъ, Діоклетіанъ. Городъ этотъ, когда-то принадлежавшій Аѳинамъ, занималъ несравненное положеніе. Мимо шелъ важный морской путь, который какъ бы перерѣзывалъ сухопутную дорогу отъ Дуная къ Евфрату: здѣсь была лучшая переправа изъ Европы въ Азію. Городъ стоялъ на углу закрытаго Мраморнаго моря и пролива; онъ имѣлъ еще на сѣверѣ глубокую длинную гавань, Золотой Рогъ.

Въ Византіи, получившей съ этихъ поръ имя *Константинополя*, т.-е. Константинова города, былъ устроенъ сенатъ, какъ въ Римѣ; были возведены циркъ и храмъ богини счастливой судьбы, Тихи, которая должна была охранять городъ. Отовсюду въ новую столицу свозили старинныя святыни и драгоцѣнности: изъ Дельфъ привезли змѣевидный столбъ, на которомъ стоялъ треножникъ, даръ грековъ, за 800 лѣтъ передъ тѣмъ побѣдившихъ Ксеркса. Въ Константинополѣ

Циркъ въ Константинополѣ. Императоръ стоитъ въ своей ложѣ, окруженный гвардіей; въ рукѣ у него кусокъ бѣлой матеріи, которымъ онъ даетъ знакъ къ началу игръ. Внизу зрители, и еще ниже разыгрывается пантомима.

продолжалось то же увлеченіе играми цирка, какъ въ Римѣ: партіи раздѣлялись по тѣмъ же цвѣтамъ; у нихъ были свои собранія, свои старосты, свои кассы. Императоры въ циркѣ раздавали награды, давали народу благословеніе, обращались къ нему съ рѣчами. Въ возбужденное время циркъ становился мѣстомъ мятежа.

Никейскій соборъ, 325 г. Константинъ очень заботился, чтобы въ христіанской церкви не было разногласій. Осужденныхъ епископами еретиковъ онъ наказывалъ и ссылалъ. Въ это время въ церкви поднялся большой споръ о вѣроученіи: александрійскій пресвитеръ Арій училъ, что Сынъ Божій не равенъ, а подобенъ Богу-Отцу. Сторонниковъ Арія было очень много, около половины всѣхъ христіанъ.

Дѣло не ограничилось споромъ въ книгахъ и на словахъ; доходило до схватокъ на улицахъ. Часто цѣлый городъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи, ненавидѣвшія другъ друга. Константинъ очень желалъ прекращенія спора. Онъ созвалъ епископовъ и многихъ пресвитеровъ на первый общій, вселенскій соборъ въ малоазійскомъ городѣ *Никеѣ*, противъ Константинополя. Здѣсь былъ записанъ Символъ вѣры, и ученіе Арія было осуждено. Константинъ нѣсколько разъ предсѣдательствовалъ въ собраніи. Онъ называлъ себя общимъ епископомъ, другихъ епископовъ—своими братьями и сотрудниками.

Нехристіанъ въ это время было гораздо больше, чѣмъ христіанъ. Нехристіане однако не составляли одной вѣры: среди нихъ были поклонники старыхъ римскихъ и греческихъ боговъ, почитатели солнца, великой матери боговъ и др. Они не могли соединиться противъ христіанства. Но ихъ опасно было раздражать. Они продолжали строить свои храмы, обращаться къ своимъ гадателямъ. Еженедѣльный праздникъ по всей имперіи еще назывался солнечнымъ днемъ (до сихъ поръ это имя осталось за воскресеньемъ на нѣмецкомъ и англійскомъ языкѣ).

Юліанъ Отступникъ. Послѣ смерти Константина, его племянникъ Юліанъ, учившійся въ Аѳинахъ, большой поклонникъ Платона и греческаго искусства, задумалъ возродить прежнюю религію грековъ. Императоръ видѣлъ, что для этого надо найти соперниковъ епископамъ и отнять у христіанъ проповѣдь и преподаваніе. Онъ старался назначать образованныхъ людей на мѣста жрецовъ при старыхъ храмахъ, запретилъ христіанамъ обученіе въ школахъ и самъ составлялъ противъ нихъ книги и рѣчи.

Юліанъ скоро погибъ въ войнѣ съ персами (363 г.), и всѣ его замыслы разстроились. Христіане стали опять брать верхъ. Въ городахъ епископы распоряжались полновластно. Въ деревняхъ, куда трудно было проникнуть проповѣднику, гдѣ не знали грамоты и не могли читать книгъ, держалась крѣпче старая вѣра. Но и тамъ много зависѣло отъ крупныхъ помѣщиковъ; если они сами принимали христіанство, они принуждали къ тому же и всѣхъ своихъ крѣпостныхъ и подчиненныхъ людей.

Ѳеодосій, около 390 г. Черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти Константина приступили къ уничтоженію всѣхъ нехристіанскихъ исповѣданій. Властный епископъ миланскій, Амвросій, потребовалъ, чтобы императоръ сложилъ съ себя титулъ великаго римскаго жреца, понтифика. Изъ зданія сената вынесли статую богини Побѣды, какъ бы въ знакъ того, что надо порвать съ римской стариной, служившей ложнымъ богамъ. Древней римской вѣрѣ нанесли этимъ большой ударъ: старинныя семьи сенаторовъ держались за нее, потому что съ нею были связаны всѣ

славныя и гордыя ихъ воспоминанія о предкахъ. Императоръ Ѳеодосій ревностно исполнялъ указанія миланскаго епископа. Онъ запретилъ жертвы, не только всенародныя, но и въ частныхъ домахъ; жрецы потеряли всѣ свои права; земли и драгоцѣнности, принадлежавшія храмамъ, были отобраны въ казну. На храмахъ поднимали крестъ и и обращали ихъ въ христіанскія церкви. Такъ Парѳенонъ въ Аѳинахъ, старинный храмъ Аѳины, покровительницы города, былъ обращенъ въ церковь Богоматери.

Ѳеодосій преслѣдовалъ также всѣхъ, кто отступалъ отъ ученія Никейскаго собора. Всѣ еретики выключались изъ вселенской или *каѳолической* (по греческому произношенію *каѳолической*) церкви. У аріанъ, послѣдователей Арія, были отобраны церкви; ихъ богослуженіе было объявлено святотатствомъ. Амвросій требовалъ, чтобы власть императора служила орудіемъ епископскихъ рѣшеній. Въ дѣлахъ совѣсти, училъ онъ, духовенство судитъ самого императора. Онъ самъ далъ примѣръ такого суда.

Въ большомъ греческомъ городѣ Ѳессаликѣ народъ убилъ императорскаго сановника. Ѳеодосій, страшно разгнѣванный, велѣлъ загнать народъ въ циркъ, гдѣ и перебили виноватыхъ и невинныхъ. Когда Ѳеодосій послѣ этого явился въ Миланъ, Амвросій отлучилъ его за кровавое дѣло отъ церкви. Ѳеодосій долженъ былъ передъ всѣми принести покаяніе.

Язычество. Въ заброшенныхъ или отдаленныхъ углахъ и на границѣ сохранялись долго старинные обряды. Здѣсь люди молились еще по-своему, на своемъ старинномъ языкѣ, между тѣмъ какъ христіанская проповѣдь и христіанское богослуженіе происходили на языкахъ двухъ образованныхъ народовъ, латинскомъ — въ западной половинѣ и греческомъ — въ восточной.

Но среди множества людей, считавшихся теперь христіанами, много было такихъ, которые почти не понимали новаго ученія. Простой народъ сходился часто къ прежнему зданію храма, въ прежній день праздника и ярмарки и едва вникалъ въ перемѣну, которая тутъ произошла. Старыя гаданія, обряды изгнанія злыхъ духовъ были еще въ полномъ ходу; простой человѣкъ часто готовъ былъ за ними обратиться къ священнику. Христіанской проповѣди открывалось много дѣла, чтобы смягчить эти нравы. Но время было очень тяжелое и тревожное. Надвигались все большими массами варвары. Одичаніе не уменьшалось, а росло.

XII.

Варвары на западѣ. 400—700 гг. по Р. Х.

Нашествіе варваровъ, около 400 года. Иллирійскіе императоры, начиная съ Діоклетіана и Константина, загородили сѣверную границу на сто лѣтъ. Теперь двинулись новыя толпы варваровъ. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ Константина племя готовъ, жившее на Нижнемъ Дунаѣ, было сбито съ мѣста кочевниками черноморскихъ степей и въ большомъ числѣ перешло Дунай: римляне уступили готамъ земли на Балканскомъ полуостровѣ и обѣщались прокормить ихъ на первое время, съ условіемъ, чтобы готы служили военной подмогой. Хлѣбъ однако не былъ доставленъ готамъ; съ голоду они стали продавать въ рабство женъ и дѣтей; наконецъ, бросились жестоко грабить кругомъ, ничего не оставляя, «кромѣ неба и земли».

Ѳеодосій разбилъ готовъ и заставилъ ихъ спокойно сѣсть по мѣстамъ. Но Ѳеодосій былъ послѣднимъ императоромъ, который держалъ варваровъ въ страхѣ. Онъ послѣдній правилъ всей имперіей въ ея прежнемъ протяженіи. Послѣ его смерти (въ 395 г.) въ западной, римской, и въ восточной, греческой, половинѣ были свои императоры. Вслѣдъ за его смертью варвары стали все больше заполнять собою западную половину и забирать одну за другой ея области.

Впереди всѣхъ шли *западные готы* (вестготы). Они подняли на щитѣ молодого Алариха и двинулись съ нимъ на Италію. Страну защищалъ уже не римлянинъ, а варваръ на римской службѣ, Стилихонъ, и войска его были по большей части изъ пограничныхъ варваровъ. Чтобы найти силу отбить Алариха, онъ долженъ былъ отозвать легіоны изъ Британіи и отдать ее на произволъ судьбы. Туземное населеніе Италіи не могло обороняться.

Добравшись до Рима, Аларихъ потребовалъ выкупа въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ фунтовъ золота и серебра, груза перца, шелковыхъ рубашекъ и выкрашенныхъ въ красную краску овечьихъ шкуръ для лучшихъ своихъ воиновъ. Ночью, въ грозу, готы Алариха съ дикими криками ворвались въ Римъ. Трое сутокъ они жгли и грабили городъ, срывали со стѣнъ дворцовъ украшенія и ткани, ломали драгоцѣнныя старинныя статуи боговъ и дорогую утварь христіанскихъ базиликъ (410 г.).

Государство Божіе. Это было неслыханное дѣло. Пожаръ и захватъ вѣчнаго города, главы вселенной, предвѣщалъ, въ глазахъ людей того времени, близкую кончину міра. Встрепенулись сторонники старой вѣры:

во время осады Рима готами они обращались къ гадателямъ. Въ разореніи города они видѣли месть покинутыхъ старыхъ боговъ. По убѣжденію христіанъ, напротивъ, городъ погибъ потому, что въ немъ еще слишкомъ много скрывалось грѣха и ложной вѣры. Многимъ казалось, что великій судъ Божій совершился на землѣ: «факелъ міра потухъ, и въ одномъ поверженномъ городѣ погибаетъ весь родъ человѣческій».

Подъ впечатлѣніемъ взятія Рима африканскій епископъ Августинъ написалъ книгу *о государствѣ Божіемъ*. Онъ отрекался здѣсь отъ всей римской старины, отъ всего, что римляне считали дорогимъ и славнымъ. Онъ говорилъ, что добродѣтели и великіе подвиги древнихъ людей—одна суета, гордость и насиліе. Римъ построенъ на крови: одинъ изъ братьевъ-основателей города убилъ другого. Кровопролитіемъ Римъ захватилъ себѣ всюду господство. Великіе завоеватели міра, Александръ, Сципіоны, были лишь великими разбойниками.

Всѣ государства земныя, говорилъ далѣе Августинъ, все, что сложено руками человѣческими, должно рушиться: все это держится на жадности и властолюбіи, на дурныхъ страстяхъ, внушенныхъ дьяволомъ. Но въ то же время одна община, одно государство будетъ расти и множиться,—государство Божіе. Это государство—церковь; его образуютъ святые на небѣ и вѣрующіе на землѣ. Его глава — Христосъ. Оно не прейдетъ вовѣки.

Варвары въ западной имперіи. 400—500 гг. Германскія племена стали проходить безпрепятственно по областямъ западной половины имперіи. Одно племя, *вандалы*, зашло даже черезъ Галлію и Испанію въ Африку и сѣло около Карѳагена; вандалы разбойничали на корабляхъ, и подвозъ хлѣба къ Риму съ моря кончился. Западные готы остановились по обѣ стороны Пиренейскихъ горъ. *Франки* двинулись отъ Рейна и заняли сѣверную Галлію до Сены. Въ Римѣ дѣлали видъ, будто уступаютъ варварамъ землю въ обмѣнъ за военную подмогу съ ихъ стороны. По обычаю помѣщики пускали ихъ на постой, какъ прежнихъ военныхъ поселенцевъ, отдавали имъ часть земли или часть урожая. Вождь германскаго племени состоялъ на римской службѣ и считался главнокомандующимъ своихъ германскихъ воиновъ; они называли его королемъ. Ему давали изъ Рима титулъ консула, патриція, присылали почетные знаки достоинства. Германцы плохо слушались римлянъ, презирали ихъ, но вѣрили, что служатъ великому Риму.

Черезъ 40 лѣтъ послѣ нашествія Алариха изъ степей южной Европы обрушилась черезъ Рейнъ на Галлію масса кочевниковъ *гунновъ*, которыхъ велъ Атилла, прозванный «бичомъ Божіимъ». Римляне описываютъ ихъ, какъ «звѣрей на двухъ ногахъ»; приземистые, широкоплечіе, съ огромными головами, они похожи на «деревянныхъ идоловъ,

которыхъ ставятъ на мостахъ»; они не знаютъ ни избъ, ни плуга, ни приправы, ни огня въ приготовленіи пищи. За ними тянутся ихъ стада и везутъ повозки, въ которыхъ сидятъ ихъ семьи. Они не умѣютъ сражаться пѣшіе, но точно приросли къ своимъ некрасивымъ лошадямъ. Въ бой бросаются они съ дикимъ ревомъ; въ рукопашной они бьются съ мечомъ въ одной рукѣ и арканомъ въ другой, чтобы запутать врага. Они, какъ звѣри, не понимаютъ, что прилично и честно.

Въ лагерѣ Атиллы было множество гадателей, которые сошлись съ разныхъ концовъ; но Атилла заставилъ слѣдовать за собой также одного плѣненнаго епископа, чтобы «святой человѣкъ принесъ счастье его войску». Готы и франки пришли на помощь римлянамъ противъ гунновъ. На равнинахъ восточной Галліи произошла большая битва (въ 451 г.); кочевники были отброшены назадъ, въ степи Венгріи.

Германцы сѣли въ деревняхъ и хуторахъ: имъ непривычна была городская жизнь. Большой каменный амфитеатръ въ городѣ Нимѣ, въ южной Галліи, готы обратили въ крѣпость. Германцевъ было меньше, чѣмъ туземцевъ. Но они были страшны воинской силой. Римляне жили среди нихъ, какъ среди непріятелей. Иные описываютъ длинноволосыхъ, нечесанныхъ людей съ оглушительно рѣзкими голосами, въ грязной оборванной одеждѣ, иногда едва прикрытыхъ короткимъ мѣховымъ плащомъ. Въ ѣдѣ и питьѣ они были страшно неумѣренны. Въ странѣ обработанныхъ полей и виноградниковъ они продолжали охотничью жизнь своихъ лѣсовъ: владѣльцы жаловались, что эти охоты совершенно ихъ разоряютъ Варвары грабили своихъ мирныхъ сосѣдей, залегали по большимъ дорогамъ съ копьями и мечами, чтобы напасть на тѣхъ, противъ кого затаили месть. Вездѣ искали они драгоцѣннаго металла: въ церквахъ похищали сосуды и плавили ихъ, рылись въ могилахъ, чтобы достать золото съ покойниковъ.

У западнаго императора остался только громкій титулъ. Въ самой Италіи распоряжались германскіе вожди. Восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти Ѳеодосія всѣ земли западной половины имперіи были подѣлены между германскими племенами. Туземное романское населеніе подчинилось германскимъ вождямъ. Римскія провинціи стали германскими королевствами.

Италія также обратилась въ германское королевство. Германцы, стоявшіе въ ней для защиты страны, захватили себѣ земли и объявили своего вождя королемъ (въ 476 г. по Р. Х.). На западѣ перестали выбирать императора. Остался одинъ римскій императоръ въ Константинополѣ; онъ и считался теперь владыкой міра. Но его слушался лишь греческій востокъ. Германскій король Италіи сидѣлъ не въ Римѣ, а въ Равеннѣ, крѣпости у Адріатическаго моря. Въ старой

столицѣ остался римскій епископъ; онъ считалъ себя какъ бы замѣстителемъ римскихъ государей.

Теодорихъ, около 500 г. Восточно-римскій императоръ старался вернуть захваченныя германцами западныя области. Но собственныхъ силъ у него не хватало: ему приходилось поднимать одни германскія племена противъ другихъ. Съ этою цѣлью онъ двинулъ на Италію сидѣвшихъ еще на Балканскомъ полуостровѣ *восточныхъ готовъ* (остготовъ) съ ихъ вождемъ Теодорихомъ.

Теодорихъ принялъ отъ императора титулъ консула, но сталъ самостоятельнымъ королемъ въ Италіи. Онъ провелъ молодость въ Константинополѣ и хотя не былъ грамотенъ, но чувствовалъ большое уваженіе къ знаніямъ и управленію римлянъ. Теодорихъ взялъ себѣ ученыхъ римскихъ совѣтниковъ; къ сенату въ Римѣ онъ обращался съ глубокопочтительными письмами. Свою дочь-наслѣдницу онъ велѣлъ обучить всей римской наукѣ. Теодорихъ старался, чтобы его готы стали во всемъ римлянами, и требовалъ, чтобы они платили подати и судились въ римскихъ судахъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы оставался старый грубый обычай рѣшать споры поединками. Къ одному сосѣднему германскому племени Теодорихъ послалъ искусно сдѣланные часы и отправилъ мастеровъ, чтобы варвары «узнали изобрѣтеніе древнихъ и покинули свой дикій образъ жизни».

Немного было между германцами людей, подобныхъ Теодориху. Большая часть ихъ была далека отъ того, чтобы цѣнить римское просвѣщеніе.

Германцы не соглашались платить подать: кто даетъ отъ своего урожая, тотъ, по ихъ взгляду, рабъ; свободный человѣкъ не обязанъ работать: его дѣло—война, и ему принадлежитъ то, что онъ захватилъ мечомъ. Они не хотѣли судиться въ римскихъ судахъ и по римскимъ законамъ. Германецъ не шелъ, напр., въ судъ жаловаться на грабежъ, а набиралъ лихихъ людей и летѣлъ за грабителемъ въ погоню, грозно крича по дорогѣ, чтобы ему не мѣшали расправиться. Когда германцы находили убитаго неизвѣстно кѣмъ, они не звали судью, чтобы дознаться, кто убійца; они совершали гаданье, ждали, что жертва сама покажетъ виновника. Для этого хоронили убитаго съ веревкой на шеѣ, черезъ нѣсколько дней его вырывали; люди околотка подходили по очереди, брали веревку и тащили трупъ по землѣ; виновный въ убійствѣ не могъ рѣшиться на такое испытаніе: всѣ вѣрили, что кровь выступитъ изъ ранъ убитаго, какъ только убійца тронетъ веревку.

Готы были мягче другихъ германцевъ: они дольше жили въ сосѣдствѣ римлянъ; среди нихъ за 150 лѣтъ до Теодориха прошла христіанская проповѣдь: они имѣли Библію на родномъ языкѣ. Но все же въ

нихъ много оставалось старой необузданности. Когда дочь Теодориха въ свою очередь отдала своего сына римскимъ учителямъ, готы зашумѣли, что молодому королю надо упражняться только въ оружіи. Притомъ готы не ладили съ туземнымъ итальянскимъ населеніемъ. Ихъ проповѣдники были аріане, а итальянцы стояли за своихъ католическихъ епископовъ; особенную силу имѣлъ римскій епископъ, который считался преемникомъ апостола Петра и управлялъ по всей Италіи огромными богатыми помѣстьями. Римскій епископъ сносился постоянно съ константинопольскимъ дворомъ и возбуждалъ итальянцевъ къ возстанію противъ господства готовъ.

Юстиніанъ, около 550 г. Послѣ смерти Теодориха восточно-римскій императоръ Юстиніанъ (527—565) отправилъ военныя силы, чтобы от-

Юстиніанъ отдаетъ земной поклонъ Христу, представленному въ видѣ царя.

воевать у готовъ Италію. Еще раньше онъ отнялъ у вандаловъ Африку и истребилъ все племя вандаловъ. Болѣе ста лѣтъ прожили они здѣсь, очень ослабѣли отъ непривычной роскоши, но остались одиноки въ своей новой родинѣ. Въ послѣдней борьбѣ всѣ оставшіеся въ живыхъ вандалы сбились вмѣстѣ въ одномъ укрѣпленномъ лагерѣ. Готы въ Италіи были также почти истреблены. Юстиніанъ могъ гордиться, что возстановилъ большую часть Римской имперіи; только крайній западъ—Галлія, Британія да Испанія—оставался въ рукахъ варваровъ.

Онъ велѣлъ собрать въ одинъ *Сводъ права* законы римскаго народа, указы римскихъ императоровъ и ученыя толкованія знаменитыхъ римскихъ юристовъ. Въ предисловіи къ собранію римскихъ законовъ было написано: «оружіе и законы образуютъ великую силу государства; родъ римлянъ превзошелъ въ томъ и другомъ всѣ остальные народы и возвысился надъ всѣми племенами; такъ было въ прошломъ, и, съ помощью Божіей, такъ будетъ во вѣки».

Однако отъ разоренія и одичанія нельзя было спасти страны имперіи. Войска Юстиніана были не лучше германцевъ: они набирались изъ варваровъ; впереди ѣхала дикая конница гунновъ; онъ посылалъ на западъ страшныхъ горцевъ съ Балкана или изъ Малой Азіи, кочевниковъ изъ черноморскихъ степей. Италія обезлюдѣла; плодородная Кампанія мѣстами обратилась въ пустыню. Въ Римѣ изъ милліоннаго населенія осталось не болѣе 50.000. Множество городовъ совсѣмъ исчезло. Школы стали закрываться, науку перестали цѣнить.

Но и въ восточной половинѣ, гдѣ не было германцевъ, росло огрубѣніе. На востокѣ другіе варварскіе народы пробивались черезъ границы, между ними дикіе въ то время *славяне*. По всему Балканскому полуострову для защиты отъ нихъ выстроены были большія крѣпости. Мало того: Константинополь и придегающую землю загородили длинной крѣпостной стѣной, которая шла отъ Мраморнаго моря къ Черному. Изъ варваровъ набирали войска, солдатскимъ семьямъ давали въ награду земли въ серединѣ имперіи. Старинное населеніе терялось среди пришельцевъ. Самъ Юстиніанъ былъ изъ славянской семьи въ Балканахъ; его вызвалъ съ родины его дядя, который былъ безграмотнымъ пастухомъ, поступилъ въ гвардію въ Константинополѣ, сталъ ея начальникомъ, а потомъ былъ выбранъ солдатами въ императоры.

Монашество. Отъ ужасовъ тогдашней жизни люди болѣе мягкіе и невоинственные старались уйти. Церковь открывала имъ свою защиту: церковный домъ былъ мѣстомъ убѣжища; варвары вѣрили, что гнѣвъ Божій поразитъ того, кто прольетъ кровь въ святомъ мѣстѣ. Церковь съ ея торжественнымъ богослуженіемъ, возвышенными словами была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ человѣкъ могъ отдохнуть отъ окружающаго насилія и грубости. Наконецъ, церковь обладала драгоцѣнностями и богатствами, которыя составлялись изъ приношеній и даровъ за упокой души; она могла выкупать отъ рабства плѣнныхъ и кормить людей, обнищавшихъ отъ разоренія. Одинъ епископъ приказалъ сбить топорами все золото и серебро со стѣнъ своей церкви, чтобы на вырученную сумму освободить захваченныхъ въ неволю и облегчить страданія голодающихъ У большихъ дорогъ устраивали госпитали для больныхъ и проѣзжихъ. Все, что осталось отъ знаній и умѣнья грековъ и римлянъ, сохранялось въ церкви.

Множество людей, чтобы спасти имущество, записывались на службу церкви, становились ея крѣпостными совершенно такъ же, какъ у крупныхъ «могучихъ» помѣщиковъ. Большинство этихъ *клириковъ*, т.-е. церковниковъ, были вовсе не духовныя лица; они даже не имѣли никакого дѣла въ церкви; это были только зависимые отъ церкви люди.

Но многіе уходили совсѣмъ отъ общества человѣческаго. Иные уда-

лялись въ совершенно безлюдныя мѣста, въ лѣса и на край пустыни, становились отшельниками, *монахами*. Другіе составляли тѣсный союзъ, *братію*, которая отдѣлялась отъ остальныхъ людей; члены такого общежитія, монастыря, имѣли все общее между собою. Многіе уходили такимъ образомъ изъ желанія спасти жизнь и имущество, многіе потому, что отчаивались спасти свою душу среди общаго грабительства, жестокости и разврата, наконецъ, нѣкоторые искали пріюта, чтобы заняться наукой.

Монахи и монашествующая братія думали найти спасеніе въ лишеніяхъ, въ отказѣ отъ того, чѣмъ упивались другіе. Были отшельники, которые запирались на всю жизнь въ тѣсныхъ темныхъ кельяхъ или

Юстиніанъ и его дворъ; направо духовныя лица; налѣво у воиновъ на щитѣ монограмма Христа (начальныя буквы Его имени).

никогда не сходили съ открытаго каменнаго помоста, несмотря на непогоду и палящее солнце (столпники).

Въ монастыряхъ не было такихъ самоистязаній, но братья ставили себѣ также тяжкія условія и сдерживали себя жестокими средствами: по одному старинному монастырскому правилу тотъ, кто забудетъ за трапезой отвѣтить аминь на благословеніе, долженъ получить 6 ударовъ, кто забудетъ молитву—25 ударовъ, кто опоздаетъ на молитву, долженъ пропѣть 50 псалмовъ или получить 50 ударовъ. Кто заговоритъ съ постороннимъ, получаетъ удары или долженъ нѣсколько дней поститься. Монахи должны были отказаться отъ семьи. Запрещалось, какъ грѣхъ, разговаривать съ женщинами; часто монахи упорно отказывались видѣться съ матерями и сестрами своими. Много крайности было въ этихъ

подвигахъ: иные монахи отъ сырости и холода въ своихъ кельяхъ, отъ чрезмѣрнаго поста, отъ тоски одиночества, отъ неумѣреннаго чтенія впадали въ глубокое уныніе или безуміе.

На толпу эти люди производили часто сильное впечатлѣніе. Къ полудикимъ франкамъ пришелъ столпникъ: онъ питался только малостью хлѣба и травъ и пилъ одну воду; зимой стужа мучила его до такой степени, что ногти выпадали у него со ступней, и ледъ висѣлъ на бородѣ. Но къ нему начали собираться язычники, видя его большую силу, и онъ сталъ имъ проповѣдовать про ничтожество ихъ боговъ.

Варвары презирали работу, не любили никакого порядка. Въ монастырскихъ правилахъ, напротивъ, внушался и трудъ, и точный распорядокъ. Св. Бенедиктъ, основавшій знаменитый монастырь *Монтекассино* въ горахъ Средней Италіи, строго распредѣлилъ день между ручной работой, чтеніемъ, обученіемъ и молитвой. Другой настоятель требовалъ отъ монаховъ работы до полнаго утомленія, такъ чтобы они засыпали на пути къ молитвѣ; они должны были вставать на работу рано, не выспавшись, и даже больныхъ братьевъ онъ заставлялъ молотить.

Франки. 500—700 гг. Гораздо болѣе еще, чѣмъ въ Италіи, огрубѣло населеніе въ Галліи. Здѣсь водворились самые свирѣпые и воинственные германцы, франки. Въ сѣверо-восточномъ углу Галліи они сѣли въ особенно большомъ числѣ, мѣстами сплошь. Страна стала называться по ихъ имени *Франціей*, и это названіе распространилось потомъ на всю землю до океана, Средиземнаго моря и Пиренейскихъ горъ.

Франки поражали своимъ способомъ боя. Они бросали во врага длинный двухсторонній топоръ, предварительно быстро завертѣвши его; въ небольшое ушко на боку была вдѣлана веревка, за которую можно было оттянуть топоръ назадъ, если онъ не достигалъ цѣли. Затѣмъ они бросали дротики, у которыхъ на наконечникѣ или рукояткѣ были крючки; дротикъ зацѣплялся за щитъ или доспѣхъ врага и, тащась по землѣ, тяжестью своей давилъ его; франкъ дѣлалъ скачокъ за своимъ оружіемъ, становился на его край ногой и пригибалъ противника. Римляне описываютъ огромный ростъ, сильные мускулы и своеобразную одежду этихъ воиновъ: вмѣсто шапокъ у нихъ медвѣжьи и буйволовы головы; ноги обтянуты конской кожей.

Франкскій вождь Хлодвигъ, современникъ Теодориха, захватилъ почти всю Галлію. Онъ принялъ со своимъ народомъ христіанство отъ католическаго епископа; но и самъ онъ, и его франки оставались дикими и суровыми людьми. Хлодвигъ умѣлъ одушевлять свой народъ, но онъ былъ хитеръ и жестокъ. У франковъ были еще другіе короли, кромѣ него: онъ ихъ устранилъ, подсылая тайныхъ убійцъ или подго-

варивая народъ къ возстанію: одинъ былъ убитъ за трусость, другого, старика, онъ предложилъ убить его сыну, а потомъ раздѣлался съ сыномъ, будто бы въ отмщеніе за отца. Подъ конецъ Хлодвигъ громко жаловался, что онъ одинокъ и не имѣетъ родства; но это была только уловка, чтобы узнать, не скрываются ли еще гдѣ-нибудь родственники, и убить ихъ.

По смерти Хлодвига страну раздѣлили его дѣти. Въ теченіе 300 лѣтъ короли у франковъ были лишь одной его семьи; они назывались *Меровинги*, т.-е. потомки сказочнаго Меровеха; за ними осталось старинное языческое преимущество — длинные, нестригшіеся волосы, въ которыхъ видѣли особую силу.

Меровинги дробили много разъ королевство по своему усмотрѣнію, мѣнялись владѣніями, отнимали ихъ другъ у друга. Они захватили прежнія императорскія помѣстья и много богатствъ, особенно въ церквахъ. Но они не имѣли прочныхъ столицъ и не жили въ городахъ. Они переѣзжали изъ одного большого помѣстья въ другое вмѣстѣ со своими многочисленными свитами, проживая въ каждомъ по два, три мѣсяца, пока не уничтожались всѣ заготовленные на мѣстѣ запасы. Въ этихъ помѣстьяхъ жили оружейники, кожевники, ткачи, работавшіе на короля, на его домъ и свиту; здѣсь были работницы, тонко вышивавшія одежды шелками и золотомъ, и тутъ же пряли ленъ и шерсть.

Торговля ослабѣла: только какія-нибудь диковинныя и рѣдкостныя вещи, драгоцѣнные камни, пряности, духи привозили съ моря сирійскіе и еврейскіе торговцы. Эти торговцы не имѣли лавокъ по городамъ: они были ходебщиками и перевозили товаръ на мулахъ или въ повозкахъ, отъ помѣстья къ помѣстью, отъ одной переправы къ другой. Съ упадкомъ торговли стало меньше свѣдѣній о другихъ краяхъ: только изрѣдка и случайно доходили теперь въ Галлію извѣстія, напримѣръ, о восточно-римскихъ областяхъ, о Греціи, Египтѣ. Западъ Европы точно оторвался отъ другихъ странъ. Люди перестали интересоваться остальнымъ міромъ.

Короли франковъ стали гораздо богаче и сильнѣе, чѣмъ были старые вожди у прежнихъ странствующихъ германскихъ племенъ. У нихъ кормилось, имъ служило множество людей германскаго и туземнаго, романскаго происхожденія. У любого помѣщика они могли захватить, что имъ нравилось. Но ихъ власть никакъ нельзя сравнить ни съ властью римскихъ императоровъ, ни съ властью современныхъ намъ европейскихъ государей.

Король не зналъ, что дѣлается въ разныхъ частяхъ страны: онъ не могъ заставить жителей платить ему подать. Споры и тяжбы рѣшались помимо него: въ каждомъ округѣ, который по старогерманскому

обычаю назывался *сотней*, народъ собирался на сходку подъ предсѣдательствомъ выборнаго сотника, а приговоръ составляли старѣйшины. Король не могъ самовольно собрать всѣхъ воиновъ и повести ихъ на войну. Общія дѣла попрежнему рѣшала большая сходка всѣхъ воиновъ. Они сходились разъ въ году весною; это *мартовское поле* было вмѣстѣ съ тѣмъ смотромъ ихъ оружія. Помимо согласія общей сходки, король могъ вести на войну только своихъ *лейдовъ* (Leute, люди). Это были его личные слуги или товарищи или отдавшіеся подъ его покровительство: онъ старался привлечь къ себѣ какъ можно больше такихъ людей, они либо кормились при его дворѣ, за его столомъ, либо получали изъ его помѣстій въ награду участки земли.

Большія помѣстья съ рабами и крѣпостными, какія были во время Римской имперіи, остались и теперь. Только нѣкоторые изъ романскихъ помѣщиковъ были согнаны франками. Самъ король со своимъ дворомъ жилъ какъ крупный помѣщикъ.

Судъ. Варвары принесли свои судебные обычаи. Въ случаѣ убійства родственникамъ позволялось мстить родству убійцы. Месть можно было замѣнить выкупомъ, но выкупъ не похожъ на нашъ штрафъ; часть его платилась судьѣ за трудъ, а часть шла родству потерпѣвшаго. Въ выкупѣ оцѣнивалась не человѣческая жизнь вообще, а важность или сила человѣка. За убитаго свободнаго надо заплатить больше, чѣмъ за раба; за германца больше, чѣмъ за туземца; за человѣка королевской свиты больше, чѣмъ за простого человѣка. Убійство епископа было оцѣнено такъ: надо сдѣлать свинцовую рубашку по росту убитаго; убійца платитъ родственникамъ убитаго, или королю, или народу столько золота, сколько вѣситъ эта рубашка. Поджигателя, вора, подкопавшагося подъ домъ, можно было убить безъ всякаго выкупа. За увѣчье, за отрубленіе руки, пальца, носа, уха, проколъ глаза и другія раны положены были точно вычисленныя суммы выкупа.

Спорныя дѣла рѣшались или поединкомъ на оружіи,—противники, какъ гласилъ обычай, «призывали Бога Творца, чтобы побѣда была на сторонѣ того, кто правъ»,—или споръ рѣшался состязаніемъ въ присягѣ; это значитъ, выигрывалъ тотъ изъ спорившихъ, кто приведетъ съ собою больше *соприсяжниковъ*, т.-е. людей, вмѣстѣ съ нимъ подъ присягою утверждающихъ то же самое, что и онъ.

Если подозрѣніе противъ обвиненнаго было сильно, ему предлагали очиститься. Это значило выдержать испытаніе, т.-е. или «прогуляться къ котелку», пронести котелъ съ кипящей водой въ голыхъ рукахъ, или продержать раскаленную полосу желѣза; если черезъ нѣсколько времени обжоговъ не было видно, обвиненнаго считали чистымъ; или нужно было проговорить безъ ошибки трудную присягу. Кто не вы-

держивалъ испытанія, считался осужденнымъ самимъ Богомъ; это былъ судъ Божій, или *ордаліи*.

Въ судѣ ничего не записывали. Грамотъ, документовъ не было: для того, чтобы скрѣпить покупку, передачу дома, земли, надо было сдѣлать какой-нибудь жестъ или поступокъ, похожій на передачу или заключавшій волшебство. Напримѣръ, король, даря деревню, бросалъ въ руки одаряемому солому. На всякомъ владѣніи, напримѣръ, въ домѣ надъ дверью вырѣзывали фигуру руки въ знакъ того, что владѣющій захватилъ его, положилъ на него руку. Покупатель большого имѣнія или виноградника отправлялся на мѣсто уплаты денегъ съ 12 взрослыми свидѣтелями и 12 мальчиками: мальчикамъ онъ давалъ пощечины и надиралъ уши, чтобы они помнили событіе и служили ему свидѣтелями покупки позже, когда подрастутъ.

Всѣ выкупы и штрафы опредѣлены были въ металлическихъ деньгахъ, въ солидахъ. Намъ теперь всего удобнѣе опредѣлять цѣну вещей въ рубляхъ и копейкахъ и сравнивать стоимость вещей по этой цѣнѣ, потому что мы постоянно продаемъ и покупаемъ. Варваръ мало или вовсе ничего не покупалъ, и ему было непривычно мѣрить цѣну солидомъ: онъ переводилъ для себя солидъ на другую мѣрку, которая ему была виднѣе: на овцу съ ягненкомъ, годовалаго или полуторагодовалаго быка и т. д.

Нравы. Не стало никакой общей охраны для народа. Самъ король былъ только главный воитель въ средѣ людей, жившихъ насиліемъ. Одинъ изъ королей велѣлъ своего сына, возставшаго противъ него, сжечь вмѣстѣ съ его женою и дѣтьми. Ничего не стоило подослать къ брату убійцъ, ворваться въ чужое владѣніе, ограбить церковь; убійцы настигали священниковъ и епископовъ въ церквахъ, у алтарей; короли прогоняли своихъ женъ, отнимали чужихъ, держали по нѣсколько женъ; они постоянно обманывали другъ друга и нарушали данное слово. На каждомъ шагу была какая-нибудь жестокость, истязаніе; одинъ знатный франкъ заставлялъ во время пира своихъ рабовъ держать факелы такъ близко къ тѣлу, что они спаливали себѣ ноги; если рабъ кричалъ или дергался, господинъ поднималъ надъ нимъ мечъ и вскрикивалъ отъ удовольствія.

Среди дикости и насилій германцевъ огрубѣли и туземные романскіе жители. Многіе участвовали въ грабежахъ. На службѣ у короля иной человѣкъ романскаго происхожденія позволялъ себѣ всякія насилія, разорялъ богатыхъ людей тяжбами, заковывалъ въ цѣпи священниковъ. Дикость захватила само духовенство. Одинъ епископъ велѣлъ спустить захваченнаго врага своего живьемъ въ могильный склепъ и положить его въ гробъ съ покойниками.

Но между духовными удержались чистые и стойкіе люди, возвышенные характеры. Таковъ былъ Григорій, епископъ въ городѣ Турѣ, оставившій подробный разсказъ о своемъ тяжеломъ времени. Безсовѣстный, страшный король Хильперикъ ничего не могъ съ нимъ сдѣлать ни запугиваніемъ, ни подкупомъ. Григорій не позволялъ нарушить церковное убѣжище; онъ смѣло заступился за другого епископа, когда король поднялъ противъ него ложное обвиненіе; съ достоинствомъ защищался онъ самъ, когда король обвинилъ его въ измѣнѣ, хотя король, чтобы устрашить Григорія, созвалъ для осужденія его соборъ епископовъ въ своемъ помѣстьѣ и привелъ своихъ воиновъ.

Ужасъ охватываетъ по временамъ этого справедливаго, добраго человѣка. Такъ много зла и неправды кругомъ, что онъ не знаетъ, чего и держаться; про самыя страшныя вещи онъ разсказываетъ спокойно, какъ про нѣчто привычное. Видимое дѣло, что близится конецъ міра, думаетъ онъ. Когда старится все на свѣтѣ, нечего сравнивать свое время съ прежнимъ, себя — съ прежними людьми. Григорій Турскій называетъ себя въ предисловіи къ своей книгѣ мужикомъ, ничего не понимающимъ въ словесности; онъ признается, что смѣшиваетъ по-латыни мужской и женскій родъ, падежи и предлоги, что онъ похожъ на быка, принявшагося танцовать.

Человѣкъ богатый, изъ семьи, цѣнившей просвѣщеніе, Григорій однако уже не могъ получить хорошаго образованія. Никто не могъ научить чистой латинской рѣчи. Римскіе поэты еще водились въ видѣ роскоши при дворахъ королей: они сочиняли свадебные гимны, привѣтствія. Но въ этихъ стихахъ было немного содержанія; это были скорѣе стихотворные фокусы: то стихи были написаны столбцами въ видѣ креста или топора, или такъ, что ихъ можно было читать и съ начала и съ конца, назадъ. Король Хильперикъ самъ сочинялъ стихи, рѣшалъ богословскіе вопросы, даже придумалъ для латинской азбуки, которая казалась ему недостаточной, три новыя буквы. Но это были капризы полуразвитого дикаря.

Даже въ церковный обиходъ вошли разные предразсудки и варварскіе обычаи. Къ Григорію Турскому подъ убѣжище могилы св. Мартина, почитавшагося апостоломъ Галліи, бѣжалъ отъ Хильперика его сынъ. Григорій позволилъ ему гадать на Писаніи о судьбѣ: послѣ нѣсколькихъ дней поста рѣшено было раскрыть Псалтырь и Евангеліе и искать отвѣта въ томъ мѣстѣ, которое попадется. Одному важному королевскому слугѣ епископъ не хотѣлъ давать св. причастія изъ-за его дико-развратной жизни. Наконецъ, на усиленныя просьбы пришедшаго епископъ далъ ему, въ видѣ испытанія, гостіи (освященнаго хлѣба): если онъ не умретъ на мѣстѣ, вкусивъ гостіи, это должно означать, что Богъ его про-

щаетъ. Такимъ образомъ церковное таинство было обращено въ ордалію.

Когда германцы слушали христіанскую проповѣдь, они по-своему представляли себѣ Христа: Онъ казался имъ могучимъ вождемъ во главѣ воинства святыхъ; такъ раньше они представляли себѣ языческаго бога войны, Водана. Принимая христіанство, Хлодвигъ думалъ, что идетъ въ дружину Христа, становится военнымъ слугой Его. Услыхавъ о страданіяхъ Христа, онъ грозно крикнулъ: «будь я тогда со своими франками, я бы отомстилъ за Него!» Варвары постоянно смѣшивали христіанскія таинства съ языческими жертвами. Когда собирались члены братскихъ союзовъ на вечернюю трапезу, они быстро забывались и переходили къ разгулу: неумѣренно пили, приводили для развлеченія плясуновъ, скомороховъ, медвѣдей и т. д.

Ирландскіе проповѣдники. Странные проповѣдники ходили между этими полудикими людьми. Это были ирландскіе монахи. Апостоломъ Ирландіи считался св. Патрикъ. Онъ былъ родомъ изъ богатой семьи въ Галліи; 17-ти лѣтъ онъ попалъ къ разбойникамъ и былъ проданъ рабомъ въ Ирландію. Ужасную жизнь испыталъ онъ, стужу и голодъ, спалъ на голой землѣ въ пещерѣ; среди дикихъ людей ему казалось, что онъ самъ одичалъ, сталъ послѣднимъ человѣкомъ. Только золотые сны спасали его: ему чудилось, онъ переносится въ другой свѣтлый Божій міръ; какой-то голосъ изъ глубины внушалъ ему: «до сихъ поръ ты плакалъ о себѣ; плачь теперь о другихъ, и ты увидишь солнце вѣчной жизни».

Патрикъ бѣжитъ изъ Ирландіи по внушенію того же голоса, учится въ монастырѣ Мартина Турскаго и возвращается проповѣдовать христіанство въ Ирландію. При дворѣ короля за него вступается пророчица Бригита, которая играетъ на гусляхъ и слагаетъ пѣсни на пирахъ. Она поетъ, что Патрикъ въ обладаніи чуднаго цвѣтка, спасающаго отъ смерти. Друиды и барды (пѣвцы) сначала противъ Патрика, но онъ привлекаетъ ихъ къ себѣ, и они обращаются въ проповѣдниковъ новаго ученія. Барды привѣшиваютъ арфы свои на кресты и «поютъ такъ сладко, что ангелы Божіи наклоняются съ неба, чтобы слушать ихъ».

Послѣдователи св. Патрика соединились въ монастырскія общины, и самые горячіе изъ нихъ двинулись на подвигъ проповѣди на материкъ. Особенно замѣчателенъ между ними былъ св. Колумбанъ, который провелъ жизнь въ странствованіи, прошелъ Галлію, проповѣдовалъ въ глубинѣ языческой Германіи, основалъ нѣсколько обителей, безстрашно обличалъ въ разгульной жизни франкскихъ королей и скончался въ итальянскомъ монастырѣ у Альпъ.

Многое, что было въ ходу у старинныхъ друидовъ, осталось и у этихъ проповѣдниковъ. Они гадали по звѣздамъ, чертили таинствен-

ные рисунки, искали отвѣтовъ въ игрѣ чиселъ. Чудной видъ имѣли они: съ длинными развѣвающимися волосами, опираясь на длинные посохи, съ кожанымъ мѣшкомъ и мѣхомъ для вина на спинѣ, по двое или въ священномъ числѣ двѣнадцати они проходили страну; они были татуированы, какъ волшебники, вѣки были окрашены красной краской, на лицѣ нарисованы были затѣйливыя фигуры; они носили съ собою восковыя дощечки и показывали на нихъ въ видѣ тайны искусство письма. Но у этихъ странныхъ проповѣдниковъ было много мужества, самоотверженія и горячей вѣры. Ихъ обычаи и пріемы помогали сблизиться съ скружавшими ихъ полудикими людьми и проникнуть къ сердцамъ ихъ.

Около 700 года послѣ Рождества Христова вся почти Европа вернулась къ быту, похожему на тотъ, который описывалъ Гомеръ. Понятія и вкусы опустились; вся жизнь стала бѣднѣе. Варвары заглушили своею дикостью образованныхъ людей. Опять сызнова надо было европейцамъ начинать учиться и улучшать свою жизнь.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000003009568